

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ
АВТОНОМНОЙ РЕСПУБЛИКИ КРЫМ
РЕСПУБЛИКАНСКОЕ ВЫСШЕЕ УЧЕБНОЕ ЗАВЕДЕНИЕ
«КРЫМСКИЙ ИНЖЕНЕРНО-ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ»

**УЧЕНЫЕ ЗАПИСКИ
КРЫМСКОГО ИНЖЕНЕРНО-ПЕДАГОГИЧЕСКОГО
УНИВЕРСИТЕТА**

Выпуск 23

ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

**Симферополь
2010**

Свидетельство о государственной регистрации печатного средства массовой информации
выдано Государственным комитетом телевидения и радиовещания Украины 12.01.2006 г.

Серия КВ № 10833.

*Друкується за рішенням Вченої ради Республіканського вищого навчального закладу
«Кримський інженерно-педагогічний університет». Протокол № 12 від 31.05.2010 р.*

Вчені записки Кримського інженерно-педагогічного університету. Випуск 23. Філологічні науки. – Сімферополь : НІЦ КІПУ, 2010. – 138 с.

У збірник вміщено статті по філології, підготовлені професорсько-викладацьким складом, науковцями, аспірантами, студентами університету, а також вченими інших вузів.

Для науковців, викладачів, аспірантів і студентів вищих навчальних закладів.

*Печатается по решению Ученого совета Республиканского высшего учебного заведения
«Крымский инженерно-педагогический университет». Протокол № 12 от 31.05.2010 г.*

Ученые записки Крымского инженерно-педагогического университета. Выпуск 23. Филологические науки. – Симферополь : НИЦ КИПУ, 2010. – 138 с.

В сборник включены статьи по филологии, подготовленные профессорско-преподавательским составом, научными работниками, аспирантами и студентами университета, а также учеными других вузов.

Для научных работников, преподавателей, аспирантов и студентов высших учебных заведений.

Редакционная коллегия:

Керимов И. А., д.ф.н., профессор (главный редактор);

Петрова Л. А., д.ф.н., доцент (зам. главного редактора);

Голосова Т. М., д.ф.н., профессор;

Орехова Л. А., д.ф.н., профессор;

Эмирова А. М., д.ф.н., профессор;

Фазылова А. Р. (ответственный редактор).

Статьи, принятые к печати, обязательно рецензируются редакционной коллегией.

СОДЕРЖАНИЕ

Раздел I. СТРУКТУРНО-СЕМАНТИЧЕСКОЕ ОПИСАНИЕ ЯЗЫКА

Аджимамбетова Г. Ш. Образование парных и повторных наречий в крымскотатарском языке	5
Велиева Э. А. Къырымтатар тилинде матбуат терминлерининь огренилюв меселеси	8
Ганиева Э. С. Крымскотатарская лингвистическая терминология в динамическом аспекте	11
Калугина Т. В. Валентность и синтаксические функции местоименно-союзных контаминантов	16
Рустемов О. Д. Вопросы графологии и внутрilingвистический конфликт крымскотатарской фонетики и орфоэпии	21
Шепель Ю. А. Морфологическая асимметрия и явление изоморфизма при построении словообразовательных рядов (на материале имен прилагательных современного русского литературного языка)	25

Раздел II. ПРОБЛЕМЫ РЕЧЕВОГО ДИСКУРСА

Адолина Л. В. Афористический текст как предмет когнитивного анализа	33
Бессонова Л. Ю., Гажала А. А. Національно-культурна специфіка невербальних одиниць у текстах українських весільних пісень кінця XIX століття	36
Бессонова Л. Е., Сегал Н. А. Культурно-языковые характеристики концепта <i>толерантность</i>	39
Жуйкова М. В. Номінація в контексті мовного антропоцентризму	43
Петрова Л. А. Эстетическая модальность художественной речи писателей-сатириков начала XX века	47
Сегал Н. А. Пространство в политическом тексте: модели структуризации	51
Федонюк В. Є. Мовна картина світу і типологія К. Г. Юнга	54
Хаджиоглова О. Г. Структура категорії «музичні інструменти» в концептосфері кримськотатарських та українських студентів: зіставний аспект	59

Раздел III. ТЕОРЕТИЧЕСКОЕ И ФУНКЦИОНАЛЬНОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ ИНОСТРАННЫХ ЯЗЫКОВ

Драганова Г. В. Категория залога в немецком и русском языках в сопоставительном плане	67
Евтихова И. М., Ильина Ю. В. Лексические особенности австрийского варианта немецкого языка	71
Корабліна З. Ю. Емпіричний компонент лексичного значення фітонімів у тлумачному словнику англійської мови	75
Попова С. Н. Грамматические типы новых реалий в стиле прессы и публицистики	81

Раздел IV. ПРОБЛЕМЫ ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЯ В КОНТЕКСТЕ МИРОВОЙ КУЛЬТУРЫ

Абдульвапов Н. Р. Биобиблиографические исследования османских авторов конца XIX – начала XX вв. как источник по истории крымскотатарской религиозно-суфийской литературы	85
Абрамова Е. Ю. Образ Чацкого в русской критике	91
Билык М. П. «Земля – подножие моё...»: образ крымских гор и перевалов в творчестве И. А. Бунина	93

Джапарова Э. К. Календарный цикл в мифопоэтическом мире Роберта Грейвса	98
Иванова Н. П. Оппозиция «человек – природа» в ментальном пространстве И. С. Тургенева	101
Керимов И. А. «Ветан хадими» газетасы (1906–1908): тарихи ве мундериджаты	106
Романов Ю. А. Отражение «подпольного» эстетизма в поэме «Великий инквизитор» из романа Ф. М. Достоевского «Братья Карамазовы»	112
Рустемова Л. А. Крымские мотивы в творчестве В. И. Даля	115
Селимова Л. Ш. Земаневий кырымтатар шириетинде варислик меселеси	119
Таймазова Л. Л. Поэтическое своеобразие пейзажа в мемуарах М. Волошина	125
Юферева О. В. Основні підходи до вивчення категорії «метажанр» у сучасному літературознавстві	128
Наши авторы	136

Раздел 1. СТРУКТУРНО-СЕМАНТИЧЕСКОЕ ОПИСАНИЕ ЯЗЫКА

УДК 811.512.145

Аджимамбетова Г. Ш.

ОБРАЗОВАНИЕ ПАРНЫХ И ПОВТОРНЫХ НАРЕЧИЙ В КРЫМСКОТАТАРСКОМ ЯЗЫКЕ

В статье рассматриваются словообразовательные особенности парных и повторных наречий в крымскотатарском языке.

Ключевые слова: сложные наречия, парные, повторные наречия.

У статті розглядаються словотвірні особливості парних та повторних прислівників у кримськотатарській мові.

Ключові слова: складні прислівники, корні, повторні прислівники.

Word-formative peculiarities of paired and repeated adverbs in Crimean Tatar language are considered in the article.

Key words: complex adverbs, repeated adverbs.

Постановка проблемы. В современном крымскотатарском языке есть большая группа наречий, образованных путём соединения двух или нескольких основ или при помощи удвоения основ. Такие группы образуют сложные наречия.

Анализ литературы. Изучению наречия были посвящены работы западноевропейских учёных, например, Р. Морриса, Г. Суита, О. Эмирсона и др. Они выдвигали морфологическую классификацию наречий с исторической точки зрения и пытались отразить связь наречий с другими частями речи.

С именами академика В. В. Виноградова и профессора Е. М. Галкиной-Федорук связана подробное исследование наречия в русском языкознании. Они впервые дают системное описание наречия как части речи [1; 2].

В последние годы большое внимание уделяется изучению наречий в современном украинском языке. В связи с этим различным аспектам исследования наречий в современном украинском языке посвящены научные работы И. К. Кучеренко [3], И. И. Ощипко [4] и др. Авторы немаловажную роль уделяют происхождению и способу образования наречий.

Изучение наречий в крымскотатарском языке начинается с начала XX века в арабографичной грамматике М. Абдулькадыра «Къаваид-и лисан тюркий» [5], в грамматике А. Н. Самойловича «Опыт краткой крымско-татарской грамматики» [6], в арабографичной грамматике Ш. Бекторе «Татарджа сарф, нахв» [7], в работах Б. Чобан-заде «Къырымтатар ильмий сарфы» [8], Э. А. Къуртмоллаева «Татар тилининъ грамматикасы» [9].

Цель статьи – рассмотреть структуру компонентов парных и повторных наречий в крымскотатарском языке.

Изложение основного материала. Слово-сложительные модели представляют собой устойчивые структурные схемы. «Все сложившиеся модели сложных слов, – отмечает А. А. Юлдашев, – обладают характером устойчивой грамматической формулы» [10, с. 191]. Они представляют сдвиги различной структуры. Чаще всего последним компонентом являются имя существительное, прилагательное, местоимение, причастие. Иногда им может быть и наречие. По своему происхождению сложное наречие есть застывшее словосочетание или группа слов, выражающая сопутствующий тому или иному явлению признак. Сложные наречия в основном относятся к наречиям места, времени, причины, цели и образуются на базе словосочетаний, которые выражают обстоятельственные отношения.

Образование сложных наречий в крымскотатарском языке происходит путем основосложения [11, с. 118]. Сущность заключается в образовании наречий посредством слияния различных основ, а также основ и служебных элементов языка. Обычно два компонента, представляющие собой единицы частей речи, органически сливаясь, претерпевая при этом различные взаимообусловленные фонетические изменения, образуют новое слово с единым наречным значением.

Таким образом образуются следующие разновидности сложных наречий: собственно сложные наречия; парные наречия; повторные наречия; составные наречия. В данном исследовании речь пойдет о двух типах сложных наречий, схожих между собой по структуре: парных и повторных.

Образование парных наречий. Наречия, образованные способом редупликации или удвоения основ, представляют собой парные сочета-

ния имён, наречий и других частей речи, лексически используемых для определения качества действия или состояния [12, с. 146]. Такие сочетания состоят из повторов одинаковых слов синонимичных или антонимичных основ; повторов, компоненты которых оформлены аффиксами местно-временных падежей. Составными компонентами парных наречий могут быть различные части речи: существительное, глагол, деепричастие, числительное, прилагательное, наречие, предикативное слово.

Образование парных наречий можно разделить на две группы.

1. Сочетание неповторяющихся основ в основном падеже:

а) сочетание синонимов, представляющих собой наречия или прилагательные: **агъыр-сабыр** 'медленно': *Артыкъ энди агъыр-сабыр, акъ сакъаллы кышы келе* [15, с. 29] (*Теперь уже медленно идёт белобородая зима*); **алель-аджеле** 'спешно, срочно': *Мектюплер алель-аджеле язылды* (*Письма писались спешно*); **ачыкъ-айдын** 'ясно, чётко'; **эсен-аман, аман-эсен** 'благополучно';

б) сочетание антонимов, имеющих одинаковое морфологическое оформление: **яз-кышы** 'зимой и летом'; **саба-акъшам** 'утром и вечером'; **гедже-куньдюз** 'днём и ночью': *Мусафир ичюн о гедже-куньдюз чальшыр* [13, с. 118] (*Ради гостей он будет работать днём и ночью*); **эрте-кеч** 'рано или поздно': *Эрте-кеч илле ёлдан чыкъаджакъ, яхут бир шейге барып уруладжакъ* [14, с. 198] (*Рано или поздно он непременно уйдёт с дороги или ударится обо что-то*); **аз-чокъ** 'много или мало'; **язын-кышышын** 'зимой и летом'.

Интересен тот факт, что при переводе парных наречий на русский язык в большинстве случаев второй компонент наречия становится первым: **гедже** 'ночью', **куньдюз** 'днём' → **гедже-куньдюз** 'днём и ночью'; **яз** 'летом', **кышы** 'зимой' → **яз-кышы** 'зимой и летом'.

2) Сочетание неповторяющихся основ в косвенных падежах:

а) оба компонента имеют аффиксы направительного падежа: **онъгъа-солгъа** 'влево-вправо': *Мен бахытсыз макъсадымны больмесем, джуйрюк атым онъгъа-солгъа бургъанда* (*Если я не смогу осуществить свою несчастливую цель, то моя быстроходная лошадь будет метаться влево-вправо*);

б) оба компонента имеют аффиксы местного падежа: **арада-сырада** 'иногда': *Арада-сырада бираз вааз ве насиаттан башкъа ич бир шей истемез эди* [14, с. 44] (*Иногда, кроме немногих обещаний и наставлений, он ничего не требовал*).

Образование повторных наречий. Повтор компонентов наречий усиливает признак наречий, выражает интенсивность качества выражаемого глаголом действия:

Образование повторных наречий можно разделить на несколько групп.

1) Наречия-повторы, образованные от основ, имеющих одинаковое морфологическое оформление: **тез-тез** 'быстро-быстро'; **яваши-яваши** 'очень медленно'; **серт-серт** 'сурово'; **джорта-джорта** 'рысцой'; **агъыр-агъыр** 'очень тяжело': *Андаки булутлар авада агъыр-агъыр ялдап, денъизге таба джылыша* [14, с. 126] (*Те облака, тяжело плавая в воздухе, передвигаются в сторону моря*); **енгиль-енгиль** 'легко, легко-ненько'; **бирер-бирер** 'по одному, по очереди': *Кетирген къойларыны бирер-бирер анда сокъын соялар* [14, с. 130] (*Там по-одному режут баранов, которых они принесли*); **сыкъ-сыкъ** 'часто-часто'; **тосат-тосат** 'временами': *Тосат-тосат талгъын елмен, алтын ашлыкъ шувулдай* [15, с. 20] (*Временами тихим ветром колыхается золотая пшеница*); **япалакъ-япалакъ** 'хлопьями'; **акъырын-акъырын** 'медленно-медленно'; **шенъ-шенъ** 'радостно'; **бирилей-бирилей** 'по-одному'; **кескин-кескин** 'злобно'; **сербест-сербест** 'свободно'; **къат-къат** 'слоями'; **дане-дане** 'по-одному'; **адым-адым** 'шаг за шагом'; **окюр-окюр** 'навзрыд': *Онъа бираз бакъып тургъан сонъ, бойнуна сарылып окюр-окюр агълады* [14, с. 127] (*Немного посмотрев на него, она стала плакать навзрыд, повиснув на его шее*).

2) Наречия-повторы, образованные от двух основ, одна из которых фонетически видоизменяется и служит для усиления, интенсификации наречного значения: **къан-къара** 'черным-черно'; **бом-боиш** 'совершенно пусто'; **еп-енгиль** 'легонько'; **доп-догъру** 'прямым'; **ара-сыра** 'иногда': *О, ара-сыра башыны котерип пенд-жереден бакъа, динълене, сонъ, кене ята* [14, с. 30] (*Он, иногда подымая голову, смотрит из окна, вслушивается, после снова ложится*); **алпан-толпан** 'кое-как': *Къаранлыкъта айванны алпан-толпан юрсете* [15, с. 22] (*В темноте он кое-как ведёт животное*); **тип-тирилен** 'вживую'; **бус-бутюн** 'полностью': *Бадам энди койден бус-бутюн къайтып кельди* [14, с. 72] (*Отец полностью вернулся из села*); **бетме-бет** 'лицом к лицу': *Коръмек истеп Темирнен енгесини бетме-бет* [15, с. 97] (*Хочет увидеть невестку и Темира лицом к лицу*); **рыкъма-рыкъ** 'до отказа': *Зал рыкъма-рыкъ толу* [14, с. 62] (*Зал полон до отказа*); **кет-кете** 'постепенно' и т. д.

3) Наречия-повторы, образованные путём повтора слов, имеющих различное морфологическое оформление. Именные компоненты во

второй части оформлены падежными аффиксами:

а) аффикс направительного падежа: **кунь-куньге** 'изо дня в день'; **козь-козьге** 'с глаза на глаз'; **ер-ерине** 'по местам'; **о якъ - бу якъкъа** 'туда-сюда': *О, о якъ - бу якъкъа бакъты, стол янында тургъан скемлеге отурды* [14, с. 59] (*Он посмотрел туда-сюда, сел на стул, стоявший рядом со столом*);

б) аффикс местного падежа: **вакътлы-вакътында** 'современно': **Вакътлы-вакътында** эв ишлерини эте, чамашыр джува ве **вакътлы-вакътында** эллерини майлап, анасынъ сувукъ аякъларыны къыздыра [14, с. 31] (*Своевременно выполняет домашнюю работу, стирает, вовремя согревает холодные мамыны ноги*); **вакъты-вакътында** 'вовремя';

в) аффикс исходного падежа: **кунь-куньден** 'изо дня в день': **Кунь-куньден** юкъудан эртелеп тура [15, с. 22] (*День ото дня просыпается всё раньше и раньше*); **йыл-йылдан** 'из года в год'; **эвель-эвельден** 'с давних пор': **Эвель-эвельден шай олып кельген, шай да кете эди** [14, с. 93] (*С давних пор так оно шло, так оно и идёт*);

г) аффикс инструментального падежа: **зар-зорнен** 'еле-эле'.

4) Наречия-повторы, где первый компонент оформлен формой исходного падежа, а второй – формой направительного падежа: **йылдан-йылгъа** 'из года в год'; **куньден-куньге** 'изо дня в день': **Куньден-куньге** юреги ашыкъ отуна къабынып, эш-достларнен котере эки башлы тола эв [15, с. 46] (*Изо дня в день его сердце наполняется любовью, и они с друзьями строят двуглавый каменный дом*); **бойдан-бойгъа** 'во всю длину': **Онынъ кокнен къошулгъан еринде аз кемерли бир сызыкъ бойдан-бойгъа** созулгъан [14, с. 92] (*В месте, где он пересекался с небом, во всю длину протянулась слегка дугообразная линия*); **боштан-бошкъа** 'впустую'; **бирден-бирге** 'внезапно': **Бирден-бирге** къулагъыма «Хатидже Шабанова» фамилиясы чалынды [14, с. 62] (*Внезапно я услышал фамилию «Хатидже Шабанова»*).

5) Наречия-повторы, где первый компонент оформлен формой исходного падежа: **йылдан-йыл** 'из года в год'; **догърудан-догъру** 'точно без изменения': **Русча терминлер къырымтатарджагъа догърудан-догъру терджиме этиле** (С русского на крымскотатарский термины переводятся точно без изменения).

Выводы. В крымскотатарском языке парные и повторные наречия образуются синтаксическим способом.

Парные наречия состоят из неповторяющихся основ в основном падеже (*ачыкъ-айдын,*

агъыр-сабыр) и неповторяющихся основ в косвенных падежах (*арада-сырада, онъгъа-солгъа*).

В повторных наречиях можно выделить основы, имеющие одинаковое морфологическое оформление (*тез-тез, сыкъ-сыкъ*) и основы, имеющие различное фонетическое (*къап-къара, ара-сыра*) и морфологическое оформление (*бирден-бирге, догърудан-догъру*).

Следует отметить, что в крымскотатарском языке повторные наречия встречаются чаще, чем парные.

ЛИТЕРАТУРА

1. Виноградов В. В. Русский язык / В. В. Виноградов. – [3-е изд., испр.]. – М. : Высшая школа, 1986. – 639 с.
2. Галкина-Федорук Е. М. Наречие в современном русском языке / Е. М. Галкина-Федорук. – М. : Учпедгиз, 1939. – 138 с.
3. Кучеренко И. К. Класифікація прислівників за значенням / И. К. Кучеренко // Укр. мова в школі. – 1954. – № 6. – С. 3–10.
4. Ощипко И. Й. Семантична структура предикативних прислівників / И. Й. Ощипко // Вісник Львівського ун-ту. – Львів, 1991. – Вип. 21. – С. 59–63. – (Серія філологічна).
5. Абдулькадыр М. Къаваид-и лисан-и тюркий (Правила тюркского языка) / М. Абдулькадыр. – Бахчисарай : Терджиман, 1914. – 69 с.
6. Самойлович А. Н. Опыт краткой крымскотатарской грамматики / А. Н. Самойлович. – Петроград : Репринт изд-во, 1916. – 104 с.
7. Бекторе Ш. Татарджа сарф, нахв / Шефкъий Бекторе. – Тотайкой : Татар окъув ишлери, 1923. – 113 с.
8. Чобан-заде Б. Къырымтатар ильмий сарфы / Бекир Чобан-заде. – Акъмесджит : Кърымдевнешр, 1925. – 187 с.
9. Къуртмоллаев Э. А. Татар тилининъ грамматикасы. I къысым. Фонетика ве морфология / Э. А. Къуртмоллаев. – Кърым АССР : Девлет нешриятъ, 1940. – 212 с.
10. Юлдашев А. А. Принципы составления тюркско-русских словарей / А. А. Юлдашев. – М. : Наука, 1972. – 240 с.
11. Ганиев Ф. Г. Образование сложных слов в татарском языке / Ф. Г. Ганиев. – М. : Наука, 1982. – 150 с.
12. Меметов А. М. Крымтатарский язык : в 2-х ч. – Ч. 2 : Морфология / А. М. Меметов, К. Мусаев. – Симферополь : Крымское учебно-педагогическое государственное издательство, 2003. – 288 с.
13. Алядин Ш. Иблисинъ зияфетине давет / Шамиль Алядин. – Ташкент : Гъафур Гъулам адына эдебиет ве санъат нешриятъ, 1979. – 216 с.
14. Ипчи У. Икяелер / Умер Ипчи. – Ташкент : Гъафур Гъулам адына эдебиет ве санъат нешриятъ, 1972. – 207 с.
15. Шемъи-заде Э. Козьяш дивар / Эшреф Шемъи-заде. – Акъмесджит : Таврия, 1993. – 128 с.

КЪЫРЫМТАТАР ТИЛИНДЕ МАТБУАТ ТЕРМИНЛЕРИНИНЪ ОГРЕНИЛЮВ МЕСЕЛЕСИ

Кримськотатарська журналістика налічує більш ніж вікову історію, проте спеціальна термінологія, яка використовується у цій галузі, до цього часу не була предметом серйозних наукових досліджень. У статті аналізуються різні аспекти даного питання: 1) проблема вивчення журналістської термінології в кримськотатарській мові; 2) шляхи розвитку цієї галузі національного мовознавства.

Ключові слова: кримськотатарська журналістика, термінологія журналістики, національні ЗМІ, термінологічний словник, журналістська лексика, публіцистичний стиль.

Крымскотатарская журналистика насчитывает более чем вековую историю, однако специальная терминология, которая используется в данной области, до сих пор не была предметом серьезных научных исследований. В статье анализируются различные аспекты данного вопроса: 1) проблема изучения журналистской терминологии в крымскотатарском языке; 2) пути развития данной области национального языкознания.

Ключевые слова: крымскотатарская журналистика, терминология журналистики, национальные СМИ, терминологический словарь, журналистская лексика, публицистический стиль.

Crimean Tatar journalism has more than a century old history but special terminology used in that field has never been a subject of serious research. In this article different aspects of the problem are investigated: 1) problem of learning journalism terminology in Crimean Tatar language; 2) the ways of further development this branch of national linguistics.

Key words: Crimean Tatar journalism, journalism terminology, national mass media, a dictionary of terminology, journalism vocabulary, publicistic style.

Меселенинъ къоюлувы. Янъы технологияларнынъ гурьдели илерилеви мунасебетинен 20-нджи асырнынъ экинджи ярысында алимлери янъы «информацион джемиети» назарисини огге сюрдилер [1]. Бу девирде матбуат, радио, телевидение, сонъки йылларда исе – электрон неширлернинъ ролю арта. Журналистика айры статускъа малик олып, джемиетнинъ ичтимаий аятындаки энъ эмиетли адиселерни ве тиль инкишафы саасындаки земаневий тенденцияларны акс эттире. Бу мунасебетнен кутълевий матбуат васталарынынъ иши кейфиетли олмасы ичюн махсус терминология системасынынъ чалышмасы лязим.

Эдебиятнынъ талили. Къырымтатар халкъы ватанына къайткъан сонъ ве бунынъ не-тиджесинде этник матбуатынынъ фааль илерилеви саесинде, 1980-нджи сенелернинъ сонъларында, къырымтатар тилинде журналистика терминлерининъ шекилленив проблемасы гъает актуаль олды. Авдет девиринде миллий терминология меселелери А. Эмирова [2], Э. Гъаниева [3; 4], И. Керимов [5] ве дигерлери тарафындан огренильди. Къырымтатар тилинде журналистика терминлери Э. Меметова [6], Р. Муедин [7; 8], Л. Селимоваларнынъ [9] ишлеринде талиль олунды. Лякин бу проблема джиддий ильмий араштырмаларны талап эте.

Макъаленинъ макъсады – къырымтатар тилинде журналистика терминологиясынынъ

огренильдини талиль этмек эм де миллий тильшынаслыкъ илимининъ бу саасынынъ инкишаф ёлуны бельгилемек.

Эсас малюматнынъ ачыкъланувы. Терминология системасынынъ шекилленив ильмий араштырмаларны отъкермек ве махсус лугъатларны азырлап нешир этмектен ибареттир. Филолог-алимлери берген малюматларына коре, ильки къырымтатар терминология лугъатларынынъ пейда олуву кечкен асырнынъ 30-нджи сенелерине аит. Миллий тильшынаслыкънынъ бу ёнелиши гурьдели инкишаф эткен шу девирде бир къач йыл девамьнда тиль, эдебият, математика, физика, джогърафия, химия, биология ве бир сыра дигер фенлер боюнджа ондан зияде терминология китаплары неширге азырланды [10]. Тильшынаслыкъ фенининъ бу ёнелишининъ илериде инкишаф этюви акъкъында сёз юрсетир экенмиз, миллий терминшынаслыкъ боюнджа эсерлер тек 1990-нджи сенелернинъ башында пейда олгъаныны къайд этмелидир. Дженк эм де къырымтатар халкъынынъ сюрюн этилюви илимининъ токътап къалувына себепчи олдылар. 1991–1994 сенелери дженктен эвель азырлангъан лугъатлар ишленип гъайрыдан дердж этильдир [11]. Корюмли филолог У. Куркчининъ, ондан да гъайры земаневий алимлери лингвистик терминология боюнджа эсерлери дюнья юзюни корьди [12–15]. Бу сырада укьукъ, тыббият, диний, арбий лекси-

каны кьаплап алгъан лугъатларнынъ кьайд этиловини льяйкъ деп таныймыз [16–19]. Лякин бир асырдан зияде тарихкьа малик олгъан кьырымтатар журналистикасы боюнджа бу вакъыткъадже бир дане биле лугъат дердж этильмеди.

Филолог-алимлер дефаларджа бу меселени кунь тертибине кьойдылар. 1992 сенеси июнь 17–21 куньлери Акъмесджитте «Кърымтатар тили: латин элифбесине кечюв проблемалары» мевзусунда халкъара ильмий-амелий конференция отькерильди. Алимлер тарафындан янъы графиканен бир сырада терминология меселелери де музакере олунгъан эди. Ш. Асанов озь марузасында бутюн сааларгъа аит терминология лугъатларыны тертип этиов боюнджа ишни башламакъ кереклигини кьайд этти [20]. К. Мусаев, кьырымтатар терминшынаслыгъынынъ земаневий вазитини талиль этерек, бир кьач эсас меселе устюнде токъталды: 1) язма эдебий тили къулланылувынынъ даиресини ве онынъ хызмет этиов сааларынынъ имкянларыны кенишлетюв; 2) «саалар боюнджа термин системаларыны ишлеп чыкъув ве янъы терминлер яратув»; 3) эвельден мейдангъа кетирилген терминлер системаларыны мукеммеллештирюв; 4) терминлерни чешит аспектлерде огренюв: лингвистик, функциональ, мантыкъий, тарихий ве ил. [21]. Ильмий-амелий конференция резолюциясынынъ метнинде ашагъыдаки эсас вазифелерни чезе биледжек кьырымтатар терминологиясы боюнджа махсус комиссия мейдангъа кетирилювининъ зарурлыгъы кьайд этильди: «а) саалар боюнджа терминлер лугъатларыны ишлеп чыкъмакъ; б) терминлер банкыны мейдангъа кетирмек; в) терминлерден файдаланув узеринден незарет япмакъ» [22].

1997 сенеси Къырым девлет муэндислик-педагогика институтында (шимди – Къырым муэндислик-педагогика университети) миллий тильшынаслыкъ илимининъ тарихында ильки кере «Къырымтатар лугъатчылыгъынынъ актуаль меселелери» мевзусунда конференция отькерильди. Бу форумда такъдим этильген марузаларнынъ бириси толусынен терминлер меселесине багъышлангъан [23]. 2010 сенесининъ башында кьырымтатар тили, эдебияты, тарихы ве бедий медениетининъ ильмий-араштырув меркезинде етекчи филологларнынъ иштирагинен бир сыра топлашувлар олып кечти. Бу отурышларнынъ нетиджеси оларакъ комиссия тешкиль этип, кьырымтатар тилининъ умумий терминология лугъатыны мейдангъа кетирмек киби кьарар да кьабул олунды.

Махсус эдебияттан марум олгъан кутълевий матбуат васталарынынъ хадимлерине озь ишлеринде украиндже-къырымтатарджа, кьырымта-

тарджа-украиндже лугъаттан файдаланмаларыны тевсие этмек мумкюн. Мезкюр эсерде журналистика лексикасынынъ айры бир кьысымы бу фенге якъын олгъан филология ве информатикагъа аит болюклерде такъдим этильген [24].

1930-нджы сенелернинъ матбуатыны талиль эткен тедкъикъатчылар большевиклер сиясетининъ тесири алтында бир чокъ кьырымтатар терминлери ве адий сёзлер суный суретте рус эквивалентлерге денъиштирилгенини кьайд этелер [5, с. 138]. Бугуньки куньде кьырымтатарлар арасында экиллилик, яни билингвизм, адисеси кечкен асыргъа нисбетен кенишче такъдим олунмакъта. Инсанлар лакъырдыда рус, озьбек ве украин сёзлери эм де ибарелерини къулланалар [25]. Бу, кутълевий матбуат васталарында акс этильгени табиийдир, чюнки «журналистиканынъ тили джемиет тилининъ гъает джанлы нумюнесидир» [1].

Къырымтатар матбуатыны козьден кечирген мутехассыслар рус калькалары чокъ расткельгенини бильдирелер. Оларнынъ фикириндже, журналистлер «къырымтатарджа бир метн азырлагъанда рус тили нормаларына садыкъ къалмагъа ант эткен киби тырышалар». Л. Селимова тенкъидий макъалесинде джумле тизювде, сёзлер ве ибарелерни къулланувда кутълевий матбуат васталарынынъ хадимлери тарафындан энъ зияде ёл берильген хаталарны мисаль кетире [9]. Бундан гъайры, тюрк тилининъ тесири де сезиле. Месея, рус тилинден алынган *газета*, *проблема* сёзлери чокъусы *газет*, *проблем* шекилинде къулланылалар. Тедкъикъатчыларнынъ фикириндже, девирий матбуатта, радио ве телевидениеде сёзлернинъ лексик ве грамматик маналарынынъ янълыш ишлетилюви, айны лексемаларнынъ чешит-тюрюлю язылувы расткеле [26].

1990-нджы сенелернинъ башында бир сыра кутълевий информатив васталарында чешит-тюрюлю язылган алтмышкьа якъын сёзнинъ имлясы бир тертипке кетирилди ве бу джедвель матбуат саифелеринде ерлештирилди [27]. Амма бугуньге кьадар газета ве меджмуаларда бир сыра сёзлернинъ эки ве экиден зияде вариантынынъ параллель шекильде къулланылувына ёл бериле.

Журналистика терминологиясы бу вакъыткъадже ильмий джеэттен талильнинъ мустакъиль бир объекти олмады. Бир сыра эсерлер бу проблеманынъ айры тарафларыны акс этелер. Р. Муедин тенкъидий макъалесинде «Янъы дюнья» ве «Къырым» газеталарынынъ саифелеринде бир маналы сёзлер чешит-тюрюлю язылганыны косътерип, *муаррирует* сёзюни мисаль оларакъ кетире. Биринджи неширде *муаррирует*, экинчисинде – *муарует* варианты

ишлетиле [7, с. 156]. Озь невбетинде, С. Сулейман бу лексик бирдемликнинъ имлясыны онынъ этимологиясынъ багълай: *муарририет* сёзю *муаррир* исиминден келип чыкъа [28]. Бундан да гъайры, арап сёзюнден алынып, 'текст' манасында къулланылгъан *метн* – *метин* лексемалары устюнде мунакъшашалар алып барыла [8, с. 174; 28].

Къырымтатар тилинде морфологик усулнен сёз япылувыны огренген мутехассыслар бир сыра исимлер матбуатнынъ актив лексикасына аит олгъаныны къайд этелер [29, с. 66].

Журналистика терминологиясыннынъ умумий меселелери Э. Меметованынъ базы эсерлеринде бакъыла. «Къырымтатар тилининъ услубиети» китабында муэллиф публицистик услубининъ лексикасыны эки группагъа боле. Биринджисини газеталарнынъ тили, публицистиканынъ махсус терминологиясы, ондан да гъайры ичтимаий-сиясий терминлер тешкиль этелер. Эмоциональ ренкни ташыгъан лексика экинджи группагъа аит [30, с. 99–127]. Журналист къайсы публицистик жанрында чалышкъанына коре, материалларны берюв усулы эм де ишлетилген лексика да деньише. Тедкъикъатчы публицистиканынъ макъале, интервью, хроника, репортаж, рецензия, фельетон киби ве диг. жанрларыны козьден кечирип, «Янъы дюнья» эм де «Къырым» газеталарындан алынгъан макъалелернинъ парчаларыны мисаль кетире. Алимнинъ эсеринде земаневий къырымтатар кутълевий матбуат васталары тарафындан къуллангъан журналистика терминологиясы кениш суретте акс олуна: *газета*, *меджмуа*, *телейын*, *мухбир* ве ил.

Бойлеликнен, къырымтатар тилинде журналистика терминологиясы огренилювининъ талли миллий лингвистиканынъ бу ёнелиши аман-аман огренильмегини косьтере. Къырымтатар филологиясы саасындаки адиселерни козеткенде, журналистик терминологиянынъ илерилеви ичюн назарий джеэттен етерли дерджеде темель къоюлгъаныны корьмек мумкюн. Терминлер банкыны топламакъ, кутълевий матбуат васталары ичюн эвельден мейдангъа кетирилген махсус лексиканы мукеммеллештирмек ве, керек олгъан такъдирде, янъы сёзлерни ишлеп чыкъмакъ лязим.

Къырымтатар тилининъ латин элифбесине кечюви мунасебетинен янъы имля къаиделерининъ ишлеп чыкъылувы гъает актуаль меселе олмакъта.

Матбуат лисанны сакълап къалувда кучьлю факторлардан бирисидир. Бизим фикиримиздже, журналистика терминологиясы къырымтатар тили газета-публицистик услубининъ оптимизациясына хызмет эте билер.

КЪУЛЛАНЫЛГЪАН ЭДЕБИЯТ

1. Александрова О. В. Язык средств массовой информации как часть коллективного пространства общества [Электронный ресурс] / О. В. Александрова. – Режим доступа : evartist.narod.ru/text12/07.htm.
2. Эмирова А. М. Крымскотатарская филология: современное состояние и перспективы развития / Адиле Мемедовна Эмирова // Східний світ. – 2002. – № 1. – С. 74–79.
3. Ганиева Е. С. Кримськотатарська лінгвістична термінологія: історія та сучасний стан : автореф. дис. на здобуття наук. ступеня канд. філол. наук : спец. 10.02.13 «Мови народів Азії, Африки, аборигенних народів Америки та Австралії» / Еміне Сулейманівна Ганієва. – К., 2008. – 20 с.
4. Ганиева Э. Къырымтатар терминологиясыннынъ инкишаф ёллары / Эмине Ганиева // Ыылдыз. – 2009. – № 3. – С. 107–110.
5. Керим И. А. Къырымтатар тилинде табиий фенлер боюнджа дженктен эвельки базы неширлер / И. А. Керим // Ыылдыз. – 2007. – № 6. – С. 135–148.
6. Меметова Э. Къырымтатар тили системасында публицистика услубининъ туткъан ери ве хусусиетлери / Эдие Меметова // Ыылдыз. – 2005. – № 1. – С. 108–114.
7. Муедин Р. Аллах бизге акъыл-фикир берсин / Рустем Муедин // Ыылдыз. – 2007. – № 5. – С. 154–159.
8. Муедин Р. Дуам къабул олунмады / Рустем Муедин // Ыылдыз. – 2008. – № 6. – С. 173–178.
9. Селимова Л. Миллий телейынларымыз ве радиомызда энъ чокъ кечкен тиль хаталары / Леняра Селимова // Янъы дюнья. – 2008. – № 15. – С. 3.
10. Библиографический указатель печатных книг, статей и произведений на крымскотатарском языке: 1618–1944 гг. / [сост. И. А. Керим]. – Симферополь : Симферопольская городская типография, 2009. – 324 с.
11. Эмирова А. М. Крымскотатарская лексикография: современное состояние и перспективы развития / Адиле Мемедовна Эмирова // Культура народов Причерноморья. – Симферополь, 1998. – № 3. – С. 293–296.
12. Къырымтатар тили тильшынаслыкъ терминлерининъ лугъаты / [сост. А. Эмирова и др.]. – Симферополь : Сонат, 2001. – 64 с.
13. Къырымтатар тилинде русча къаршылыкълары иле грамматика терминлери лугъаты / [сост. У. О. Куркчи]. – Симферополь : РИА «Аян», 2008. – 64 с.
14. Къырымтатар тильшынаслыкъ терминлери ве металингвистик бирлемлерининъ лугъаты / [сост. Э. С. Ганиева]. – Симферополь : Къырымдевокъувпеднешир, 2008. – 84 с.
15. Тиллерге огретюв усулиетинден русча-украиндже-къырымтатарджа ыстылат лугъаты / [сост. Р. Р. Девлетов]. – Симферополь : Доля, 2003. – 175 с.
16. Внешняя и внутренняя лингвистика крымскотатарского языка: (терминология правовой сферы) / [сост. О. Д. Рустемов]. – К. : Общество «Знание» Украины, 2001. – 40 с.

17. Русско-крымскотатарский медицинский словарь / [сост. М. О. Люманов]. – Симферополь : Крымучпедгиз, 2006. – 520 с.
18. Словарь религиозных терминов, связанных с мусульманским вероучением / [сост. С. М. Усеинов]. – Симферополь : Тезис, 2009. – 124 с.
19. Русча-кырымджа арбий лугъат / [сост. М. О. Люманов]. – Симферополь : Кырымдевокъувпеднешир, 2008. – 320 с.
20. Асанов Ш. Лугъатчыларымызнынъ кечиктирильмейджек вазифелери акъкъында / Шевкет Асанов // Янъы дюнъя. – 1992. – № 26. – С. 6.
21. Мусаев К. Кырымтатар терминологиясы акъкъында / К. Мусаев // Янъы дюнъя. – 1992. – № 33. – С. 4.
22. Кырымтатар тили: латин элифбесине кечюв проблемалары боюнджа халкъара ильмий-амелий конференциянынъ резолюциясы // Янъы дюнъя. – 1992. – № 26. – С. 3.
23. Асанов Ш. Тилимиз – энъ кыйметли вариетимиз / Шевкет Асанов // Янъы дюнъя. – 1997. – № 48. – С. 4.
24. Українсько-кримськотатарський, кримськотатарсько-український словник термінології для загальноосвітніх навчальних закладів з навчання мовами національних меншин / [уклад. Л. С. Богдан та ін.]. – Чернівці : Букрек, 2009. – 512 с.
25. Селимова Л. Тюркий халкъларда экитиллилик (билингвизм) / Ленира Селимова // Йылдыз. – 2006. – № 6. – С. 129–142.
26. Тукътаров У. Баш муаррирлер къайда бакъалар, аджеба? / У. Тукътаров // Янъы дюнъя. – 2010. – № 12. – С. 6.
27. Акъмоллаев Э. Сёзлер тиль къанунлары ве имля къаиделерининъ принциплерине бойсунмалылар / Энвер Акъмоллаев // Йылдыз. – 1995. – № 1. – С. 175–178.
28. Сулейман С. Эдебий тиль – эбедий тиль / Сейран Сулейман // Янъы дюнъя. – 2004. – № 35. – С. 5.
29. Берберова Р. Кырымтатар ве рус тиллеринде чифт филь ве зарфларнынъ базы бир хусусиетлери / Ремзи Берберова // Йылдыз. – 2005. – № 3. – С. 55–68.
30. Меметова Э. Ш. Кырымтатар тилининъ услубиети (стилистика) / Эдие Шевкетовна Меметова. – Симферополь : Кырымдевокъувпеднешир, 2001. – 144 с.

УДК 811.512.145

Ганиева Э. С.

КРЫМСКОТАТАРСКАЯ ЛИНГВИСТИЧЕСКАЯ ТЕРМИНОЛОГИЯ В ДИНАМИЧЕСКОМ АСПЕКТЕ

У статті дається опис становлення кримськотатарської лінгвістическої термінології довоєнного періоду, а також вказані джерела, які можуть бути корисні при вивченні даної проблеми.

Ключові слова: термін, терміносистема, лінгвістичний термін, лінгвістична термінологія, заповнення, структурні типи термінологічних одиниць, термінологічний словник.

В статье дается описание становления крымскотатарской лингвистической терминологии довоенного периода, а также указан круг источников, которые могут быть полезны при изучении данной проблемы.

Ключевые слова: термин, терминсистема, лингвистический термин, лингвистическая терминология, заимствования, структурные типы терминологических единиц, терминологический словарь.

The article deals with the description of formation of crimeantatar linguistic terminology of pre-war period. Some references which would be useful while studying this problem have been suggested.

Key words: term, system of terms, linguistic term, linguistic terminology, loan word, the structural types of terminological units, terminological dictionary.

Постановка проблемы. Современное языкознание подвергает сомнению возможность адекватной характеристики синхронной системы языка без обращения к ее истории [1, с. 136]. Как отмечают исследователи, принцип историзма в методологии языкознания «предполагает преимущество, связь прошлого и настоящего, ибо новое в науке никогда не бывает отрицанием прошлого, а лишь существенным изменением, углублением и обобщением в соответствии с современным состоянием науки» [2, с. 3]. Именно диахроническое исследование позволяет понять, как сложилась данная языковая система.

Поэтому охарактеризовать современное состояние и выявить перспективы развития лингвистической терминологии крымскотатарского языка невозможно без оценки вклада, который внесли языковеды прошлого в развитие данной проблемы, и значения их концепции для науки в целом. Этим объясняется необходимость исторического экскурса – определения и изучения истоков лингвистической терминологии, основных этапов развития терминсистемы, характера языковой политики в тот или иной период.

Анализ литературы. По крымскотатарской научной, в том числе и языковедческой, терми-

нологии на сегодняшний день нет целостных исследований. Не изучены теоретические проблемы лингвистической терминологии, ее формирование и развитие, динамика данной терминосистемы. Существуют материалы Всекрымских языковых конференций 20–30 гг. XX в., на которых обсуждались принципы формирования крымскотатарской терминологии [3]. Отдельные вопросы затрагивались и освещались в работах Б. Чобан-заде [4; 5], а также в трудах современных крымскотатарских ученых А. М. Меметова [6, с. 22–29], А. М. Эмировой [7], К. А. Усеинова [8, с. 163–166], посвященных общим вопросам крымскотатарской научной терминологии. Однако теоретические проблемы лингвистической терминологии крымскотатарского языка, история ее становления, источники пополнения, способы образования терминов, закономерности дальнейшего развития и совершенствования данной терминосистемы до сих пор специально не исследованы.

Целью данной статьи является описание основных периодов развития крымскотатарской лингвистической терминологии до 40-х годов прошлого столетия, а также определение значения терминологических дискуссий 20–40 годов для развития крымскотатарской терминологии.

Изложение основного материала. Представляется, что в настоящее время базой для изучения данной проблемы могут служить такие общетюркские памятники письменности, как известный лингвистический труд Махмуда Кашгарского «Дивану Лугъати-т тюрк» («Собрание тюркских наречий») (годы написания – 1072–1083), в котором употребляются первые грамматические термины арабского и персидского происхождения [9, с. 17–18], старейший памятник крымскотатарского языка XIII века «Кодекс Куманикус», а также арабско-кыпчакские памятники мамлюкского Египта XIII–XV веков, в том числе и целый ряд словарей [10, с. 72–73]. Среди последних следует особо отметить известное произведение Абу-Хайяна¹, написанное в Каире в начале XIV в., «Китабу’-ль-идрак ли-лисану-ль атрак» («Книга знаний о языке тюрков»).

Необходимо указать, что данные памятники, рассматриваемые в тюркологической литературе как словари, содержали кроме словарной ещё и самостоятельную грамматическую часть. Так, в указанном труде Абу-Хайяна в таком разделе изложена авторская интерпретация основных положений лингвистики. Ученый выделяет три направления в изучении языка: наука о слове,

наука о флектировании, т. е. об изучении особенностей отдельных слов до слияния их в словосочетание, и наука о связной речи, т. е. об изучении особенностей словосочетаний. Автор обращает внимание и на закономерность зависимости фонетического варианта аффикса от фонетического характера корня слов в тюркском языке [11, с. 82].

В указанной работе, как и в других арабоязычных грамматиках тюркского языка того времени, исследование шло в одном направлении: от позиций готовой системы арабской грамматики к фактам тюркского языка и далее «к видоизменениям этой системы сообразно особенностям тюркского языка» [11, с. 84]. Естественно, что и лингвистические термины, употребленные в данных грамматиках, являлись арабскими заимствованиями. Например, в труде Абу-Хайяна при описании грамматических особенностей тюркского языка используются такие термины арабско-персидского происхождения, как *’илму-л-лугъат* ‘наука о слове’, *’илму-т-тасриф* ‘наука о флектировании’, *’илму-и-нахф* ‘наука о связной речи’ и др. [11, с. 82].

К сожалению, указанные труды до сих пор не изучены должным образом крымскотатарскими исследователями.

Грамматические термины встречаются и в лингвистических трудах известного ученого и поэта средневековья А. Навои. В его научном наследии представляет особый интерес трактат «Мухакамат ал-лугъатайн» («Суждение о двух языках»), в котором изложены взгляды исследователя на место тюркского языка в литературном творчестве [12, с. 143–154]. Основная цель труда – показать совершенство тюркского языка, практически ни в чем не уступающего персидскому. Ученый дает сведения о фонетике, лексикологии, словообразовании и морфологии тюркских языков, проводит интересные грамматические сопоставления [13].

Следует отметить, что поэтические и лингвистические труды А. Навои, а также его предшественников и современников, повысили интерес к чагатайскому языку у представителей многих народов тюркоязычного Востока. Появились различные словари, помогающие овладеть данным языком [14, с. 72–73]. Использование этих словарей затруднял арабский алфавит, который не отражал особенности фонетической системы тюркских языков. Для этого были введены специальные лингвистические термины, без понимания которых трудно было использовать восточные словари. Например, для правильной передачи фонетической структуры слова использовались термины *ишба*’ (для характеристики узких и широких гласных), *му’джам* и

¹ Полное имя – Абу-Хайян Мухаммед бине, Юсуф бине, Али бине, Юсуф бине, Хайян ал Гарнати (Ал-Андалузи).

мухмал (для указания на чтение и произношение согласных, различающихся диакритическими знаками при совпадении графической формы). [14, с. 71]. Изучение лингвистических терминов, употребленных в данных трудах, будет способствовать правильному чтению памятников письменности.

Заслуживают особого внимания лингвистические труды крымских ученых периода Крымского ханства. Подтверждением тому может служить научный труд известного крымского ученого XVII века Эбуль-Бека Мухибуддин Эйюба Кефеви (1619–1684) «Эль-Куллият» («Собрание») [15, с. 298], являющийся словарем терминов, которые использовались в мусульманских религиозных науках (хадисоведении, юриспруденции (фикх), богословии (калам), экзегетике (комментарии Корана), а также философии, логике и грамматике². О значимости этого труда и его популярности в научном мире свидетельствуют многократные издания словаря. В XIX–XX веках он был издан в общей сложности 10 раз: трижды – в Египте (1837; 1839; 1864–1865); дважды – в Стамбуле (1861–1862; 1869–1870); дважды – в Тегеране (1867–1868; 1869–1870); издание с критическими замечаниями в Дамаске (1975–1976; 1981–1982) и, наконец, совсем недавнее Бейрутское издание 1992–1993 гг. Из авторских комментариев выясняется, что при работе над словарем использовалось более 180 источников – классических произведений по исламским религиозным наукам, грамматике и риторике. И это далеко не единственный труд крымскотатарских авторов, в которых они касались лингвистических вопросов.

Появление таких исследований представляется естественным, поскольку арабская и возникшая на ее основе османская (турецкая) грамматика с разработанным терминологическим аппаратом занимали одно из наиболее важных мест в программе мусульманских, в том числе и крымских, медресе.

О значимости филологических наук в области просвещения периода Крымского ханства свидетельствуют многочисленные списки разного рода грамматических сочинений и словарей, сохранившиеся до наших дней, в частности, в собрании старопечатных рукописных книг Ханского дворца-музея. О содержании этой коллекции может дать представление описание ее фрагмента, переданного в 1976 г. в Государственную Публичную библиотеку им. М. Е. Сал-

² Это произведение стало темой докторской диссертации турецкого ученого М. Халиль-Чичека, защита которой состоялась в Турции в 1992 г.

тыкова-Щедрина в Ленинграде и опубликованного О. В. Васильевой и В. В. Лебедевым в статье «Бахчисарайское собрание восточных рукописей» [16].

Как отмечают авторы статьи, из 122 рукописей наибольшее количество (вслед за рукописями по фикху (мусульманское право) – 33 сочинения) относится к трудам по грамматике – 27 рукописей. «Это объясняется, – замечают авторы, – серьезным вниманием, уделявшимся фикху и грамматике в мусульманских училищах. Многие сочинения этих жанров представлены в собрании несколькими списками, что свидетельствует об их популярности» [16, с. 133–134].

В этой же статье дается описание некоторых произведений, среди которых хотелось бы отметить трактат крымского автора XVIII века Мухаммеда ибн Абду-рахима ибн Ибрахима ал-Кырыми, представляющий собой супракомментарий к комментарию Абд ал-Гафара ал-Лари к учебнику арабской грамматики великого таджикского поэта Абдурахмана Джами³ (год написания 1748).

Наличие такого количества лингвистически значимых трудов свидетельствует о существовании сложившихся лингвистических традиций в крымскотатарском языке уже в период Крымского ханства. Значимая часть этих трудов обнаружена исследователями в Рукописном отделе и Отделе литератур стран Азии и Африки Российской Национальной библиотеки (г. Санкт-Петербург) и опубликована в «Указателе рукописных и старопечатных книг, переданных в 1976 г. из Бахчисарайского историко-археологического музея в Государственную Публичную библиотеку им. М. Е. Салтыкова-Щедрина» [17, с. 88].

Следует выделить период конца XIX – начала XX вв., который условно назван периодом газеты «Герджиман» («Переводчик»), когда под началом великого просветителя и гуманиста И. Гаспринского началась реформа народного образования. И. Гаспринский и его единомышленники ввели новый метод в обучении – звуковой метод, при котором каждой букве алфавита соответствовал определенный звук. Для успешного внедрения этого метода просветитель создал ряд учебников и методических пособий, среди которых следует отметить учебник по грамматике родного языка «Сарф-и тюркий» («Тюркская грамматика») [18]. В этом учебном пособии, адресованном учителям и учащимся мектебе (начальная школа), кратко изложены сведения

³ Абдурахман Джами (1414–492) – известный поэт и мыслитель, написавший учебник по синтаксису арабского языка.

об основных частях речи (именах существительных, числительных, прилагательных и глаголах) и их грамматических категориях, даны общие сведения о членах предложения. Следует отметить, что «Сарф-и тюркий», как и другие арабографические труды этого периода, создавались под влиянием арабского языка. Как известно, вплоть до начала XX века в тюркских грамматиках в основном использовалась заимствованная арабская терминология.

Интересным материалом для исследования лингвистической терминологии, на наш взгляд, может стать и библиография к «Научной грамматике крымскотатарского языка» известного крымскотатарского ученого-тюрколога Б. Чобан-заде [4, с. 90]. В своей работе автор ссылается на источники, в которых можно найти сведения по тюркским грамматикам, написанным в конце XIX – начале XX вв. такими учеными, как М. Абдулкадыр, Хусейн Джахид, Мехмед Тевфик, Яхья-Наджи Байбуртлы, Шевкий Бекторе и др. К сожалению, научное наследие вышеуказанных авторов практически недоступно современному читателю, поскольку труды написаны арабским письмом и сохранились в считанных экземплярах.

Сложным этапом в развитии крымскотатарского языкознания являются 20–30-е годы XX в., когда произошла кардинальная переориентация в национальной культуре в целом, в том числе и в литературном языке. Арабская письменность была заменена на латинскую, а затем на кириллическую. Наряду с этим была реформирована и научная терминология.

На Всекрымских лингвистических конференциях (1927, 1928, 1929, 1934 гг.) и на I Всесоюзном тюркологическом съезде, состоявшемся в Баку в 1926 г., вопросы терминологии были особо актуальными. Видные тюркологи, деятели науки и просвещения пытались определить принципы образования научной терминологии в тюркских и, в частности, в крымскотатарском языках. По отношению к литературному языку в среде тюркоязычных ученых в этот период выделялось четыре основных течения, представители которых условно назывались панисламитами, европеизаторами, народниками и пантюркистами. Первые являлись сторонниками сохранения арабско-персидских терминов и дальнейшего пополнения лексики за счет заимствований из арабского языка; вторые придерживались идеи введения русских и европейских заимствований в язык; третьи считали необходимым создание терминов от корней народного языка, пусть даже искусственным способом; и, наконец, четвертые, в их числе Б. Чобан-заде и его сторонники, выступали за создание единой

научной терминологии для всех тюркских языков [19, с. 186].

В своем выступлении на I Тюркологическом съезде Б. Чобан-заде указывал на три основы для создания терминов в тюркских языках: общетюркскую, арабско-персидскую и европейскую. Для выработки унифицированного тюрко-татарского языка он предлагал создать общетюркское научное бюро, которое занималось бы изучением трудов классиков европейской филологии с целью использования этого опыта в тюркологии [19, с. 190–193].

Сторонники очистки языка от арабских и персидских заимствований считали необходимым оставить только такие научные термины арабско-персидского происхождения, которые выражали религиозные понятия. Однако на II Всекрымской научно-орфографической конференции было принято решение о полном изъятии из литературного языка арабских и персидских заимствований и запрете их использования в терминосистеме крымскотатарского языка [3, с. 54–55].

Шла борьба между сторонниками сохранения национальной культуры и специфических особенностей языка (Б. Чобан-заде, Ш. Бекторе, С. Айвазов, А. Лятиф-заде и др., которых в дальнейшем обвинили в пропаганде буржуазно-националистической идеологии) и сторонниками так называемой социалистической культуры, которые были ориентированы на русско-татарское двуязычие. Если на II Всекрымской конференции по крымскотатарскому языку были предложены такие основные пути дальнейшего пополнения терминосистемы крымскотатарского языка, как использование готовых лексических единиц родного языка, международных языковых единиц и арабско-персидских заимствований, уже освоенных языком, то к середине 30-х годов, когда языковая политика заметно изменилась, при разработке терминов особо подчеркивалась роль интернациональных слов и советизмов. Как отмечают исследователи, в этот период в крымскотатарский язык хлынул поток русских заимствований, в том числе словообразовательных моделей, калек и полукалек [20, с. 20].

Неразрывной частью борьбы, шедшей вокруг языка и языковой политики, были споры относительно грамматических терминов. Все дореволюционные грамматики были признаны грамматиками языка тюрко-татарской буржуазии и духовенства. Активно разрабатывались учебники и учебные пособия нового образца. Во вновь созданных учебниках и пособиях по крымскотатарскому языку арабско-персидские термины (кроме укоренившихся в языке) были

заменены словами общетюркского происхождения и заимствованиями из русского, и посредством русского, из других языков интернациональными словами, например: *сайт, саите – созукъ сес* (гласный звук), *сарф – грамматика, нахв – синтаксис* и др. В этот же период в крымскотатарский язык без учета его специфических особенностей были внедрены характерные для европейских языков словообразовательные аффиксы, например, *-изм, -логия, -ация, -ист: сингармонизм, фразеологизм; артикуляция, ассимиляция, классификация; лексикология, семасиология* и др.

В 30–40-х годах была издана серия терминологических словарей по различным дисциплинам – математике, физике, химии и др., в том числе и «Русско-татарский терминологический словарь по языку и языкознанию» (Тиль ве тиль бильгиси терминлери лугъаты) [21]. Количественный и качественный анализ терминов, зафиксированных в данном словаре, показывает следующее:

1. Словарь является двуязычным переводным словарем. Он содержит около 1,5 тысяч терминологических единиц.

2. Русские термины переведены на крымскотатарский язык следующими способами:

- заимствование готовых терминологических единиц международного фонда: *архаизм – архаизм, диалект – диалект, синоним – синоним, гармония гласных – созукъларнынъ гармониясы, диктант контрольный – контроль диктанты* и др.;
- калькирование: *двуязычие – эки тиллилик, взрывные согласные – патлайыджы тутукълар* и др.;
- использование общетюркской лексики: *определение – айырыджы, числительное – сайы* и др.

3. Термины, представленные в словаре, в основном охватывают такие теоретические области крымскотатарского языка, как фонетика и морфология, реже встречаются термины по лексикологии и синтаксису и практически отсутствует терминология фонологии и семасиологии (очевидно, вследствие неразработанности этих областей языкознания в тот период).

Термины, зафиксированные в вышеуказанном словаре, а также представленные в учебниках и пособиях по языку, изданных в 30–40-х годах, за небольшими изменениями (например: *надеж* в вышеуказанных изданиях – *ал*, в современном крт. – *келши; однокоренное слово – сёз кьорантасы*, в соврем. – *тамырдаш сёз* и др.) легли в основу современной крымскотатарской терминологии.

Таким образом, именно к этому периоду (30–40 годы XX в.) крымскотатарский научный

язык полностью отошел от прежних лингвистических традиций и стал ориентироваться на европейские и русские лингвистические теории.

В период Второй мировой войны и в годы депортации изучение проблем крымскотатарского языкознания, как и других проблем крымскотатарской культуры, было приостановлено. Возобновилась эта работа только в конце 60-х годов после создания в 1968 году отделения крымскотатарской филологии при Ташкентском государственном педагогическом институте им. Низами.

Выводы. Таким образом, лингвистическая терминология крымскотатарского языка является динамически развивающейся системой. Изучение процессов, происходивших в данной системе до 40-х годов XX столетия, может быть полезным при диахроническом исследовании научной терминологии в целом.

В развитии крымскотатарской лингвистической терминологии выделяются следующие периоды: 1) общетюркский период и период Крымского ханства (по 1783 г.); 2) период газеты «Терджиман» и культурно-просветительской деятельности ее издателя и редактора И. Гаспринского (1883–1918 гг.); 3) период реформирования крымскотатарского языка (20–40-е годы XX в.); 4) период 60–80-х гг. XX в.; 5) период стабилизации и совершенствования крымскотатарской лингвистической терминологии на современном этапе.

Первые два из указанных периодов можно назвать этапами стихийного развития терминологии, последующие – организационно-целенаправленного формирования, так как крымскотатарские ученые делали попытки решать проблемы научной терминологии на государственном уровне.

Для формирования крымскотатарской терминологии большое значение имели терминологические дискуссии 30–40 гг. XX столетия, которые заложили основу современной лингвистической терминосистемы языка.

ЛИТЕРАТУРА

1. Кубрякова Е. С. Диахрония / Е. С. Кубрякова // Лингвистический энциклопедический словарь. – М. : Большая Российская энциклопедия, 2002. – С. 136.
2. Березин Ф. М. История лингвистических учений / Ф. М. Березин. – М. : Высшая школа, 1975. – 304 с.
3. Тезисы, доклады и принятые резолюции II Всекрымской научно-орфографической конференции. – Симферополь : Крымгосиздат, 1929. – 56 с.
4. Чобан-заде Б. Къырымтатар ильмий сарфы / Бекир Чобан-заде ; [сост. А. М. Эмирова, Н. С. Сейтягъев ; под общей ред. А. М. Эмировой]. – Симферополь : Доля, 2003. – 240 с.

5. Чобан-заде Б. Тюрк грамери / Бекир Чобан-заде. – Баку : Азернешр, 1929. – 202 с. (лат. граф.)
6. Меметов А.М. Крымтатарский язык. Ч 1. Общие сведения о языке. Ч. 2. Морфология : учебное пособие / А. М. Меметов, К. Мусаев. – Симферополь : Крымучпедгиз, 2003. – 288 с.
7. Эмирова А. М. Актуальные проблемы крымскотатарской филологии / А. М. Эмирова // Східний світ. – 2002. – № 1. – С. 75–79.
8. Усеинов К. А. Къырымтатар тили. Фонетика. Лексикология / К. А. Усеинов, Э. С. Ганиева, Н. С. Сейдаметова. – Симферополь : СОНАТ, 2001. – 224 с.
9. Амансарыев Б. Лексико-семантическая и словообразовательная характеристика лингвистической терминологии туркменского языка : автореф. дис. на соискание ученой степ. канд. филол. наук : спец. 10.02.02 / Б. Амансарыев / Академия наук Туркменской ССР. – Ашхабад, 1986. – 25 с.
10. Баскаков Н. А. Введение в изучение тюркских языков / Н. А. Баскаков. – М. : Высшая школа, 1969. – 383 с.
11. Чайковская А. И. Об арабоязычных грамматиках старотюркского языка / А. И. Чайковская // Советская тюркология. – 1975. – № 6. – С. 77–84.
12. Насилов Д. М. Лингвистические взгляды Алишера Навои / Д. М. Насилов // История лингвистических учений. Средний восток. – Л. : Наука, 1981. – 298 с.
13. Навои А. Суждение о двух языках / Алишер Навои ; [пер. А. Мелеховой] // Навои А. Сочинения в десяти томах. – Т. 10. – Ташкент : Фан, 1970. – С. 107–139.
14. Кадыров Т. Ш. О трех лингвистических терминах словаря «Хуласа-йе Аббаси» Мухаммада Хувайи / Т. Ш. Кадыров // Советская тюркология. – 1985. – № 1. – С. 71–74.
15. Hulûsi Kilici. Ebûl-Bekâ el-Kefevi // Islâm Ansiklopedisi. Cilt 10. – Istanbul, 1994. – 560 s.
16. Васильева О. В. Бахчисарайское собрание восточных рукописей / О. В. Васильева, В. В. Лебедев // Источники по истории отечественной культуры в собраниях и архивах отдела рукописей и редких книг : сборник научных трудов / ГПБ. – Л., 1983. – С. 131–139.
17. Указатель рукописных и старопечатных книг, переданных в 1976 г. из Бахчисарайского историко-археологического музея в Государственную публичную библиотеку им. М. Е. Салтыкова-Щедрина / составление, вступительная статья, комментарии Н. Р. Абдульваапа. – Симферополь : Доля, 2007. – 160 с.
18. Гаспринский И. Сарф-и тюркий / Исмаил Гаспринский. – Бахчисарай : Изд-во типо-литогр. газ. «Терджиман», 1907. – 26 с.
19. Материалы I Всесоюзного тюркологического съезда. – Баку, 1926. – 431 с.
20. Рустемов О. Д. Внешняя и внутренняя лингвистика крымскотатарского языка (Терминология правовой сферы) / О. Д. Рустемов. – К. : Общество «Знание» Украины, 2001. – 40 с.
21. Борковский В. И. Тиль ве тиль бильгиси терминлери (Русско-татарский терминологический словарь по языку и языкознанию) / В. И. Борковский, А. Ислямов. – Симферополь : Крымгосиздат, 1941. – 58 с.

УДК 81'367.626.4

Калугина Т. В.

ВАЛЕНТНОСТЬ И СИНТАКСИЧЕСКИЕ ФУНКЦИИ МЕСТОИМЕННО-СОЮЗНЫХ КОНТАМИНАНТОВ

У статті зроблено порівняльний аналіз синтаксичних ознак займенниково-кон'юнкціональних контамінантів і займенників.

Ключові слова: контамінація, займенник, займенниково-кон'юнкціональний контамінант.

В статье сделан сравнительный анализ синтаксических признаков местоименно-союзных (прономинально-конъюнкциональных) контаминантов и местоимений.

Ключевые слова: контаминация, местоимение, прономинально-конъюнкциональный контаминант.

The comparative analysis of syntactic signs of pronoun-conjunctive contaminants and pronouns is made in the article.

Key words: contamination, pronoun, pronoun-conjunctive contaminant.

Постановка проблемы. Переходные явления, не укладывающиеся в четкие границы, существуют на разных уровнях языка. На морфологическом уровне они представлены трансформантами и контаминантами – словами, совмещающими признаки двух частей речи (термин проф. Е. Н. Сидоренко). В. В. Бабайцева считает, что «системное взаимодействие языко-

вых явлений обуславливает явления переходности в грамматическом строе языка, которые стали одной из актуальнейших проблем современной лингвистики» [1, с. 3].

Анализ литературы. Отдельные гибридные классы слов (причастия, деепричастия) изучались в лингвистике, но теоретическую базу изучения контаминантов заложил А. М. Пешков-

ский, который впервые ввел понятие «смешения» частей речи [2, с. 103–104].

Дальнейшее развитие идеи А. М. Пешковского получили в трудах В. В. Виноградова. Описывая отдельные части речи в монографии «Русский язык (грамматическое учение о слове)», ученый делает попутно замечания и о гибридных случаях [3, с. 218, 222, 237, 313, 324, 325, 347].

Следующим важным этапом в изучении контаминантов стали работы В. В. Бабайцевой [4] и Е. Н. Сидоренко [5].

Цель статьи – описать синтаксические особенности контаминантов, совмещающих признаки местоимений и союзов, и сравнить их с особенностями местоимений.

Изложение основного материала. Рассмотрение так называемых «союзных слов» в грамматике является противоречивым. Хотя постоянно указывается их синтаксическое функционирование в роли союзов, которое относится к дифференциальным признакам класса слов, «союзные слова» не считаются самостоятельной группой слов, а рассматриваются на периферии местоимений. В отдельную группу они впервые выделены в работах Е. Н. Сидоренко.

Местоимения одного прономинативного ряда обладают единой для разных разрядов способностью сочетаться с другими словами в составе словосочетаний, хотя и имеют некоторую специфику. Валентный потенциал прономинально-конъюнкциональных контаминантов во многом близок к потенциалу местоимений. Для сравнения возьмем местоименные ряды с условным началом **кто, что** и местоименно-союзные контаминанты **кто, что**.

Подобно местоимениям, категориально соотносительным с именами существительными, контаминанты **кто, что** имеют минимальную активную валентность и не допускают необособленных определений, выраженных именами прилагательными, причастиями.

Близки к местоимениям контаминанты при реализации пассивной валентности. Они выступают в роли зависимого компонента при глаголах, реже – именах существительных, безлично-предикативных словах. Контаминанты **кто, что** зависят в большинстве случаев от глаголов, реже – от безлично-предикативных слов, причастий, деепричастий, имен существительных: *Все, о чем докладывал начальник штаба, совпадало с тем, что сам видел утром и днём на дорогах движения армии* (Ю. Бондарев).

Сходство контаминантов с местоимениями также в том, что они могут усиливаться при помощи частиц: *Глаза мои забежали, ища, к кому именно я должен двигаться* (В. Солоухин).

КОТОРЫЙ. Валентность слова **который** во многом совпадает с валентностью **кто, что**, ведь он замещает синтаксическую позицию имени существительного и во многом приближается к нему. Активную валентность **который** проявляет в сочетании «контаминант + предлог + имя существительное (местоимение)». По мнению Е. Н. Сидоренко, «такого рода сочетания представляют собой семантическую общность и не членятся при синтаксическом разборе (представляют собой один член предложения)» [5, с. 77].

Пассивная валентность слова **который** проявляется в его зависимости от глагола или имени существительного, иногда – от местоимения, безлично-предикативного слова, краткого страдательного причастия: *С гаубицы, в расчёте которой воевал Андрей, успели всё же снять прицел, свести и замкнуть станины и теперь возились с чехлами* (В. Распутин).

КАКОЙ. Как и контаминанты **кто, что, который**, контаминант **какой** может вступать в отношения включения (**какой из них**). Этот случай является единственным, в котором проявляется активная валентность слова **какой**.

В других случаях пассивная валентность **какой** определяется категориальной соотносительностью. Замещая имя существительное, **какой** зависит от глагола, реже – безлично-предикативного слова, краткого причастия: *Самому тонкому, самому ранимому, самому капризному органу из всех, какие поместил в нас господь-бог, всегда нужна движущая сила* (В. Астафьев). Категориально соотносясь с именем прилагательным, **какой** относится к имени существительному: *Солнце полностью заволкли тучи, трудно было определить, с какой оно стороны* (В. Солоухин).

ЧЕЙ. Категориально соотносясь с именем прилагательным, **чей** сохраняет его способность выступать в роли согласованного определения при имени существительном: *Не уточняя, в чьей палатке они должны ужинать, Лебедков взял чайник в одну руку, разогретую консервную банку в другую и пошёл к себе* (В. Солоухин).

ГДЕ, КУДА, ОТКУДА, КАК, КОГДА, ЗАЧЕМ, ПОЧЕМУ, ОТЧЕГО, СКОЛЬКО, категориально соотносительные с наречием, проявляют только пассивную валентность в словосочетаниях с глаголами, безлично-предикативными словами, краткими причастиями: *Он вскинул глаза к горе, откуда выходит рассвет, и там, показалось ему, темь как бы сыреет, берется мутноватой влагой* (В. Распутин). *При всем том на чердаке, где развешаны и разложены десятки трав, чистота и порядок* (В. Солоухин).

КАК и НАСКОЛЬКО, имеющие значение меры и степени, часто зависят от наречий: *Присев на корточки, я долго наблюдал, как ловко она розовым язычком лакает белое-белое молоко* (В. Солоухин). *Насколько* может зависеть от краткого прилагательного: *Мне трудно судить, насколько он полон* (В. Солоухин).

СКОЛЬКО, категориально соотносительное с числительным, в именительном падеже управляет именем существительным или местоимением: *Он спросил себя, сколько лет живет воробей, прикидывая, нет ли в этой голодной суматошной стае птиц, которые летали здесь еще при нем* (В. Распутин). В косвенных падежах валентность пассивная.

Синтаксические свойства прономинально-конъюнкциональных контаминантов тесно связаны с тем значением, которое имеет контаминант. Любая часть речи имеет свой, определенный набор синтаксических функций, то же можно сказать о контаминантах. За каждым из них закреплены свои синтаксические функции, в большинстве случаев совпадающие с функциями категориально соотносительной части речи, хотя полного соответствия не наблюдается. Влияние на синтаксические свойства местоимений категориальной соотносительности отмечал А. Н. Гвоздев: «Синтаксическая роль местоимений и характер их изменений зависят от соотношения отдельных групп местоимений с разными частями речи» [6, с. 283]. Как пишет Грамматика-80, «свойства знаменательной части речи обеспечивают союзным словам в составе придаточного предложения роль члена предложения» [7, с. 720].

Рассмотрим синтаксические свойства контаминантов в предложении.

КТО. Контаминант *кто* может выступать в функциях подлежащего, дополнения, именной части составного сказуемого: *Зоська разоблачила меня, раззвонила подружкам, кто скрывается под красивой фамилией – Саянский, и сделался я знаменитостью аж на всю обувную фабрику* (В. Астафьев). Как и вопросительные местоимения, *кто* часто сопровождается местоимением *такой*: *Он доказал всем, кто он такой, и докажет еще тысячу раз* (В. Белов).

ЧТО. Б. П. Ардентов отмечает, что «способность местоимения *что* указывать (подразумевать) любое содержание, образ, предмет, явление, действие и так далее, особенно ярко проявляющаяся при его употреблении как вопросительного местоимения с обобщающим значением, позволяет ему выступать в качестве союзного слова» [8, с. 36–37]. Действительно, богатая семантика контаминанта *что* помогает ему выражать самые разнообразные синтаксические

отношения. Наиболее распространённые синтаксические функции контаминанта *что* – подлежащее и дополнение: *Он худо помнил, что было дальше* (В. Белов). *Дарья крестилась на образ, прося у господина прощения за все, что сказал и скажет старик, и торопилась ставить самовар* (В. Распутин). *Что* – именная часть составного сказуемого: *Что значило это «нет», она и сама не знала, но все повторяла одно и то же* (В. Белов).

КОТОРЫЙ. Контаминант *который* выделяется своей семантико-синтаксической двусвязностью, обусловленной наличием в нём 2 логико-семантических понятий – субстанции и признака. Но только одно из этих понятий находит своё выражение на синтаксическом уровне – понятие субстанции. Этим определяется роль контаминанта *который* как только субстантивного члена предложения: подлежащего, дополнения, обстоятельства, несогласованного определения. Например: *Новый поселок, в который свезли шесть таких же, как Егоровка, горемык и где сразу утвердился леспромхоз, назвали по обширным лесам, а на теперешний взгляд, по сырью – Сосновкой* (В. Распутин). *Иван Петрович видел, как мужики, которых вел Афоня, метнулись обратно* (В. Распутин). *Если сравнивать со змеями, то остальные ядовитые вроде гадюки, после укуса которой человек чаще всего выживает* (В. Солоухин).

КАКОЙ. Если контаминант *который* в предложении передает понятие субстанции, то *какой* передает и понятие субстанции, и понятие признака. В зависимости от этого меняются и его синтаксические свойства. Обозначая признак предмета, *какой* выступает в функции определения или именной части составного сказуемого: *Я увидел ее и в будущем июне, какой она была бы вся в цветущих фиалках и какой будет теперь, когда я ее за один час совершенно обесцветил* (В. Солоухин). *Сейчас, стоя посреди снежного пустыря, я тоже перетапывался, не зная, в какую сторону идти спрашивать про ночлег* (В. Белов).

Когда контаминант *какой* отображает понятие предмета, то в придаточной части он приобретает субстантивные свойства и может являться подлежащим, дополнением, обстоятельством меры и степени: *Есть две реки – с полезным и бесполезным течением, и какое из них мощней, туда и сдвигается общая жизнь* (В. Распутин). *Вчера он не успел осознать, каким немолодым, постаревшим выглядит его деревенский сверстник* (В. Белов).

КАКОВО. Прономинально-конъюнкциональный контаминант *каково*, категориально соотносительный с безлично-предикативным

словом, всегда является главным членом односоставного предложения: *Вот и посудите теперь, **каково** быть матерью такого человека* (В. Распутин).

ЧЕЙ. По синтаксическим функциям *чей* ближе всего находится к имени прилагательному, с которым категориально соотносится. *Чей* может употребляться как определение или именная часть составного сказуемого: *Если поспрашивать, нетрудно и доискаться, **чья** это работа* (В. Распутин).

ГДЕ. Контаминант *где* категориально соотносится с наречием и в предложении является обстоятельством, как и наречие, а точнее – обстоятельством места: *Невдалеке от домика, **где** жил писатель, рос огромный тополь* (К. Паустовский).

КУДА. За контаминантом *куда* в предложении закреплена функция обстоятельства направления: *Ленька напряженно глядел на дальний лес, **куда** уходили столбы с проводами* (В. Белов).

ОТКУДА. Контаминанту *откуда* присуща синтаксическая функция обстоятельства направления: *Хозяин в эту ночь рано вышел на пост, загодя выбранный на ближнем бугре, **откуда** было удобно и безопасно наблюдать пожар* (В. Распутин).

ОТЧЕГО. Синтаксической функцией, свойственной контаминанту *отчего*, является функция обстоятельства причины: *Он и сам не знает, **отчего** так получилось* (В. Белов).

ПОЧЕМУ. Контаминант *почему*, совмещающий свойства союза и местоимения, употребляется как обстоятельство причины: *Все действительно было как в сказке, пока он не спросил Веру, **почему** она поссорилась с мамой* (В. Белов).

ЗАЧЕМ. Синтаксическая функция местоименно-союзного контаминанта *зачем* – обстоятельство цели: *Кузнецов стоял, еще не сообразив, **зачем** все это нужно было Уханову* (Ю. Бондарев).

КОГДА. Имея временную семантику, *когда* в предложении является обстоятельством времени: *Стало как-то веселее, **когда** он представил попа Рыжка командующим на паровозе* (В. Белов).

КАК. Категориально соотносясь с наречием, *как* может выступать в качестве обстоятельства образа и способа действия, обстоятельства времени или обстоятельства степени: ***Как** начиналось освоение книги, **как** оно шло, мы не знаем в подробностях и в последовательности* (В. Солоухин). *Но **как** выходил из лодки, невольно присел, в левой ноге отдала застарелая рана* (В. Личутин).

СКОЛЬКО. Каждой из омонимичных форм *сколько* соответствуют свои семантические, морфологические и синтаксические признаки. Категориально соотносясь с именем числительным и обозначая количество, *сколько* выступает в функциях подлежащего или дополнения: ***Сколько** мне было лет, я не знаю, но очевидно, что мало, если живого ландыша я до сих пор, оказывается, не видел* (В. Солоухин). *Степан Михайлович прикинул, **сколько** это мешков будет, и удивился* (В. Белов).

Обозначая признак признака, *сколько* употребляется в функции обстоятельства меры и степени: *Подаешь ты паспорт, а у тебя не фамилию смотрят, а смотрят, **сколько** тебе осталось жить* (В. Распутин).

НАСКОЛЬКО. Относясь к именам прилагательным и глаголам, *насколько* выполняет синтаксическую функцию обстоятельства меры и степени: *Живи да радуйся, **насколько** совесть чиста* (В. Белов). *Делай, **насколько** хватит свободы и силы, что хочешь, ступай, куда знаешь* (В. Распутин).

Мы пришли к выводу, что многие контаминанты выполняют в предложении те же синтаксические функции, что и омонимичные им вопросительные местоимения. Речь идет о прономинально-конъюнкциональных контаминантах *кто, что, сколько, где, куда, откуда, когда, зачем, почему, отчего*. Отличия наблюдаются в функционировании вопросительных местоимений *какой, который* и соответствующих контаминантов.

Открытым остается вопрос об однородности/неоднородности словоформ в разных функциях, соединенных сочинительными союзами. Особенно остро стоит эта проблема по отношению к местоимениям и по аналогии с ними к местоименно-союзным контаминантам. Существуют три основные точки зрения по поводу таких сочетаний:

- 1) они явно неоднородные (Л. Д. Чеснокова, В. Н. Перетрухин);
- 2) они частично-однородные или переходные от неоднородности к однородности (В. Н. Мигирин, М. Н. Майданский, Е. Н. Сидоренко, Л. Иванюк);
- 3) они однородные (Е. В. Кротевич, А. С. Попов, О. П. Ермакова).

По мнению О. П. Ермаковой, «в синтаксическом поведении местоимений едва ли не главную роль играет их принадлежность к семантическому, а не к грамматическому разряду» [9, с. 149]. Именно господством семантики она объясняет возможность соединения местоимений сочинительными союзами «в качестве однородных, но разнофункциональных членов» [9, с. 149].

В. Н. Перетрухин под синтаксической однородностью понимает «функциональное тождество языковых единиц (слов, словосочетаний, предложений) в речи» [10, с. 8]. Он отмечает, что сочиненные члены занимают не одно, а два синтаксических места и потому не могут быть однородными. Нельзя согласиться с его мнением о том, что **и** в сочетании **никто и нигде** не соединительный союз, а выделительно-усилительная частица. Доказывается это, по мнению автора, тем, что при перестановке словоформы **нигде** в начало предложения смысл конструкции сохранится. По нашему мнению, это неверно, так как при перестановке **нигде** получает явный выделительный оттенок, не свойственный ему в сочетании **никто и нигде**. При этом статус **и** действительно меняется, но это не доказывает, что он меняется и в первом случае. Неубедительно также положение о том, что «в сочиненных рядах разновидности обстоятельств аккомодируются, а их частные функции обобщаются на более высоком уровне» [10, с. 20].

Более убедительной представляется нам точка зрения Е. Н. Сидоренко: «...Способность образовывать сочетания разноименных членов – явление, которое можно определить как промежуточное между однородностью и неоднородностью. Оно представлено местоимениями одного и того же семантического разряда, но с разным категориальным значением... или – реже – прономинативами с одним категориальным, но разным разрядовым значением...» [5, с. 100–101]. Например: *Я вошел в дом и поздоровался, сказался – кто и откуда* (В. Белов). *Ведь именно по этим цветам можно узнать летом, где и как текли через наш луг весенние мутные воды* (В. Солоухин).

Можно предположить, что возможность сочетания разноименных членов возникает за счет местоименной природы прономинально-конъюнкциональных контаминантов. Достаточно вспомнить, что подобные сочетания образуют местоимения нескольких семантических разрядов. М. Н. Майданский отмечает: «В зависимости от того, к какому смысловому разряду относятся местоименные слова, которыми выражены разноименные члены, можно различать среди соединительных сочетаний такие разновидности: сочетания определительные, неопределённые, отрицательные, а также вопросительные» [11, с. 70]. Например: вопросительного разряда – **кто он и откуда?**; отрицательного – **ничто и никогда**; обобщающе-выделительного – **всегда и всюду** и так далее.

В свою очередь, образование подобных сочетаний разноименных членов, выраженных местоименно-союзными контаминантами, можно

объяснить высокой абстрактностью местоимений, отсутствием в них вещественного, номинативного содержания и прономинальным способом отображения.

Рассмотрев местоименно-союзные контаминанты, мы пришли к **выводам**, которые отличаются от традиционного взгляда. Слова **кто, что, какой, каково, который, чей, сколько, насколько, где, куда, откуда, как, когда, зачем, почему, отчего** необходимо вынести за рамки местоимений, так как они представляют собой особый лексико-грамматический класс. В них в одном звуковом комплексе представлены признаки как местоимений, так и союзов.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бабайцева В. В. Явления переходности в грамматическом строе русского языка и методика их изучения / В. В. Бабайцева // Явления переходности в грамматическом строе современного русского языка. – М. : МГПИ им. В. И. Ленина, 1988. – С. 3–13.
2. Пешковский А. М. Русский синтаксис в научном освещении / А. М. Пешковский. – М. : Учпедгиз, 1956. – 511 с.
3. Виноградов В. В. Русский язык (грамматическое учение о слове) / В. В. Виноградов. – М. : Высшая школа, 1986. – 639 с.
4. Бабайцева В. В. Переходные конструкции в синтаксисе / В. В. Бабайцева. – Воронеж : Центрально-Черноземное издательство, 1967. – 391 с.
5. Сидоренко Е. Н. Семантика местоимений современного русского языка / Е. Н. Сидоренко // Проблемы лексической и категориальной семантики. – Симферополь : СГУ, 1982. – Вып. 2. – С. 18–27.
6. Гвоздев А. Н. Современный русский литературный язык. Ч. 1. Фонетика и морфология : учебник для факультетов русского языка и литературы педагогических институтов / А. Н. Гвоздев. – [4-е изд.]. – М. : Просвещение, 1973. – 432 с.
7. Русская грамматика. Т. 1. Фонетика. Фонология. Ударение. Интонация. Словообразование. Морфология / под ред. Н. Ю. Шведовой. – М. : Наука, 1980. – 783 с.
8. Ардентов Б. П. «Что» в современном русском языке / Б. П. Ардентов. – Кишинев : Штиинца, 1973. – 89 с.
9. Ермакова О. П. Семантика, грамматика и стилистическая дифференциация местоимений / О. П. Ермакова // Грамматические исследования. Функционально-стилистический аспект: Суперсегментная фонетика. Морфологическая семантика. – М. : Наука, 1989. – С. 146–157.
10. Перетрухин В. Н. Проблемы синтаксиса однородных членов предложения в современном русском языке / В. Н. Перетрухин. – Воронеж : ВГУ, 1979. – 208 с.
11. Майданский М. Н. Соединительные сочетания разноименных членов предложения / М. Н. Майданский // Русский язык в школе. – 1965. – № 5. – С. 68–73.

ВОПРОСЫ ГРАФОЛОГИИ И ВНУТРИЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ КОНФЛИКТ КРЫМСКОТАТАРСКОЙ ФОНЕТИКИ И ОРФОЭПИИ

У статті розглядаються гострі проблеми внутрішніх конфліктів кримськотатарської мови, на рівні орфоенії й орфографії.

Ключові слова: орфоенія, внутрілінгвістичний конфлікт, алфавіт, норми вимови, фонетика, османська епоха, словотворчий процес, викривлення.

В статье рассматриваются острые проблемы внутренних конфликтов крымскотатарского языка на уровне орфоэпии и орфографии.

Ключевые слова: орфоэпия, внутрilingвистический конфликт, алфавит, нормы произношения, фонетика, османская эпоха, словообразовательный процесс, искажения.

In the article are examined the sharp problems of internal conflicts of Crimean Tatar language at the level of orthoepy and orthography.

Keywords: orthoepy, intralinguistic conflict, alphabet, norms of pronunciation, phonetics, osmanish epoch, word-formation process, distortions.

Постановка проблемы. Как отмечает В. М. Русановский, «если общество хочет избежать диглоссии, следует позаботиться о реальной, а не о прикрытой бюрократическим самовосхвалением функциональной равноправности всех языков» [1, с. 9]. Сегодня, как и 20 лет назад, соотношение крымскотатарского языка с другими языками крымского ареала – русским и украинским – не является равнофункциональным, и потому, если не принять экстренных мер, произойдет сокращение количества языков участников языковой ситуации, тех, которые функционально ограничены, то есть крымскотатарского.

Подобная расстановка сил связана с внешними политическими факторами: военным поражением Крымского Ханства в конце XVIII века и последующим интенсивным освоением вновь приобретенных территорий победителем – Российской империей. Стратегические приоритеты метрополии и ситуативный общеполитический вектор обуславливали форсированность принудительной интеграции Крыма в состав России и, как следствие, особенно жесткое отношение к нелояльному местному населению.

В настоящий момент, в силу сложившейся относительно благоприятной политической обстановки, крымские татары пытаются вернуть себе утраченную государственность, хозяйственную и экономическую независимость, этническую и культурную целостность и идентичность. Для этого необходимо, прежде всего, решить внутренние задачи.

В этой связи одной из наиболее актуальных проблем является восстановление функциональных способностей крымскотатарского языка, а именно: наполнение его лексической и терминологической базы, реанимация морфологических процессов, выправление синтаксиса, упо-

рядочивание орфографических, орфоэпических и фонетических норм, разработка специальных стилей речи. Этому должна предшествовать работа по более полному описанию крымскотатарского языка, как в диахронии, так и синхронии.

Анализ литературы. К исследованиям, посвященным изучению крымскотатарского языка, его истории, проблемам современного состояния, следует отнести труды Б. Чобан-заде, А. Меметова, Э. Севортяна, С. Р. Изидиновой, Э. Акмоллаева и других лингвистов. Однако и эти работы не исчерпывают информационного дефицита по данному вопросу. Как справедливо замечает С. Изидинова, «Назрела необходимость монографического описания крымскотатарского языка на всех уровнях в объеме трех его диалектов – среднего, степного и южного, включая научную грамматику современного литературного языка с учетом особенностей языка довоенного периода и новых элементов... Очевидно, полное описание языка невозможно без серьезного сопоставления с литературным языком конца XIX – начала XX вв., в формировании которого основной вклад внес крымскотатарский просветитель и публицист Исмаил мырза Гаспралы» [2].

Для решения вышеописанных лингвистических задач, прежде всего, необходимо определить и четко разграничить круг вопросов, которые конкретизировали бы работу по выявлению сути внутренних конфликтов, тормозящих естественную эволюцию крымскотатарского языка, его дериватологические функции. Разрушительные действия, предпринятые в отношении крымскотатарского языка в разное время, а особенно в первые десятилетия советской власти, породили подобные проблемы на всех уровнях, начиная от фонетики и алфавита и заканчивая

стилистикой. От их успешного разрешения зависит дальнейшее развитие крымскотатарского языка в границах внутренней типологии.

Целью настоящего исследования является попытка отобразить всю глубину и остроту данных проблем и конфликтов на примере орфоэпии и фонетики и наметить пути их решения через модернизацию действующего алфавита.

Изложение основного материала. Носителей живого языка во всем его диалектном многообразии становится все меньше, и они уже не в состоянии поддерживать произносительную норму. В силу устойчивой тенденции говорить на родном языке крымские татары, сталкиваясь с лексическим дефицитом, обращаются к средствам других типологически близких языков: узбекского, турецкого. В результате наблюдаются случаи искажения артикуляционных процессов при произношении слов.

Нарушения в произношении, и даже утрата исторически обусловленной нормы, напрямую связаны также с несовершенством действующего алфавита. Как известно, любой алфавит не более чем условность, призванная максимально точно графически отображать звуковой состав того или иного языка. Крымскотатарский язык, как и все остальные тюркские языки, очень давно утратил собственную письменную традицию, основанную на рунических знаках. Несомненно, это была наиболее адекватная система отображения музыкального строя тюркского языка. В последующие после древнетюркского периода более полутора тысячи лет развития крымскотатарский язык использовал и продолжает использовать чужие графические системы: согдийское письмо, затем арабское, потом латиницу и кириллицу.

В настоящем кириллическом алфавите допущен целый ряд серьезных искажений и недочетов. Во-первых, алфавит, будучи в основе своей кириллическим, крепко «привязал» крымскотатарский язык к нормам русской фонетики и орфографии. После его принятия стало глупо и неудобно писать «пиргадир» вместо «бригадир», «вазгал» вместо «вокзал», «савет» вместо «совет», «сосыализм» вместо «социализм» и т. д.¹ В

¹ Об ассимиляции заимствований в крымскотатарском языке см. статью Э. Севортяна «Крымскотатарский язык» в сборнике «Языки народов СССР» [3], а также тексты на крымскотатарском языке 20-х годов XX века, содержащие адаптированные заимствования, например [4], где встречаются следующие примеры употребления заимствованных слов: «аблукъат» (адвокат) [4, с. 5]; «чинуфник» (чиновник) [4, с. 13]; «савет» (совет) [4, с. 6]; «хазяйства» (хозяйственный) [4, с. 5] и т. п.

вопросах заимствования очевидным стало давление русского языка, что сказалось на последующей утрате в крымскотатарском языке механизмов ассимиляции все возрастающего потока с течением времени «интернационализмов» и «советизмов».

Таким образом, была снята естественная преграда проникновению в крымскотатарский язык неоправданных заимствований, а в наше время – целого обвала лексики русскоязычного происхождения, как общего, так и специального характера. Употребление «русизмов» в настоящий момент является нормой разговорной и даже письменной речи.

С другой стороны, переводя алфавит на латинскую основу в той форме, в которой он существует для турецкого языка, крымскотатарский язык начнет испытывать еще большее давление теперь уже со стороны языка турецкого. Так как турецкий язык типологически близок крымскотатарскому, а по своему внутреннему состоянию является полностью кодифицированным, этот процесс закончится абсолютной и скорой ассимиляцией, попросту говоря «отуречиванием» языка крымскотатарского.

Нечто подобное, правда, по другим причинам, крымскотатарский язык уже переживал в османскую эпоху, когда правилом хорошего тона было щеголять знанием арабского и персидского языка, а письменная речь вообще состояла из арабских слов, от тюркской же лексики, по большому счету, сохранялись только модальные глаголы – «этмек», «япмакъ», «олмакъ» и «булмакъ» (*теджъикъ этмек, тесадюфте олмакъ* и т. д.), а также личные и притяжательные местоимения.

Повальное увлечение арабским языком породило в свое время даже искажение в произношении, что было выражено, прежде всего, в манерной подмене широких заднеязычных гласных на узкие переднеязычные, как например: «пâре», вместо «пара» (деньги), подобно тому, как это происходило у анатолийских турок. Об этом явлении с неудовольствием писал Б. Чобан-заде в своем труде «Къырымтатар ильмий сарфы»: «Къырымтатарджада умумиетле китабий, яни окъумыш адамларгъа бир теляффуз бардыр ки, даима къалын сесли сѣзлерни индже сеслерге чевирир...» [5, с. 45]. (В крымскотатарском произношении повсеместно в среде книжных, то есть образованных, людей постоянно происходит подмена широких гласных на узкие...) (перевод наш – О. Р.).

Османский язык стал единым книжным всей Османской Империи, в том числе и политически зависимого от него Крымского Ханства. Об этом свидетельствует сравнение многочисленных ли-

тературных памятников эпохи XV–XVIII веков², созданных на территории Крыма, с подобными же памятниками турецкого происхождения. Но в османскую эпоху была живая и очень мощная энергетика народного языка, и многочисленные его носители. Сейчас, увы, этого нет.

Обращаясь непосредственно к недостаткам ныне действующего кириллического алфавита, необходимо отметить то, что в нем очень условно отображены такие специфические звуки крымскотатарского языка, как «ö» и «ü». Безусловно, они есть и всегда были, как узкогубная пара широкогубным «o» и «u»³. Эти звуки с различными оттенками произношения существуют во всех трех основных диалектах крымскотатарского языка. На письме они отображаются знаками «ё» и «ю». Конечно, существует договоренность, что эти «ё» и «ю» в крымскотатарском алфавите обозначают звуки «ö» и «ü», но сколько человек об этом знает наверняка? Старшее поколение уходит, унося с собой правильное звучание таких слов, как «ömtür» или «ölm», а новые поколения начинают произносить «омюр» и «олюм» именно так, как они написаны, ориентируясь, прежде всего на произношение звука «ю», в русском звучании. Такое положение вещей породило не совсем уверенную оговорку о том, что предшествующий гласный «o», например, сужается под воздействием последующего «ю», или мягкого знака, как будто исторически он не был узким. На наш взгляд, если звук узкий, надо его сразу отображать в подобающем виде, а не оправдывать нехватку графических средств кириллического алфавита мудреными правилами.

Звук «ю» в крымскотатарском нужен исключительно в случаях стяжения двух звуков «й» и «у», например: «кьюю». Это же касается звука «ё», хотя и здесь уместней все же употребить две буквы: и «й», и «о», а также «й» и «у» («йюкь», а не «ёкь», «йюкь», а не «юкь»).

Введение отдельных знаков для фонем «ö» и «ü» устранил такие конфликты между нормой произношения и орфографией как, например, начальное «йу» в слове «юзюм» (узб. – «узум» [9, с. 121]; тур. – «üzüm» [10, с. 891]; Словарь Махмуда Кашгари – «üzüm» [11, т. I, с. 88]). В начале слова присутствует звук «ü» то есть

«üzüm», если же предположить «йу», то в этом случае мы имели бы обязательную диалектную пару северного крымского диалекта в виде «джюзюм», так как в этом диалекте начальный «й» всегда переходит в «дж»⁴, как и многих западно-кыпчакских языках. Но мы такой пары не имеем. Употребление же единственной буквы «ю» во всех случаях без исключения искусственным образом выводит из обращения звук «ü» в устной речи.

Необходимо также различать на письме различный гласный состав в первых слогах таких слов, как, например «ёнилиш» и «ёкълама». В первом случае это безусловно: «й+ö», тогда как во втором «й+o», но пишутся эти слова одинаково.

В свете вышесказанного представляется совершенно различным произношение такого слова в вариантах его написания, как «тюшюрмек» и «түйшүрмек». В устах молодых татар это слово будет звучать абсолютно так, как если бы его прочитал русский человек. Отсюда окказиональные фонетические искажения в речи молодых дикторов крымскотатарского радио и телевидения.

Звуки «ü», «ö» присутствовали в крымскотатарском алфавите, как специальные, отдельные графемы, когда он базировался на латинской основе. Но для поддержки правильного произношения и соблюдения правила сингармонизма гласных в крымскотатарском языке совершенно не обязательно весь алфавит переводить на латинскую основу. Эти звуки вполне возможно воспроизвести в вариантах графем «ÿ» либо «Ÿ» или «Y», а также «Ө» или «ö» или «ü», что и представляется необходимым.

Кроме мероприятий по возвращению утраченных гласных звуков в действующем алфавите следует отметить необходимость разрешения таких конфликтов как наличие «лишних» звуков и графем, их изображающих: «ц» и «щ», и перспективу их изъятия. Употребление этих звуков связано исключительно с русизмами, но совершенно не характерно для крымскотатарского языка. Существование этих графем, оправдывая наличие соответствующих звуков, нарушает произносительную норму слов, наподобие «щекер» в русифицированную «щекер».

Спорно также наличие звука «ж». Возможно, его употребление стало необходимо в связи с проникновением в язык большого количества заимствований международного характера. Но

² Под подобными памятниками подразумеваются, прежде всего, образцы поэзии, дошедшие до нас, таких авторов, как Бора Гази Герай, Резмий, Ашык Умер, Кямил, Джемхерий и др. Сами тексты доступны в многочисленных антологиях, изданных в последние годы, например [6; 7].

³ О составе гласных фонем в крымскотатарском языке см., например, в [8].

⁴ Ср. топонимы «Янкой» (например, Биюк Янкой, ныне Мраморное) и «Джанкой», город в северной части Крыма. Образовано: Яньы//Джангы + кой – новая деревня.

вполне вероятно вытеснение этих лексем собственно тюркскими либо арабскими эквивалентами, в результате чего отпадет нужда и в этом звуке. Либо замена этого звука на звук «дж».

Не идеально графическое изображение и самого звука «дж». Оно выглядит как два звука, следующих друг за другом, тогда как это один аффрикативный звук переднеязычного образования. Возможен вариант его транскрибирования по-узбекски просто «ж», либо «j», как это в азербайджанском языке.

Существует необходимость ввести в оборот употребление графемы «w», либо другого его варианта для отображения специфического звука огубленного «в». (Ср. произношение звука в конце слова: «уянув»). Этот звук, употребленный в начале слова, или слога отличается по способу образования от фонемы в слабой своей позиции. (Сравни: «вазгеч» – твердое «в», при произношении нижняя губа соприкасается с верхними зубами, и «сорав» – губы округляются). На письме же эти два разных звука обозначаются одной и той же буквой. Фонема «w» характерна для северного диалекта крымскотатарского языка, и совершенно не употребима в южном. Это еще одна причина того, почему эти звуки необходимо различать.

Особого внимания заслуживает вопрос о нормированности фонемы «х» в некоторых отдельных случаях произношения арабо-язычных основ, а также возможность ввода в алфавит дополнительного звука «х», более мягкого. Отказ от вариантов аллофона «х» в арабском звучании вполне логичен и оправдан с точки зрения фонетических законов крымскотатарского языка. По свидетельству Махмуда Кашгари, тюркским языкам вообще не свойственно употребление этих звуков, ни мягких, ни твердых. Исключения, по его словам, составляли лишь возгласы «Хайт, хайт» и «Хаш, хаш», которыми тюрки огузы погоняли свою домашнюю скотину [11, т. 1, с. 6–11].

Однако М. Кашгари, живший в XII веке, говорит также и о проникновении в тюркские языки большого количества арабских слов, употребление которых уже в его время стало необходимостью. При этом тюрки путали, а порою вообще не умели идентифицировать по звучанию три разновидности звука «х» – خ; ح; ه. Различали в лучшем случае лишь два их варианта – твердый и мягкий. Так как количество арабских слов в крымскотатарском языке, как и в других тюркских языках, неуклонно возрастало, наличие двух звуков «х» стало нормой, и таковой оставалось до недавнего времени. В связи с этим не совсем понятна логика действующих норм орфографии и орфоэпии в таких словах, как, на-

пример, махкеме, махкум (осужденный), но «аким», «укюм» (ср. тур. «mahkeme», «mahkum», «hakim», «hüküm» [12]). Все эти слова происходят из одной основы «хкм», и, исходя из особенностей арабского словообразования, во всех них присутствует один и тот же звук «х», а именно: ح. Почему же тогда где-то мы пишем и произносим этот звук, а где-то нет? Только потому, что этот звук в первом случае находится в середине слова, в позиции перед согласным «к», а во втором – в абсолютном начале слова – перед гласным «а», или «у», как в слове «уруфат»?

В данном случае выпадение звука «х» представляется обоснованным исключительно в именах собственных (Асан вместо Хасан, Айдер вместо Хайдер и т. д.). Во всех остальных случаях мягкий вариант звука «х» (h) необходимо восстановить. Во-первых, это необходимо сделать для достижения благозвучной, грамотной речи в таких словах как, например «муим»⁵ (мўхим), «мюит» (мўхит), когда совершенно недопустимо стяжение двух разнокачественных гласных как невозможное обстоятельство для тюркских языков. Во-вторых, изъятие звука «х» было скорее популистским шагом в период активного становления советской власти, заигрывания с крестьянством и рабочим классом, уничтожения всех достижений предыдущей «высокой культуры», смещения произносительной нормы далеко на север. В-третьих, возвращение звука и буквы мягкого «х» поможет восстановить общую логику словообразовательного процесса.

Требуют также своего более удачного письменного выражения, состоящего из одного знака такие двойные графологические символы, как «кь», «гь» и «нь». Это самостоятельные фонемы, которые вполне могут быть выражены однобуквенными символами, например: «Қ», «Ғ» и «Ң».

Выводы. Таким образом, в отношении проблем фонетического и орфоэпического свойства необходимо определиться с тем, что в крымскотатарском языке, как и во всех других современных языках существуют собственные нормы письменного и разговорного языка. Эти нормы различны. Письменный язык является в большей степени идеальным, утонченным и призван сохранять в себе следы литературных и языковых влияний, традиций, которые складывались не одну сотню лет.

В этой связи необходимую и нужную реформу алфавита представляется возможным

⁵ Слово в действующей орфографии [13], в скобках представлен вариант их более полного и грамотно написания.

произвести в рамках существующего кириллического алфавита, путем:

- 1) введения двух недостающих графем гласного состава – «ö» и «ü»;
- 2) введения недостающего мягкого варианта «х»;
- 3) изъятия ненужных графем «ц» и «щ»;
- 4) изменения соответствующего графического изображения звука «дж», например, в варианте «ј», а также других двойных графологических символов в однобуквенные.

Вышеуказанные «нововведения» не являются сколь-нибудь существенной помехой при наборе текста и раскладке компьютерной клавиатуры. Дополнительные знаки достаточно просто «посадить» на неупотребительные клавиши.

ЛИТЕРАТУРА

1. Русанівський В. М. Прогностичні функції соціолінгвістики / В. М. Русанівський // Мовознавство. – 1989. – № 1. – С. 9–14.
2. Изидинова С. Р. Современное состояние и проблемы изучения крымскотатарского языка [Электронный ресурс] / С. Р. Изидинова. – Режим доступа : <http://turkolog.narod.ru/info/1163.htm>.
3. Севортян Э. Крымскотатарский язык / Э. Севортян // Языки народов СССР : в 5 т. – Т. 2: Тюркские языки / под ред. Н. А. Баскакова. – М. : Наука, 1966. – С. 254–276.

4. Якубов М. «Юридическая помощь населению». – Симферополь : Крымгосиздат, 1927. – 30 с.
5. Чобан-заде Б. Къырымтатар ыльмий сарфы (Научная грамматика крымскотатарского языка. Транслитерация с арабской графики издания 1925 г.) / Б. Чобан-заде. – Симферополь : Доля, 2003. – 187 с.
6. Грезы розового сада / составитель Н. Абдульваапов. – Симферополь : Сонат, 1999. – 84 с.
7. Köprülü F. Eski Şairlerimiz. Divan Edebiyatı Antolojisi / Fuad Köprülü. – İstanbul, 1931. – 116 s.
8. Гаркавец А. Н. Очерк крымскотатарской фонетики, морфологии и орфографии / А. Н. Гаркавец // Кърымтатарджа-русча лугъат / составители : Ш. А. Асанов, А. Н. Гаркавец, С. М. Усеинов. – К. : Радянська школа, 1988. – С. 198–236.
9. Русско-узбекский словарь : в 2 т. – Ташкент : Главная редакция Узбекской Советской Энциклопедии, 1983. – Т. I – 807 с., Т. II – 797 с.
10. Rusça-Türkçe büyük sözlük. – İstanbul : Multilingual, 1994. – 950 s.
11. Divanü lugat-it-türk tercümesi / çeviren Besim Atalay. – Ankara, 1939. – С. I – 530 s.; 1940. – С. II – 366 s.; 1941. – С. III. – 452 s.
12. OsmanlıcaTürkçe Ansiklopedik Büyük Lugat. – İstanbul : Türdav, 1995. – 1070 c.
13. Крымскотатарско-русский словарь / составил С. М. Усеинов. – Тернополь : СМНВП «Диалог», 1994. – 397 с.

УДК 81'373.611:811.161.1

Шепель Ю. А.

МОРФОЛОГИЧЕСКАЯ АСИММЕТРИЯ И ЯВЛЕНИЕ ИЗОМОРФИЗМА ПРИ ПОСТРОЕНИИ СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ РЯДОВ (на материале имен прилагательных современного русского литературного языка)

У статті порушуються питання моделювання словотвірних рядів похідних прикметників сучасної російської мови з метою семантичного аналізу структури рядів. Вирішується проблема співвідношення морфологічної асиметрії в словотворенні на рівні семантики та розподілу похідних по відповідних рядах з урахуванням семантики похідного слова, визначуваного в словотвірних полях.

Ключові слова: словотвірний ряд, симетрія й асиметрія, словотворча кореляція, словотвірний рівень, варіативність, словотвірний варіант, мотивація.

В статье поднимаются вопросы моделирования словообразовательных рядов производных прилагательных современного русского языка с целью семантического анализа структуры рядов. Решается проблема соотношения морфологической асимметрии в словообразовании на уровне семантики и распределения производных по соответствующим рядам с учетом семантики производного слова, определяемого в словообразовательных полях.

Ключевые слова: словообразовательный ряд, симметрия и асимметрия, словообразовательная корреляция, словообразовательный уровень, вариативность, словообразовательный вариант, мотивация.

In the article the questions of design of word-formation rows of derivatives of adjectives of modern Russian rise with the purpose of semantic interpretation of structure of rows. The problem of correlation of morphological asymmetry decides in a word-formation at the level of semantics and distribution of derivatives on corresponding rows taking into account semantics of derivative, determined in the word-formation fields.

Key words: word-formation row, symmetry and asymmetry, word-formation correlation, word-formation level, variantness, word-formation variant, motivation.

Постановка проблемы. Морфологическая асимметрия в системе словообразования, указание одним аффиксом нескольких значений и выражение словообразовательных значений набором аффиксов, заключает в себе причину явлений, которые возникают при моделировании словообразовательных процессов и детерминируют неразрешимость научного знания многих задач словообразовательного синтеза. Имеющая место вариативность словообразовательных средств, которые маркируют одно и то же словообразовательное значение, влечёт за собой необходимость решения задач семантического характера, в частности таких, как проблема тождества/различия аффиксальных морфем, их полисемии/омонимии, тождества/отдельности структурно-идентичных производных слов, характеризующихся несколькими словообразовательными значениями. По всей вероятности, для семантического моделирования необходимо учитывать не только доминирующие, ведущие, инвариантные семантические признаки производных слов, но и их потенциальные семы, что актуализируется в определённых ситуациях.

По мнению З. А. Харитончик, гамма словообразовательных значений и их возможных модификаций является той почвой, на которой появляется и развивается диффузность и неопределённость семантики производного аффиксального слова и, соответственно, «готовность» прилагательного обслуживать самые разные коммуникативные ситуации [1].

Производные слова могут закрепляться в языковой системе через словесное окружение с опорой на синонимические, антонимические, гипонимические и другие парадигматические связи, возникающие в результате «пересечения» одного слова с другим в лексической системе языка. Это внешний (межсловный) уровень парадигматических отношений.

Анализ лингвистической литературы. Слова одного корня, осложнённые аффиксами, характеризуются различной степенью семантической отдалённости. Последняя может быть определяющим фактором в отношении подобных слов к таким, между которыми можно усмотреть, скажем, паронимические или синонимические отношения. Известно, что одноосновные разносуффиксальные дериваты могут быть синонимами, если у них совпадает хотя бы один ЛСВ. Такой подход, впервые представленный С. Г. Бережаном [2], позволил количественно измерить степень синонимичности с помощью формулы сходства, предложенной Я. Чекановским [3]. Несмотря на то, что возможность варьирования лингвистических единиц является неоспоримой и наличие вариантов слов можно

считать общепризнанным, К. С. Горбачевич, отвергая понятие словообразовательных вариантов слова, считает, что разнообразие словообразовательных структур всегда свидетельствует о наличии разных слов [4; 5]. Свою точку зрения он объясняет тем, что тождественные по значению однокорневые единицы, образованные с помощью синонимических аффиксов, являются синонимами. Представляется целесообразным всё же разграничивать лексические синонимы от тех единиц, которые образуются в процессе деривации и характеризуются тождеством семантических структур. Такие единицы мы называем *словообразовательными вариантами*.

Мы не стремимся дать полное и исчерпывающее описание перечисленных проблем. Они могут стать предметом самостоятельных исследований. Остановимся лишь на некоторых аспектах решения первой проблемы.

Компонентный анализ значений производных слов в словообразовательных рядах можно свести к решению таких задач: (1) изучение распределения значений по семантическим полям различного порядка; (2) определение лингвистических значений, репрезентируемых этими семантическими полями, и выявление идеальных отношений между ними, то есть определение структуры реляционного языкового каркаса.

В настоящей статье, поднимая вопрос о семантической структуре словообразовательных рядов, мы ставим **целью** установить, как содержательные характеристики производных прилагательных, составляющих словообразовательные ряды, коррелируют со словообразовательной структурой и что предопределяет отнесение производных разных словообразовательных рядов к одному или к разным семантическим полям.

Изложение основного материала. Словообразовательные варианты в триаде «варианты – синонимы – разные слова» сближаются с однокорневыми синонимами по наличию и в той, и в другой группе слов одного корня, но различаются передаваемыми ими значениями: для *однокоренных синонимов* свойственна **близость** значений, для *словообразовательных вариантов – тождество* значений. Соответственно, среди однокоренных образований могут быть на объективных основаниях выделены однокорневые синонимы, с одной стороны, и словообразовательные варианты, – с другой. Важнейший конституирующий признак синонимии – это презумпция существования двух или более самостоятельных единиц. При варьировании мы можем говорить о своеобразном для данного языка видоизменении формы слова, при полном тождестве семантического содержания двух и более

слов – о двух разновидностях или вариантах одного и того же слова. В связи с вышесказанным все производные словарные единицы мы распределяем по трём группам: 1) варианты одного и того же слова, 2) однокорневые слова-синонимы, 3) однокорневые слова, не связанные отношением синонимии, т. е. разные слова.

Синонимические, омонимические, антонимические (иногда и паронимические) отношения характеризуют одну из существенных сторон словообразовательной системы как системы словообразовательных типов. В этом плане они обладают своими специфическими особенностями и при этом одновременно обнаруживают определённые сходства и параллелизм. Системный изоморфизм словообразовательной синонимии, омонимии, антонимии и отчасти паронимии проявляется в процессе их взаимодействия, делает границы между ними подвижными. Так, А. А. Гречко, рассматривая пары слов типа *трудный – трудовой, вкусный – вкусовой, грязный – грязевой* приходит к выводу, что в этих парах слов семантически представлены два различных суффикса – качественный и относительный [6, с. 124]. Вместе с тем, анализ достаточно большого количества работ по словообразованию имён прилагательных (А. Д. Зверев, В. Н. Немченко, С. Л. Ким, Е. А. Земская, В. В. Грещук, Г. Х. Щербатюк, Е. К. Беспояско, Е. Г. Городенская, З. М. Майданник, О. С. Шевчук, В. Т. Коломиец и др.) приводит к мысли о том, что противопоставление суффиксов *-н-* и *-ов-* имеет смысл лишь при объяснении ограниченного круга языковых явлений. Объясняется это тем, что многие прилагательные на *-н(ый)* являются относительными. Отсубстантивные относительные прилагательные с суффиксами *-н-, -ов-, -ск-* в русском языке являются синтаксическими дериватами, которые могут иметь и качественно характеризующие значения, ср.: *генеральное наступление, генеральский тон*.

В современном русском языке наблюдается тенденция к специализации суффиксов, если однокорневые производные прилагательные не синонимичны. В этом случае разные суффиксы манифестируют разные значения прилагательных, образуемых на базе разных семем производного. Ср.: *показной* – от *показывать* (в знач. обращать внимание, специально подчеркивать что-то), например, *показная дружба, нежность, любовь, народность; показной человек, парень, внешность* и *показательный* – от *показывать* (в знач. характеризовать, указывать на что-то), ср.: *показательные масштабы, показательный суд, показательный колхоз, хозяйство, выступления*.

Суффиксы *-н-, -ов-,* как и суффикс *-ск-*, выражают недифференцированные отношения к

предмету, ср.: *волевой человек – вольный человек; ракушечный домик, песок – ракушковые осколки*. Поэтому они не могут быть противопоставлены по смыслу друг другу. Этим объясняется наличие в русском языке дублетных образований типа *санаторный – санаторский, апельсиновый – апельсиновый, атлетный – атлетический* и т. д.

Однако форманты *-н(ый), -ов(ый), -ск(ий)* при всей их близости/неопределённости семантики функционально не тождественны. Этот факт, с одной стороны, объясняется естественным стремлением носителей языка видеть за чисто формальным различием языковых единиц семантические и функциональные различия. Довольно часто, с другой стороны, однокорневые прилагательные-синонимы не совпадают в отдельных значениях, что приводит к нарушению дублетности. Ср.: *ракушковый* – «относящийся к ракушке» (*ракушковые осколки*), но *ракушечный* – «состоящий из ракушек» (*ракушечный песок, домик*)¹.

Сфера действия формантов *-н(ый), -ов(ый), -ск(ий)* в основном различна [4; 5; 8]. Эти форманты сочетаются с разными основами или соотносятся с разными ЛСВ одного производящего. Однако количество дублетных образований весьма незначительно по сравнению с общим количеством производных прилагательных этих словообразовательных рядов. Функциональная неравноценность этих суффиксов вступает в противоречие с их семантической близостью/равнозначностью. Это противоречие объясняется тем, что «сталкиваются» друг с другом факты разных уровней абстракции. Функциональная неравноценность (специализация) формантов обнаруживается, если их рассматривать с позиции участия в конкретных деривационных актах, когда важен учёт лексического значения обоих членов словообразовательной пары. Равнозначность аффиксов *-н-, -ов-, -ск-*, приводящая к пересечению соответствующих словообразовательных рядов, является следствием максимального обобщения выражаемых этими суффиксами отношений, полного абстрагирования от лексических значений производящих.

Мы выделяем два вида типовых контекста – внутренний и внешний, которые во взаимодействии определяют типовое лексическое значение (в дериватологии – частное словообразовательное значение).

¹ А. А. Тараненко, рассматривая полисемичный параллелизм и явление семантической аналогии в украинском языке, называет подобное явление «синонимичной конкуренцией» [7, с. 80].

Типовой внутренней контекст – это тематическая группа слов-актуализаторов (определяемых), благодаря которым конкретизируется выражаемое отношение.

По аналогии с вышеуказанным мы различаем внешнюю и внутреннюю мотивационные связи производных.

Внешняя мотивационная связь характеризует сближение семантики производного слова с семантикой другого производного, состоящим в родственных связях с производным через вершину словообразовательного гнезда.

Например, в паре равнопроизводных одношаговых паронимов *иронический // ироничный* наблюдается синонимичное сближение. В современном русском языке эти слова дифференцируются в значениях: *иронический* – «отн. к иронии как стилистическому приёму» и *ироничный* – «содержащий элементы иронии, употребляющийся с целью насмешки». Однако эти слова остаются синонимичными в значении «заключающий в себе насмешку» (*ироничный // иронический тон*).

Аналогичное явление наблюдается в парах *симпатический // симпатичный, технический // техничный, дождевой // дождливый, грозный // грозовой, шумный // шумовой, догматический // догматичный, поэтический // поэтичный, прозаический // прозаичный* и др.

Внутренняя мотивационная связь характеризует выведение одного компонента семантической структуры многозначного производного из другого. Ср. *будний // будничный*, где *будний* – «о времени; относительно к будням»; *будничный* – «1) такой, который постоянно окружает человека; предназначенный для будней, труда, занятий; 2) *перен.* прозаический, однообразный», выступают синонимами в значении «относящийся к будням; прозаический, однообразный». При этом второе, переносное, значение производного *будничный* связано внутренней мотивационной связью с первым, основным, значением «такой, который постоянно окружает человека...».

При внешней мотивационной связи может наблюдаться явление опосредованной мотивации. Например, паронимический ряд *систематичный // систематизированный // системный* представляют межшаговые параллельные производные, инвариантом для которых является слово «система»: *системное (систематизированное) изложение, системные (систематичные) занятия, упражнения*. Производные *систематизированный* и *системный*, *системный* и *систематичный* будут представлять собой частичные синонимы, связанные через вершину *система*.

При установлении мотивационной связи между значениями однокорневых производных разных словообразовательных рядов выявляются несколько типов отношений.

(1) **Параллельный тип отношений** – семантическая множественность словообразовательной структуры однокорневых многозначных производных, где различаются несколько (минимум две) внешних мотивационных связей.

(2) **Радиальный тип отношений** – одно значение производного слова (или однозначного слова) вступает в мотивационные связи с несколькими значениями другого однокорневого производного.

Другие типы отношений (перекрещивающийся, смешанный) являются производными от первых двух основных.

Проиллюстрируем различные типы отношений примерами.

(1) Параллельный тип отношений:

пластический // пластичный одношаговые внутришаговые равнопроизводные частично синонимичные паронимы: *пластический* – «1. прил. к пластика (в 1 и 2 зн.); 2. связанный с искусством изящных ритмических движений и жестов; 3. способный под давлением принимать любую внешность, форму и сохранять её после прекращения этого действия; 4. (*мед.*) способствующий исправлению нарушений в строении тела, восстановлению тканей организма»; *пластичный* – «1. обладающий стройным соответствием частей, соразмерный; 2. исполненный гармонии, плавный, изящный; 3. то же, что *пластический* в 3 знач.»;

интеллигентный // интеллигентский внутришаговые равнопроизводные паронимы, выступающие частичными синонимами в двух из своих мотивационных связей, ср.: *интеллигентный* – «1. прил. к интеллигент, интеллигенция; 2. образованный, культурный; 3. свойственный, присущий интеллигенту, интеллигенции»; *интеллигентский* – «1. прил. к интеллигент, интеллигенция; 2. отн. к интеллигенту, к интеллигенции, принадлежащий им, свойственный им».

(2) Радиальный тип отношений:

перепоночный // перепончатый представляют равнопроизводные одношаговые паронимы, связанные через вершину гнезда «перепонка»: *перепоночный* – «отн. к перепонке»; *перепончатый* – «снабженный перепонками: состоящий из множества перепонок»; между значениями производных имеется закономерная связь общего и частного; они связаны опосредованно через значение производящего *перепонка*;

материн // материнский – равнопроизводные одношаговые паронимы; между значениями устанавливается опосредованная связь через вер-

шину *мать*; мотивационная связь через значение «что принадлежит матери» позволяет отнести их к частичным синонимам, ср. *материны // материнские глаза, слёзы*;

пастушеский // пастуший – одношаговые равнопроизводные внутришаговые частичные синонимы (МАС подаёт как полные синонимы), ср.: *пастушеский* – «1. связанный с пастушеством, профессией пастуха; 2. пасторальный»; *пастуший* – «относящийся к пастуху, принадлежащий, свойственный ему» (*пастушеская // пастушья сумка*).

(3) Перекрещивающийся тип отношений:

психологический // психологичный – межшаговые параллельные частичные синонимы (при мотивации *психология – психологизм – психологический* и *психология – психологичный*) и равнопроизводные внутришаговые синонимы (при мотивации *психология – психологический* и *психология – психологичный*); *психологический* – «1. прил. к психология; отн. к психологии, основанный на ней; 2. созданный, построенный на углублённом изображении психологии героев»; *психологичный* – «1. содержащий элементы психологизма; 2. раскрывающий психологические явления».

(4) Смешанный тип отношений:

мифический // мифичный – одношаговые равнопроизводные, синонимичные в значении «не существующий в действительности» (*мифический // мифичный клад*); ср.: *мифический* – «отн. к мифу, содержащий в себе миф»; *мифичный* – «содержащий элементы вымысла, мифичности, несуществующий»; мотивирующее существительное *миф* имеет два значения; оба они непосредственно соотносятся со значениями производных *мифический* и *мифичный*; между собой производные связаны параллельным типом мотивационных отношений через вершину *миф*.

Одношаговые равнопроизводные паронимы *микроскопический // микроскопичный*, связанные через вершину *микроскоп*, устанавливают более сложные мотивационные связи – радиально-последовательные. Ср. также равнопроизводные внутришаговые синонимы *мелодический // мелодичный* в значении «благозвучный» (*мелодические // мелодичные звуки*).

Из приведенных примеров следует, что одному значению производящего может соответствовать более чем одно значение производного. Между значениями однокоренных разносуффиксальных производных устанавливается опосредованная связь через вершину гнезда. Опосредованной является связь значений производных и в том случае, если они непосредственно соотносятся с разными значениями как производящего слова, так и других однокорневых про-

изводных. В этом случае между однокорневыми разносуффиксальными производными устанавливаются более сложные мотивационные связи с различными типами отношений, что приводит к появлению *частичной или полной синонимии*. Такое явление мы квалифицируем как **пересечение словообразовательных рядов**. Остановимся на этом.

В общем семантическом пространстве именных словообразовательных рядов функционально-семантические поля производных слов, не связанные отношениями дизъюнкции, могут пересекаться друг с другом. Для определения области сечения двух и более полей вполне достаточным представляется проверить все элементы одного из полей на диагностирующую формулу другого(их) поля(ей). Если при этом ни одно значение первого поля не отвечает положительно на проводимый тест, то такие поля не имеют точек соприкосновения. Если какая-либо часть значений или какое-либо значение одного поля положительно реагирует на диагностирующую формулу другого поля, то такие поля пересекаются и образуют некоторую общую часть или общий участок (сегмент), который мы называем **функционально-семантическим словообразовательным полем**.

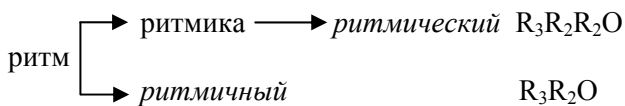
Например, семантическое поле прилагательных ряда на *-ий* частично пересекается с рядом на *-ный* (*рыбий // рыбный*), а также с рядом на *-овый* (*дельфиний // дельфиновый*). В функционально-семантическое поле производных прилагательных на *-овый*/*-евый* вписывается семантическое поле прилагательных на *-иный*, *-ий*: *соболевый // соболин // соболий*. В ряд на *-ый* частично вписывается функционально-семантическое поле прилагательных ряда на *-овый* (*лимонный // лимоновый*), *-ский* (*чародейный // чародейский*). В ряд на *-ский* семантически вписываются многие производные словообразовательного ряда на *-ичный* (*полемический // полемичный*).

Пересечение словообразовательных рядов обуславливается семантическими связями аффиксов друг с другом: инвариантных с инвариантными (*-н*, *-ск*, *-ов*), инвариантных с неинвариантными (*-ск* и *-ий*, *-ж*, *-ин*, *-ов* притяжательных прилагательных). Словообразовательные аффиксы, организующие разные словообразовательные ряды, могут быть синонимичны в одном или нескольких значениях. При этом наблюдается синонимичность абсолютная (полная) и частичная.

Синонимичные форманты имеют как тождественные, так и различные контекстуальные значения. Например, форманты *-ский*, *-ный*, *-овый* образуют словообразовательные ряды

прилагательных с указанием на «признак, что имеет отношение к тому, что названо мотивирующим словом». Вместе с тем между ними наблюдаются дифференциальные отличия. Это проявляется в том, что имеют место такие отношения (например, «лицо – принадлежащий этому лицу»), которые могут быть переданы только с помощью одного суффикса *-ск-* и не могут быть переданы другим, в частности суффиксом *-н-*. Суффикс *-н-*, в свою очередь, способен передавать как качественные (*жирный, шумный, тучный*), так и относительные (*лимонный, апельсиновый, каменный*) значения. Суффикс *-ов-* передаёт только относительные значения (*шумовой, жировой, апельсиновый*).

Частичная синонимия формантов наблюдается при пересечении рядов на *-ск(ий)* и *-ов(ый)*, ср.: *отцовский // отцов костюм; -ск(ий)* и *-ичн(ый)* (*мелодический // мелодичный*). Возьмём пару слов *ритмический // ритмичный*, принадлежащих рядам на *-ск(ий)* и *-ичн(ый)*: *ритмический* – «отн. к ритмике, подчинённый ей»; *ритмичный* – «повторяющийся через равные промежутки чего-л.», т. е.

Оба производных связаны семантически через вершину гнезда *ритм* и имеют общее функционально-семантическое словообразовательное поле «подчинённый ритму, равномерный», что позволяет их в этом значении считать частичными синонимами. МАС подаёт эти производные как абсолютные синонимы, ср.: «*ритмичный* – то же, что *ритмический*». Производные образуются на разных шагах деривации. Поэтому это межшаговые частичные синонимы, что порождаются в различных точках графа: они располагаются на параллельных ветвях. Такой вариант межшаговой синонимии называем параллельным.

Если элементы одного поля одинаково реагируют на диагностирующую формулу другого поля, то тогда первое поле целиком входит в состав второго поля (включение). Например, производные ряда на *-ист(ый)* отличаются более интенсивным проявлением признака, чем производные ряда на *-ат(ый)* (включённая синонимия). Производные идентичны по структуре – отыменные адъективы первого шага образования (равнопроизводные одношаговые), – порождаются в одной и той же точке графа гнезда (внутришаговая синонимия). Поэтому пара *волосатый // волосистый* представляет собой включённую внутришаговую синонимию равнопроизводных одношаговых прилагательных в

месте пересечения словообразовательных рядов на *-ат(ый)* и *-ист(ый)*.

Включённая внутришаговая синонимия наблюдается также в точке пересечения рядов на *-ическ(ий)* и *-ичн(ый)*, ср. *иронический // ироничный* в значении «закрывающий в себе насмешку» (*ироническая // ироничная улыбка*).

Таким образом, функционально-семантические словообразовательные поля дериватов на *-н(ый)*, *-ск(ий)*, *-ическ(ий)*, *-еск(ий)*, *-ичн(ый)*, *-енн(ый)*, *-лив(ый)*, *-ат(ый)*, *-аст(ый)*, *-ист(ый)* и др. пересекаются на основе мотивационных связей и инкорпоративных отношений, в частности включения.

Проводя компонентный анализ частей семантической субстанции языка в сфере имён прилагательных, можно отметить, какие значения устанавливаются между лингвистическими значениями дериватов разных словообразовательных рядов в структуре одного функционально-семантического словообразовательного поля. Так, однопорядковые значения (тип 1), соответствующие непересекающимся полям, считаем находящимися в *отношениях интердепенденции*. Лингвистические значения (тип 2), соответствующие пересекающимся семантическим полям, считаем находящимися в *отношении констелляции*, то есть таких, что не предполагают и не исключают друг друга. Между разнорядковыми полями могут устанавливаться *отношения детерминации* (тип 3) и *отношения импликаций* (тип 4), когда соответствующие поля входят одно в другое.

Например, анализ семантических отношений между производными прилагательными словообразовательных рядов на *не-* и *без-/бес-* позволяет проследить на словообразовательном уровне за разграничением сильного и слабого отрицания (семантико-словообразовательное поле негации и противоположности) [9]. Это в свою очередь помогает понять саму природу дериватов, включающих аффиксы с отрицательным значением [10].

Среди производных прилагательных словообразовательных рядов на *не-* и *без-/бес-* имеется группа парных прилагательных с формально совпадающей в современном русском языке мотивирующей основой типа *беззвёздное (небо) / незвёздное (небо)*, *бесснежная (зима) / неснежная (зима)*, *беззлойный (смех) / незлойный (смех)*, *безобидная (шутка) / необидная (шутка)*, *безболезненный (укол) / неболезненный (укол)* и пр. Обращение к деривационной истории производных прилагательных таких пар свидетельствует о том, что внешнее совпадение их мотивирующих основ скрывает принципиальное различие между ними.

Деривационная история каждого из членов рассматриваемых пар различна, ср.:

звёзды → *без звёзд* → *беззвёздный* (суффиксальный)
звёзды → *звёздный* → *незвёздный* (префиксальный)
злоба → *без злобы* → *беззлобный* (суффиксальный)
злоба → *злобный* → *незлобный* (префиксальный).

Различия в словообразовательных моделях и способах словообразовательного оформления сопровождаются семантическими различиями прилагательных. Так, в прилагательных с префиксом *без-/бес-* сферой действия отрицания является предложение *имеется X: ~(имеется снег) – (не имеется (совсем) снега) = бесснежный; ~(имеется злоба) – (не имеется (совсем) злобы) = беззлобный.*

В прилагательных с префиксом *не-* сферой действия отрицания есть смысл собственно прилагательного с суффиксом *-н(ый)* типа *снежный, злобный, звёздный.* Прилагательные на *-н(ый)* включают в своё значение элемент «много», ср.: *снежная зима* – «такая, что много снега выпало», *звёздное небо* – «небо, на котором много звёзд» и др. Поэтому для таких производных сферой действия отрицания будут предложения с квантитативом «*имеется много X*», в отличие от сферы действия отрицания в прилагательных с префиксом *без-/бес-*: *~(имеется много снега) = снежный – (имеется мало ∨ не имеется (совсем) снега) = неснежный; ~ (имеется много злобы) = злобный – (имеется мало злобы ∨ не имеется (совсем) злобы) = незлобный.*

Так как дизъюнкция слабее каждого из своих дизъюнктов, то отрицание в прилагательных с префиксом *без-/бес-* сильнее отрицания в прилагательных с префиксом *не-*. В данном случае разграничение сильного ∨ слабого отрицания связано со сферой его действия в различных по типу дериватах. Наличие дизъюнкции в случаях типа *незлобный* навязывается чисто логическим подходом к анализу семантики естественного языка.

Такой подход диктуется стремлением не упустить ни одной из теоретически мыслимых возможностей. Как показывает материал, даже при таком подходе отрицание деривата с префиксом *не-* оказывается слабее отрицания в прилагательных с префиксом *без-/ бес-*. На самом же деле в естественном языке отрицанием выражения *имеется много снега, злобы, ...,* скорее всего, будет выражение *имеется мало снега, злобы, ...,* соответственно первому дизъюнкту.

Подобные семантические отношения наблюдаются также в парах производных «прилагательное с префиксом *без-/бес-* и *-О-*» – «прилагательное с суффиксом *-ат(ый), -аст(ый)*».

Таким образом, отношения между лингвистическими значениями производных словообра-

зовательных рядов сводятся к четырем типам функций: функции дизъюнкции (1), функции конъюнкции (2), функции детерминации (3) и функции импликации (4).

Выводы.

1. В словообразовательных рядах устанавливаются мотивационные связи между подрядами. Это выражается в следующем: с одной стороны, возникают узловые связи, в которых находится главное, мотивирующее слово следующего, подчиненного ряда (подряда); с другой стороны, в параллельных группах дериватов возникают «слова-дублиеты» (синонимы, паронимы, словообразовательные варианты). Объясняется это тем, что словообразовательная система основывается в одинаковой мере на формальных и смысловых отношениях.

2. Производное слово того или иного словообразовательного гнезда приобретает структурные и семантические характеристики и свойства, которые проявляются далее при его вхождении в тот или иной словообразовательный ряд.

3. Постоянные изменения значений слов, перестройка их семантической структуры приводят к изменению словообразовательных отношений, что влечет за собой разрыв гнёзд, перестройку их структуры и образование новых гнёзд. Таким путём происходит пополнение и пересечение со словообразовательными гнёздами словообразовательных рядов.

4. Различение внешних и внутренних мотивационных связей однокорневых производных разных словообразовательных рядов помогает вскрыть семантическое сближение компонентов их семантической структуры и несколько иначе в связи с этим посмотреть на процесс появления частичной синонимии как результат пересечения словообразовательных рядов.

5. При пересечении словообразовательных рядов различаются несколько типов отношений в результате установления мотивационных связей (параллельный, радиальный, перекрещивающийся, смешанный). Типы отношений определяют общее словообразовательное поле между однокорневыми разноаффиксальными производными словообразовательных рядов.

ЛИТЕРАТУРА

1. Харитончик З. А. Имена прилагательные в лексико-грамматической системе современного английского языка : монография / Зинаида Андреевна Харитончик. – Минск : Высшая школа, 1986. – 96 с.
2. Бережан С. Г. Семантическая эквивалентность лексических единиц : монография / С. Г. Бережан. – Кишинев : Штиинца, 1973. – 372 с.
3. Czekanowski J. Zarys metod statystycznych w zastosowaniu do antropologii / J. Czekanowski // Prace

- Towarzystwa naukowego Warszawskiego. III. Wydział nauk matematycznych i przyrodniczych. – Warszawa, 1913. – № 5. – S. 226–257.
4. Горбачевич К. С. Изменение норм русского литературного языка / К. С. Горбачевич. – Л. : Просвещение, 1971. – 270 с.
 5. Горбачевич К. С. Нормы современного русского литературного языка : пособие для учителей / К. С. Горбачевич. – М. : Просвещение, 1978. – 240 с.
 6. Гречко В. А. О некоторых источниках лексической синонимии / В. А. Гречко // Очерки по синонимике современного русского литературного языка / ред. А. П. Евгеньева. – М. ; Л. : Наука, 1966. – С. 120–166.
 7. Тараненко О. О. Полісемічний паралелізм і явище семантичної аналогії / О. О. Тараненко. – К. : Наукова думка, 1980. – 115 с.
 8. Русская грамматика : в 2 т. – Т. 1 : Фонетика. Фонология. Ударение. Интонация. Словообразование. Морфология. – М. : Наука, 1980. – 783 с.
 9. Коссаk Н. В. Сильное и слабое отрицание в русском языке / Н. В. Коссаk, В. Н. Костюк // Проблемы структурной лингвистики 1980. – М. : Наука, 1982. – С. 50–62.
 10. Zimmer K. Affixal Negation in English and Other Languages: an investigation of Restricted Productivity / K. Zimmer // Supplement to Word. – 1964. – № 2. – V. 20. – 105 p.

АФОРИСТИЧЕСКИЙ ТЕКСТ КАК ПРЕДМЕТ КОГНИТИВНОГО АНАЛИЗА

У статті пропонується методика когнітивної інтерпретації афористичних висловів. Проаналізований матеріал дозволив виявити ознаки концепту «жінка», що відображають колективні знання в структурі даного поняття.

Ключові слова: афористичне об'єктивізація, концепт, когнітивні ознаки.

В статье предлагается методика когнитивной интерпретации афористических высказываний. Проанализированный материал позволил выявить признаки концепта «женщина», отражающие коллективные знания в структуре данного понятия.

Ключевые слова: афористическая объективизация, концепт, когнитивные признаки.

The method of objective interpretation of gnomic utterances is offered in the article. The analyzed material allowed to expose the signs of concept «woman», reflecting collective knowledge in the structure of this concept.

Key words: gnomic objectivities, concept, cognitive signs.

Постановка проблемы. Анализ афористической объективизации концепта как ментальной единицы сознания (единицы мышления и хранения информации в сознании), представляющей собой квант структурированного знания и репрезентирующей культурно-национальную ментальность его носителей, является одним из способов получения информации о содержании и структуре концепта. Афористические выражения представляют собой некоторое оригинальное, привлекающее внимание суждение о мире, заключенное в краткую, экспрессивную форму. «Афоризм – это остроумная словесная миниатюра, высказывание, иногда парадоксальное и всегда мудрое, меткое и вскрывающее необыкновенную сторону обычного» [1, с. 52].

Анализ литературы. На большие перспективы концептуального анализа обращают внимание многие современные лингвисты. Ученые определяют понятие «концепт» и его структуру [2–4], исследуют принципы организации языковой картины мира [5–7], проводят анализ языковых механизмов формирования языкового сознания личности [6–8]. В работе мы придерживаемся точки зрения В. В. Колесова [9]. Описание словесных знаков по концептам национального менталитета ученый считает принципиально новой формой толкования слов. Основную задачу ментального описания исследователь видит в выявлении и формулировании семантической доминанты, не изменяющейся с течением времени, как основного признака в содержании выраженного словесным знаком концепта. Концепт выражает со-значения «национального колорита», т. е. все принципиально возможные значения в символично-смысловой функции языка как средства мышления и общения.

Цель предлагаемой статьи – на примере афористической объективизации концепта *женщина* показать принципы использования афористики как источника сведений о когнитивных признаках.

Изложение основного материала. На первом этапе исследования был составлен список афористической объективизации концепта. Источником для данного исследования послужили сборники афоризмов, крылатых выражений и мудрых мыслей, принадлежащих русскоязычным авторам [10]. Проанализированы 253 афоризма, объективирующих различные стороны концепта *женщина*.

Затем была проанализирована когнитивная интерпретация семантики выделенных афористических единиц. Использование методики когнитивной интерпретации позволяет выявить афористически объективированные когнитивные признаки концепта:

глупая (17 примеров) *Мысль овладела женщиной, но она ещё долго сопротивлялась* (Б. Трушкин); *От дури женщины и дьявол зарыдаёт* (В. Мозговой);

продолжательница жизни (15 примеров) *Женщина рождает детей, мужчина – афоризмы* (В. Мозговой);

нелогичная (16 примеров) *Логика бывает диалектическая и формальная. Все остальное – женская* (М. Генин);

красивая (15 примеров) *Бог дал женщине красоту! Дьявол – ум.* (Л. Сухоруков);

привлекательная (15 примеров) *Чем привлекательнее женщина, тем она завлекательнее* (Л. Сухоруков);

умная (15 примеров) *Если женщина умная, то это надолго* (Б. Трушкин);

болтливая (13 примеров) Все-таки женщину легче понять, чем дослушать (М. Мамчич);

любимая (10 примеров) Моя любимая – самая красивая женщина в мире. Не верите? Взгляните на нее моими глазами (И. Шевелев);

является женой (10 примеров) Мужчина, который никогда не помнит дня рождения женщины, но точно знает, сколько ей лет – это ее муж (Ф. Раневская);

относится к женскому полу (9 примеров) Я слишком женщина, чтобы понять мужчин (О. Анина);

изменяет мужчине (8 примеров) То, что вам изменяет женщина, еще не значит, что вам изменяет счастье (Э. Севрус);

командует мужчиной (6 примеров) Когда у жены все пальцы указательные, мужу трудно не сбиться с пути (К. Кушнер);

скрывает возраст (6 примеров) Если женщина не скрывает свой возраст, значит, ей нужно алиби (И. Иванюк);

крикливая (4 примера) Мужчина кричит, чтобы его слышали, а женщина – чтобы ее поняли (К. Мелихан);

хочет любви (4 примера) Есть женские души, которые вечно томятся какой-то печальной жаждой любви и которые от этого самого никогда и никого не любят (И. Бунин);

опаздывает (4 примера) Женщины умирают позже мужчин, потому что вечно опаздывают (К. Мелихан);

является матерью (4 примера) Выбирая себе жену, надо помнить, что выбираешь мать своим детям (В. Ключевский);

беременная (4 примера) Если женщина находится в интересном положении, интерес к ней мужчин ослабевает (Б. Трушкин);

непостоянная (4 примера) Женщины последовательны в своем непостоянстве (А. Кнышев);

сильная (4 примера) Слабым полом женщин назвали мужчины с перепугу (Б. Трушкин);

эгоистичная (3 примера) Есть три разряда эгоистов: эгоисты, которые сами живут и жить дают другим; эгоисты, которые сами живут и не дают жить другим; наконец, эгоисты, которые сами не живут и другим жить не дают. Женщины большей частью принадлежат к третьему разряду (И. Тургенев);

идеальная (3 примера) Идеальные женщины встречаются очень редко и то только во сне (А. Рас);

беззащитная (3 примеров) Для джентльмена беззащитность женщины – лучшая природная её защита (Л. Сухоруков);

непредсказуемая (3 примера) В мире есть три абсолютно не предсказуемые вещи – погода, глупость и женщины (Л. Сухоруков);

капризная (3 примера) Капризная женщина – это находка для флегматичного мужчины: с ней не соскучишься (Б. Трушкин);

трудолюбивая (3 примера) Жена трудяга – мечта лентяя (В. Мозговой);

обладает изюминкой (3 примера) Женщина без изюминки – что цветок без аромата (В. Георгиев);

неповторимая (3 примера) Все женщины одинаковы – каждая неповторима (В. Сумбатов);

готова к самопожертвованию (3 примера) Женщина не только способна понять самопожертвование: она сама умеет пожертвовать собой (И. Тургенев);

любит спорить (3 примера) Спорить с женщиной, что с погодой (В. Афонченко);

привлекает прической (3 примера) Волосы для женщины, что рама – для картины (О. Муравьева);

обманывает (3 примера) Женщина обманет само всевидящее око (Ф. Достоевский);

загадочная (3 примера) В женщине должна быть загадка (кинофильм «Служебный роман»);

верная (3 примера) Женщина хранит верность в двух случаях: когда считает, что ее мужчина ни на кого не похож, или когда считает, что все мужчины одинаковы (К. Мелихан);

скандальная (3 примера) Женщины вообще любят драматизировать свои чувства и поступки: сделать сцену почитают они обязанностью (М. Ю. Лермонтов);

всегда права (3 примера) Ты – Женщина, и этим Ты права (В. Я. Брюсов);

непоследовательная (3 примера) Действия женщин похожи на скачки блох: та же решительность и непоследовательность (А. Григорович);

воздействует на детей (3 примера) Муж – глава в доме, а все-таки дети таковы, какова у них мать (В. Классовский);

плаксивая (2 примеров) Чего не достигают мужчины словами, женщина легко добивается слезами (Т. Клейман);

не умеет хранить тайн (2 примера) Тайна, какого рода ни была бы, всегда тягостна женскому сердцу (А. С. Пушкин);

молчаливая (2 примера) Внимательно слушайте, о чём молчат женщины, и вы будете их лучше понимать (Б. Трушкин);

салятся на шею мужчине (2 примера) Чисто женское самоубийство – повесилась на шею (В. Домиль);

трусливая (2 примера) Замужняя женщина боится развода, незамужняя – брака (В. Георгиев);

обидчивая (2 примера) Женщины легче переносят большие беды, чем маленькие обиды (К. Мелихан);

выносливая (2 примера) Если для мужчины прерогативой является сила, то для женщины – выносливость (И. Шевелев);

упрямая (2 примера) Женская логика – вера, что упрямство фактов может быть преодолено еще большим собственным упрямством (А. Круглов);

является любовницей (2 примера) Быть пленником любовницы хуже, нежели быть пленником на войне; у неприятеля скорее может быть свобода, а у женщины оковы долговременны (Пётр I);

ревнивая (2 примера) Умная жена и ревнивая жена – два предмета разные (Ф. Достоевский);

выходит замуж (2 примера) Глупые женщины влюбляются, а умные выходят замуж (К. Мелихан) и т. д.

Всего 127 когнитивных признаков.

Анализ и обобщение близких по содержанию когнитивных признаков позволил выявить когнитивные классификаторы (классификационные признаки), отражающие направления концептуализации когнитивным сознанием русского человека, которые приводятся в порядке уменьшения их яркости:

характерное социальное поведение (77) – командует мужчиной 6; упрямая 5; поработцает мужчин 5; опаздывает 4; непостоянная 4; капризная 3; скандальная 3; всегда права 3; эгоистичная 3; всегда права 3; готова к самопожертвованию 3; не понимает мужчин 3; обманывает 3; стержовная 3; легкомысленная 2; хитрая 2; трусливая 2; умеет прощать 2; злопамятная 2; непритязательная 2; подчиняется мужчине 2; принимает ухаживания 2; сохраняет женские привычки 2; независимая 1; решительная 1; копуша 1; капризная 1; робкая 1; приличная 1; модница 1;

производимое внешнее впечатление (35) – красивая 15; привлекает прической 3; женственная 3; загадочная 3; некрасивая 2; хочет нравиться 2; милая 2; похожая на других женщин 2; неповторимая 2; производит очень хорошее внешнее впечатление 1;

интеллектуальные качества (35) – глупая 17; нелогичная 16; умная 15; непоследовательная 3;

характерное эмоциональное состояние (27) – хочет любви 4; непостоянная 4; непредсказуемая 3; беззащитная 3; обидчивая 2; чувствительная 2; мечтательная 2; любит 2; легко обидеть 2; плачет 1; весёлая 1; вселяет надежду 1;

характерное коммуникативное поведение (26) – говорит лишнее 13; крикливая 4; любит спорить 3; не умеет хранить тайн 2; сплетничает 2; молчаливая 2;

репродуктивная функция женщины (23) – продолжательница жизни 15; в положении 4; является матерью 4;

характер воздействия на окружающих (16) – сводит мужчин с ума 6; очаровательная 3; воздействует на детей 3; обаятельная 2; садятся на шею мужчине 2;

предмет любви мужчины (14) – любимая 10; влюблённая 1; является объектом любви 1; на всю жизнь 1; её носят на руках 1;

пол (12) – относится к женскому полу 9, противопоставлена мужскому полу 2, указание на лицо 1;

семейный статус (12) – не замужем 5; является женой 4; является невестой 3;

возраст (11) – скрывает возраст 6; зрелая 3; молодая 2;

характер (11) – добрая 3; хорошая 2; заботливая 2; ласковая 1; душевная 1; склочная 1; терпеливая 1;

мифологический образ (10) – связана с нечистой силой 6; обладает интуицией 4;

отношение к деньгам (9) – корыстная 5; распоряжается деньгами 4;

характерные запоминающиеся части тела, лица (9) – привлекает фигурой 5; привлекает ногами 4;

отношение к внешности (8) – следит за своим внешним видом 4; увлекается диетами 4;

темперамент (8) – холодная 6; страстная 2;

типичный характер деятельности (7) – покупает одежду 5; готовит 2;

характерное физическое состояние (7) – слабая 5; выносливая 2;

моральные качества (6) – верная 3; распутная 2; гордая 1;

характерная одежда (4) – привлекает каблучками 4;

функции (4) – создает уют 2; является хозяйкой 2;

национальная принадлежность (3) – русская 2; американка 1;

характер (3) – обладает изюминкой 3; капризная 3; идеальная 3;

типичный запах (3) – привлекает запахом 3;

эстетический вкус (2) – любит красивые вещи 1; любит украшения 1;

социальная идентификация (2) – умеет дружить 1; соперничает за мужчин с другими женщинами 1;

статус, общественное положение (2) – является коллегой 1, является государственным мужем 1;

идентифицируется по родственным отношениям (1) – является свекровью 1;

символический смысл (1) – является символом мира 1.

Таким образом, рассмотрение афористического фонда русского языка, являющегося одним из фрагментов русской языковой картины мира, позволило выявить набор когнитивных признаков и классификаторов, а также установить, что наиболее яркими являются классификационные признаки, отражающие поведенческие характеристики, семейный статус женщины, ее внешний вид, репродуктивную функцию. Актуализирующиеся афористическими единицами в языковом сознании русского народа признаки концепта «женщина», имеющие афористическую объективацию, обладают как положительной, так и отрицательной коннотацией, но преобладание в афористическом фонде негативной оценочности женщины незначительно.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бореев Ю. Б. Эстетика. Теория литературы: энциклопедический словарь терминов / Ю. Б. Бореев. – М. : ООО «Издательство «Астрель» : ООО «Издательство АСТ», 2003. – 575 с.
2. Алефиренко Н. Ф. Лингвокогнитивное моделирование картины мира / Н. Ф. Алефиренко // Картина мира: язык, литература, культура. – Вып. 2. – Бийск : Изд-во БГПИ, 2006. – С. 274–281.
3. Антология концептов / под ред. В. И. Карасика, И. А. Стернина. – Т. 1. – Волгоград : Парадигма, 2005. – 348 с.
4. Воркачев С. Г. Лингвокультурология, языковая личность, концепт: становление антропоцентрической парадигмы в языкознании / С. Г. Воркачев // Науч. докл. высш. шк. Филологические науки. – 2001. – № 1. – С. 64–72.
5. Булыгина Т. В. Русская языковая картина мира в зеркале системных связей: феномен «народной этимологии» / Т. В. Булыгина, А. Д. Шмелев // Русский язык сегодня. Сб. статей. – Вып. 2. / РАН. Институт русского языка им. В. В. Виноградова ; отв. ред. Л. П. Крысин. – М. : Азбуковник, 2003. – С. 66–74.
6. Кубрякова Е. С. Язык и знание / Елена Самойловна Кубрякова. – М. : Языки славянской культуры, 2004. – 560 с.
7. Приходько А. М. Концепти і концептосистеми в когнитивно-дискурсивній парадигмі лінгвістики / А. М. Приходько. – Запоріжжя, 2008. – 332 с.
8. Стернин И. А. Когнитивная интерпретация результатов лингвистических исследований / Иосиф Абрамович Стернин // Новое в когнитивной лингвистике / под ред. М. В. Пименовой. – Кемерово, 2006. – С. 155–163.
9. Колесов В. В. «Жизнь происходит от слова...» / Владимир Викторович Колесов. – СПб. : Златоуст, 1999. – 368 с.
10. Словарь афоризмов русских писателей / А. В. Королькова, А. Г. Ломов; А. Н. Тихонов ; под ред. д-ра филол. наук, проф. А. Н. Тихонова. – М. : Русский язык : Медиа, 2004. – 636 с.

УДК 811.161.2'221:398.8

Бессонова Л. Е., Гажала А. А.

НАЦИОНАЛЬНО-КУЛЬТУРНА СПЕЦИФІКА НЕВЕРБАЛЬНИХ ОДИНИЦЬ У ТЕКСТАХ УКРАЇНСЬКИХ ВЕСІЛЬНИХ ПІСЕНЬ КІНЦЯ ХІХ СТОЛІТТЯ

У даній роботі з позиції комунікативно-функціонального підходу описана семантика невербальних одиниць на матеріалі українських весільних пісень, проведена їх класифікація, виявлена національна специфіка при лінгвокультурологічному описі.

Ключові слова: невербальна семіотика, невербальні одиниці, комунікація, жест, обряд.

В данной работе с позиции коммуникативно-функционального подхода описана семантика невербальных единиц на материале украинских свадебных песен, проведена их классификация, выявлена национальная специфика при лингвокультурологическом описании.

Ключевые слова: невербальная семиотика, невербальные единицы, коммуникация, жест, обряд.

The article deals the description of the semantic of nonverbal units of the Ukrainian wedding songs from the position of the communicative – functional approach. The article performed their classification, find national specificity in Linguocultural description.

Key words: nonverbal semiotics, nonverbal units, communication, gesture, ritual.

Постановка проблеми. Антропоцентрична парадигма сучасної лінгвістики характеризується появою нових дослідницьких напрямів. Так, одним з об'єктів дослідження сьогодні стає невербальна семіотика. Багатозначність невербальних одиниць свідчить про значний потенціал мовних ресурсів в текстах різних жанрів, специ-

фіку як мовних, так і екстралінгвістичних умов прояву невербальної комунікації. Актуальність даної теми полягає в необхідності поповнення знань про невербальне спілкування людей, що особливо важливо для перекладачів, одержуючих навички читання, письма, розмови та основ невербальної поведінки.

Аналіз літератури. Досвід комунікативної лінгвістики сформувався давно, але, не дивлячись на все це, робіт за даною темою не так багато (роботи Г. Ю. Крейдліна [1; 2], Ю. Є. Прохорова, І. А. Стерніна [3], В. І. Аннушкіна, Д. Б. Гудкова, В. В. Красних, О. О. Селиванової, Н. Н. Нічик).

Один з відомих постулатів сучасної лінгвістики, пов'язаний з ідеєю комунікації звучить так: у спілкуванні відбувається передача сенсів. Для того, щоб зрозуміти, що саме хоче нам сказати співбесідник, необхідно одночасно врахувати і те *що* він говорить, і те, *як* він говорить (інтонацію, жести, міміку й ін.) – його знакову інформацію (або невербальну поведінку). Вчені вважають, що в акті усного спілкування ніколи не здійснюється просте кодування сенсу або перекодування інформації. У ньому співіснують паралельно різні системи обробки знакової інформації «хоч вони і конкурують в принципі, але не накладаються один на одного, а є складнішим співвідношенням» [2, с. 5].

Комунікація людей складається з вербального і невербального спілкування. Наука, предметом вивчення якої є невербальна поведінка і взаємодія людей, називається «невербальною семіотикою». В центрі вивчення цієї науки знаходиться людина і особливості її невербальної поведінки в акті комунікації [4, с. 225].

На думку вчених, невербальна семіотика складається з таких розділів, як паралінгвістика, кінесика, окулесика, аускультация, гаптика, гас-тика, ольфакція, проксемика, хронеміка і системологія.

Основною **метою статті** є дослідження невербальних засобів комунікації українських весільних пісень. Для її вирішення визначені такі завдання, як описати і класифікувати невербальні одиниці, а також проаналізувати їх з позиції лінгвокогнітивного підходу й визначити їх комунікативну значущість.

Виклад основного матеріалу. Якнайповніше внутрішній світ народу відображають його традиції – жива національна пам'ять народу, втілення пройденого їм шляху і неповторного духовного досвіду. У наш час обряди становлять частину народних традицій. У минулому вони сприймалися не як традиція, а кожному елементові надавалось важливого магічно ритуального або утилітарного смислу [5; 6]. Одна з найбільш розроблених та найбільш багатих з точки зору змісту, емоційної зафарбованості своєрідного театрального дійства сфер – весільні обряди [7].

У нашій роботі були проаналізовані невербальні засоби комунікації. Аналіз показав, що найбільш застосовуються одиниці паралінгвістики, кінесици, аускультатії, проксемици та сис-

темології. При всій складності порахувати елементи усіх складових наук невербальної комунікації (невербальні засоби можуть мати декілька значень, відноситися до різних розділів невербальної семіотики одночасно) ми зробили спробу класифікувати та описати ці елементи.

Так, наприклад, до засобів кінесици можна віднести жест *подавати руки*. Він використовується не тільки між рівними за статусом та віком (батьки – свати), але й між поколіннями у родині (батьки – діти). Коли молода приходить до хати свого нареченого, свекор подає їй руки. Це означає встановлення контакту, підтвердження взаєморозуміння, довіру, радість зустрічі, щирість, ласкове ставлення до молодої, участь, підтримку, бажання надати дівчині відчуття захищеності. Цей жест за своїм змістом можна назвати й інтимним, тому що таким чином молода розуміє, що стає частиною цієї сім'ї. Також інтимний характер надають батьківський поцілунок та обійми свекра. В відповідь молода кланяється:

Ой, я свекра не боюся,

*Ой, я свекру **поклонюся**:*

Во він се розтолкує

І обніме, поцілує.

Цей поклон означає пошану, упокорювання, подяку, готовність послужити, допомогти. Людина, яка кланяється – це людина, яка вміє поважати, шанувати інших і, значить, добра людина.

Також у весільних піснях використовуються такі кінесичні засоби, які передають схвильованість дівчини словом «тріпотіти», адже вона більше не буде жити зі своєю матусею та батечком, не знає, як їй буде у новій родині, чи буде її любити чоловік:

Смот же ти, Олено,

На той свій віночок –

*Як ся ти **трепоче***

Доєден листочок.

Також засобами кінесици передаються правила, яких потрібно дотримуватись дівчині, щоб потім бути щасливою.

Релігійний жест *скласти два пальці* на престолі, якій часто вживається в діалектних текстах, означав якусь гарантію майбутнього благополуччя. Молоді, стоячі перед престолом Божим у храмі, обіцяли дотримуватися вірності усе життя, хрестом (робився двома скріпленими пальцями правої руки) зміцнювали свої обіцянки та отримували благословення.

Дуже поширеним є використання засобів проксемици. Це обумовлюється, перш за все, тим, що спочатку були дві людини, які жили у різних місцях, у різних родин, дотримувались різних способів господарювання, а після весілля з'являється нова родина, у якій вже буде одна

хата (найчастіше, як прийнято, у родині чоловіка), одні звички. Так, дівчина повністю переходить на так звану «територію» чоловіка, а їх сім'ї стають набагато ближче.

Перше зближення родин відбувається під час сватання, коли приходять свати до сім'ї дівчини і просять відкрити їм двері:

*Пусте же нас, пусте,
Або нам отворте –
Бо ся погніваме,
То ся повертаме!*

Отворте нам двері, бо нам зимно.

Господарі, які відкривали двері, пускали сватів до хати. Таким чином вони проявляли пошану до гостей та знак «готовність до спілкування» – з публічної дистанції переходили на соціальну, а потім на особисту.

Засобом проксемиці відображується і характер людини: *(парубок) дома не ночує*. Тому можна зробити висновок, що, якщо хлопець ніччю знаходиться поза територією дому, як прийнято, він порушує традиції, і тому, скоріш за все, не буде і потім дотримуватись правил, зробить дівчину нещасливою. Саме тому, коли батьки вирішували видавати заміж доньку за цього парубка, приділяли так багато уваги на те, як він живе, як себе поводить, навіть таким «дрібницям», як він розмовляє:

*– Що ти того Петрусенька полюбила?
– Не я його, подружечки, полюбила,
Та полюбив його мій батенько:
За його тихі розговори,
За його низькі поклони.*

Тихо розмовляти означає не порушувати спокою родини, поважати батьків та дівчину, лагідно та ніжно ставитися до людей.

Однак у українців також ціниться не тільки вміння тихо поводити себе, а й активність, працьовитість, добрий настрій. При характеристиці молодої говорять, що вона *шумне дівча*. Використовуючи такий засіб аускультатії (можна ще віднести до проксемиці, бо шум народжується і завдяки шуму від предметів, якими дівчина прибирає, готує тощо), підмічають, що дівчина знаходиться у доброму гуморі, вона постійно щось робить по господарству, значить і зможе потім доглядати за чоловіком, буде доброю дружиною.

Серед засобів паралінгвістики можна виділити також елемент, який вказує на схвильованість дівчини:

*Стоїть там за дверми,
Черкає сой ключиками.*

У знак згоди на шлюб дівчина виносила хліб (елемент гасиці) в обмін на хліб нареченого. Хлібом та сіллю зустрічали молодих у хаті,

де вони будуть жити. Важливо відмітити, що цей хліб випікався за спеціальним святковим рецептом одруженими (нерозлученими) жінками. Форма такого хлібу була круглою або кільцевою, що символізувало єдність та вічність кохання. Ставлення до нього було як до священного предмету, заробленого тяжкою працею, це був символ добробуту, гостинства та щастя, тому у кінці весілля *молода дарить всіх присутніх хлібом*.

На стіл для гостей ставилися такі національні блюда:

*Їли липкі, білі калачі,
Молодиці паляниці,
А парубки – житній хліб.
Пили дівки мед й горілку,
Молодиці бражечку,
А хлопці гуцу.*

Завдяки цим засобам гасиці підкреслюється святковість дії, гостинність господарів та добробут.

Схильність українців надавати магічного, особливого сенсу різним предметам обумовлює використання елементів системології. Так, хліб з сіллю (називали ще коров'яром, балцем) символізує добробут, гостинність: *Зарубина витає хлібом й сіллю*; за допомогою свічей відганяли злих духів, берегли від нещастя: *В дверях стоять дружбове, з топорками навхрест, зі свічками в руках*.

Всі елементи невербальної семіотики використовуються разом, нероздільно, в системі; їх вживання соціально обумовлено, є градація за віком, соціальним статусом, за ролями, які виконуватимуть учасники дії в процесі комунікації. Кожен елемент має декілька рівнів сенсу: безпосередній (такий, що задається сценарієм обряду), символічний, прогностичний, і можливо, магічний.

Невербальні і вербальні елементи підтверджують один одного, не допускаючи двозначності, різночитань в розумінні, в тлумаченні здійснення обряду.

Всі предмети, використані у весільних обрядах, пов'язані з селянським побутом. Це має не тільки утилітарне, практичне значення, але й виховне. Молоді затверджуються в непорушності справжніх цінностей праці як головної умови добробуту. Використання води, кольорів – предметів природного світу говорило про те, що людина повинна з вдячністю прийняти нерукотворні дари від Бога, матері-землі. Очищення душі, обов'язкове для духовного здоров'я, силами однієї людини здійснитися не може – тут необхідне втручання неземного.

Висновки. Весільні обряди по багатству використання невербальних елементів є свідоцт-

вом гармонійної єдності людини та сім'ї, людини та суспільства, людини та природи. Типи невербальних одиниць в досліджуваних текстах пісенного жанру характеризуються своєрідністю комбінаторики семиотичних компонентів, що визначає емоційний рівень невербальної поведінки учасників комунікативної події «весілля».

ЛІТЕРАТУРА

1. Крейдлин Г. Е. Голос и тон в культуре и языке / Г. Е. Крейдлин. – М. : Индрик, 1999. – 501 с.
2. Крейдлин Г. Е. Невербальная семиотика / Г. Е. Крейдлин. – М. : Новое литературное обозрение, 2004. – 581 с.
3. Прохоров Ю. Е. Русские: коммуникативное поведение / Ю. Е. Прохоров, И. А. Стернин. – [3-е изд., испр.]. – М. : Фланта : Наука, 2007. – 328 с.
4. Формановская Н. И. Речевое взаимодействие: коммуникация и прагматика / Н. И. Формановская. – М. : Икар, 2007. – 480 с.
5. Моїсеєнкова Л. С. Українські народні пісні / Л. С. Моїсеєнкова, П. М. Марциновський. – Сімферополь : Бізнес-Інформ, 2005. – 480 с.
6. Рильский М. Т. Народна поетична творчість / Максим Тадейович Рильський та ін. – К. : Радянська школа, 1965. – 418 с.
7. Боплан Г. Л. Весільні звичаї в українців у першій половині XVII століття / Г. Л. Боплан. – К. : Наукова думка, 1970. – 63 с.

УДК 81'42:811.161.1

Бессонова Л. Е., Сегал Н. А.

КУЛЬТУРНО-ЯЗЫКОВЫЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ КОНЦЕПТА *ТОЛЕРАНТНОСТЬ*

У статті розглядається концепт толерантність як одиниця політичного і педагогічного дискурсів. Аналізується семантична і концептуальна природа концепту, на основі лексикографічних досліджень виділяються його семантичні ознаки.

Ключові слова: *концепт, толерантність, дискурс.*

В статье рассматривается концепт толерантность как единица политического и педагогического дискурсов. Анализируется семантическая и концептуальная природа концепта, на основе лексикографических источников выделяются его семантические признаки.

Ключевые слова: *концепт, толерантность, дискурс.*

The article considers the concept tolerance as a unit of the political and pedagogical discourse. Semantic and conceptual nature of the concept is analyzed; on the basis of the lexicographical sources its semantic indications are singled.

Key words: *concept, tolerance, discourse.*

Постановка проблеми. Вторая половина XX века для мирового сообщества была периодом больших научных достижений и открытий. Однако при этом заметном прогрессе наш мир, как отмечают ученые, стал более конфликтным, чем раньше. Этот факт приводит сегодня научное сообщество к поиску путей решения конфликтов и мирной организации нашей жизни. Современность самой проблемы толерантности, важной для любого общества, а также необходимость описания ее содержания в коммуникативно-прагматическом контексте обусловили актуальность предлагаемого исследования. К настоящему времени, когда основное понимание данного концепта в языковой картине мира достаточно определилось, возникла необходимость в комплексном подходе представления тех концептуальных моделей, которые позволяют концепту *толерантность* уверенно занять свое место в системе политических концептов, определяющих мир человека.

Являясь концептом межличностной коммуникации, *толерантность* как важная социо-

культурная характеристика определяет коммуникативное поведение человека. По мнению лингвистов, этот концепт не относится к числу центральных концептов русского сознания, однако интерес к нему объясняется как универсальностью его коммуникативно-психологического содержания, так и важностью описания семантической структуры.

Анализ литературы. Существуют различные подходы к определению *толерантности*. Так, объектом лингвополитологических дискуссий является вопрос разделения активной и пассивной позиций субъекта: противостоят или терпеть? Так, Л. М. Романенко, говоря о зарождении этого явления в эпоху античности, описывает его как «признание и уважение прав и свобод человека, которые, несмотря на все различия, должны быть одинаковыми для всех» [1, с. 180]. Л. М. Дробижева видит в *толерантности* «готовность принять «других» такими, как они есть, и взаимодействовать с ними на основе понимания и согласия» [2, с. 305]. Другой позиции придерживается С. Г. Ильинская: «Я считаю,

что политическая практика терпимости – порождение Нового времени, неразрывно связанное с «изобретением» приватности, и определяю ее как *способ взаимоотношений...*» (курсив наш) [3, с. 122]. Понятие *толерантность*, по мнению И. А. Долговой, относится к числу концептуально-регулятивов, определяющих нормы поведения в обществе, и сопоставим с такими единицами дискурса, как, например, «честь», «приватность», «пунктуальность», но в отличие от названных концептов он разворачивается прежде всего в политическом дискурсе [4, с. 62].

Таким образом, в современных гуманитарных науках *толерантность* рассматривается в соотношении с феноменом политического насилия, что снимает противоречия при уточнении его дефиниции. Этот подход впервые был отмечен в работе известного философа языка Ю. Хабермаса [5].

Цель статьи – рассмотреть концепт *толерантность* как одну из доминант современного политического дискурса, выделив в нем различные социокультурные характеристики.

Изложение основного материала. Сложность концептуальной природы *толерантности* предполагает и неоднозначность семантической структуры концепта. Известно, что лингвокультурный концепт представляет собой сегментное образование, в котором базовый чувственный слой окружен несколькими сегментами, равноправными по степени абстракции. З. Д. Попова, И. А. Стернин подробно описали модель сегментного концепта *толерантность*, выделив в нем кодирующий образ в чувственно-образном ядре как единицу универсального предметного кода [6, с. 106].

Такие когнитивные признаки, как терпимость, сдержанность, бесконфликтность наслаиваются на базовый, кодирующий образ и составляют вместе с ним базовый слой концепта. Этот базовый чувственный слой окружен несколькими сегментами, равноправными по степени абстракции и различающимися по своему содержанию в соответствии с характером человеческой деятельности. Например, И. А. Стерниным была отмечена, прежде всего, «политическая *толерантность* как терпимость к людям других политических взглядов, уважение к иным политическим позициям, признание права каждого на свои политические убеждения» [7, с. 63]. Концептуальное поле включает в себя, по мнению ученого, несколько концептуальных слоев-сегментов, которые отражают развитие концепта и его связи с другими концептами: научная, бытовая, административная, спортивная, медицинская, экономическая *толерантность*. Надо отметить, что такой когнитивный подход позволил

объективно отразить смысловое содержание данного понятия в современных словарях энциклопедического типа [8; 9], где каждый из описанных сегментов представляет собой систему концептуальных признаков, или «дискретных элементов».

Анализ коммуникативного содержания основных видов *толерантности* позволяет сделать вывод о том, что базовым, эмпирическим уровнем для ее формирования является *межличностная толерантность*. Это подтверждается результатами многих лингвокультурологических и психолингвистических исследований, направленных на отражение описываемого концепта в русском сознании [10; 11]. Понятийная составляющая, по мнению исследователей, в концепте *толерантность* соотносится с образной (заметим, *толерантность* – это всегда конструктивный диалог) и ценностной категориями.

На наш взгляд, важной для современного гражданского общества является актуализация именно ценностного компонента, определяющего активную и позитивную жизненную позицию личности, которая с уважением относится к позициям и интересам людей другой культурной, национальной, религиозной или социальной среды.

В современных научных исследованиях подчеркивается значимость семантики концепта в отражении национальной культуры и национального языкового сознания.

Как любой концепт, *толерантность* представлена в разных языках и культурах неоднозначно. Анализ англоязычных толковых словарей показывает, что центральная часть концепта *толерантность* представляет собой два взаимосвязанных признака: 1) способность определять различия между своей позицией и позицией другого человека или группы людей; 2) способность уважать другого человека или группу других людей, занимающих иную позицию по сравнению с позицией субъекта [12, с. 411].

В английском языковом сознании *толерантность* представлена как психологический процесс восприятия чужих мнений и ситуаций, который состоит из двух частей: с одной стороны, определять и понимать чужие мнения и позиции, а с другой, – оценивать и уважать их. Как известно, в западной культуре высоко ценят человека, который умеет выразить свое мнение и держать свою позицию до конца. Это считается одним из лучших качеств человека и гарантирует ему успех. При этом для европейцев и американцев быть толерантным можно только в том случае, если ты видишь и слышишь чужие позиции и голоса, а значит – признаешь чужие мнения.

В китайских толковых словарях понятие *толерантность* определяется также в двух значениях: 1) относиться к людям мирно, не строго; 2) уметь прощать [13, с. 513]. Похоже, для китайцев *толерантность* – не простое, а сложное понятие: более того, это важный моральный принцип для индивидуума и этическое правило для общества. Второе значение слова содержит любопытную информацию: не указаны условия прощения, что и вызывает сочувствие и сострадание – необходимые черты *толерантного* общества. Не важно, как поступают другие, главное – наблюдать за собой и быть *толерантным*, то есть быть компромиссным к конфликтным ситуациям и уметь решать их. Подтвердим этот тезис известным китайским афоризмом: «Злу никогда не наступит конец, если мы будем использовать его, чтобы наказать чужое зло».

Толерантность китайской философии базируется на этико-политическом принципе человеколюбия (ren) конфуцианства [14, с. 144]. Здесь уместно вспомнить фразу Конфуция (Кун Цзы, 551–479 гг. до н. э.): «Если не умеешь терпеть и прощать в мелочах, то можешь испортить большое дело» [15, с. 259]. В основе этой теории – признание человеком Другого равным себе самому – заложены принципы этической догмы. Очень важное замечание сделал К. Г. Красухин в статье «Золотое правило» этики: от Конфуция до Канта: «Конфуций понимал, что вечным правилом человеческих взаимоотношений может быть не абстрактное требование или запрет, но только то предписание, которое обращено к человеку и предоставляет ему свободный выбор» [16, с. 568]. В другом произведении конфуцианства «Универсальное учение» (Da xue) отмечается: «Если *толерантный* человек станет чиновником, это счастье государства и народа, если же нетерпимый человек станет чиновником, то для всех беда» [17, с. 48–49]. Таким образом, можно сделать вывод, что *толерантность* в китайской культуре играет важную роль, так как она является основным содержанием морали человека.

Обратимся к слову *толерантность* в русской лексикографической интерпретации. В «Толковом словаре русского языка» Д. Н. Ушакова находим основное значение *толерантности* как способность и умение терпеть что-н. чужое, мириться с чужим мнением или характером [18, с. 1026]. Этот семантический компонент вербализуется в синонимической цепочке с доминантой «терпимость», что подтверждается материалами как толковых словарей, так и других лексикографических произведений, отражающих парадигматический потенциал исследуемого слова. Как показывает лексикографиче-

ский анализ, в семантической структуре *толерантности* есть четкий понятийный компонент: «отсутствие или ослабление реакции на какой-л. неблагоприятный фактор» [19, с. 436], который в словарях последнего десятилетия под влиянием экстралингвистических факторов стал фиксироваться с социальной характеристикой. Надо отметить, что при описании культурных концептов в современной практике словарных интерпретаций все заметнее становится процесс семантического сдвига, т. е. смещение акцента с личностного компонента на социальный и наоборот [20, с. 51]. Таким образом, денотативное значение слова *толерантность*, по данным современных лингвистических и энциклопедических словарей, «состоит из нескольких компонентов, которые соотношены с признаками выражаемого в слове понятия и связаны между собой отношениями семантической производности» [21, с. 6–7].

Поиск новых путей исследования концептуального поля привел лингвистов к пониманию необходимости использования ассоциативного эксперимента.

Ассоциативный эксперимент, несомненно, является ценным и при понимании индивидуальных особенностей различных культур, поскольку с помощью данного метода можно судить об особенностях функционирования языкового сознания человека. Ассоциативный метод можно рассматривать также как «специфичный для данной культуры и языка «ассоциативный профиль» образов сознания, интегрирующий в себе умственные и чувственные знания, которыми обладает конкретный этнос» [22, с. 67].

Построение новой ассоциативной парадигмы концептуальной теории позволяет получить информацию о способах концептуализации языка и мира человека, о содержании и структуре концептов как комплексных мыслительных единиц, выявить не только концептуально значимые когнитивные признаки, но и образные, ценностные составляющие концептов [23, с. 168].

С целью определения понятия *толерантность* для языкового сознания современного человека и описания его лексических вербализаторов нами был выполнен свободный ассоциативный эксперимент (АЭ). Данные АЭ, проведенного со студентами и преподавателями философского и политологического факультетов (50 чел.), включают 218 ассоциативных интерпретаций. Эксперимент проводился в письменной форме и состоял из трех этапов. Результаты исследования показывают, что реакции отличаются разнообразными грамматическими признаками: 84% – имена существительные, 6% – наречия, 3% – прилагательные. Такие ассоциативные

модели, как любовь к близким, здравый смысл, позитивное отношение и др. составляют 9,6% из общего числа реакций, что говорит о прочном закреплении значения слова в сознании современников. Человек к категории *толерантность* относится далеко не равнодушно, ощущая ее тонко и своеобразно.

Доказательством этого могут служить также и доминирующие реакции на слово *толерантность*, представленные информантами: терпимость (26), уважение (18), взаимопонимание (15), понимание (13). Кроме того, в списке активных словоупотреблений нами зафиксированы «лояльность» (5), «сдержанность» (5), «демократичность» (4), «доброжелательность» (4), «согласие» (4), «солидарность» (4), «спокойствие» (4). Можно сделать вывод, что полученные реакции четко делят ассоциативное поле концепта на две зоны: ядерную и периферийную.

В ядерной зоне фундаментальными понятиями *толерантности* являются «терпимость», «уважение» и «взаимопонимание». Мы обратили внимание на то, что, кроме слов, уже представленных нами, к ядерной зоне относятся также реакции с первым компонентом *взаимо-*компонитов *взаимодействие*, *взаимозависимость*, *взаимосвязь*, *взаимопроникновение*, *взаимопомощь*. Поэтому можно сделать вывод о том, что интегральный компонент значения слова *толерантность* – это *взаимоотношение* между субъектами. Любопытно, что в ассоциатах «взаимопонимание» (15) и «понимание» (13) доминирующим является не «терпимость», как это выделяется во многих лексикографических источниках, а «понимание».

Интересное наблюдение сделано нами по возрастной парадигме: 75% реципиентов старше 30 лет дали реакции «взаимопонимание» и «понимание». Студенты же понимали *толерантность* не как взаимоотношение между людьми, а как явление и/или результат понимания субъектом объекта. Поэтому в данной возрастной группе реакция «взаимопонимание» представлена лишь у 16% информантов.

Итак, на наш взгляд, восприятие понятия *толерантность* зависит как от возрастных, так и от социальных различий, что потенциально предполагает развитие семантической структуры слова: семы «терпимость», «понимание», «уважение» являются эксплицитными, а «взаимопонимание», «взаимопонимание» – имплицитными.

В периферийной зоне находят свое отражение положительные личностные (сдержанность, доброжелательность) и социальные качества (демократичность, солидарность), которые связаны с концептом *толерантность*. Из общего количества реакций (218) было выделено 87%

(190) определений с положительной оценкой: выдержка, воспитанность, объективность и др.; 10% (22) нейтральных ассоциаций: общество, участие, общая концепция и др.; 3% (6) определений с отрицательной оценкой: кризис, раболепие, симулянт и др. Это позволяет рассматривать категорию *толерантность* как важный этический принцип и идеал современного общества. Информанты четко определили, с какими социальными, коммуникативными ситуациями связаны данные качества, и положительно оценили эти характеристики: «возможность и способность воспринимать и уважать чужие взгляды, мнения, терпимое отношение к чужой культуре», «особая характеристика взаимоотношений людей, этносов, наций, определяющая их терпимость и уважение, стремление к взаимопониманию и сотрудничеству между различными сторонами конфликта либо жизненного процесса», «одна из основных особенностей демократии, лояльное отношение одних групп (социальных, в меньшей степени – национальных, этнических, религиозных) к другим».

Выводы.

1. Современное исследование концептов должно проводиться с учетом комплексного подхода, с использованием основных научных методов когнитивных исследований.

2. Место имени-концепта в общей системе культурных и политических концептов позволяют определить лексикографическое описание слова, выявление его денотативных и коннотативных компонентов, установление концептуальных признаков, отражающих ценностное содержание слова.

3. Концепт *толерантность* в языковом сознании современников рассматривается как ценное качество и умение найти в коммуникации важный этический, социальный, политический путь решения конфликтов.

ЛИТЕРАТУРА

1. Романенко Л. М. Лики российской толерантности. Размышления участницы симпозиума / Л. М. Романенко // Полис. – 2002. – № 6. – С. 175–180.
2. Дробижина Л. М. Социальные проблемы межнациональных отношений в постсоветской России. – М., 2003. – 305 с.
3. Ильинская С. Г. Терпимость и политическое насилие / С. Г. Ильинская // Полис. – 2004. – № 3. – С. 122–126.
4. Долгова И. А. Лингвокультурный концепт «толерантность» / И. А. Долгова // Проблемы лингвокультурологии и теории дискурса : сб. науч. тр. / под ред. В. И. Карасика, Н. А. Красавского. – Волгоград : Перемена, 2003. – С. 61–64.
5. Хабермас Ю. Демократия. Разум. Нравственность / Ю. Хабермас. – М. : Наука, 1992. – 176 с.

6. Попова З. Д. Когнитивная лингвистика / З. Д. Попова, И. А. Стернин. – М. : АСТ : Восток – Запад, 2007. – 314 с.
7. Воронова Т. А. Концепт «толерантность» в русском сознании [Электронный ресурс] / Т. А. Воронова, И. А. Стернин. – Режим доступа : <http://tp11999.narod.ru/WebStud1/SbornikSt1-1.htm>.
8. Политология : энциклопедический словарь / общ. ред. и сост. : Ю. И. Аверьянов. – М. : Изд-во Московского коммерческого университета, 1993. – 431 с.
9. Российский энциклопедический словарь : в 2 кн. / гл. ред. : А. М. Прохоров. – Т. 2. – М. : Большая Российская энциклопедия, 2000. – 2044 с.
10. Купина Н. А. Идеологическая толерантность / Н. А. Купина // Лингвокультурологические проблемы толерантности : тезисы докладов международной конференции. – Екатеринбург, 2001. – С. 45–48.
11. Михайлова О. А. Толерантность и терпимость : взгляд лингвиста / О. А. Михайлова // Философские и лингвокультурологические проблемы толерантности. – Екатеринбург, 2003. – С. 99–111.
12. Хокинс Дж. М. Новый словарь английского языка Oxford / Дж. М. Хокинс, Э. Делаханты. – М. : ООО «Астрель» : ООО «Издательство АСТ», 2002. – 480 с.
13. Новый китайский лексический словарь. – Bei jing: «Shang wu», 2000. – 1321 с.
14. Сидихменов В. Я. Китай: страницы прошлого / В. Я. Сидихменов. – Смоленск : Русич, 2003. – 464 с.
15. Kong qiu. Lun yu. – Bei fang fu nu e tong chu ban she, 1999. – 320 y.
16. Красухин К. Г. «Золотое правило» этики: от Конфуция до Канта / К. Г. Красухин // Сокровенные смыслы: Слово. Текст. Культура / отв. ред. Ю. Д. Апресян. – М. : Языки славянской культуры, 2004. – С. 564–575.
17. Da xue. Zhong yong. – Shen yang: Liao ning min zu chu ban she, 2001. – 142 y.
18. Ушаков Д. Н. Толковый словарь современного русского языка / под ред. докт. филол. наук Н. Ф. Татьянченко. – М. : Альфа-Пресс, 2005 – 1216 с.
19. Словарь современных понятий и терминов / авт. : Н. Т. Бунимович, Г. Г. Жаркова, Т. М. Корнилова и др. ; сост., общ. ред. В. А. Макаренко. – М. : Республика, 2002. – 527 с.
20. Бессонова Л. Е. Лексикографическое описание политических концептов / Л. Е. Бессонова // Культура народов Причерноморья. – Т. 3. – № 60. – Симферополь, 2005. – С. 49–54.
21. Арнольд И. В. Семантика. Стилистика. Интертекстуальность / И. В. Арнольд / научн. ред. Л. Е. Бухаркин. – СПб. : Изд-во Санкт-Петербургского университета, 1999. – 444 с.
22. Уфимцева Н. В. Сопоставительное исследование языкового сознания славян / Н. В. Уфимцева // Методологические проблемы когнитивной лингвистики. – Воронеж, 2001. – С. 65–71.
23. Бессонова Л. Е. Лексическая репрезентация концепта образование (по материалам ассоциативного эксперимента) / Л. Е. Бессонова // Ученые записки Таврического национального университета им. В. И. Вернадского. – Т. 18 (57).– № 2 : Филология. – Симферополь, 2005. – С. 168–173.

УДК 81'37

Жуйкова М. В.

НОМІНАЦІЯ В КОНТЕКСТІ МОВНОГО АНТРОПОЦЕНТРИЗМУ

Статтю присвячено розгляду типів та принципів номінації, в яких найяскравіше відбито мовний антропоцентризм. Крім традиційних номінативних типів, проаналізовано ідеологічну та міфологічну номінацію.

Ключові слова: номінація, антропоцентризм, номінат, номінант, номінативна ознака, принцип номінації.

Статья посвящена рассмотрению типов и принципов номинации, в которых наиболее ярко отражен языковой антропоцентризм. Кроме традиционных номинативных типов, проанализована идеологическая и мифологическая номинации.

Ключевые слова: номинация, антропоцентризм, номинат, номинант, номинативный признак, принцип номинации.

The article is devoted to the study of nomination types and principles that reflect language anthropocentrism most vividly. Besides the traditional nominative types, ideological and morphological types of nomination are also analyzed.

Key words: nomination, anthropocentrism, nominator, nominee, nominative feature, the principle of nomination.

Постановка проблеми. Жодна мова, що розвивається, не може обійтися без поповнення свого лексичного та фразеологічного складу. Вагомим чинником розширення лексики, поряд з запозиченнями, є номінативні процеси.

Номінація, як відомо, полягає в утворенні нових мовних одиниць, що служать для називання й вищленювання реалій дійсності та формування відповідних понять про них, у формі слів, словосполучень, фразеологізмів та речень. У широ-

кому розумінні явище номінації можна розглядати як позначення всього, що відбивається в людській свідомості та пізнається людиною, всього реального та мислимого: предметів, осіб, дій, якостей, відношень, подій тощо. Теорія номінації пов'язана передусім із з'ясуванням того, яким чином виникають найменування, як вони закріплюються за різними фрагментами об'єктивної реальності, які мовні засоби при цьому використовуються, як відбувається складний процес співвіднесення найменування та поняття (сигніфікату). На процеси номінації впливають як внутрішньомовні, так і екстралінгвальні чинники, серед останніх передусім слід назвати свідомість носіїв мови, в межах якої здійснюється аналіз об'єктів номінації та відбір мотиваційних ознак. В останні десятиліття у вивченні процесів номінації виділився напрямок, який розглядає ці явища в історичному, культурному та національному аспектах.

Огляд літератури. Термін «номінація» означає не лише процес творення мовних одиниць, а й самі мовні одиниці, що виконують номінативні функції. На сьогодні в лінгвістиці існує добре розроблена теорія номінації, в якій враховано різні аспекти цього складного явища (див. праці О. Л. Березович, О. А. Бузова, В. Г. Гака, О. Й. Біліної, Г. В. Колшанського, О. С. Кубрякової, А. М. Нелюби, В. В. Жайворонка, А. Ф. Журавльова, М. Е. Рут, О. О. Тараненка, В. М. Телія, В. І. Шадріна).

Як зауважує Н. Бугорська, поняття «антропоцентризм» в сучасних лінгвістичних дослідженнях, тлумачиться дуже широко і часто нечітко, з ним пов'язані терміни «антропоцентрична лінгвістика», «антропологічна лінгвістика», «антропний принцип у лінгвістиці», «людський чинник у мові». Стосовно мови термін «антропоцентризм» вживається у трьох різних сенсах. По-перше, це іманентна властивість мови відбивати у своїх одиницях людську свідомість та здобутки процесу пізнання (в такому розумінні антропоцентризм дорівнює антропоморфізму), по-друге, це методологічна основа дослідження мови – кут зору, аспект, в якому вивчаються мовні явища (інтуїтивізм), по-третє, це «методологічний пошук, пов'язаний з доланням філософського позитивізму в мовознавстві», що виявляється в гуманізації лінгвістичного опису [1].

Мета статті полягає у виявленні та описі ролі антропоцентризму в процесах номінації.

Виклад основного матеріалу. Антропоцентризм декларує центральну роль людини у всіх лінгвальних проявах: будь-які мовні явища розглядаються як об'єкти, створені людиною і для людини. У сучасній лінгвістиці принцип антропоцентризму протиставлений структуралістсь-

кому (дескриптивному) підходу до мови, в якому ігнорувалася як мовленнєва особистість, так і мовленнєва діяльність. Як слушно зауважує І. О. Голубовська, «формулювання принципів антропоцентричності та антропоморфності мови визначило не лише новий аспект лінгвістичних пошуків, а й привело до нового розуміння і трактування таких традиційних лінгвістичних понять, як знак, значення» [2, с. 5]. Цінність антропоцентричного підходу полягає в тому, що він служить методологічною основою для об'єднання лінгвістики з комплексом суміжних гуманітарних наук (соціологією, психологією, культурологією).

Важливо з'ясувати, як пов'язані між собою поняття антропоцентризму та принципи мовної номінації. Як відомо, у центрі теорії номінації стоять проблеми вибору мовних засобів для позначення того чи того явища або поняття, проблеми співвідношення різних способів номінації, питання суб'єктивного та об'єктивного в мові. Загальна номінативна модель, розроблена В. Г. Гаком, складається з чотирьох компонентів. Це позамовний об'єкт (номінат) і сам мовний знак, а крім того, особа, яка дає номінацію (номінант), а також «споживач» мовного знака – адресат номінації. У цій моделі відбиті соціальний чинник (відношення номінанта й адресата), суб'єктивний чинник (відношення номінанта й номіната), відношення адресата до номіната (мається на увазі – що саме останній знає про певне явище дійсності) [3, с. 241].

Центральним компонентом моделі і, відповідно, основною ланкою в процесі номінації дослідники вважають об'єкт номінації, оскільки без потреби номінувати якийсь об'єкт дійсності номінант не здійснив би й самого номінативного акту. Тому дуже важливою є класифікація типів номінації на основі мотиваційних ознак номіната. У таких класифікаціях враховані певні об'єктивні ознаки (форма, колір, структура, розташування в просторі, типове місцезнаходження, темпоральні ознаки, призначення чи функція, устрій, характер застосування і под.). Характерними проявами номінації, в яких враховуються об'єктивні ознаки номіната, є народнонаменклатурні назви рослин. При цьому в основу номінації може бути покладено різні параметри.

Найчастіше це форма, зовнішній вигляд квітки чи всієї рослини: укр. *дзвіночки*, рос. *колокольчик* (пор. англ. назву тої ж рослини *сир*, буквально «чашка»); оскільки примули подібні на зв'язку ключів, у російській мові вони отримали назву *ключики*, а в білоруській – *ключькі святого Пётра і Паўла*. Рослини з квітами закритої форми часто порівнюються із взуттям: укр. *зозулинні черевички*, рос. *Венерин башимачок*. Народні

назви звіробою (рос. *кровоавник*, укр. *крівця*, білор. *заячча кроў*) зумовлені зовнішнім виглядом листя, адже листя деяких видів покриті червоними плямками, а крім того, настій трави має червоний колір, як і сік розтертих пелюсток.

В основу номінації рослини може лягати локативна ознака – місце, де рослина росте. Наприклад, якщо рослини поширені в мокрих, заболочених місцях, вони отримують назви на кшталт рос. *мокруша*, укр. *болотне зілле*, *калюжниця*, сербохорв. *kaļjužnica*, *поводница* ‘жовтець’.

Рослини можуть бути названі у відповідності до того часу чи події, які збігаються з їх появою чи цвітінням. Наприклад, кульбаба, що квітне раною весною, коли виводяться гусенята, у сербів має назву *гушчије цвеће* (‘гусячі квіти’). Укр. назва *петрові батоги* ‘цикорій’ пов’язана з тим, що ця рослина починає квітнути переважно з дня Петра і Павла, а народні назви звіробою зумовлені збігом початку масового цвітіння із святом Івана Купала (рос. *святоивановская трава*, укр. *іванок*, білор. *сьвятаянкі*). Темпоральна ознака – час появи квітів – стала основою розмовних номінацій популярної домашньої рослини зігокактуса, яка розквітає взимку: укр. *різдвяник*, рос. *декабрист*.

Разом з тим у номінації рослин чітко проявляється вплив людського чинника. Подекуди рослини отримують назву за специфікою свого застосування, впливу на людину, лікарської роллю. Так, назва *очанка* пов’язана з тим, що ця рослина використовується при лікуванні очей, трава *кровохлѣбка* має властивість зупиняти кров. Назву *сон-трава* мають в різних діалектах російської мови такі різні рослини, як красавка (*Atropa belladonna*), інакше *сонная одурь*, блекота чорна (*Hyoscyamus niger*), а також *Anemone pulsatilla* та *Viscaria vulgaris*. Було підмічено, що сік, відвар чи навіть запах цих рослин може затемнювати свідомість людини, викликати стан запаморочення.

Інколи підстави номінації бувають настільки неочікуваними, що їх надзвичайно важко вкласти у готові схеми. Яскравим прикладом є латинська номінація красавки *Atropa belladonna*, яку дав рослині Карл Лінней. Друга частина назви в перекладі з італійської означає ‘прекрасна дама’. Вибір такого несподіваного найменування пояснюється тим, що європейські жінки від часів Давнього Риму капали в очі сік цієї рослини. Сік містить алкалоїд атропін, здатний блокувати рух м’язів, що звужують зіниці. Внаслідок потрапляння атропіну в очі вони видаються великими і блискучими. Крім того, соком ягід беладонни жінки натирали щоки, від чого ті ставали рожевими. Таким чином, назва рослини опосередковано вказує на культурне застосування її властивостей в дуже специфічних ситуаціях.

Складні номінативні моделі представлено також в народній ігровій термінології, у способах номінації як ігор в цілому, так і окремих сюжетних частин, локусів, учасників, ігрових предметів тощо. Цим питанням спеціально присвячені праці російської дослідниці М. А. Ключевої. Вона пропонує розрізняти назви-терміни та назви-цитати. Перша група найменування ігор мотивується назвою певних ігрових реалій (учасників гри, ігрових ситуацій, характеру рухів, локусів, ігрових предметів тощо). До другої групи належать номінації на кшталт рос. *Клѣк!* *Купи бычка*, *Дети*, *каша*, *Кысь-брысь-мяу*, *Ключик-ключик*, *отпирайся вдруг*, *Лиса*, *в норку!*, *Земля горит!* *Чур на дереве*, *У медведя на бору грибы-ягоды беру*, *Роза*, *мимоза*, *мак*, *табак* та ін. [4]. В межах народної ігрової термінології серед назв-цитат можуть бути виявлені номінативні одиниці різної формальної структури: від однослівних (*трубочки*, *дрибушечки*) до закінчених синтаксичних конструкцій, часто ускладнених звертанням. У мовленні номінації-цитати характеризуються синтаксичною цілісністю та семантичною нерозкладністю, що зближає їх з одиницями фразеологічного рівня. Якщо перша група ігрових номінацій (номінації-терміни) вкладається в описані в науковій літературі номінативні типи, то другий прийом – називання гри за певною цитатою з її вербального супроводу, слід розглядати як такий, аналіз якого тільки розпочинається.

Принцип антропоцентризму, характерний для номінативних процесів, яскраво проявляється й у тих актах називання, в яких враховуються інтереси, потреби та знання адресата номінації [5, с. 15]. Так, «чинник адресата» яскраво відбивається у різноманітних власних назвах торгових марок, видів товарів, розважальних закладів (клубів, кафе, казино, ігрових центрів і под.). У таких номінаціях актуалізуються ті позитивні ознаки, які, на думку номінантів, мають привабити відвідувачів чи споживачів (пор. сучасні українські назви: нічний клуб «*Сьоме небо*», горілка «*Будьмо*», торгові марки харчових продуктів «*Чемпіон*», «*Чудо*», «*Наминайко*», «*Хочу це*», «*Хім-продукт*»).

Характерно, що в актах номінації можуть використовуватися не лише мовні одиниці з позитивними конотаціями, а й такі, що мають виразну «не-нейтральну» оцінку та спрямованість, а також виявляють семантичну неадекватність ознакам номіната. З їх допомогою номінант прагне виділити об’єкт номінації серед інших подібних, привернути до нього увагу, інколи навіть епатувати адресата (пор. назви сучасних російських рок-груп «*Ногу свело*», «*Крематорий*», «*Пойманные Муравьеды*», «*Звери*», «*Парази*

ты», «*Поющие тусы*»). Отже, йдеться про свідомий вибір форми найменування, орієнтований на певні соціальні, вікові чи «смакові» параметри адресата.

Наведімо ще один яскравий випадок номінації, в якому відбитий саме чинник адресата. У сумновідомому радянському таборі на Соловках (групі островів у Білому морі), так званому СЛОНі, у 20-х роках, коли ще панував відносний лібералізм, заслані туди художники, письменники, актори намагалися себе реалізувати через творчість. У таборі був організований професійний театр. Постало питання щодо його назви. Зачитуємо фрагмент з книги письменника Бориса Ширяєва «Неугасимая лампада», учасника тих подій, де відтворюється процедура номінації театру.

– А как окрестим это дело? Название очень важно: попадем в тон начальству – разрешат, промахнемся – могила и черный гроб.

– **Организация пролетарских...**

– К чорту пролетарских!

– **Цех...**

– К дьяволам все цехи! Ты еще скажи **худраб-сила! Идиот!**

– **ХЛАМ!** – неожиданно выпалил нескладный, длинный, как жердь, и вечно попадающий в нелепые положения поэт Борис Емельянов, ... – **ХЛАМ,** – уныло, но твердо повторил он.

– Ты, что, окончательно сдурел? – уставил ся на него Мишка Егоров.

– Ты дурак, а не я, – спокойно и так же уныло отозвался Емельянов, – **художники, литераторы, актеры, музыканты;** начальные буквы *х, л, а, м.* То есть, **ХЛАМ.**

Все застыли, как в финале «Ревизора».

– В точку! – завопил первым Мишка. – **Что надо! Под таким названием не артистическую, а контрреволюционную организацию можно ... провести! Ее двусмысленность всем понравится! Кончено – ХЛАМ – и никаких гаек!**

Очевидно, що основним адресатом потрібної номінації було начальство табору, саме йому і мала сподобатися ця назва з виразними негативними конотаціями зневажливості, презирства. З іншого боку, для об'єкта номінації її зневажливості не відіграла суттєвої ролі, оскільки номінація **ХЛАМ** розшифровувалася як аббревіатура, що і створювало ефект двозначності.

Останніми роками в теорії номінації з'явилися нові підходи, які розвивають ідею «номінативного антропоцентризму». Зокрема, О. Л. Березович наголошує на необхідності розрізняти не лише типи, а й принципи номінації [6, с. 41]. На її думку, поняття принципів номінації необхідне для того, щоб врахувати загальний напрямок номінаційної діяльності, пріоритетні настанови номінанта. Дослідниця вказує два основ-

них типи настанов: предмет називають за його реальними властивостями або ж акцентують в імені якісь ідеологеми, що не мають стосунку до ознак предмета номінації, проте важливі в плані впливу на адресата. Серед ідеологічних номінацій показовими є назви радянських колгоспів на кшталт «*Червоний шлях*», «*Червоний партизан*», «*Прапор Леніна*», «*Рекорд*», «*Новий труд*», «*Зоря комунізму*» і под., поширені на більшості території Радянського Союзу.

Наведімо цікавий фрагмент із краєзнавчих матеріалів, що стосуються ситуації у Тверській області початку 30-х р. ХХ ст.: «*Чудом попали в мои руки начальные штрихи колхозной жизни. Явились названия колхозов, сохранившиеся в памяти истинных старожилов. Названия, озвученные пафосом времени и революционной романтикой. В Куньевском сельсовете – это "Морьяк", "Красноармеец", "Красная Звезда". В Кочутском – "Красный Липовец", "Красная Кочута", "Красный флаг", "Герой". В Конищевском – "ОГПУ", "Рассвет", "Победа". В Пестряковском – "Первая борозда", "Красный борец", "Большевик". В Серезинском – "Новый строй", "Дружная деревня", "Красное Тяполово", "Вперед к социализму"...» [7].*

Розвиваючи далі теорію номінації, О. Л. Березович пропонує розрізняти номінації за так званими когнітивними настановами. Під останніми дослідниця розуміє опозицію онтологічного («емпіричного»), тобто пов'язаного з пізнанням предмета через чуттєвий досвід) та міфологічного підходів до номінації [6, с. 41]. Емпіричні номінації базуються на сфері чуттєвого досвіду, вони раціональні і відбивають ту чи іншу ознаку пізнаного об'єкта чи явища, пор., наприклад, українські назви комах *жук-олень, рогач, коник, бабка*, народні назви хвороб та їх симптомів: *краснуха, жовтяниця, різачка, ломота, трясовиця, колька*.

Міфологічні номінації засновані на різноманітних міфологічних сюжетах, архаїчних уявленнях про світ, віруваннях, магічних практиках. Міфологічний підхід до номінації може виявлятися на рівні як окремої лексеми, так і великих тематичних груп лексики та фразеології. Зокрема, висока міра міфологізму притаманна номінаціям східнослов'янських демонологічних персонажів. Важливу роль цей принцип відіграв в архаїчних актах номінації багатьох рослин, комах та хвороб, оскільки їх денотати були «вписані» у певні міфологічні сюжети. Пор. укр. номінацію комах *сонечко* та її рос. відповідник *божья коровка*, які відсилають до сюжету основного індоєвропейського міфу [8, с. 242]. Назви фіалки триколірної – укр. *братки*, рос. *Иван-да-Марья, брат-сестра* – зумовлені поширеною

легендою про брата та сестру, які повінчалися, не впізнавши один одного після довгої розлуки, а дізнавшись про своє рідство, перетворилися на квітку.

Міфологічний принцип покладено в основу народних назв багатьох хвороб, оскільки носії традиційної свідомості пов'язують виникнення останніх із впливом нечистої сили на організм людини чи тварини. Пор. назви хвороб укр. *пропасниця, соняшниця, гостець, собаче вим'я, грудна жаба, пристріт, гризь (грижа)*, рос. *антонов огонь, подвей, лихорадка, кумоха, тётка*, білор. *валасень, огник, падзіў, шарсцінка*, які мають складне міфологічне підґрунтя і можуть бути прояснені лише через низку народних уявлень, вірувань, через обряди, лікувальну магію тощо. Наприклад, виникнення хвороб з яскраво вираженими симптомами (висока температура, корчі, висипка, запаморочення), пов'язувалося з негативним впливом на людину вітру чи вихору як втілення нечистої сили, що і відбито в народних назвах: укр. *підвій*, білор. *падвей, навей, віхар, наветрыё, ветранка* 'хвароба, яка буває тады, калі вецер падхопіць чалавека або падляціць пад яго' [9, с. 268]. Назва стенокардії *грудна (грудная) жаба* зумовлена тим, що, згідно з народними віруваннями, жаба може влазити до рота людини, рости в животі і тим спричиняти різні хвороби. Таким чином, врахування міфологічного принципу дозволяє розширити коло світоглядних сфер, які служать основою для вибору номінативних ознак.

Висновки. Номінативні процеси нерозривно пов'язані з первинним пізнанням, категоризацією та концептуалізацією світу, в якому живе людина. І в актах номінації, і в результатах номінативної діяльності яскраво відбивається мовний антропоцентризм, який вводить у мову чинник «людини культурної». Вона не лише сприймає світ, а й оцінює та пояснює його, приміряючи та пристосовуючи всі екстралінгвальні явища до своїх розмірів, смаків, потреб, світоглядних

настанов. Антропоцентризм може проявлятися в різних формах: від свідомого відбору номінативних ознак (чому обов'язково передують складні ментальні процеси) до урахування когнітивних, ідеологічних та інших підходів при називанні того чи іншого об'єкта дійсності.

Перспективи подальших досліджень, на нашу думку, пов'язані з поглибленим вивченням зв'язків між антропоцентризмом та номінативною діяльністю носіїв мови як в синхронії, так і в діахронії.

ЛІТЕРАТУРА

1. Бугорская Н. В. Антропоцентризм как категория современного языкознания [Електронний ресурс] / Н. В. Бугорская. – Режим доступу : <http://www.psycholing.narod.ru/bugorsk-1.htm>.
2. Голубовская И. А. Этнические особенности языковых картин мира : монография / И. А. Голубовская. – К. : Видавничо-поліграфічний центр «Київський університет», 2002. – 293 с.
3. Гак В. Г. Языковые преобразования / В. Г. Гак. – М. : Школа «Языки русской культуры», 1998. – 768 с.
4. Ключева М. А. Народные подвижные детские игры: к проблеме изучения народной терминологии [Електронний ресурс] / М. А. Ключева. – Режим доступу : http://www.ruthenia.ru/folklore/ls04_bolshakova1.htm.
5. Рут М. Э. Образная номинация в русском языке / Мария Эдуардовна Рут. – Екатеринбург : Изд-во Уральского ун-та, 1992. – 148 с.
6. Березович Е. Л. Язык и традиционная культура : этнолингвистические исследования / Е. Л. Березович. – М. : Индрик, 2007. – 600 с.
7. Попов Ю. Г. Плоскошь. Бончарово. Князьи села... Путешествия краеведа по населенным пунктам Плоскошского сельского административного округа Тверской области [Електронний ресурс] / Ю. Г. Попов. – Режим доступу : http://torcbs.tverlib.ru/kr_izd_01_10.htm.
8. Судник Т. М. К реконструкции одного мифологического текста в балто-балканской перспективе / Т. М. Судник, Т. В. Цивьян // Структура текста. – М. : Наука, 1980. – С. 240–285.
9. Валодзіна Т. Цела чалавека: слова, міф, рытуал / Тацяна Валодзіна. – Мінск : Тэхналогія, 2009. – 424 с.

УДК 802.0–73

Петрова Л.А.

ЭСТЕТИЧЕСКАЯ МОДАЛЬНОСТЬ ХУДОЖЕСТВЕННОЙ РЕЧИ ПИСАТЕЛЕЙ-САТИРИКОВ НАЧАЛА XX ВЕКА

У статті розглядається проблема естетичної організації художньої мови. Аналізуються принципи вербалізації в російському сатиричному нарративі початку XX століття естетичного відношення авторів до подій, що відбуваються навколо.

Ключові слова: лінгвокультурологічний код, художня мова, естетика, образність.

В статье рассматривается проблема эстетической организации художественной речи. Анализируются принципы вербализации эстетического отношения авторов к происходящим событиям в русском сатирическом нарративе начала XX века.

Ключевые слова: лингвокультурологический код, художественная речь, эстетика, образность.

The article is devoted to the problem of aesthetic organization of artistic speech. The principles of verbalization of aesthetic author's relation to events, what are going in Russian, are analyzed. The material of research is the satiric narrative of the began of XX ages.

Key words: artistic speech, aesthetics, vividness.

Постановка проблемы. Проблема эстетической категоризации мира связана с представлением о том, что на определенном этапе познания действительности система мышления и система языка рассматриваются как два взаимно предполагающих и дополняющих друг друга кода. Под кодом обычно понимается способ обработки, передачи и хранения информации при помощи некоторой системы элементов и правил их комбинации. Исследователи отмечают, что «дослідження художнього дискурсу виявляє тяжіння, «прихильність» письменника високого рівня до тих чи тих концептуальних позицій. У таких концептах концентровано передається духовне кредо, її ідейний стрижень його творчості, визначальні вихідні принципи» [1, с. 25]. В связи с этим возникает проблема определения языковых механизмов, связанных с эстетической интерпретацией картины мира и направленных на дешифровку вербально зафиксированных эстетических смыслов, кумулированных в художественном тексте.

Анализ литературы. Исследование художественной речи стало одним из приоритетных направлений в современной лингвистике. Большое внимание уделяется риторическим и герменевтическим аспектам текстопроизводства и текстовосприятия (более подробно об этом см. [2; 3]), истории изучения художественного текста как объекта лингвистических исследований [4], особое место отводится анализу ценностных феноменов в семантике художественной речи [5].

Цель предлагаемой статьи – выявить языковые принципы эстетического воплощения реальных фактов в художественной речи писателей-сатириков начала XX века.

Изложение основного материала. Механизм отражения эстетических объектов, по мнению В. А. Масловой, предполагает три блока. Первый блок включает процессы, происходящие на операционном уровне. Эстетическая информация подвергается более углубленной переработке через восприятие, память, воображение и мышление. Второй блок – группа психических свойств личности, в которых выражается эстетическое отношение человека к действительности и аккумулируются результаты эстетического освоения мира. Третий блок – эстетический опыт. Сюда входят как общеэстетические, так и художественные знания (на образном и поня-

тийном уровнях), умения, навыки, а также своеобразный эмоциональный и эстетический фонд, который образуют повторяющиеся при восприятии текстов чувства и эмоции. Таким образом, эстетическое содержание художественного текста «не воспринимается реципиентом непосредственно, а воссоздается им, извлекается из знаков, воспринятых на первом и втором уровнях» [6, с. 22].

Многие исследователи не раз подчеркивали контрастность, раздвоенность художественного мира писателей и поэтов. Поэтому нередко антитеза определяет языковые принципы эстетической категоризации в художественной картине мира начала XX века. Одним из способов реализации антитезы является нарушение кодифицированного употребления языковых единиц. Рассмотрим употребление глагола **веселиться** «весело, радостно, беззаботно проводить время» в следующем примере: *Но больше всех **веселился** Мясорыбов. Он сидел в своей ложе, повернувшись спиной к залу, и даже заткнул уши. Изредка осторожно оборачивался, смотрел, где факир, и, увидя его, весь содрогался и прятался снова* [Тэффи, Факир]. В данном случае последующий контекст нейтрализует ядерные компоненты 'радостно', 'беззаботно' в семантике глагольной единицы, наводя семы 'страшно', 'боязливо' (содрогался, прятался), 'осторожно' (осторожно оборачивался), 'неприятно' (сидел, повернувшись спиной). В результате лексема **веселиться** приобретает коннотативный оттенок ироничности, что придает всей сцене комический характер.

Стереотипное употребление лексических единиц разрушается не только путем аномальной сочетаемости, но и через авторский метакомментарий. Ср.: *Зашла я как-то к добрым знакомым на огонек. Застала всю семью за столом, очевидно, только что позавтракали. (Употребила здесь выражение «огонек», потому что давно поняла, что это значит просто без приглашения, и «на огонек» можно зайти и в десять часов утра, и ночью, когда все лампы погашены)* [Тэффи, Арабские сказки]. Эстетическая маркированность устойчивого сочетания **на огонек** «мимоходом (зайти, вернуться к кому-либо)» возникает в результате описания экстралингвистических наблюдений. Комментируя изменение этической нормы в ре-

альной жизни, автор таким образом трансформирует семантику фраземы.

Как разновидность авторских комментариев можно рассматривать авторские ремарки, которые также вербализуют эстетическую модальность художественной речи. Например, в рассказе «Гильотина» Н. А. Тэффи использует гиперболический прием отражения реальной жизни: *Теперь не то. Теперь гильотина поставлена на фабричное дело. Работают на ней рабочие, и все ясно и просто.*

А все эти буржуазные претензии придать делу торжественность и красоту – смешны и глупы.

Ах, когда же мы наконец дорастем до правильного отношения к повседневным мелочам современной жизни [Тэффи, Гильотина].

Чтобы понять тон эстетической модальности, обратимся к лингвокультурологическим сведениям. Как известно, гильотина (фр. guillotine), орудие для совершения смертной казни путем отсечения головы, была изобретена незадолго до французской революции. Казнь исполнялась долгое время только публично: в приговоре об осужденном говорилось, что ему отсекут голову на публичном месте во имя французского народа. Соблюдались и средневековые ритуалы: так, в последнее утро осужденному объявляли: «Мужайтесь (следует фамилия)! Час искупления настал», после чего спрашивали, не угодно ли ему папиросу или рюмку рома. В России казнь при помощи гильотины никогда не применялась. Однако Н. А. Тэффи переносит французские реалии на русское пространство, изображая их как обычное явление (*повседневная мелочь современной жизни*). Авторская ремарка в данном случае и выступает как инструмент экспликации эстетической модальности и активизации читательского восприятия.

Особую эстетическую значимость в сатирическом нарративе начала XX века приобретает обращение *товарищ*, принятое как выражение особого отношения между равными по положению в обществе, дружески расположенными между собой. Однако в окружении ненормативной лексики положительный коннотативный оттенок в структуре значения стирается, а сама лексема приобретает негативную окраску революционного жаргона.

Следует отметить, что семантический процесс поляризации в лексеме *товарищ* – довольно частое явление в сатирических произведениях начала XX столетия. Так, например, в рассказах М. М. Зощенко лексема употребляется с самыми разными функциональными оттенками: *Платить надо, – чуть не плача сказал племянник. – Вы, товарищ дядя, не сердитесь* [Зощен-

ко, Не надо иметь родственников]; *Трудно, товарищи, говорить по-русски!* [Зощенко, Обезьяний язык]; *А-а, говорю, товарищ, вкапался, гадюка...* [Зощенко, На живца]; *Василий Степанович Конопатов прямо в бешенство пришел. Прямо рыдает человек. – Товарищи, говорит, молочные братья! Да что ж это происходит в рабоче-крестьянском строительстве? Без машишечки, говорит, человеку пожрать не позволяют* [Зощенко, Рабочий костюм]; *Братцы, говорю, милые товарищи. Да как же, говорю, он может, подлая его личность, в такое время мужу про копилку говорить спокойным голосом* [Зощенко, Муж].

В художественной картине мира употребление данной лексемы не ограничивается функцией обращения, а нередко переходит в разряд оценочных единиц, имеющих широкий коннотативный фон. Например: *Оно, конечно, всем окружающим я дал номера с просьбой звонить. Но, между прочим, все оказались беспартийные товарищи и к телефону мало прикасаются* [Зощенко, Телефон]. Как известно, в первые годы советской власти не было свободного доступа к телефонной связи. Такой привилегией в основном пользовались партийные работники. Поэтому словосочетание *беспартийные товарищи* передает оценочную характеристику сожаления и недоумения.

Актуален в данном случае и такой пример: *Недавно один уважаемый товарищ, Кульков Федор Алексеевич, изобрел способ против бюрократизма. Вот государственная башка-то!* [Зощенко, Качество продукции]. Прилагательное *уважаемый* «достойный почтения, признания каких-л. заслуг, достоинств» дублирует сему '*особое отношение*', присутствующую в семной структуре лексемы *товарищ*, приводя к имплицитному плеоназму и создавая эффект сарказма. В связи с этим оценочная информация объективируется в семантике просторечной единицы *башка*, которая, по мнению автора, передает больше экспрессии, с одной стороны, а следовательно, имеет большую силу воздействия, – с другой.

Эстетическую модальность художественной речи вербализуют тематические разряды слов. Одна из ментальных изоглосс, представляющая социальные преобразования в послереволюционной, новой России начала XX века, выражена метафорой несущегося вперед поезда. Поэтому описываемые события часто происходят в поезде или на вокзале. Метафорический образ поезда обуславливает и другие авторские новообразования. Например, в сатирических произведениях П. Романова частотными оказались слова, объединенные в тематическую группу «Желез-

ная дорога»: вокзал, поезд, вагон, зал ожидания, пассажиры. Их употребление в идиостиле писателя передает оценочную коннотацию в художественном образе России 20–30-х годов XX века. Несущийся без остановок поезд, вокзальная суматоха, неразбериха и неулаженный быт пассажиров символизируют страну после революционных событий. Авторские ассоциации позволили расширить парадигматические ряды за счет контекстуально значимых единиц. Одной из них является заимствованная лексема **секция**, которая в русском языке функционирует в двух значениях: «1. Отдел или подраздел учреждения, организации, общества и т. п. с определенной специализацией. Плавательная секция. || Одно из подразделений съезда, конференции для обсуждения специальных вопросов. 2. Часть какого-либо сооружения, устройства, состоящая в свою очередь из ряда деталей, частей; блок. Секция жилого дома». В художественном тексте существительное **секция** несет идеологическую нагрузку: *Все полезли в вагон и бросились занимать места. – А думали не уедем... – Если бы в передние пробежали, ни за что бы не сели. – Там ужас что делается, – сказала позднее подошедшая дама в шубке с пушистым воротником и красным точно из бани лицом. И, шумно вдохнув воздух, села напротив женщины с корытом.*

Та посмотрела на нее и несмело обратилась: – Матушка, а что такое секция? – Секция – это... ну, как сказать? Вот, например, художественная секция, научная, – ответила дама, неопределенно пошевелив пальцами в воздухе. И обратилась к человеку с чемоданчиком: – Как ей объяснить, что такое секция?

Человек с чемоданчиком вскинул к потолку глаза и задумался. – Секция – это известный отрезок, часть, группа. Черт ее знает, как точно определить. <...> Вдруг дверь с грохотом отодвинулась. Вошел железнодорожный служащий в валенках. – Вы чего сюда забрались? – А что? – То, что идет передняя секция! Передние три вагона ушли, а вы тут, как сычи сидите. – Чтоб вас черт побрал с вашими секциями! – Недаром у меня как сердце чуяло, – сказала женщина с корытом, – у всех спрашивала, – никто не знает... На каком это языке? – Ну, теперь будешь знать, – сказал служащий, – с месяц у нас тут поездишь, всем языкам обучишься. Выметайся! [Романов, Секция]. Речь персонажей сигнализирует о функциональном противопоставлении узуального значения (художественная, научная секция; отрезок, часть, группа) контекстуальному. Объяснение, данное служащим через необычную сочетаемость (передняя секция – передние три ва-

гона), придает создавшейся ситуации оттенок карикатурности, но не вносит ясности. Автор отсылает читателя к внутренней форме слова (*На каком это языке?*). В латинском языке, откуда заимствована лексема, *sectio* – разрезание, разделение. В результате семема **секция** приобретает концептуальную значимость: страна-поезд разделена, разрезана на части, нет единства, уничтожен один из главных принципов в жизни русского народа – соборность. Эта идея усиливается номинациями, которые относятся к изображению пассажиров и отражают социальное расслоение: *дама в шубке с пушистым воротником, человек с чемоданчиком, женщина с корытом.*

Выводы. Принципы организации эстетической модальности художественной речи писателей-сатириков начала XX века базируются на использовании языковых девиаций (отклонений от нормы), нередко приводящих к абсурду. Объясняется это тем, что конфликт между нормой и отступлением от нее, лежащий в основе всего, что вызывает комический эффект, составляет и основу трагического. Взаимосвязь комического и трагического усиливает суггестивный характер художественного произведения.

ЛИТЕРАТУРА

1. Кононенко В. Концепти українського дискурсу / Віталій Іванович Кононенко. – К. ; Івано-Франківськ, 2004. – 248 с.
2. Ким Л. Г. Вариативно-интерпретационное функционирование текста / Лидия Густовна Ким. – Томск : Изд-во Томского гос. пед. ун-та, 2009. – 312 с.
3. Макеева М. Н. Риторика художественного текста и ее герменевтические последствия : дис. ... докт. филол. наук : спец. 10.02.19 «Общее языкознание, социолингвистика, психолингвистика» / Марина Николаевна Макеева. – Краснодар, 2000. – 436 с.
4. Филиппов К. А. Лингвистика текста. Курс лекций / Константин Анатольевич Филиппов. – СПб : Издательский Дом Санкт-Петербургского гос. ун-та, 2003. – 334 с.
5. Маринчак В. А. Интенциональное исследование ценностной семантики в художественном тексте / Виктор Андреевич Маринчак. – Харьков : Фолио, 2004. – 287 с.
6. Маслова В. А. Поэтический текст как объект филологического анализа / Валентина Аврамовна Маслова. – Минск, 1999. – 208 с.
7. Заика В. И. Очерки по теории художественной речи / Владимир Иванович Заика. – Великий Новгород : НовГУ им. Ярослава Мудрого, 2006. – 407 с.
8. Шумарина М. Р. Функции метаязыковых комментариев в художественном тексте / М. Р. Шумарина // Функциональная семантика, семиотика знаковых систем и методы их изучения. II Новиковские чтения : материалы Международной научной конференции (Москва, 16–17 апреля 2009 г.). – М. : РУДН, 2009. – С. 642–646.

ПРОСТРАНСТВО В ПОЛИТИЧЕСКОМ ТЕКСТЕ: МОДЕЛИ СТРУКТУРИЗАЦИИ

Стаття присвячена аналізу функціонування метафоричних значень ключових одиниць в політичному дискурсі. В роботі розглянуто когнітивні моделі метафоричних процесів в політичному тексті.

Ключові слова: політичний дискурс, політичний текст, ключове слово, метафора, концепт.

Статья посвящена анализу функционирования метафорических значений ключевых единиц в политическом дискурсе. В работе рассматриваются когнитивные модели метафорических процессов в политическом тексте.

Ключевые слова: политический дискурс, политический текст, ключевое слово, метафора, концепт.

The article considers the analysis of functioning of metaphorical meanings of key units in political discourse. The cognitive models of metaphorical processes in political text are examined in the article.

Key words: political discourse, political text, key word, metaphor, concept.

Постановка проблемы. В лингвистических концепциях последнего десятилетия активно обсуждаются проблемы языковой репрезентации знаний о мире и способы их выражения. Так, одной из базовых категорий, организующих языковую и концептуальную картину мира, является категория «пространство». Реализуя себя в пространстве, человек получает возможность ориентироваться в реальном мире, чувствовать себя его неотъемлемой частью. Лингвисты отмечают, что пространственные значения являются первоосновой многих языковых средств обозначения как на уровне слова, так и на уровне структуры предложения: восприятие пространства является одним из первых проявлений познания мира человеком.

Актуальность предлагаемой статьи обусловлена необходимостью описания метафорических значений ключевых единиц политического дискурса и значимостью систематизации когнитивных механизмов при структурировании метафорических полей политического дискурса. Как отмечает А. Н. Баранов, интерес к изучению политических текстов можно объяснить несколькими факторами: во-первых, внутренними потребностями лингвистической теории, которая в разные периоды истории обращалась к реальным сферам функционирования языковой системы – к речи. Во-вторых, политологическими проблемами изучения политического мышления, его связи с политическим поведением; необходимостью построения предсказывающих моделей в политологии, а также значимостью разработки методов анализа политических текстов и текстов СМИ для мониторинга различных тенденций в сфере общественного сознания. В-третьих, социальным заказом – попытками освободить политическую коммуникацию от манипуляций общественным сознанием [1, с. 245].

Анализ литературы показал, что в научных работах последних десятилетий (А. Н. Баранов, Ф. С. Бацевич, В. И. Карасик, Ю. Н. Караулов, Н. А. Купина, П. Б. Паршин, Г. Г. Почепцов, А. П. Чудинов, Е. И. Шейгал, Г. М. Яворская и др.) политический дискурс определяется как особая знаковая система, предназначенная именно для политической коммуникации с целью «выработки общественного консенсуса, принятия и обоснования политических и социально-политических решений...» [2, с. 6].

Несмотря на большое количество работ, посвященных анализу политического дискурса, ряд вопросов до сих пор остается нерешенным. Так, в современной лингвистике одной из актуальных задач при описании политического дискурса является исследование способов реализации языковых значений вторичной номинации, организующих коммуникативное единство политического текста.

В современной дискурсологии политический текст (ПТ) принято рассматривать как многовекторную структуру, представляющую собой определенную систему координат. Базовыми осями в этой системе становятся время и пространство. Как справедливо отмечает П. Серию, не существует высказывания, в котором нельзя было бы не увидеть культурную обусловленность и которое нельзя было бы тем самым связать с характеристиками, интересами, значимостями, свойственными определенному обществу или определенной социальной группе, их признающей в качестве своих [3].

Анализ показал, что категория «пространство» является основой реализации в политическом тексте ассоциативно-прагматического потенциала ключевых слов, представляющих текст на основе горизонтального (путь, дорога, тропы, тропинка, стезя, колея и др.) и вертикального

(гора, вершина, пик, пропасть, обрыв и др.) векторов. Механизмы актуализации концептуального содержания пространственных концептов в политических текстах определяются специфическими прагматическими установками языкового сознания носителя языка.

Целью настоящей статьи является описание метафорических моделей с пространственной семантикой, организующих политический дискурс. Поставленная цель определила решение следующих задач:

- установить семантические особенности лексической единицы *дорога* и ее роль в русской языковой картине мира;
- описать метафорическое значение лексемы *дорога* в политических текстах;
- раскрыть механизмы структуризации метафорического поля *дорога* с обозначением его метафорических моделей.

Материалом нашего исследования послужили украинские и российские СМИ («Московские новости» (МН), «Независимая газета» (НГ), «Аргументы и факты» (АиФ) «Зеркало недели» (ЗН), «Крымское время» (КВ), «Крымские известия» (КИ), «Первая крымская» (ПК), «День» (Д), «Новые известия» (НИ), «2000» (2000), тексты Интернет-коммуникации (официальные сайты украинских и российских политиков, политические форумы, блоги, Интернет-конференции за 2006–2010 гг.).

Изложение основного материала. При концептуальном анализе необходимо исследование не только семантических компонентов содержания слова, но и, что очень важно, его валентностного семантического потенциала. Номинативное поле концепта *дорога* объемно и обладает высокой степенью номинативной плотности, а значит, вербализация данного концепта будет представлена разнообразными парадигмами. Этот факт свидетельствует о его релевантности в языковой картине мира.

Концепты *пути, дороги*, как отмечают исследователи, представляют собой универсалии мировой культуры. Являясь важным фрагментом русской картины мира, *дорога* присутствует на различных уровнях культуры, в обрядах и ритуалах, фольклоре, высокой и церковной книжности, художественных произведениях, живописи, музыке и т. д. Изучение семантических особенностей *дороги* проводится на материале художественных текстов (Н. Д. Арутюнова, Е. В. Гусева, Л. П. Иванова, О. О. Ипполитов, Ю. М. Лотман, А. С. Пальчевская, Т. В. Радзиевская, Т. Чепелевская, О. А. Черепанова, С. М. Шакиров), рассматривается в ряде философских публикаций (Э. Блох, М. К. Мамардашвили, М. Хайдеггер), а также фольклористике.

Как показал анализ корпуса политических текстов, ключевое слово *дорога* в ПТ обычно приобретает метафорическое значение. По замечанию Н. Д. Арутюновой, «...*дорога* стремится к описанию. Ее семантика стремится к конкретизации, то есть к сужению сферы референции: имя *дорога* легко принимает дескриптивные атрибуты» [4, с. 6].

Приведенный тезис подтверждается и материалами политических текстов. Как правило, в ПТ *дорога* функционирует в атрибутивном словосочетании. Следует отметить, что в политическом тексте сочетаемостные возможности *дороги* расширяются и наряду с типичными для данной единицы атрибутивными конструкциями (большая, верная, вредная, губительная, единственная, желательная, жизненная, извилистая, короткая, крутая, легкая, открытая, скользкая, правильная, узкая, широкая и т. д. *дорога* – всего более 150 сочетаемостных моделей), выявляются конструкции, характерные только для данного вида текста (политическая, правительственная, стратегическая, украинская и т. д. *дорога*): *Предпринимательство, малый и средний бизнес остались на обочине правительственной дороги* (Нг, № 53, 16.07.2007).

По замечанию А. П. Чудинова, «метафору нередко образно представляют как зеркало, в котором вне зависимости от чьих-либо симпатий и антипатий отражается национальное сознание». Особенность политической метафоры заключается в том, что, по наблюдению исследователя, она представляет собой своего рода комплекс «зеркал», в котором «отражается ментальный мир человека и общества в целом, обыденные представления людей о понятийных сферах-источниках пополнения системы политических образов» [5, с. 8].

Как отмечают исследователи, «политической» становится любая метафора, реализующаяся в политическом дискурсе. По мнению А. Н. Баранова и Ю. Н. Караулова, политическая метафора представляет собой «речевое воздействие с целью формирования у реципиента (чаще всего – у общества) либо положительного, либо отрицательного мнения о той или иной политической единице (политике, партии, программе, мероприятии)» [6, с. 189]. По справедливому замечанию Т. Г. Скребцовой, в политической метафоре сочетаются три перспективы: когнитивная лингвистика подчеркивает связь политической метафоры с мышлением и понятийной системой человека, дискурсивный анализ рассматривает ее как орудие политики и власти, риторика акцентирует ее роль в коммуникативном воздействии. Благодаря этому политическая метафора обретает многомерность,

становясь продуктом языка, мышления, общества, культуры [7].

Описывая функции политической метафоры, И. М. Кобозева отмечает, что «благодаря своей фигуральности, небуквальности метафора выполняет прагматическую интерактивную функцию сглаживания наиболее опасных политических высказываний, затрагивающих спорные политические проблемы, минимизируя ответственность говорящего за возможную буквальную интерпретацию его слов адресатом. И, наконец, поскольку метафора в политическом дискурсе (в отличие от поэтического) всегда апеллирует к фонду общих знаний, она тем самым создает у партнеров по коммуникации общую платформу, опираясь на которую субъект речи может более успешно вносить в сознание адресата необщепринятые мнения» [8, с. 138].

В политическом тексте образ *дороги* чаще всего используется для обозначения социальных изменений: *Украина идет дорогой изменений и демократии* (2000, № 29–30, 13.07.2008). Любые изменения политической ситуации характеризуются начальной и конечной точкой, первым шагом и достижением цели. Таким образом, одним из компонентов, организующих метафорическое значение *дороги*, является семантический признак лексической единицы *шаг*, и от того, каким будет этот шаг, в каком направлении он будет сделан, зависит и выбор политической *дороги*, а значит, и тот результат, к которому придет политический деятель, партия, государство или любой другой субъект политического текста: *Киев рассматривает новое соглашение с Брюсселем как шаг на пути к политико-экономической ассоциации Украины с Евро-союзом* (2000, № 22, 30.05.2008).

Несогласованность целей и направлений в политической деятельности, отсутствие взаимопонимания и компромисса может привести к тому, что движение по политической *дороге* будет затруднено, а иногда может привести в тупик: *Политический процесс в Абхазии зашел в тупик* (АиФ-У, № 25, 18.06.2008).

Современный политический мир не простой, в нем необходимо твердо и уверенно следовать поставленной цели, чтобы «не остаться на обочине политической дороги». Контекстный анализ подтверждает, что верную *дорогу* выбрать особенно сложно, когда находишься на *распутье*: *Китай стоит сейчас на распутье. Пойдет налево – и превратится в самый мощный фактор мирового развития. Пойдет направо – спровоцирует нарастание напряженности и угрозу дестабилизации. И, наконец, третья дорога, не предусматривающая никаких кардинальных изменений политического курса, заве-*

дет в трясину социальных и политических кризисов (ЗН, № 37, 06.10.2009).

Дорога всегда предполагает движение, поэтому для субъектов политической коммуникации бездействие является нежелательным. В приведенном выше примере метафорический образ становится многоаспектным, включая в себя новые элементы структурирования понятийной сферы. Так, от выбора *дороги* зависит судьба не только того, кто ее выбирает, но и других участников совместной коммуникативной деятельности. Политическая *дорога* полна трудностей и опасностей, для преодоления которых нужны попутчики (а еще лучше – надежные партнеры): *Мы идем по дороге вперед как друзья. Но на этой дороге случаются ухабы* (АиФ, № 47, 21.11.2008).

Украинский политический дискурс отличается многополярностью и многовекторностью. Специфика его интенционального содержания находит свое отражение в моделях коммуникативных процессов. Как показывает контекстный анализ, *дороги* политических лидеров и партий не всегда совпадают. В дискурсивных практиках вербализуются прежде всего концептуальные признаки понятийного ядра лексемы *дорога* – «место» и «направление». Это представлено такими словосочетаниями, как: *мы идем разными дорогами*, *наши дороги пересекаются*, *свернуть с общей дороги* и др. Одна из особенностей политической *дороги* заключается в том, что пройти ее вместе от начала до конца очень сложно. Этот факт определяет частотность в политическом тексте метафорического предикативного центра «дороги расходятся/разошлись»: *Наши пути разошлись. Мы пойдем параллельными дорогами, и при этом будем представлять две различные политические силы* (КВ, № 222, 10.10.2008).

Изменение семантики слов проходит не только на денотативном, но и на коннотативном, прагматическом уровне, где лексемы с пространственной семантикой приобретают новые семантические признаки. Эти признаки и помогают открывать в лексических единицах метафорические значения. Столкновение политических мнений и убеждений приводит к негативной оценке современных реалий, что подтверждается доминированием лексем с негативной коннотацией. В данном исследовании выдвигается идея о моделировании языковых единиц с пространственной семантикой.

Анализ языкового материала с позиции лингвокогнитивного подхода позволяет выявить ряд метафорических моделей.

При экспликации метафорической модели *транспорт* лексемой *паровоз* в ряде текстов

проявляється іронічний характер висказування, а паровоз стає не стільки засобом переміщення, скільки поміхою, не даючи політичному суб'єкту рухатися з потрібною швидкістю в необхідному йому напрямку: ...*якщо Польща і Чехія їли в Європу на сучасному тепловозі, то Україна – на паровозі першої половини ХХ століття* (Нг, № 49, 10.07.2008).

Активною є модель «Державство – це корабель/лодка». Від того, наскільки міцним і стійким буде цей корабель, залежить безпека його пасажирів: *Державство є середньою лодкою. Чим потужніше і єдиніше суспільні сили, тим стійкіше і впевненіше рухається державний корабель, обминаючи на своєму шляху всі можливі рифи і перешкоди, і тим самим зводячи на нет спробу крайніх екстремістських сил як з однієї, так і з іншої сторони розкочити державну лодку і, тим більше, спробувати її перекинути* (2000, № 27, 10.04.2008).

Концепт *дорога* може вербалізуватися лексемами метафорического простору з ключовим словом *человек*. Як частину людського організму, *дорога* представляється артерією, необхідною для життєдіяльності індивіда: *Дороги – артерії нашої економіки!* (ЗН, № 7, 24.02.2006). *Железна дорога – це кровоносна артерія, по якій рухається економіка* (Нг, № 59, 07.08.2009).

Висновки. Дослідження метафор в політическому дискусі намагає нові перспективи відкриття його когнітивних механізмів і встановлення домінуючих метафорических мо-

делей. Комплексний аналіз сучасного політического простору допомагає встановити типологію концептуальних моделей сучасного політического дискурсу.

ЛИТЕРАТУРА

1. Баранов А. Н. Введение в прикладную лингвистику / А. Н. Баранов. – М. : Изд-во Едиториал УРСС, 2001. – 360 с.
2. Баранов А. Н. Парламентские дебаты: традиции и новации / А. Н. Баранов, Е. Г. Казакевич. – М. : Знание, 1991. – 42 с.
3. Серио П. Русский язык и анализ советского политического дискурса: анализ номинализаций / П. Серио // Квадратура смысла: Французская школа анализа дискурса : [пер. с фр. и португ.]. – М. : Прогресс, 2002. – С. 337–383.
4. Арутюнова Н. Д. Путь по дороге и бездорожью / Н. Д. Арутюнова // Логический анализ языка. Языки динамического мира / отв. ред. Н. Д. Арутюнова, И. Б. Шатуновский. – Дубна, 1999. – С. 3–17.
5. Чудинов А. П. Метафорическая мозаика в современной политической коммуникации / А. П. Чудинов. – Екатеринбург, 2003. – 248 с.
6. Баранов А. Н. Русская политическая метафора (материалы к словарю) / А. Н. Баранов, Ю. Н. Караулов. – М., 1991. – 193 с.
7. Скребцова Т. Г. Современные источники политической метафоры: три источника и три составные части [Электронный ресурс] / Т. Г. Скребцова. – Режим доступа : <http://filologija.vukhf.lt/6-11/doc/1.2%20Skrebtsova.rtf>–12.08.2008.
8. Кобозева И. М. Семантические проблемы анализа политической метафоры / И. М. Кобозева // Вестник Московского университета. – Сер. 9. Филология. – 2001. – № 6. – С. 132–149.

УДК 159.923.81; 811.111'373.611

Федонюк В. Є.

МОВНА КАРТИНА СВІТУ І ТИПОЛОГІЯ К. Г. ЮНГА

У статті аналізується сучасний стан когнітивної лінгвістики і висвітлюються окремі поняття з праць К. Г. Юнга, які мають значення для майбутнього розвитку цієї галузі лінгвістики.

Ключові слова: когнітивна лінгвістика, концепт, мовна картина світу.

В статті аналізується теперішнє становище когнітивної лінгвістики і трактується окремі поняття з праць К. Г. Юнга, які важливі для подальшого розвитку цієї області лінгвістики.

Ключевые слова: когнитивная лингвистика, концепт, языковая картина мира.

In article analyze current state of cognitive linguistics and handle separate concepts from works of C. G. Jung, which are important to subsequent development this field of linguistics.

Keywords: cognitive linguistics, concept, linguistic picture of the world.

Постановка проблеми. На рубежі ХХ–ХХІ століть в лінгвістиці знову на передній план вийшли питання про те, яким чином відображений світ в людській свідомості, яку роль у процесі відтворення навколишнього світу відіграють ве-

рбальні засоби, що і як впливає на формування різних образів світу – загальнолюдського, національного, колективного, індивідуального, яким чином зберігаються набуті знання та чимало інших, що вже не можливо вирішити в межах од-

нієї, навіть дуже потужної науки про слово. Для відповіді на ці питання потрібні комплексні різнофахові знання і колективні зусилля вчених кількох спеціальностей. Це не можливо однак і без переосмислення на якісно вищому рівні раниш, протягом декількох сторіч зібраних знань. Адже нове – це часто не стільки старе, забуте, скільки просто неоцінене належним чином. Великий потенціал знань про людину, необхідних зараз лінгвістам, містять праці їх колег, що розробляють подібну проблематику в суміжних галузях – в філософії, історії, фізіології, психології. Дуже цінними для сучасних когнітивістів є з погляду вирішуваних проблем й спостереження над свідомістю людини, розсипані в працях психологів старої школи, до яких належить і К. Г. Юнг.

Аналіз наукової літератури показав, що поняття та концептуально-термінологічний апарат, розроблені К. Г. Юнгом в межах його аналітичної психології, досі не були об'єктом всебічного наукового осмислення під кутом їх актуальності та використання в сучасних лінгвістичних дослідженнях.

Мета дослідження – охарактеризувати сучасний стан когнітивної лінгвістики та представити поняття, розроблені К. Г. Юнгом, з погляду їх значення для подальшого розвитку цього наукового напрямку.

Виклад основного матеріалу. Сучасна славістика, як і мовознавство в цілому, переживає важливий етап свого розвитку. На зміну попередньому, пов'язаному переважно із накопиченням мовних фактів й їх лексикографічним опрацюванням та системним описом окремих слов'янських мов, прийшов новий, за влучним визначенням М. Ф. Алефіренка, «інтерпретуючий» період [1, с. 7].

За кілька останніх десятиліть ситуація в слов'янському мовознавстві кардинально змінилась. Було усвідомлено, що дані про мову – спеціально відібрані та спеціально опрацьовані – можуть та повинні використовуватись для розробки більш широкого кола проблем, які стосуються як природи людського розуму та інтелекту, так і його поведінки, що виявляє себе у всіх процесах взаємодії людини з навколишнім світом та іншими людьми. Мова почала досліджуватись не тільки як унікальний об'єкт, що розглядається ізольовано (тобто в самій собі і для себе), але й значною мірою як засіб проникнення до всіх ментальних процесів, які відбуваються в голові у людини й визначають власне її існування та функціонування в суспільстві [2, с. 9].

Постановка та розробка цих та багатьох аналогічних питань стали можливими лише при проведенні досліджень на межі кількох гумані-

тарних наук: філософії, психології, культурології, лінгвістики – в когнітивістиці, новому науковому напрямку, що досить успішно почав розвиватися останнім часом і в славістиці.

Одним з фундаментальних понять когнітивного підходу стала *картина світу*. Під нею розуміють «вихідний глобальний образ світу, який лежить в основі світосприйняття людини та репрезентує сутнісні якості світу в розумінні її носіїв і є результатом всієї духовної активності людини» [3, с. 22]. Базовим компонентом цього глобального образу світу виступає концепт, який ще не дістав остаточно чіткого та більш-менш однозначного визначення. А тому трактується по-різному – як «будь-яка дискретна змістова одиниця колективної свідомості, що відтворює предмет реального або ідеального світу, який зберігається в національній пам'яті носіїв мови у вигляді пізнаного суб'єкта» [4, с. 29]; «пучок» уявлень, понять, знань, асоціацій, переживань, що супроводжує те чи інше слово» [5, с. 40]; певне відчуття, емоційне переживання, уможливає уявлення плавного, недискретного характеру, яке може бути зафіксоване лише за посередництва дискретної знакової системи, наприклад мовної. З огляду на відмінності в обсязі змісту концепта, які можуть бути виявлені в окремих індивідуумів, соціальних груп та етносів, деякі дослідники серед концептів виділяють національні, групові та індивідуальні [6, с. 29; 7, с. 50]. Оскільки наявність тих чи інших концептів в картині світу та їх зміст пов'язані також з історичним періодом розвитку людства, до якого вони відносяться, то можна, очевидно, говорити й про концепти, характерні для певної епохи.

Враховуючи, з одного боку, такий фактор, як участь мови в створенні картини світу, а з іншого, той факт, що за посередництва мови, як знакової системи, інтерпретується не вся картина світу, а лише її частина, в когнітивній лінгвістиці поряд із картиною світу було введено й поняття *мовна картина світу*. Під нею розуміють відтворену в мові (в її граматичних формах, лексиці та текстах) інтерпретацію дійсності, яку можна представити у вигляді комплексу суджень про світ. Усвідомлення того, що не лише «глобальний образ світу» (картина світу), але й мовна картина світу існує в кількох варіантах, спонукало мовознавців до виділення кількох її підтипів. Таким чином, поряд з інтегральною (загальною) мовною картиною світу, якою почали позначати сукупний «образ світу», виражений спільно, у сукупності всіма існуючими мовами, в когнітивній лінгвістиці появився термін *суб'єктивна мовна картина світу* на позначення образу світу, інтерпретованого в свідомості індивіда – носія певної культурно-мовної єдності.

Введення в науковий обіг та розробка цих понять в дослідженнях з мови дозволили вченим виділити й розмежувати два види впливу людини на мову – феномен первинної антропологізації мови (тобто вплив психофізіологічних та іншого роду особливостей людини на конститутивні якості мови) та феномен вторинної антропологізації (вплив на мову різних картин світу людини – релігійно-міфологічної, філософської, наукової, художньої). Одночасно було виділено ще два різновиди мовної картини світу – наукова і наївна мовна картина світу. Науковою почали називати мовну картину світу, створювану людиною в процесі наукового пізнання навколишнього світу (її зміст, відповідно, зумовлений рівнем та обсягом інтерпретованих нею наукових знань). Іншу, що формується у носіїв мови на побутовому рівні і залежить від сприйняття і розуміння ними позамовної дійсності та, очевидно, від особливостей побудови їх рідної мови, назвали наївною.

З середини 80-тих років розробка теорії мовної картини світу в славістиці рухалась переважно в напрямі її деталізації. Особливою активністю відзначалось вивчення різних моделей наукової і наївної мовної картини світу (на матеріалі слов'янських, германських та романських мов). Поряд з цим проходило дослідження інтерпретацій окремих концептів (таких як *вічне, мир, час, вогонь, вода, хліб, дія, ремесло, слово, віра, любов, радість, воля, правда, істина, знання, наука, число, рахунок, письмо, закон, цивілізація, душа, совість, мораль, гроші, страх, туга, гріх, сум, дім* тощо) в сучасних слов'янських мовах в різні періоди їх розвитку та визначення національної специфіки цих мовних картин світу.

Чимало з таких досліджень, незважаючи на деякі їх теоретичні досягнення, виявляють, однак в побудові моделей національних світів певну уразливість в достовірності представлених в них загальних висновків. Головний недолік цих праць полягає в занадто узагальненому, а відтак і великою мірою суб'єктивному інтерпретуванні мовних фактів, які неправомірно видаються за справді національні стереотипи. Спільною методологічною особливістю досліджень цього типу є глобальність висновків, побудованих на неадекватному зіставленні фактів різних мов або за цілковитої відсутності зіставного фону [8, с. 50]. За недотримання цього принципу в підході до розробки проблеми в науковій праці годі сподіватися на отримання достовірних результатів.

Цілком очевидно, що особливої вимогливості щодо кількості та якості зібраного і проаналізованого матеріалу, рівня критичності щодо висловлених сентенцій і обережності в предста-

вленні їх як закономірності, слід очікувати від дослідників, які з метою визначення ментально специфічного фрагменту в мовній картині світу звертаються до нерідних мов. Адже недостатнє володіння ситуативно-контекстуальними та конотативно-стилістичними деталями, як справедливо зазначив В. М. Мокієнко, може створити підґрунтя для дуже серйозних помилок. Пригадуючи як в згаданій вище статті цей відомий славіст небезпідставно висловив свій сумнів, щодо правильності віднесення таких концептів, як *доля, тоска* та *подлец*, до розряду національно маркованих суто російських, дозволю й собі не погодитись з висновками окремих українських мовознавців (переважно, колишніх фахових русистів), які, пристосовуючись до нових соціокультурних умов, серед специфічно українських концептів називають *сало, галушки* та подібне.

Певної шкоди когнітивній лінгвістиці, молодій і перспективній галузі, для якої поки що дискусійним залишається чимало важливих для її розвитку питань (про перелік концептів, критерії їх визначення та ін.), завдає й мода на безпідставне, нічим не виправдане використання її спеціальної термінології в працях з інших мовознавчих спеціальностей, підготовлених на матеріалі однієї мови. Ознайомлення з дослідженнями, де вона (когнітивна термінологія) вжита, так би мовити, за для годиться, а насправді, фактично – для формального підвищення їх наукової актуальності, засвідчує безперспективність спроб опису національно маркованої мовної картини світу на такому обмеженому матеріалі.

Ще однією важливою і досить складною, якщо виходити тільки з можливостей лінгвістики, проблемою, для дослідників мовної картини світу є вибір інструменту аналізу мовного матеріалу. Суттєву допомогу мовознавству тут може надати психологія, зокрема психологія особистості. В межах цієї науки накопичені величезні знання про психічні особливості людини – суб'єкта та носія мовної картини світу. Дуже перспективними, на нашу думку, в цьому сенсі є розробки Карла Густава Юнга.

Незважаючи на те, що в працях К. Г. Юнга мова сама по собі ніколи не ставала об'єктом окремого спеціального розгляду, чимало спостережень та зроблених на їх основі висновків вченого, зокрема в його ґрунтовному монографічному дослідженні «Психологічні типи» (1921), в статтях «Психологічна типологія» (1928), «Поняття колективного підсвідомого» (1936), «Психоаналіз» (1913) та ін., мають важливе значення для подальшого розвитку когнітивної лінгвістики і заслуговують на увагу. З огляду на це зупинимось стисло на деяких спостереженнях та думках вченого.

Досліджуючи людину, її психічну діяльність, найбільш специфічним виявом якої є її свідомість, К. Г. Юнг наблизив нас до усвідомлення природи духовної активності людини, вираженої, зокрема і в мові. Проведені ним багаторічні дослідження виявили, що в психіці будь-якої людини завжди існують два фрагменти, які суттєво, вирішальним чином впливають на спосіб інтерпретації нею світу – особисте та колективне підсвідоме.

Перший з них – особисте підсвідоме, представляє собою персональний набуток кожної людини. Він, на думку вченого, утворився в психіці людини внаслідок її особистої взаємодії зі світом, а тому, як правило, й складається переважно з раніш усвідомлених нею змістів, які з часом з його свідомості перейшли в підсвідоме [9, с. 72].

Інший фрагмент – архетипи – має, за К. Г. Юнгом, навпаки, колективну підсвідому природу, оскільки існує незалежно від раціональної мотивації свідомості окремої людини. Змісти архетипів, будучи «забутими», «подавленими», ніколи не проникають в свідомість. Вони не належать також й до індивідуальних надбань людської психіки, тому що своїм існуванням зобов'язані виключно «спадковості». Таким чином, колективне підсвідоме є тим фрагментом в психіці людей, що, постійно виявляючи себе в картині світу, поєднує окремих особистостей з їх неповторним (особистим підсвідомим) світом в колектив.

Характеризуючи колективне підсвідоме та його роль в психічному житті людини, К. Г. Юнг зазначає: «... поряд з нашою безпосередньою свідомістю, яка має повністю особистісну природу ... існує ще одна психічна система, що має колективну, універсальну та позаособистісну природу, однакову для всіх індивідів. Це колективне підсвідоме не розвивається індивідуально, але наслідуються. Воно складається з попередніх форм, архетипів, які лише вторинним чином усвідомлюються і надають певну форму змістам психіки» [9, с. 72]. Завдяки цьому, вважає дослідник, людина далекого минулого живе в нас зараз, як і багато століть тому, поряд з людиною наших днів, постійно збагачуваною новим сучасним досвідом, постійно відтворюючись в цих двох фрагментах в мовній картині світу як кожної конкретної людини, так і народу в цілому.

Багаторазове повторення типових (в глибинній своїй суті) ситуацій в житті народу, на думку К. Г. Юнга, закарбувало цей давній досвід в глибинах нашої психічної конструкції. Проте, здебільшого – не в формі сповнених змістом образів, а у вигляді таких собі «форм без змісту»,

створюючи цим ґрунт для потенційної можливості реалізації певного типу сприйняття дійсності та її інтерпретації.

Кількість подібних архетипних форм в психіці людини зумовлена існуванням типових життєвих ситуацій, а тому є практично необмеженою. У зв'язку з цим при зустрічі із ситуацією, яка відповідає певному фрагменту колективного підсвідомого, в нашій підсвідомості завжди активізується відповідний архетип. Причому – із силою, справді подібною до голосу інстинкту, діючому всупереч розуму і волі людини. Ці висновки К. Г. Юнга, що виникли як наслідок багаторічних спостережень за психічними проявами різних людей та були перевірені ним на практиці, при ознайомленні з феноменальними явищами західних та схільних культур, мають багато спільного з поглядами основоположника теорії мовної картини світу В. фон Гумбольдта, висловленими ним зокрема в праці «Про різницю в побудові людських мов та її вплив на духовний розвиток людства».

Стверджуючи, що світ існує лише «будучи усвідомленим за посередництва психіки», через мову і що «умовою буття людини є її свідомість», дослідник одночасно постійно підкреслював, що «носій свідомості – індивідуум, не створює психіку за власним бажанням», в той час як психіка, в межах якої формується його свідомість, наділяє людину здатністю не просто віддзеркалювати макрокосмос, але в значній мірі бути й його творцем.

Добре розуміючи важливу роль колективного підсвідомого (архетипів) в духовній діяльності людського суспільства, К. Г. Юнг вбачав значну небезпеку в будь-якому порушенні природної психічної гармонії людини – бази для створеного в глибинах її свідомості образу світу (як в бік надмірного збільшення, так і в бік надмірного зменшення впливу обох фрагментів людської психіки – архетипів та особистого підсвідомого).

Носіями архетипів, носіями та творцями мовних картин світу та мов є одні й ті ж суб'єкти – живі люди. Заирнути в прихований від безпосереднього спостереження таємничий простір формування мовних картин світу – психіку людини й побачити в різноманітності індивідуального і неповторного – спільне, загальнолюдське, дозволяє юнгівська психологія типів. Вивчення психіки різних людей уможливило вченому помітити деякі суттєві закономірності в побудові людської психіки та виділити на основі цих сутнісних характеристик кілька її основних типів: «Мій власний досвід показав мені, що індивідуумів найбільш загальним чином можна поділити ... за окремими психічними функціями... Основни-

ми функціями є, за моїм досвідом, мислення, емоції, відчуття та інтуїція. Якщо звично переважає одна з цих функцій, то з'являється відповідний тип. Тому я розрізняю мислинневий, емоційний, сенсорний та інтуїтивний типи» [10, с. 11].

Йдучи за К. Г. Юнгом, можна, очевидно, говорити і про існування різновидів інтегральної картини світу, зорієнтованих на інтерпретацію світу певними типами психіки. А одночасно і про наявність відповідних фрагментів в мові (мовних картинах світу), які відображують особливості інтерпретації дійсності носіями певного типу психіки незалежно від того, якою мовою вони користуються.

Спостереження К. Г. Юнга дають підстави, таким чином, говорити, що відповідно до певного типу психіки – «мислинневого», «емоційного», «сенсорного», «інтуїтивного», кожний з яких має два варіанти – «екстравертований» (більшою мірою націлений на пізнання зовнішнього світу) та інтравертований (скерований в бік самопізнання) може існувати кілька варіантів картини світу в кожній мові.

Описуючи людей такими, що в своїй духовній діяльності завжди тяжіють до якогось певного типу психіки, К. Г. Юнг одночасно застерігає від занадто спрощеного розуміння його ідей. Так, він, зокрема, постійно підкреслював, що кожна людина, незважаючи на приналежність до певного психічного типу, наділена вміннями всіх психологічних типів інформаційного метаболізму. Психіка кожної людини має фрагменти, характерні для всіх типів психіки. Однак в кожній індивідуальній психіці складається природний комплекс домінування однієї групи функцій над іншою. Адже «людина ... ніколи не може бути відразу всім і ніколи не може бути повністю досконалою. Вона розвиває завжди лише певні якості та залишає недорозвиненими інші» [11, с. 22–23]. Таке переважання, однак, не робить людину ущербною. А навпаки, створює підґрунтя для більшої спеціалізації в творчому відтворенні нею певного фрагменту картини світу та для потенційної готовності в одних сферах працювати більш творчо, з більшими нюансами, натомість в інших бути більш грубо дискретною, невмілою, нетворчою.

Під впливом вродженої програми, за К. Г. Юнгом, знаходяться не лише поведінкові акти, але й спосіб сприйняття світу, його інтерпретація, отже й мова, як віддзеркалення сприйнятого людиною навколишнього світу.

Очевидно, враховуючи приналежність виділених К. Г. Юнгом констант людської психіки до таких, що мають універсальну, надособистісну природу, їх слід визнати базовими при аналізі мовної картини світу та її фрагментів. Адже са-

ме їх існуванням можна пояснити наявність в психіці конкретної людині готовності до переважного сприйняття інформації одного з фрагментів картини світу та до кращого відтворення цього ж фрагмента в індивідуальній картині світу.

З огляду на надособистісний, універсальний характер типологічних юнгівських особливостей людської психіки, які (за своєю зануреністю в психічну структуру людини та автоматизмом виявлення їх протягом цілого людського життя) є подібними до інстинктів, доцільно ввести до базових понять когнітивної лінгвістики наступне. Поряд із загальною й індивідуальною картинами світу та мовною картиною особистості, вже прийнятими в когнітивній лінгвістиці, варто включити також поняття мовних картин світу людей з різними юнгівськими типами психіки. На нашу думку, це дозволить не тільки точніше описати специфічність мовної картини окремої людини, але й виявити специфіку мовної картини світу, притаманну певному мовному колективу, зокрема національному. Спроби опису феномену національно специфічного в культурі народу, спираючись лише на історичні обставини та природні умови, не дає такої можливості, оскільки не дозволяє побачити цей процес в цілому, подібно тому, як, цитуючи К. Г. Юнга, неможливо зрозуміти «стійку індивідуальну форму людського буття», відриваючи тіло від душі.

Висновки. Аналіз сучасного стану одного із найбільш молодих напрямків мовознавства – когнітивної лінгвістики, показав, що подальший її розвиток неможливий як без залучення в її дослідницьку практику нових перспективних підходів, так і без опанування та введення в її обіг великої парадигми знань про людину, отриманих іншими гуманітарними та природничими науками. Значний потенціал ідей, корисних для мовознавства, містять зокрема й дослідження з психології, і в першу чергу праці К. Г. Юнга, звернення до яких дозволяє подивитись на базові для когнітивної лінгвістики поняття – мовну картину світу, концепт, з погляду їх взаємозв'язку з особливостями психіки людини.

ЛІТЕРАТУРА

1. Алефиренко Н. Ф. Фразеология в свете современных лингвистических парадигм : монография / Николай Федорович Алефиренко. – М. : Элипс, 2008. – 271 с.
2. Кубрякова Е. С. Язык и знание : монография / Елена Самойловна Кубрякова. – М. : Языки славянской культуры, 2008. – 555 с.
3. Роль человеческого фактора в языке. – М. : Наука, 1988. – 216 с.
4. Бабушкин А. П. Типы концептов в лексико-фразеологической семантике языка : монография / Анатолий Павлович Бабушкин. – Воронеж : Изд-

- во Воронежского государственного университета, 1996. – 104 с.
5. Степанов Ю. С. Константы. Словарь русской культуры. Опыт исследования / Юрий Сергеевич Степанов. – М. : Школа «Языки русской культуры», 1997. – 824 с.
 6. Фрумкина Р. М. Культурологическая семантика в ракурсе эпистемологии / Р. М. Фрумкина // Известия АН СССР. Серия литературы и языка. – 1999. – Т. 58. – № 1. – С. 3–29.
 7. Попова З. Д. Понятие «концепт» в лингвистических исследованиях / З. Д. Попова, И. А. Стернин. – Воронеж : Изд-во Воронежского ун-та, 2000. – 30 с.
 8. Мокиенко В. М. Языковая картина мира в зеркале фразеологии / В. М. Мокренко // Frazeologia a jezykowe obrazy swiata. – Opole : Instytut Filologii Polskiej, 2007. – S. 49–66.
 9. Юнг К. Г. Понятие коллективного бессознательного // Аналитическая психология / Карл Густав Юнг. – М. : Мартис, 1997. – С. 71–79.
 10. Юнг К. Г. Введение // Психологические типы / Карл Густав Юнг. – Минск : Харверст, 2003. – С. 7–12.
 11. Руткевич А. М. Предисловие / А. М. Руткевич // Юнг К. Г. Аналитическая психология. – М. : Мартис, 1997. – С. 7–41.

УДК 811.161.1'23–057.87(477.75)

Хаджиоглова О. Г.

СТРУКТУРА КАТЕГОРІЇ «МУЗИЧНІ ІНСТРУМЕНТИ» В КОНЦЕПТОСФЕРІ КРИМСЬКОТАТАРСЬКИХ ТА УКРАЇНСЬКИХ СТУДЕНТІВ: ЗІСТАВНИЙ АСПЕКТ

У статті викладено аналіз результатів психолінгвістичних експериментів, скерованих на виявлення змісту, структури категорії «музичні інструменти» в концептосферах студентів – носіїв кримськотатарської та української культур.

Ключові слова: психолінгвістичний експеримент, категорія, прототип, ядро, периферія, музичні інструменти.

В статті изложены результаты психолингвистических экспериментов, направленных на выявление содержания, структуры категории «музыкальные инструменты» в концептосферах студентов – носителей крымскотатарской и украинской культур.

Ключевые слова: психолингвистический эксперимент, категория, прототип, ядро, периферия, музыкальные инструменты.

The article presents the results of psycholinguistic experiments that were aimed at revealing the structure of the category «musical instruments» in the conceptospheres of students – bearers of Crimean Tatar and Ukrainian cultures.

Key words: psycholinguistic experiment, category, prototype, nucleus, periphery.

Постановка проблеми. Дослідження специфіки збереження та кодування інформації людиною посідає важливе місце в когнітивній психології, психолінгвістиці та концептології. Проблема категоризації, яка ставилася ще філософами античності, з часом зазнала перегляду та переосмислення. Сучасні науковці вже не ставлять під сумнів твердження про те, що людина мислить за допомогою категорій. Кроскультурні дослідження дозволяють простежити не лише за відмінностями у світосприйнятті носіїв різних мов та культур, а й у вербалізації знань про позамовну дійсність.

Аналіз літератури. Першою на неоднорідність структури категорії звернула увагу американська дослідниця, психолінгвіст Е. Рош. Саме вона висловила припущення, що не всі об'єкти деяких категорій рівнозначні за статусом, а існують більш та менш типові. Е. Рош ввела поняття прототипа [1]. Дж. Тейлор характеризує прототиповість як репрезентативність чи типо-

вість, тобто на його думку, прототип – найтипівіший представник категорії, він найяскравіше репрезентує її у свідомості носіїв мови; при цьому прототип є еталоном для інших членів категорії [2].

Для визначення наповнення категорій поряд з іншими методиками використовуються психолінгвістичні експерименти. Категорії «птахи», «фрукти», «спорт», «меблі» та деякі інші вже були досліджені таким чином, однак відчувається брак подібних досліджень на матеріалі української та російської мов. Особливий інтерес становить зіставлення фрагментів концептосфер кримськотатарських (КТР) та українських респондентів (УР) на прикладі культурно маркованої категорії музичних інструментів (МІ).

Кримський сходознавець-тюрколог І. Заатов пише, що кримськотатарська музична культура зазнала занепаду в роки сталінських репресій 30-х років, а також внаслідок депортації кримськотатарського народу в 1944 р. Після цих подій,

як стверджує науковець, музична культура цього народу не може повністю відновитися й донині [3]. Відомо, що початок ХХ століття приніс негативні зміни в стан не лише татарської, а й української культури, зокрема музичної. Десятиліття радянської антиукраїнської влади не могли не позначитися на культурах татарського й українського народів.

Метою статті є виклад та аналіз наповнення категорії «музичні інструменти» в свідомості кримськотатарських та українських студентів немусичного профілю. Ми також прагнули дослідити міру представлення національно-культурної інформації. З цієї метою було проведено психолінгвістичний експеримент.

Виклад основного матеріалу. Кримськотатарську частину психолінгвістичного експерименту було проведено у квітні 2009 р. зі студентами історично-філологічного факультету Кримського інженерно-педагогічного університету (АРК, м. Сімферополь). Респондентами виступили 64 студента кримськотатарської національності віком 17–21 років. Експеримент з українськими респондентами (УР) ми провели у жовтні 2009 р. зі студентами фізичного факультету Волинського національного університету ім. Лесі Українки (м. Луцьк). Участь у дослідженні взяв 81 студент.

Обидва експерименти були практично еквівалентними і склалися з трьох частин (блоків), кожна з яких переслідувала власну мету. У першому блоці респондентам вголос зачитувалися запитання-ситуації, а відповіді передбачали вільне відтворення назв МІ. Зауважимо, що під час експерименту опитувані не мали списку інструментів, з якого потрібно було обирати правильні відповіді, – усі назви були відтворені з пам'яті. Для відповіді на кожне з запитань першого блоку було дано різну кількість часу: від 10 секунд у випадку, коли потрібно було вказати один інструмент, і 60 секунд у випадку, коли респонденти вписували кілька назв МІ (максимальна кількість – 12 інструментів).

Зауважимо, що КТР усі питання були задані російською мовою; це, на нашу думку, відповідає мовному середовищу, в якому вони перебувають. Проте аби якомога краще актуалізувати кримськотатарську свідомість, ми замінили імена уявних людей, про яких йшлося в запитаннях, на кримськотатарські: Андрій «став» Аметом, Наталка – Гульнарою, Марійка – Аділе, Ольга – Ельмірою і т. д.

Докладніше з експериментом, проведеним з УР, можна ознайомитися у нашій статті «Особливості категоризації музичних інструментів в українських студентів немусичного профілю» [4], а перший блок експерименту з КР був опи-

саний у статті «Структура категорії «музичні інструменти» в концептосфері кримськотатарських студентів» [5].

У цьому дослідженні зосередимося на зіставленні результатів першої частини обох експериментів та докладніше розглянемо результати другої та третьої частин кожного з них.

Усі завдання першого блоку нашого експерименту можна поділити на дві групи: 1) ті, за допомогою яких можна визначити прототипові об'єкти категорії «МІ»; 2) ті, за допомогою яких можна визначити периферійну зону досліджуваної категорії. До першої групи відносимо запитання, при відповіді на які необхідно було відтворити з пам'яті 1–5 назв МІ. До другої групи належать запитання, при відповіді на які респонденти повинні були вказати 7–12 назв МІ. Ми припускали, що у відповідях з'являться не лише популярні, а й менш відомі інструменти. Саме з такою метою, наприклад, було поставлене запитання про тата Пеппі, героїні казки А. Ліндгрена, який нібито вмів грати на семи МІ.

Завдання першої частини експерименту дають нам змогу умовно поділити МІ на такі групи:

- а) МІ, популярні для навчання гри на них (див. запитання про подарунки для музичної школи, про дітей, що навчаються музиці, про фабрику МІ тощо);
- б) МІ, зовнішній вигляд яких є знаним респондентам і їх легко зобразити графічно (наприклад, запитання про конкурс малюнку на асфальті); ми припускали, що відповіді на це питання могли б узгоджуватися з результатами другої частини експерименту, в якій потрібно було розпізнати зображення МІ;
- в) МІ, звучання яких легко розпізнати, – такі інструменти також можуть вважатися добре знайомими і, ймовірно, належатимуть до прототипової зони досліджуваної категорії; ми припускали, що відповіді на це запитання будуть узгоджуватися з третім блоком, у якому студенти повинні були розпізнати звучання МІ;
- г) МІ, що є знайомими представникам будь-якої культури (див. запитання про міжнародний музичний конкурс, про презентацію культури Землі тощо);
- д) МІ, які можуть вважатися найбільш типовими для жінок/чоловіків (запитання про дівчинку/хлопчика, що хочуть навчатися музиці, про «романтичного» тата, про батька Пеппі тощо).

Відповіді на запитання першого блоку, отримані від КТР та УР подаємо у табл. 1. Докладніше розглянемо МІ, популярні для навчання дітей музиці, оскільки ця група запитань є найбільшою.

Таблиця 1.

Відповіді на запитання першого блоку.

УР			КТР		
Запитання: 1) Андрія (Амета) віддають до музичної школи. На якому інструменті він радше за все гратиме?					
Назва МІ	Частотність (%)	Згадування нац. МІ	Назва МІ	Частотність (%)	Згадування нац. МІ
Гітара	29%		Скрипка	24,6%	–
Сопілка	19,5%	+	Акордеон	21,5%	
Фортепіано	18,3%		Фортепіано	18,5%	
Скрипка	14,6%				
2) Наталку (Гульнару) віддають до музичної школи. На якому інструменті вона радше за все гратиме?					
Скрипка	43%	Сопілка (8,5%)	Фортепіано	47%	–
Фортепіано	29,3%	Бандура (3,6%)	Скрипка	47%	
3) Десятирічна Марійка (Аділе) щойно повернулася із концерту, де вона почула та побачила багато музичних інструментів. Вдома вона сказала батькам, що хоче грати на... На якому інструменті хоче грати дівчинка?					
Скрипка	35%	Бандура (5%)	Фортепіано	46,8%	–
Фортепіано	28%		Скрипка	43,7%	
4) У класі навчаються учні, більшість яких відвідує музичну школу. Який музичний інструмент, на Вашу думку, є серед них найпопулярнішим?					
Гітара	38%	–	Фортепіано	52%	–
Фортепіано	30%		Скрипка	24,6%	
Скрипка	22,2%		Гітара	15,9%	
5) У нашому місті будують фабрику, де будуть виготовляти музичні інструменти. Які, на Вашу думку, інструменти там виготовлятимуть?					
Гітара	24%	Кобза (0,9%)	Скрипка	21%	Кавал ¹ (0,4%)
Скрипка	14,6%		Фортепіано	17,7%	Зурна ² (0,4%)
Сопілка	12,7%	+	Гітара	15%	Даре ³ (0,4%)
Фортепіано	12,3%		Барабани	11,6%	
Барабани	11,8%				
6) Для музичної школи придбали 5 нових інструментів. Як ви думаєте, які саме?					
Скрипка	17,5%	Сопілка (7%)	Фортепіано	17,5%	–
Гітара	17%		Скрипка	15,5%	
Фортепіано	14%		Гітара	13,6%	
Барабани	11%		Барабани	11%	
7) Меценати вирішили подарувати музичній школі інструменти. Коли почали розвантажувати привезені подарунки, виявилось, що багато інструментів однакові. Яких інструментів виявилось найбільше?					
Гітара	26,7%		Скрипка	25%	Комуз ⁴ (0,7%)
Сопілка	22%	+	Фортепіано	15,7%	
Скрипка	20,6%				
8) На міжнародний музичний конкурс було подано 100 заявок. На яких інструментах грає більшість конкурсантів?					
Гітара	26%	Сопілка (4%)	Фортепіано	29,5%	–
Скрипка	24,5%	Бандура (2,7%)	Скрипка	24%	
Фортепіано	19,6%		Гітара	19,8%	

Отримані відповіді дозволяють нам виділити набір МІ, які, на думку респондентів, можуть вважатися досить популярними для навчання музиці. УР вважають, що найтипівішим інструментом для навчання хлопчика є гітара. КТР найтипівішим інструментом назвали скрипку. Цікаво зазначити, що у відповідях УР досить часто зустрічається сопілка, тоді як жодного татарського народного інструмента КТР згадано не було. Щодо інструментів, на яких могла б навчатися дівчинка, то як українці, так і кримські татари назвали скрипку та фортепіано. Серед відповідей УР зустрічаємо сопілку та бандуру. У випадку КТР народних інструментів не спостерігаємо.

Цікаво, що у відповідях на запитання про фабрику МІ окрім скрипки, фортепіано, гітари та барабанів КТР назвали кавал, зурну та даре, хоча їх частотність є дуже низькою. Відповіді на решту запитань, які ми об'єднали у групу інструментів, на яких навчають грати (див. табл. 1), дозволяють нам стверджувати, що для носіїв

¹ Кавал – духовий пастуший інструмент, подібний до подовжньої флейти [6, с. 102].

² Зурна (перс.) – народний духовий дерев'яний язичковий інструмент, схожий на гобой [6, с. 94].

³ Даре – бубон діаметром 500–600 мм з двома парами мідних тарілочок [3].

⁴ Комуз – киргизький триструнний щипковий інструмент, подібний до лютні [6, с. 122].

української свідомості популярними є скрипка, гітара, фортепіано, сопілка та барабани. Окрім сопілки, з народних інструментів УР називали також бандуру. КТР вважають, що популярними для навчання є фортепіано, скрипка, гітара, барабани та акордеон, при цьому частотність гітари є значно нижчою, ніж у відповідях УР.

Запитання групи б), які стосувалися зовнішнього вигляду МІ, дозволяють твердити, що як українці, так і кримські татари найкраще знають гітару, скрипку, барабан та фортепіано. У відповідях УР і КТР траплялися і народні інструменти: українці називали сопілку, і лише деякі кримсько-татарські студенти називали саз⁵, даре та дутар⁶.

Щодо МІ, звучання яких, на думку опитаних, легко розпізнати, є скрипка, барабани, гітара, фортепіано. Такі результати є однаковими як для кримських татар, так і для українців. У відповідях УР досить часто згадується сопілка, тоді як кобза, бандура і цимбали згадуються значно рідше: вони мають приблизно такий індекс частотності, як саз у відповідях КТР.

Інструменти, які мають наднаціональний характер, на думку респондентів, такі: скрипка, гітара, фортепіано та барабан. Єдиною відмінністю у відповідях представників двох національностей є те, що українці згадали сопілку і бандуру, а кримські татари – трубу.

Цікавими є відповіді на групу запитань про МІ, що можуть вважатися найбільш типовими для чоловіків та жінок. Наприклад, відповідаючи на запитання *Моя мама закохалася в тата, бо він гарно грав на ... На якому інструменті грав мій тато?* – УР уявляли тата з гітарою (62% від загальної кількості відповідей), а КТР – за фортепіано (29,5%) або зі скрипкою (24%).

⁵ Саз (перс.) – струнний щипковий інструмент [6, с. 232].

⁶ Дутар – струнний щипковий інструмент народів Середньої Азії з грушоподібним корпусом і довгою шийкою. Має дві струни з шовку [6, с. 78].

Щодо гітари, то її згадала п'ята частина опитаних. Кілька УР назвали й сопілку, тоді як КТР не назвали жодного народного інструмента. У відповідях на запитання про батька Пеппі, що грав на семи музичних інструментах, у представників обох національностей домінують фортепіано, скрипка, гітара та барабан. Українці називали ще й сопілку (10,6%), в кримськотатарських анкетах подекуди зустрічалися зурна, кеманча⁷ та давул⁸ (по 0,2% від загальної кількості).

Взявши до уваги гендерно орієнтовані запитання з першої групи (про хлопчика та дівчинку, що хочуть навчатися музики), бачимо, що на думку УР, найбільш «чоловічим» інструментом є гітара, менш популярними є фортепіано, сопілка і скрипка. КТР вважають, що особа чоловічої статі радше за все гратиме не на гітарі, а на скрипці чи фортепіано. Гітара та акордеон називаються рідше. УР і КТР вважають, що найбільш «жіночим» МІ є скрипка та фортепіано. З народних інструментів українцями були названі сопілка та бандура. Носії кримськотатарської культури не назвали жодного народного інструмента.

Перейдімо до аналізу другого блоку психолінгвістичного експерименту. Він містив зображення 40 різних МІ, кожне з яких було показане респондентам протягом 10 секунд. Ми прагнули довідатись, чи розпізнають респонденти зображення МІ, чи знають вони їх назви і чи збігаються назви та частота згадок інструментів, які були названі студентами при вільному відтворенні (блок 1), із назвами розпізнаних зображень інструментів у другому блоці. Відповіді УР та КТР подаємо у табл. 2.

⁷ Кеманча – східний смичковий інструмент з кулястим корпусом з тутового чи горіхового дерева, гарбуза або кокосового горіха, довгою шийкою та 3–4-ма струнами [6, с. 114].

⁸ Давул – великий барабан з мембранами, виготовленими з дубляної телячої шкіри [7, с. 12].

Таблиця 2.

Відповіді на запитання другого блоку.

№	Назва МІ	УР (відсоток правильного розпізнання зображень)	КТР (відсоток правильного розпізнання зображень)
1	Рояль	38,3%	46,8%
2	Орган	61,7%	34,3%
3	Клавесин	0%	0%
4	Баян	79%	51,6%
5	Акордеон	53%	43,7%
6	Гармонія	70,4%	64%
7	Шейкер	1,2%	0%
8	Маракаси	37%	0%
9	Перкусійні інструменти	19,7%	12,5%
10	Барабанна установка	84%	89%

11	Литаври	1,2%	0%
12	Ксилофон	2,5%	0%
13	Цимбали	14,8%	1,6%
14	Колісна ліра	0%	0%
15	Кобза	43%	4,7%
16	Бандура	33%	1,6%
17	Арфа	86%	64%
18	Скрипка	96,3%	98,4%
19	Віолончель	39%	21,8%
20	Контрабас	37%	4,7%
21	Гітара	98,7%	90,6%
22	Саз	4,9%	17%
23	Балалайка	69%	78%
24	Ситара	4,9%	0%
25	Свищик	66%	56,2%
26	Дримба	4,9%	0%
27	Губна гармонія	86%	50%
28	Сопілка	93,8%	67%
29	Най (ребро)	4,9%	0%
30	Трембіта	74%	0%
31	Волинка	75%	9,4%
32	Флейта	54%	57,8%
33	Кларнет	9,9%	23,4%
34	Гобой	2,5%	0%
35	Фагот	2,5%	0%
36	Саксофон	86%	85,9%
37	Труба	70,4%	50%
38	Тромбон	11%	0%
39	Валторна	0%	0%
40	Туба	2,5%	0%

Серед УР найкраще розпізнаними були зображення гітари, скрипки, сопілки, арфи, губної гармонії, саксофона, барабанної установки, баяна, волинки, трембіти, гармонії, балалайки, свищика, органа, флейти та акордеона. КТР найкраще розпізнали скрипку, гітару, барабан, саксофон, балалайку, сопілку (назвавши її «дудка»), арфу, гармонію, флейту, свищик, баян, губну гармонію та трубу. Решту МІ розпізнало менше половини КТР. Серед їх відповідей траплялися такі випадки неправильного називання інструментів: перкусійні інструменти (конгу, бонго) називали даре, зурною, думбелеком⁹; кобзу називали «кобзарем», балалайкою, бандурою, сазом, зурною; саз – дутаром, кавалом; трембіту – таяком¹⁰, давулом, горном.

Така ситуація може свідчити про те, що українські народні інструменти та решта об'єктів, які не були правильно розпізнані, не відображені в свідомості татарської молоді. Це може бути спричинене тим, що респонденти не

⁹ Думбелек – парні литаври у вигляді двох глиняних горщиків, що зверху обтягнуті шкірою [3].

¹⁰ Аса-таяк – казахський народний дерев'яний інструмент у вигляді лопатки, декорують орнаментом, а потім вішають брязкальця. Вони звучать дуже мелодійно, коли аса-таяк потрусити [8].

стикаються з українською музичною культурою в повсякденному житті. Зауважимо, що й саз, інструмент, який вважається татарським інструментом [3], має досить низький індекс розпізнаваності – лише 17% від загальної кількості правильних відповідей. Звернімо увагу, що балалайку, російський народний інструмент, розпізнала велика кількість КТР – 78% правильних відповідей. Це свідчить про те, що зовнішній вигляд цього інструмента представлений в концептосфері опитаних.

Третій блок експерименту складався з 36 аудіозаписів тривалістю 10–17 секунд. Записи являли собою уривки соло, виконаних на певному МІ. Респондентам потрібно було розпізнати звучання МІ. Метою цього завдання було визначити, якою мірою респонденти розпізнають звучання МІ, чи корелює розпізнавання зображення МІ з їх звучанням, і як узгоджуються ці результати (див. табл. 3) з результатами першого блоку. Перед прослуховуванням ми попередили, що кілька записів містять звучання того самого інструмента, але такі повтори траплялися не більше двох разів. Інструментів, які звучали двічі, було 6 (гітара, скрипка, контрабас, флейта, труба, та саксофон), і уривки були взяті з різних музичних творів.

Таблиця 3.

Відповіді на запитання третього блоку.

№	Назва МІ	УР (відсоток правильного розпізнання звучання)	КТР (відсоток правильного розпізнання звучання)
1	Акордеон	19,7 %	40,6%
2	Арфа	45,7%	51,5%
3	Бандура	12%	0%
4	Контрабас	1,2%	7,8%
5	Фагот	0%	0%
6	Баян	11%	7,8%
7	Кларнет	6%	4,7%
8	Барабани	26%	31%
9	Флейта (№ 1)	23%	18,7%
10	Гітара (№ 1)	70%	89%
11	Флейта (№ 2)	23%	29,6%
12	Кобза	32%	0%
13	Перкусія (конга, бонго)	1,2%	1,5%
14	Туба	1,2%	0%
15	Литаври	2,5%	0%
16	Най (ребро)	2,5%	0%
17	Гобой	0%	0%
18	Орган	86%	36%
19	Фортепіано (№ 1)	81%	81%
20	Саксофон (№ 1)	56,8%	84,3%
21	Скрипка (№ 1)	95%	86%
22	Тромбон	8,6%	1,5%
23	Трембіта	80%	0%
24	Труба (№ 1)	18%	34,3%
25	Колісна ліра	0%	0%
26	Віолончель	21%	7,8%
27	Труба (№ 2)	59%	14%
28	Гітара (№ 2)	80%	71,8%
29	Контрабас	23%	7,8%
30	Дримба	11%	0%
31	Гармонія	32%	43,7%
32	Скрипка (№ 2)	95%	78%
33	Сопілка	80%	31%
34	Клавесин	1,2%	0%
35	Саксофон (№ 2)	70%	34%
36	Металофон	0%	0%

Результати третього блоку експерименту дозволяють твердити, що УР найкраще розпізнали звучання скрипки, органа, фортепіано, трембіти, сопілки, гітари, саксофона. КТР правильно назвали скрипку, фортепіано, гітару, саксофон та арфу.

Індекс правильних відповідей при розпізнаванні решти МІ є нижчим за 50%, тому вони не можуть вважатися добре представленими в концептосферах опитаних. Бачимо, що КТР не розпізнали орган та сопілку так добре, як українські. Натомість УР гірше розпізнали арфу.

КТР робили помилки при розпізнаванні звучання МІ. Наприклад, фагот назвали кемане¹¹

¹¹ Кемане – народний струнний інструмент (скрипка) [9].

(1,5%), акордеон назвали баяном (37,5%) та гармонією (25%), баян назвали акордеоном (17%), гармонію – баяном (14%) та акордеоном (21%), арфу називали балалайкою (9,3%), флейту – «дудкою» (34,3%), тубу назвали трубою (59%), литаври назвали «ударними» (17%), гобой назвали скрипкою (54,7%), орган назвали синтезатором (7,8%), тромбон назвали трубою (54,7%) і давулом (3%).

Як і у попередньому блоці, де студенти повинні були розпізнати зовнішній вигляд музичних інструментів, так і у третьому блоці експерименту, КТР неправильно розпізнавали українські народні інструменти: кобзу назвали балалайкою (18,7%), най – «дудкою» (9,4%) і флейтою (53%); трембіту назвали горном (4,7%) і рогом (4,7%), колісну ліру назвали волинкою

(28%), 6,2% опитаних назвали дримбу інструментом чукотського народу.

УР також робили помилки у розпізнанні звучання музичних інструментів: акордеон називали баяном (71,6%), баян називали акордеоном (40%), бандуру назвали кобзою (24,7%), кобзу називали бандурою (7,4%), най називали сопілкою (80%), гобой називали скрипкою (24,7%), колісну ліру називали волинкою (76%), контрабас називали бас-гітарою (27%), гармонію називали баяном (38%), а металофон називали ксилофоном (4,9%).

Висновки. Психолінгвістичні експерименти, проведені з носіями української та кримськотатарської культур, дозволяють робити висновки про категоризацію МІ у свідомості респондентів та виділити центральні й периферійні об'єкти досліджуваної категорії. У свідомості УР ядро категорії складають гітара, скрипка, сопілка, трембіта, саксофон та орган. Кримськотатарська частина експерименту показала, що скрипка, гітара, саксофон та арфа належать до прототипових об'єктів категорії «МІ» в свідомості КТР. Спільними для УР і КТР стали гітара, скрипка та саксофон.

Можемо стверджувати, що УР достатньо добре розпізнають національні МІ. Сопілка і трембіта були розпізнані найкраще. УР достатньо активно відтворюють та розпізнають бандуру, кобзу та трембіту. Відповіді свідчать, що опитані часто плутають кобзу та бандуру. Цей факт пояснюється тим, що бандурою називали кобзу, яка свого часу була витіснена з національної культури України [10]. Наш психолінгвістичний експеримент показав, що в свідомості носіїв української культури інформація про національні МІ міститься в зоні, наближеній до ядра категорії «МІ».

Цікаво, що при розпізнаванні звуків та зображень МІ, КТР, на відміну від УР, замінювали назви українських МІ, які вони не могли правильно розпізнати, назвами кримськотатарських інструментів, схожих за зовнішнім виглядом. Цей приклад яскраво ілюструє те, що КТР інтерпретували артефакти української культури як артефакти власної культури.

Єдиним кримськотатарським інструментом, що зустрічався у другому та третьому блоках експерименту, був саз. Зазначимо, що УР не розпізнали його так само, як КТР не розпізнавали українські МІ. Це свідчить про те, що УР не знайомі з кримськотатарською музичною культурою так само, як КТР не знайомі з українською. Зауважимо, що деякі КТР виявилися носіями фрагментів кримськотатарської музичної культури – окремі студенти знали до 10 назв кримськотатарських МІ.

За І. Заатовим, до 30-х років ХХ століття в кримськотатарській народній музиці провідне місце посідали саме національні музичні інструменти. Вважається, що процес проникнення труби, кларнету та фісгармонії в музичну культуру татар розпочався ще наприкінці ХІХ століття. «Труба та кларнет були освоєні спочатку солдатами – кримськими татарами, які служили в царській армії, звідки після демобілізації вони привозили ці інструменти на батьківщину. [...] З кінця 30-х років вони поступово витіснили народні духові інструменти кавал та зурну». Окрім фісгармонії, в ансамблях стали використовувати і акордеон [3].

Усі ці події, разом із репресіями, призвели до втрати культурної пам'яті кримських татар. Про це свідчить низький рівень розпізнання студентами кримськотатарських національних інструментів. Припускаємо, що ці факти могли спричинити те, що національні інструменти кримськотатарського народу лише в поодиноких випадках вільно відтворюються з пам'яті опитаних. Наш експеримент показав, що національна музична культура краще представлена в українців, аніж в кримських татар.

В перспективі наших досліджень є зіставлення отриманих результатів з результатами експерименту, проведеного з носіями польської мови та культури.

ЛІТЕРАТУРА

1. Rosch E. N. Human categorization / Eleanor H. Rosch // *Advances in cross-cultural psychology*. – London : Academic Press, 1975.
2. Taylor J. R. Linguistic categorization / J. R. Taylor. – Oxford University Press, 1995. – 312 p.
3. Заатов И. А. Как развивалась крымскотатарская музыкальная культура в республике Крым [Електронний ресурс] / Исмет Аблятифович Заатов. – Режим доступу : <http://turkolog.narod.ru/info/crt-4.htm>.
4. Хаджиоглова О. Г. Особливості категоризації музичних інструментів в українських студентів немусичного профілю / О. Г. Хаджиоглова // *Вісник Дніпропетровського університету. Мовознавство*. (у друці)
5. Хаджиоглова О. Г. Структура категорії «музичні інструменти» в концептосфері кримськотатарських студентів / О. Г. Хаджиоглова // *Ученые записки Крымского инженерно-педагогического университета*. Выпуск 21. Филологические науки. – Симферополь : НИЦ КИПУ, 2010. – С. 56–61.
6. Юцевич Ю. Є. Музыка. Словник-довідник / Ю. Є. Юцевич. – [вид. 2-ге, переробл. і доп.]. – Тернопіль : Навчальна книга – Богдан, 2009. – 352 с.
7. Шерфединов Я. Звучит хайтарма / Я. Шерфединов. – Ташкент : Издательство литературы и искусства им. Гафура Гуляма, 1978. – 232 с.

8. Аса-таяк. Государственная детская библиотека им. С. Бегалина [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://www.spring.kz/?lang=ru&id=4&subid=1&num=3>
9. Музыкальный инструмент «Кабак кемане» [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://www.kultur.gov.tr/RU/Genel/BelgeGoster.aspx?1C04EA51480895DA7A2395174CFB32E1554D02F3C406BA30>
10. Литвин М. Розстріляний з'їзд кобзарів [Електронний ресурс] / Микола Литвин. – Режим доступу : <http://svitlytsia.crimea.ua/?section=article&artID=7740>.

Раздел 3. ТЕОРЕТИЧЕСКОЕ И ФУНКЦИОНАЛЬНОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ ИНОСТРАННЫХ ЯЗЫКОВ

УДК 81'362=112.2=161.1

Драганова Г. В.

КАТЕГОРИЯ ЗАЛОГА В НЕМЕЦКОМ И РУССКОМ ЯЗЫКАХ В СОПОСТАВИТЕЛЬНОМ ПЛАНЕ

У статті зіставляються способи вираження відношень стану у двох контактуючих мовах – німецької і російської, з метою прогнозування евентуальних зон виникнення помилок, зумовлених дією інтерференції.

Ключові слова: *лінгвістика, відношення стану, інтерференція, психолінгвістична природа помилок в мовленні, зіставлення.*

В статье сопоставляются способы выражения залоговых отношений в двух контактирующих языках – немецком и русском, в целях прогнозирования эвентуальных зон появления ошибок, обусловленных действием интерференции.

Ключевые слова: *лингвистика, залоговые отношения, интерференция, психолингвистическая природа ошибок в речи, сопоставление.*

The article contraposes ways of expressing voice relation in two contacted languages – German and Russian, aiming conditioned upon interference action.

Key words: *linguistic, voice relation, interference, psycholinguistic nature of mistakes in speech, contraposing.*

Постановка проблемы. Обучающиеся с родным языком – русским весьма своеобразно владеют немецким пассивом: они либо игнорируют его, в ущерб смыслу сообщения, либо перенасыщают им свою речь, что придает ей несвойственное немецкому языку звучание, либо переносят автоматически правила формообразования страдательных конструкций в русском на пассивные в немецком языке, результат чего – грубые грамматические ошибки как в речепродукции, так и в речевосприятии. Причины их появления вскрываются в ходе сопоставительного анализа способов выражения залоговых отношений в каждом из вступающих в контакт языков, который сопровождается интерференцией, обуславливающая появление ошибок. Проблема – соотнести лингвистические данные о категории залога в двух языках с психолингвистическим знанием об интерференции и поставить их на службу практическим целям овладения грамматически корректной речи на изучаемом иностранном языке.

Анализ литературы. Вопросам описания немецкого пассива посвящено немало научных исследований как отечественных (Е. И. Шендельс, О. И. Москальская, В. Г. Адмони и др.), так и зарубежных (G. Helbig, J. Buscha, W. Jung, G. Griesbach, D. Schulz и др.) лингвистов-германистов. Все они формируют **знания** о немецком пассиве, но не соотносят их с объективными трудностями формирования у обучающихся **навыков и умений** корректного пользо-

вания пассивом в речевой деятельности на немецком языке, которые возникают вследствие активизации действия интерференции, под которой психолингвистика понимает нарушение нормы второго языка при контакте двух языков. Это явление, достаточно глубоко исследованное (Л. М. Уман, В. Ю. Розенцвейг, J. Juhasz и др.), остается и поныне в ранге теории, хотя, по логике вещей, и **психолингвистические знания о сути процесса овладения иностранным языком** должны быть поставлены на службу **практике в нем**.

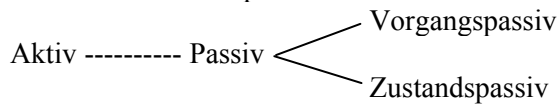
Основополагающими трудами в области исследуемой проблемы, на наш взгляд, являются: в русистике – «Грамматика современного русского литературного языка» под ред. Н. Ю. Шведовой [1], в германистике – «Deutsche Grammatik» Е. Шендельса [2], в психолингвистике – Jukash J. «Probleme der Interferenz» [3]. Эти работы во многом способствовали появлению в немецком журнале «Deutsch als Fremdsprache» нашей статьи «Ein Überblick über die Genera im Deutschen und Russischen unter dem Aspekt der Konfrontation» [4].

Цель статьи – провести сравнительный анализ способов выражения залоговых отношений в двух языках и на его основе объяснить причины появления у обучающихся грамматических, стилистических, логических ошибок при использовании ими в речи на немецком языке пассивных форм и конструкций, связав это с появлением интерференции, эвентуальные зоны

действия которой реально прогнозируемы и, следовательно, подконтрольны обучающимся.

Изложение основного материала. Долгое время исследователей интересовали главным образом вопросы семантики пассива. В наши дни вопросы его трактовки тесно связываются с проблемами культуры речи и стиля, с корректностью и нормативностью речи.

За рабочую формулу залоговой оппозиции в немецком языке мы принимаем:

Ее члены противопоставлены друг другу по признакам направления процесса: центробежность (Aktiv) – центростремительность (Vorgangspassiv) – отсутствие его направления (Zustandspassiv) и по характеру субъекта: активность (Aktiv) – аффицированность (Vorgangspassiv) – инактивность (Zustandspassiv).

Выражая одни и те же отношения между действием, объектом действия и его производителем, актив и пассив представляют их в разных грамматических ракурсах: активная конструкция показывает подлежащее как носителя действия, пассивная же выдвигает на первый план объект действия, формально выполняющий функцию подлежащего, благодаря чему именно производимое действие оказывается в центре высказывания.

Причины, предопределяющие речевую реализацию одного из залогов предпочтительно другому – потребность неназывания деятеля, лексическое содержание глагола, взаимодействие коммуникативных, структурно-синтаксических и стилистических факторов, которые объясняют причину широкой распространённости пассивных форм в немецком языке, напр.: «...*ein neuer Schmetterling wurde der Menschheit geschenkt*» (H. Jobst. Der Findling, S. 62); «*An jenem Morgen in diesem Sommer wurde Walter aus dem Bett heraus verhaftet*» (W. Bredel. Die Söhne. S. 95); «*Das Kind trinkt, wird in seine Krippe gelegt und schläft erst dann ein*» (H. Fallada. Kleiner Mann, was nun? S. 272).

В области залоговых отношений семантически выделяются две перекрещивающиеся друг с другом сферы: активность – пассивность и транзитивность – интранзитивность. Первая, отражая грамматические отношения сказуемого с субъектом, рассматривается в рамках категории залога, вторая же, затрагивая отношения сказуемого с объектом, находится в зоне категории переходности. Так, в предложениях: *Ich fülle eine Flasche mit Wasser* → *Eine Flasche wird (von mir) mit Wasser gefüllt* речь идет об одном и том же действии, рассматриваемом под различным уг-

лом зрения. Здесь можно говорить либо о стилистической, либо о коммуникативной обусловленности употребления залога в каждом из названных предложений, в то время как в предложениях: *Ich schließe die Tür* → *Die Tür wird geschlossen* налицо два действия, тесно связанных друг с другом, поскольку они – моменты одной ситуации: предложение с интранзитивным глаголом сообщает о том, что делает объект предложения с транзитивным глаголом.

Транзитивные глаголы обладают гибкими синтаксическими свойствами, позволяющими им вступать в форме пассива в новые связи как с субъектом, так и с объектом действия. В силу этого глагол-сказуемое пассивной конструкции имеет различное соотношение обязательных и факультативных свободных мест: в активе производитель действия стоит в номинативе и является тем самым обязательным партнером глагола, упоминание же его в пассивном предложении необязательно, т. к., оформляясь предложной группой с *von*, *durch* или *mit*, он становится факультативным актантом, напр.: *Die Großmutter bügelt die Wäsche.* → *Die Wäsche wird (von der Mutter) gebügelt.* *Der Sturm verschlug mich nach einer Insel.* → *Ich wurde (durch den Sturm) nach einer Insel verschlagen.*

Число структурных компонентов пассивной формы и количество реализованных валентных связей транзитивного глагола изменяются в зависимости от цели сообщения. При трансформации активной формы в пассивную происходит изменение не количества обязательных валентностей глагола-сказуемого, а их качества. Так, если глагол в активе имеет две обязательные валентности – на субъект действия (подлежащее) и на его объект (прямое дополнение), – то при трансформации предложения в пассив количество обязательных валентностей остаётся неизменным, однако любая факультативная валентность глагола в активе может стать обязательной в пассиве. Следствием перехода от факультативной к обязательной валентности является увеличение информационной нагрузки на имя, реализующее данную валентность. Таким образом, пассив дает возможность: 1) уводить из центра на периферию или вообще из предложения лексическую информацию о субъекте действия; 2) переводить с периферии в центр лексическую информацию о каком-либо другом объекте действия.

В системе русского языка нет категории, полностью соответствующей немецкому пассиву. Различия между немецким и русским языком в плане реализации залоговых отношений заключаются, во-первых, в способе формообразования залоговых структур, во-вторых, в степени

частотности их использования носителями обоих языков в различных сферах речевого общения. Эквивалентных форм выражения пассивности в немецком и страдательности в русском языке не существует, поскольку оба языка развивались по своим специфическим законам, в результате чего одни и те же реальные отношения объективной действительности оформились в них разными языковыми средствами. Сходство же совокупности конкретных значений пассивных форм в обоих языках – центробежность процесса, выдвигание на передний план самого действия, его направленность на конкретный субъект, необязательность названия собственно производителя действия являются причиной отрицательного переноса способов и возможностей выражения залоговых отношений из родного в иностранный язык. К примеру, факт неодинаковости количества конкретных значений, составляющих категорию залога в сопоставляемых языках (напр., соответствие русского *был построен* двум немецким формам: *wurde gebaut* и *wag gebaut*) объективно создает самые благоприятные условия для появления и активного действия межъязыковой интерференции, к которой присоединяется еще и другой вид интерференции – внутриязыковая.

В сравнении с немецким, русский язык проявляет большие своеобразия в выражении страдательного значения, поскольку в нем нет таких последовательных отношений между залоговыми формами и значениями, какие присущи другим глагольным категориям – лица, времени, вида, наклонения.

Так, русские глаголы не имеют особой системы залоговых флексий; морфема *-ся* характеризуется многозначностью; функции, выполняемые возвратными глаголами, различны вследствие связи глаголов на *-ся* как с грамматической, так и с лексической системами языка: грамматическим средством выражения страдательности являются падежное управление (синтаксическое средство) и морфема *-ся* (морфологическое средство).

Именно по этой причине в науке о русском языке нет общепринятой точки зрения на залоговые конструкции. В понятие «залог» вкладывалось и вкладывается крайне разнообразное и противоречивое лексико-грамматическое содержание. Залог в русском языке определяется как лексико-грамматическая или классификационная категория, выражающая отношение действия к субъекту в определенной системе оппозиций. В зависимости от направленности действия различаются два залога – действительный и страдательный. Формально оппозиция этих залогов выражается в соотношении возвратных и невозвратных форм одного

и того же глагола, напр.: *работа выполняется студентами* – *студенты выполняют работу*. Причем, глагол в страдательном залоге с морфемой *-ся* является семантически и формально отмеченным членом оппозиции, что же касается соотносимого с ним члена оппозиции – глагола без *-ся*, – то он называется формально слабо отмеченным.

Русский язык тесно связывает действие с видом (совершенный и несовершенный), вследствие чего в нем существуют два способа образования страдательного залога:

1. Переходные глаголы несовершенного вида образуют страдательный залог путём прибавления к своей основе морфемы *-ся*, напр.: *здание строится, книга читается, бельё гладится*. Совершенно очевидно, что залог может быть с этой позиции обозначен как лексико-грамматическая категория.

2. Для переходных глаголов совершенного вида формой страдательного залога является краткое страдательное причастие прошедшего времени с суффиксами *-м, -н, -нн, -т*, которое стоит зачастую с глаголом-связкой *быть*, напр.: *она была любима всеми; задача (была) решена верно; составленная бухгалтером смета; все магазины были уже закрыты*. В этом случае залог является категорией собственно грамматической, причем, словоизменительного типа.

Совершенно очевидно, что одним из объективно существующих источников ошибок в формообразовании, понимании природы пассива и его употреблении в речи является перенос значения категорий вида, возвратности из русского языка в немецкий.

По составу своих форм пассив действия классифицируется по числу основных членов предложения: одночленная пассивная конструкция – *Es wird gesammelt* (безличный пассив); двучленная пассивная конструкция – *Der Roman wurde in viele europäische Sprachen übersetzt* (личный пассив без указания агенса); трехчленная пассивная конструкция – *Der 2. Weltkrieg wurde von den Faschisten entfesselt* (личный пассив с указанием агенса).

Особую сложность для изучающих немецкий язык представляет собой одночленная пассивная конструкция. Существует мнение, что сочетание «*werden + Partizip II*» в безличных предложениях связано с пассивом только формой, но не содержанием, поскольку формальное *es* – грамматический субъект действия – не является лексически полнозначным подлежащим, вследствие чего в глагольной форме отсутствует выражение отношения действия к его субъекту. Кроме того, здесь возможно употребление глаголов переходных, непереходных, а также пере-

ходных в непереходном значении. Отсутствие в предложении субъекта и объекта действия подчёркивает динамичность процесса, концентрирует всё внимание говорящего на самом действии. Действующее лицо не называется, но оно имплицитно присутствует, о чём свидетельствует наполняемость безличных пассивных конструкций только глаголами, обозначающими человеческую деятельность. Семантика этих глаголов не допускает возможности употребления в безличном пассиве глаголов, которые не обозначают какую бы то ни было деятельность субъекта.

Безличный пассив является важным средством выражения непереходности глаголов, а в отношении переходных глаголов – средством оставить обе их валентности незаполненными. С позиции построения предложения безличный пассив двучленен вследствие употребления формального подлежащего *es*, однако, если рассматривать его под углом зрения валентностных свойств глагола, то он одночленен, потому что его глагол семантически опустошён, он, в сущности, лишь реализует свое грамматическое значение, напр.: *Es wird gespielt, getanzt, gesungen*, тем более что при инверсии *es* опускается, напр.: *Gespielt, getanzt, gesungen wird heute nicht*.

Общим для бесподлежащих пассивных конструкций является то, что они всегда сообщают о целостных событиях или ситуациях. Глагол таких предложений не имеет позиционной валентности, что отличает его от глагола-предиката, напр.: *Es wurde weitermarschiert*. → *Trotz der Hitze marschierten die Soldaten weiter*. Кроме того, он не передает какую-либо информацию, кроме той, что указывает на характер события и грамматическое время его протекания, напр.: *Es wurde heute so viel darüber gesprochen und diskutiert. Jetzt wird aber ohne jegliche Gespräche geschlafen!*

В русском же языке безличные (как активные, так и пассивные) предложения всегда односоставны, даже если они порой и представляют собой двучленную форму русских соответствий немецким, напр.: *Es blitzt*. – *Сверкает молния*. *Es donnert*. – *Гремит гром*. *Es regnet*. – *Идет дождь*. *Und jetzt wird gesungen!* – *А теперь поем!* Двусоставность формы не должна вводить в заблуждение, ибо в ней за формальной расчлененностью скрывается глобальное обозначение событий. Пассивным конструкциям немецкого языка зачастую соответствуют неопределённо-личные или безличные активные предложения русского языка, чему способствует свобода порядка слов в русском языке, напр.: *Diese Frage wurde falsch beantwortet*. – *На этом вопрос ответили неправильно*. *Sie wird immer*

gelobt. – *Её всегда хвалят*. *Jetzt wird er früh geweckt*. – *Теперь его будят рано*. Таким образом, безличный пассив – это явление, чуждое русскому языку и речи на нем, в то время как для немецкого языка оно типично: границы его употребления во всех стилях немецкого языка, и прежде всего в повседневной разговорной речи, впечатляюще широки.

При овладении трёхчленным пассивом наибольшую трудность для изучающих немецкий язык представляет собой выбор предлога, оформляющего имплицитного субъекта действия. Перемещение собственно производителя действия в центр предложения в трехчленной пассивной конструкции ведёт к нейтрализации его основной семантической нагрузки – сообщения о лице, совершающем действие, а возможность оформления его тремя предлогами – *von*, *durch* или *mit* – ставит обучающихся перед далеко не простой задачей правильного выбора необходимого предлога.

Von и *durch* бывают абсолютно синонимичными крайне редко. Каждый из них имеет свою специфическую особенность употребления: *von* относится преимущественно к одушевлённым лицам, являющимися в активном предложении грамматическим и логическим подлежащим, напр.: *Die Kinder basteln ein Automodell*. → *Ein Automodell wird von den Kindern gebastelt*.

В редких случаях носитель действия может быть обозначен неодушевлённым существительным, который выступает как активно действующая физическая сила, напр.: *Der Blitz hat eine schöne, hohe Birke getroffen*. → *Eine schöne, hohe Birke ist vom Blitz getroffen worden*.

Предлог *durch* является более ограниченным средством оформления деятеля в пассивной конструкции вследствие своей причинно-следственной семантики, позволяющей считать его синонимичным предлогам *wegen*, *infolge*. Он вводит обычно лицо или предмет, которые являются посредниками действия, пассивной причиной или поводом к его совершению. Предлог *mit* имеет ярко выраженное инструментальное значение, напр.: *Der Text wurde an die Tafel mit dem Filzstift geschrieben*. Особенно четко просматривается различие в значении предлогов, когда они все употреблены в одном предложении, напр.: *Der Brief wurde von meinem Vetter mit dem Bleistift geschrieben und durch einen Bekannten mir überreicht*.

Такова картина предложного оформления деятеля в трехчленной пассивной конструкции в немецком языке. Для русского же языка эта проблема не актуальна. Страдательное значение в русском предложении выступает особенно ярко, когда в нём присутствует творительный па-

деж действующего лица. Его отсутствие ослабляет, а иногда даже нейтрализует страдательное значение, напр.: *поезд останавливается* сигналом – *поезд останавливается*.

Второе «крыло» оппозиции залогов в немецком языке – Zustandspassiv – не является такой идеальной аналитической формой, как Vorgangspassiv. Вследствие своей многозначности она обозначается то эллипсом от *worden*, то именным сказуемым с причастным предикативом. Однако она имеет внутреннюю связь с «werden + Partizip II»: прежде, чем объект попадает в какое-то состояние, над ним должно быть совершенно определенное действие, напр.: *Viele Häuser wurden im Krieg zerstört. → Zur Zeit sind schon die meisten von ihnen wiederaufgebaut*. Проверенным фактом является то, что изучающие немецкий язык склонны употреблять форму «sein + Partizip II» вместо «werden + Partizip II» там, где это ни логически, ни грамматически недопустимо.

Чтобы избежать эту и многие другие серьезные ошибки, о причинах появления которых шла речь выше, необходимо соответствующее методическое обеспечение этапов презентации знаний о пассиве, в плане его сопоставления со страдательным залогом; первичного закрепления языкового материала; формирования искомым грамматических навыков и умений, способных вывести в речь формы и структуры пассива, но это – уже задача исследования методики организации работы над немецким пассивом, относящимся к активному аспекту грамматики, с русскоязычной аудиторией.

Выводы. Анализ черт сходства и различия в формообразовании, объёме значения и степени распространённости в устной и письменной формах речи русского и немецкого языков страдательного залога/пассива, должно стать отправ-

ной точкой в выборе рационального пути сообщения знаний об одной из наиболее сложных и важных категорий глагола в родном и иностранном языках с тем, чтобы на полной ориентировочной, сознательной основе поставить приобретенные знания на службу практике в немецком языке: способствовать устранению ошибок в выборе залога, в его формообразовании, распознавании пассивных конструкции при чтении и аудировании; продолжать на исследуемом грамматическом материале развитие чувства языка, что найдет свое конкретное выражение в умении употреблять пассивные формы и конструкции в устной и письменной речи там, где этого требует языковая норма и ситуация общения.

Важное место в комплексе названных сложных, но практически значимых теоретико-практических задач, по праву должно отводиться овладению психолингвистическим знанием, в частности, в плане понимания процессов, происходящих в сознании человека, начинающего изучать чужой язык, имеющий черты как сходства, так и различия с их родным языком, равно как факторов, отрицательно или положительно влияющих на успешность овладения неродным языком на всех его уровнях.

ЛИТЕРАТУРА

1. Грамматика современного русского литературного языка / под ред. Н. Ю. Шведовой. – М. : Наука, 1970. – 767 с.
2. Schendels E. Deutsche Grammatik (Morphologie, Syntax, Text) / E. Schendels. – М. : Высшая школа, 1979. – 398 S.
3. Jukash J. Probleme der Interferenz / J. Jukash. – Budapest, 1970.
4. Draganowa G. Ein Überblick über die Genera im Deutschen und Russischen unter dem Aspekt der Konfrontation / G. Draganowa // Deutsch als Fremdsprache. – 1971. – № 8. – S. 351–354.

УДК 81'282.4(436)

Евтихова И. М., Ильина Ю. В.

ЛЕКСИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ АВСТРИЙСКОГО ВАРИАНТА НЕМЕЦКОГО ЯЗЫКА

У даній статті розглядається проблема національного варіанту німецької мови в Австрії, аналізується відібрана австрійська лексика.

Ключові слова: діалект, літературна мова, національний варіант мови, «австрійська німецька».

В данной статье рассматривается проблема национального варианта немецкого языка в Австрии, анализируется отобранная австрийская лексика.

Ключевые слова: диалект, литературный язык, национальный вариант языка, «австрийский немецкий».

This article addresses the problem of national variants of German language in Austria, analyzed selected Austrian vocabulary.

Key words: dialect, literary language, national language variant, «Austrian's German».

Постановка проблемы. Внутри современного немецкого языка существует большое количество различных функциональных стилей (диалектов, полудиалектов, говоров, территориальных дублетов, национальных вариантов). В связи со сложными процессами взаимодействия функциональных стилей внутри одного языка возникает необходимость в выявлении и исследовании лексических особенностей каждого функционального стиля на определенной территории.

Анализ имеющейся литературы показал, что данной проблемой занимались многие известные ученые – как отечественные, так и зарубежные. В частности, А. И. Домашнев [1], М. М. Гухман [2], Л. Б. Копчук [3] посвятили свои труды выявлению особенностей взаимодействия диалектов и национальных вариантов с немецким литературным языком. Современные зарубежные исследователи, такие как Ульрих Амон [4; 5], Герман Шойрингер [6], Рудольф Мур [7], за последние 15 лет внесли неоценимый вклад в классификацию немецкой диалектологии.

Однако данные исследования имеют скорее теоретическую, нежели практическую ценность, так как в них отразились общие положения различий между литературным языком и его диалектальной составляющей, а применение этой теории на практике, в частности отбор и анализ современной австрийской лексики, до данного момента не проводился.

В связи с тем, что тема, связанная с лексическими особенностями современного австрийского варианта немецкого языка, является малоисследованной, **целью** данной статьи явилось выявление и классификация лексических отличий австрийского варианта немецкого языка от литературного немецкого.

Изложение основного материала. Как известно, немецкий является родным языком примерно для 98 млн. человек и одним из языков международного общения. Он принадлежит к западногерманской подгруппе германской группы языков.

Немецкий язык – государственный язык Федеративной Республики Германии, Австрии, Лихтенштейна, а также один из государственных языков Швейцарии и Люксембурга. На немецком языке говорят также в ряде примыкающих к этим территориям областей – в провинции Альто-Адидже (Южный Тироль, Италия), в Эльзасе и части Лотарингии (Франция), в районах Эйпена, Мальмеди и др. (Бельгия). Значительные группы немецкоязычного населения проживают в США, Канаде, Бразилии, Аргентине, России, Казахстане, Польше, Румынии и других странах [4].

Литературный немецкий язык (Hochdeutsch) является общепринятым в сфере образования, делопроизводства, официальных учреждениях и т. п., но наравне с этим существует много региональных диалектов немецкого языка, например Plattdeutsch (нижненемецкий), на котором говорят на севере страны, швабский на юго-западе, баварский на юге и саксонский на юго-востоке. В Австрии и Швейцарии используются свои национальные варианты литературного немецкого языка, отличающиеся некоторыми особенностями фонетики, морфологии и лексики.

На основе исследований различных авторов [2; 5; 7] систему функциональных стилей немецкого языка в общем виде можно представить как включающую в себя:

- литературный язык (Schriftsprache, Standardsprache, Hochdeutsch),
- сближающийся с литературной нормой обиходно-разговорный язык (Umgangssprache),
- региональные (территориально окрашенные) обиходно-разговорные языки (берлинский, северонемецкий, верхнесаксонско-тюрингенский, вюртембергский, баденский, баварский, пфальцский, гессенский),
- многочисленные полудиалекты (возникшие на базе диалектов региональные разговорные наддиалектные формы языка, отличающиеся от собственно диалектов устранением наиболее специфических диалектных признаков),
- территориальные диалекты и национальные варианты языка.

Так, например, для баварского языкового ареала предложение литературного языка *Ich habe es ihm gegeben* «Я это ему дал» в литературном обиходно-разговорном языке представлено как *Ich hab"s ihm gegeb"n*, в региональном обиходно-разговорном – как *Ich hoob"s ihm geb"n*, в полудиалекте – *I hoob"s eahm gebm*, в диалекте – *I hoos eahm gem* [2].

Диалект как одна из форм проявления немецкого языка существовал задолго до времени формирования единого национального литературного языка и намного старше последнего. Важным отличием диалектов от литературных языков является отсутствие у них самостоятельной формы письма [3]. «Австрийский немецкий» имеет свои грамматические, морфологические и орфографические отличия от литературного немецкого языка, следовательно, он не может являться диалектом.

Число фиксируемых в нормативных справочниках различий сильно колеблется в зависимости от набора учитываемых явлений. Так, Г. Фенске выделяет около 2 тыс. (1768) лексических (семантических) различий, а Ш. Кайзер – около 5 тыс. (4845).

Отличия австрийского варианта от литературного немецкого языка заключаются в следующих особенностях:

- присутствует особая специфика проговаривания дифтонгов, наблюдается отсутствие аспирации у начальных звуков *p, t, k*;
- морфологические расхождения заключаются в способах образования множественного числа и рода имен существительных;
- в орфографии степень расхождений невелика: они касаются написания отдельных лексем, что нашло отражение в сосуществовании нормативных вариантов [1].

Литературный язык можно рассматривать как синтез разных диалектов, результатом которого является наличие региональных лексико-семантических дублетов или локальных синонимов, многие из которых в свою очередь стали самостоятельными словами [7].

Национальный язык выступает в форме литературного языка, однако не всякий литературный язык сразу становится национальным языком. Существует точка зрения, согласно которой национальные языки, как правило, формируются в эпоху капитализма [5].

Исходя из вышесказанного, можно утверждать, что «австрийский немецкий» является *национальным вариантом* немецкого языка.

Первое употребление термина «австрийский немецкий» восходит к середине XIX века [8].

Лексика австрийского варианта содержит большое количество славянских, французских, итальянских и других заимствований. Австрийский национальный вариант немецкого языка включает литературную форму немецкого языка, обиходно-разговорный язык и диалекты. Распространенные здесь среднеавстрийский и южноавстрийский диалекты относятся к баварской диалектной области. В провинции Форарльберг, например, используется верхнеалеманнский диалект. Городские полудиалекты развились в районе Вены, а также некоторых других крупных городов Австрии (Линц, Клагенфурт). Венский диалект занимает престижное положение, его влияние испытывают все диалекты, в том числе и алеманнский говор Форарльберга. Венский диалект является основой разговорного языка Австрии, воздействуя через него и на используемую здесь литературную форму немецкого языка. Вместе с тем ряд особенностей литературного языка Австрии опирается на историческую языковую традицию и является результатом самостоятельного развития немецкого языка в условиях отдельного государства.

Литературный немецкий язык используется в Австрии преимущественно в письменной

форме, тогда как в устном, особенно неофициальном, общении функционируют обиходно-разговорные и диалектные формы. Обиходно-разговорный язык в известной мере объединяет Мюнхен (юг ФРГ), Вена, Инсбрук, Грац (Австрия).

Для немецкого языка Австрии характерно значительное число слов французского происхождения, причем многие возникли из разговорной речи и относятся к бытовой сфере.

По данным современной науки [1; 6; 7], на сегодняшний день существует около 7000 так называемых «австриизмов», то есть лексических единиц специфического австрийского употребления.

На формирование лексического разнообразия в Австрии влияет большое количество австрийских диалектов. Диалекты служат для понимания процесса исторического развития языка: в диалектах часто сохраняются архаизмы, необходимые для воссоздания широкого языкового движения. Диалекты используются для установления взаимоотношений между историей языка и историей народа, так как диалектные факты часто дают возможность проследить, как передвигались племена и народы в глубокой древности. Диалекты необходимы для понимания многообразия слов, звуков и форм современного языка, для практического учета особенностей местной речи.

Своеобразие лексики австрийского варианта немецкого языка заключается в том, что слова не кажутся незнакомыми, однако их значение существенно отличается от того, что ожидает коммуникант. Например, такой предмет женского австрийского национального костюма, как юбка, в австрийском немецком имеет два названия: *die Juppe* и *Lona*. Первая лексема напоминает старонемецкое слово, употребляемое в значении «куртка», но никак не «длинная женская юбка», как оно понимается в австрийском немецком. Второе же слово обязано своим происхождением латинскому названию материала (шерсть = lat. *lona*).

В ходе исследования обработке подверглось более 2000 лексических единиц. Число отобранных лексем составило более 500. Все лексические единицы были переведены на литературный немецкий язык, изучено их происхождение и употребление.

Лингвистический анализ отобранной австрийской лексики позволил выделить два направления, в рамках которых австрийская лексика генерируется:

- 1) по месту происхождения и употребления;
- 2) по наличию фонетических и грамматических дифференциальных признаков.

1. По месту происхождения и употребления.

1.1. Диалектальная группа Баварского происхождения:

deppert (auch in Altbayern) → dumm, das Benehmen eines Deppen;

hätti/wari (auch in Altbayern) → «hätte ich – wäre ich» (Selbstmitleid);

Stelze oder Haxen (f; auch in Altbayern) → Eisbein;

Tschick (m; auch in Altbayern) → Zigarette;

zuzeln/zutzeln (auch in Altbayern) → saugen, lutschen; Bsp.: ein Bonbon/an etwas zuzeln.

1.2. Швейцарская диалектальная группа:

Jus (n; Sg.; auch in der Schweiz) → Jura (Rechtswissenschaften): Plural von Jus;

Leiberl, Leibchen (n; auch in der Schweiz, dort nur Leibchen) → T-Shirt, Trikot (Hemd);

Rahm (f; auch in Altbayern, Baden-Württemberg, Schweiz) → Schlagsahne;

1.3. Южногерманская диалектальная группа:

Depp (m; auch in Süddeutschl.) → Dummkopf, Tölpel (Steigerungsform: depperter Depp, Trottel, Idiot);

Jänner (m; mundartlich auch im gesamten süddeutschen Raum) → Januar.

1.4. Чешская диалектальная группа:

Powidl (m; aus dem Tschechischen) → Zwetschenmarmelade/-mus; salopp, ostösterreichisch in der Wendung: das ist mir Powidl (Wurst, Blunzen, egal);

Kolatsche (f; aus dem Tschechischen «koláč») → mit Marmelade (auch Powidl) und Rosinen gefüllter Kuchen, in Wien und Niederösterreich eher: Golatsche.

1.5. Займствования из других языков:

Jause (f; kommt von slowen.: južina) → «Mittagessen», Zwischenmahlzeit vor-oder meist nachmittags;

Paradeiser (n; auch in Slowenien, Kroatien, Bosnien, Serbien, Slowakei, Ungarn) → Tomate (auch in Kärnten, Vorarlberg, Tirol).

1.6. Слова, заимствованные из литературного немецкого языка и частично модифицированные:

Palatschinke(n) (f; außerhalb Deutschlands in ganz Mitteleuropa gebräuchlich, urspr. romanisches Lehnwort, das sich über das Ungarische, Rumänische, letztendlich vom lateinischen placenta für Kuchen ableitet) → Eierkuchen, Pfannkuchen.

2. По наличию фонетических и грамматических дифференциальных признаков.

2.1. Изменение произношения:

Gespritzter (m) (G'spritzter) → Wein mit Mineralwasser; (umgangsspr.) Betrunkener, verwirrte Person;

(*der/das*) *Tunnél* (n, Betonung auf dem E; auch in Altbayern) → Tunnel;

Algebra (f) → Lehre von den Gleichungen; algebraische Struktur; österreichische Aussprache: al'ge:bra.

2.2. Изменение приставок:

einheben (Gebühr) → erheben.

2.3. Выпадение или прибавление некоторых букв:

Anbot (n) → Angebot;

Blasbalg (m) → Blasebalg;

Kücken (n) → Küken;

neidig → neidisch;

Szepter (n) → Zepter.

2.4. Изменения в корне слова:

Bürdel (n) → Bündel;

Golatsche (f) (teilweise auch in Altbayern) → Kolatsche;

Polizze (f) → (Versicherungs-) Police;

Ratz (m) → Ratte;

zensurieren → zensieren.

2.5. Изменения в умлаутах:

einfärbig → einfarbig;

Buffet (n) → Büfett;

Luster (m; auch in Altbayern) → Lüster (Kronleuchter).

Обобщая все вышесказанное, можно сделать следующие **выводы**.

1. Исследование показало, что, несмотря на лексическое разнообразие, в Австрии существует лексика, наиболее часто употребляемая на территории всей страны, так называемый лексический минимум, составляющий более 500 лексических единиц.

2. Лингвистическими признаками, позволяющими отличить австрийскую лексику от немецкой, являются происхождение слов, сфера и ареал их употребления, а также наличие фонетических и грамматических дифференциальных признаков.

ЛИТЕРАТУРА

1. Домашнев А. И. Особенности диалектно-литературного взаимодействия в национальных вариантах немецкого языка / А. И. Домашнев, Л. Т. Копчук // Лексика и лексикография. – М., 2000.
2. Гухман М. М. От языка немецкой народности к немецкому национальному языку : монография / Мирра Моисеевна Гухман. – Л., 1955. – 296 с.
3. Копчук Л. Б. Лексика и фразеология немецких диалектов : учебное пособие для студентов университетов и факультетов иностранных языков / Любовь Борисовна Копчук. – СПб. : Береста, 2002. – 127 с.
4. Ammon U. Die internationale Stellung der deutschen Sprache / Ulrich Ammon. – Berlin ; New York : De Gruyter, 1991. – 63 S.

5. Ammon U. Typologie der nationalen Varianten des Deutschen zum Zweck systematischer und erklärungsbezogener Beschreibung nationaler Varietäten / Ulrich Ammon // Zeitschrift für Dialektologie und Linguistik. – 1996. – № 63. – S. 157–175.
6. Scheuringer H. Deutsches Volk und deutsche Sprache. Zum Verhältnis von Deutsch-Sprechen und Deutsch-Sein in der Schweiz und in Österreich nach 1945 / Hermann Scheuringer // Österreich in Geschichte und Literatur. – Mannheim, 1992. – S. 162–173.
7. Muhr R. Zur Sprachsituation in Österreich und zum Begriff «Standardsprache» in plurizentrischen Sprachen. Sprache und Identität in Österreich / Rudolf Muhr // Österreichisches Deutsch. Linguistische, sozialpsychologische und sprachpolitische Aspekte einer nationalen Variante des Deutschen. – Wien : Wiesinger, 1995. – S. 75–109.
8. Wiesinger P. Das Österreichische Deutsch in der Diskussion / Peter Wiesinger – Wien : Leerkamp, 1995. – 178 S.

УДК 811.111'374.3+811.111'373.2

Корабліна З. Ю.

ЕМПІРИЧНИЙ КОМПОНЕНТ ЛЕКСИЧНОГО ЗНАЧЕННЯ ФІТОНІМІВ У ТЛУМАЧНОМУ СЛОВНИКУ АНГЛІЙСЬКОЇ МОВИ

У статті проаналізовано семний склад дефініцій лексем тематичної групи «рослини», представлених у тлумачному словнику сучасної англійської мови. Показано, що в дефініціях спостерігається непослідовність при виборі семантичних ознак і відсутність уніфікованості при описі лексичного значення. Це явище пояснюється орієнтацією авторів словника на культурну значимість реалій і розглядається як прояв принципу антропоцентризму в лексикографії.

Ключові слова: лексикографія, дефініція, семантична ознака, сема, антропоцентризм, фітонім.

В статье проанализирован семный состав дефиниций лексем тематической группы «растения», представленных в толковом словаре современного английского языка. Показано, что в дефинициях наблюдается непоследовательность при выборе семантических признаков и отсутствие унифицированности при описании лексического значения. Это объясняется ориентацией авторов словарей на культурную значимость реалий и рассматривается как проявление принципа антропоцентризма в лексикографии.

Ключевые слова: лексикография, дефиниция, семантический признак, сема, антропоцентризм, фитоним.

The article analyses definitions of names of plants as represented in an explanatory dictionary of the modern English language. It is proven that the definitions demonstrate a lack of consistency in the choice of semantic features as well as a lack of uniform approach to the description of lexical meaning, which can be explained by the compilers' attention being focused mainly upon the cultural value of notions and thus is regarded as a manifestation of anthropocentrism in lexicography.

Key words: lexicography, definition, semantic feature, seme, anthropocentrism, plant name.

Постановка проблеми. Принципи та параметри лексикографічного опису лексики давно перебувають у центрі уваги вітчизняних та зарубіжних мовознавців (В. В. Виноградов, В. П. Філін, Д. М. Шмельов, В. В. Дубічинський, В. Дорошевський, Ю. Д. Апресян). Важливе місце відводиться формулюванню тлумачень лексем – назв природних об'єктів. Представлення в тлумачних словниках саме цього пласту конкретної іменної лексики виявляється достатньо складним завданням з огляду на те, що на відміну від артефактів, натурфакти мають нечітке призначення і різну міру залучення в практику людського життя, що не дозволяє з певністю обрати більш чи менш стабільний набір параметрів тлумачення.

Аналіз літератури. Тлумачення лексичних значень слова детально розглянуто в праці Д. І. Арбатського «Толкование значений слов. Семантические определения» [2]. Автор наголошує на двосторонньому зв'язку між поняттям про предмет і словом, який формується в процесі пізнавальної діяльності. Особливо важливими, з точки зору нашого дослідження, є розділи, присвячені функціональним типам семантичних визначень та вимогам, які до них висуваються, у тому числі критеріям тлумачення лексем, що належать до групи конкретної іменної загальноживаної лексики.

З. Д. Попова і Й. А. Стернін у монографії «Когнитивная лингвистика» [4] розглядають, зокрема, такі актуальні для дослідження засад

лексикографічного опису питання, як види свідомості і лексикографічне значення слова.

Про значення як різновид знання про світ йдеться також у більш ранній праці Й. А. Стерніна, його дисертації на здобуття вченого ступеня доктора філологічних наук «Лексическое значение слова в речи» (збірник «Избранные работы. Теоретические и прикладные проблемы языкознания») [5]. Звертаючись до проблеми типології семантичних компонентів лексичного значення, автор пропонує розмежовувати мегакомпоненти, макрокомпоненти, мікрокомпоненти (семи), семантичні ознаки, семні конкретизатори і аспекти лексичного значення.

Принципи і параметри лексикографічного опису висвітлено і в праці В. В. Дубічинського «Теоретическая и практическая лексикография» [3], зокрема, головний принцип лексикографічної параметризації як опис кожної лексеми як елемента певного лексикографічного типу, зі спільними рисами, що повторюються у низки різних лексичних одиниць, та узгоджене стандартизоване представлення лексем у словнику.

Словникове тлумачення будується на основі виокремлення обмеженого набору мінімальних семантичних компонентів, які дозволяють ідентифікувати предмет і відображають його сутність у відносно стислому за обсягом тексті словникової статті (логічний і описовий редукціонізм, за Й. А. Стерніним [4, с. 94]). Представлене таким чином лексикографічне значення слова є штучним витвором лексикографів і має суб'єктивний характер: укладач словника априорі виходить з того, що більшість носіїв мови (і користувачів словникової продукції) розуміють дане слово саме в такому семантичному обсязі. Однак це легко спростовується експериментальним шляхом і повсякденною практикою слововживання [4, с. 94].

Лексикографічна практика базується на ідеї про те, що до дефініції включаються саме ознаки, які відображають істотні, диференційні характеристики предмета або явища. Якщо це може бути істинним у випадку з дефініціями термінів або артефактів, то для більшості загальноживаних слів ознаки, які лежать в основі лексикографічного опису значення, можуть взагалі не мати стосунку до категорії істотності через специфіку самих натурфактів. Ознаки, які можна виокремити для цих предметів як істотні, насправді такими виявляються не для них, а для людей, які використовують ці предмети тим чи тим чином. Це прояв принципу антропоцентризму, який, зокрема, полягає у вибіркового акцентуванні тих аспектів явищ чи об'єктів, що мають найбільшу релевантність для певного мовно-культурного колективу.

Мовознавці виділяють необов'язковий компонент лексичного значення, властивий лише для слів певних семантичних розрядів (конкретної лексики, на відміну від абстрактної) – емпіричний макрокомпонент, узагальнене чуттєво-наочне уявлення про предмет номінації, яке входить до структури значення як його складова частина. Емпіричний макрокомпонент, денотативний (предметно-понятійна інформація, пов'язана з відображенням позамовної реальності) та конотативний, який відображає ставлення мовця до предмета номінації у формі оцінки денотата, утворюють лексичне значення слова [5, с. 46].

Мета статті – аналіз структури дефініцій фітонімів у тлумачному словнику англійської мови і виявлення основних компонентів лексичного значення фітонімів.

Матеріалом нашого дослідження ми обрали лексико-семантичну групу «рослини». Фітоніми якнайкраще репрезентують клас натурфактів, про які йшлося вище. Матеріал було отримано методом суцільної вибірки з авторитетного тлумачного словника англійської мови New Webster's Dictionary and Thesaurus of the English Language (далі NW), загальною кількістю 957 одиниць.

Об'єктом розгляду в даній статті стала структура дефініції з точки зору її зорієнтованості на споживача лексикографічного продукту. Зокрема, нас цікавило співвідношення обов'язкових та факультативних компонентів у складі словникових дефініцій фітонімів, наповненість дефініції, тобто наявність у ній достатньої кількості мінімальних ознак, які дозволяють якомога точніше ідентифікувати означуваний об'єкт, та емпіричний компонент як фактор, який сприяє ідентифікації означуваного.

Виклад основного матеріалу. При тому, що основним завданням тлумачних словників є власне витлумачення, з'ясування значень або системи значень слів, інформація, яка міститься в словниковій статті, часто буває набагато ширшою.

Словникове тлумачення, за визначенням, має на меті розмежування, розкриття значень слів шляхом фіксування найістотніших властивостей, ознак, відносин і формування у читача відповідних уявлень про предмет. Ефективне тлумачення в ідеалі повинне відповідати певному набору чітких критеріїв: поєднувати в собі об'єктивний та суб'єктивний аспекти [2, с. 12] і включати лише ту інформацію, яка увійшла до сфери регулярного вжитку.

Аналіз відібраного лексикографічного матеріалу дозволив виділити основні групи дефініцій, у яких було відзначено наявність емпірич-

ного компоненту лексичного значення. Оскільки основними відчуттями, в яких рослини доступні фізичному сприйняттю людини, є зір, дотик, нюх і смак, то природно припускати, що саме ці характеристики денотатів мають бути представлені у словникових дефініціях.

Найчисельнішою, як ми і очікували, виявилась група дефініцій, у яких відображено зорове сприйняття рослини (розмір, особливості будови, колір частин рослини, таких як квіти, плоди, листя, стебло/стовбур, кореневище). Загалом кількість таких дефініцій становить приблизно половину нашої вибірки (433 з 957 одиниць, що дорівнює 45%). Близько половини з них експлікують лише один канал впливу, зоровий, однак є такі дефініції, в яких містяться вказівки на інші, додаткові канали сприйняття (смакові, нюхові, тактильні).

Як правило, результати лише зорового сприйняття рослини фіксуються в емпіричному компоненті таких об'єктів, як злаки, трави (які не мають запашних квітів чи плодів), більшість неплодових дерев. Той самий спосіб представлення ознак спостерігається і в дефініціях багатьох видів квітучих рослин. Найчастіше виділяються такі важливі ознаки, як розмір (*big/small*), висота (*high, tall/low*), товщина (*thick, fleshy/thin*), колір і його інтенсивність (*dark, deep/pale, light*), естетична цінність (*showy, pretty, beautiful/ inconspicuous*), конкретні прикметні ознаки будови рослини (форма і розміщення листків, плодів, форма кореня, тип суцвіття тощо).

Наприклад, у дефініції фітоніма *anemone* «анемона» – *a member of Anemone, fam. Ranunculaceae, a genus of plants bearing colorful flowers, A. pulsatilla is the pasqueflower* [NW, с. 34] «член роду анемона, родини жовтецевих, рід рослин з яскравими квітами. *A. pulsatilla* – сон-трава» – експлікуються безпосередньо доступні для сприйняття ознаки «колір», «наявність квітки».

У дефініції *Bleeding heart* «розбите серце» – *a popular name for Dicentra spectabilis, fam. Fumariaceae, a garden plant with racemes of drooping, pink, heart-shaped flowers* [NW, с. 102] «народна назва діцентри чудової, родина димянкові (руткові), садової рослини з гронами звислих рожевих квіток у формі сердечок» – експлікуються ознаки «наявність квіток», «колір», «форма суцвіття», «форма квітки».

У дефініції *Catalpa* «катальпа» – *a member of Catalpa, fam. Bignoniaceae, a genus of trees with heart-shaped leaves and long racemes of flowers and long pods* [NW, с. 154] «член роду катальпа родини бігنونієвих, рід дерев з серцевидними листками і довгими гронами квітів і довгих стручків» – експлікуються ознаки «форма

листя», «наявність квітів», «форма суцвіття», «форма плодів».

Більшість фітонімів описується через поєднання емпіричного компоненту з іншими видами інформації, зокрема, про ареал поширення, час цвітіння, особливості використання в культурі тощо.

Наприклад, в дефініції *Rye* «жито» – *Secale cereale, fam. Graminae, a tall-growing cereal with dark-colored grain. It is cultivated mainly in N. Europe and North America/its grain, used in making bread and for the distilling of rye whiskey, and fed to poultry and farm animals* [NW, с. 874] «жито посівне родини злакових, високий злак з темними зернами. Культивується головним чином у Північній Європі та Північній Америці // його зерно, яке використовується для випікання хліба; з нього переганяють спирт на житнє віскі; зерно також згодовують птиці та худобі» – експлікуються такі релевантні для чуттєвого сприйняття ознаки, як «розмір», «наявність плодів», «тип плодів», «колір»; крім цього, наявні такі аспекти тлумачення, як «ареал», «господарська цінність».

У дефініції фітоніма *satinwood* «атласне дерево» – *an East Indian tree, the lustrous, light-colored wood of which is used in cabinetmaking* [NW, с. 888] «дерево, поширене в Східній Індії; блискуча, світла деревина його використовується для виробництва меблів» – експлікуються ознаки «ареал», «колір», «господарська цінність», з яких безпосередньо для органів чуттів доступна лише одна.

У фітоніма *deodar* «гімалайський кедр» знаходимо такі семантичні ознаки, що входять до складу емпіричного макрокомпонента значення, як «розмір» (сема «великий») і «естетична цінність» (сема «гарний»): *Cedrus deodara, fam. Coniferae, a very large Himalayan cedar yielding valuable wood and noted for its beauty* [NW, с. 257] «дуже великий гімалайський кедр родини хвойних, джерело цінної деревини, відзначається своєю красою».

Варто зауважити, що в проаналізованому масиві дефініцій фітонімів з емпіричним компонентом значення «доступний для зорового сприйняття» ми не зауважили послідовного зв'язку між такими параметрами, як обсяг тлумачення (кількість семантичних ознак), наявність або відсутність наукової назви рослини або її співвіднесеність із іншими у випадку, коли об'єкт опису – екзот, не належить до загальновідомих рослин у даній мовно-культурній спільноті (для укладачів та основної маси адресатів словника New Webster's це, природно, будуть ті рослини, ареал яких знаходиться за межами Північної Америки та Європи).

Розгляньмо три показові приклади. *Japanese ivy* «виноград дівочий» *a creeper native to China and Japan. It has three-lobed leaves and climbs by tendrils ending in suction disks* [NW, с. 521] «ліана, росте в Китаї та Японії, має трійчасті листки, чіпляється за допомогою вусиків з дископодібними присосками на кінцях»; *Iceland poppy* «ісландський мак» *Papaver nudicaule, a subarctic poppy with yellow and white flowers. Papaver alpinum, an alpine poppy with white, yellow, pink, or orange flowers* [NW, с. 480] «*Papaver nudicaule*, арктичний мак з білими і жовтими квітками. *Papaver alpinum*, альпійський мак із білими, жовтими, рожевими або оранжевими квітками»; *ixia* «іксія» *a genus of bulbous South American plants, having racemes of brightly colored flowers* [NW, с. 517] «рід цибулинних південноамериканських рослин з китицями яскравих квітів».

Якщо ідентифікувати перші дві рослини відносно легко (обидві дефініції починаються архісемами «ліана» та «мак», які належать до загальновідомих типів рослин і асоціюються в свідомості пересічного носія мови з цілком конкретними образами ліан і маків, то уявити собі іксію (або розпізнати серед інших маловідомих рослин), не маючи фахових знань у галузі ботаніки, є набагато складніше. Архісема «рослина», навіть з означенням «цибулинна», занадто загальна для того, щоб носій мови міг скласти собі хоча б приблизне уявлення про її вигляд.

Групи дефініцій, які містять ознаки, базовані на органолептичному аналізі інформації (через смак, нюх, дотик), кількісно менші від розглянутої. Як правило, інформація про такі ознаки в дефініціях комбінується, наприклад, повідомляється про смак і запах, колір і смак, колір і текстуру тощо.

Найчисельніша з таких дефініцій група, яка містить компонент «сприйняття об'єкта за смаком» (375 одиниць, приблизно 40%). Ознака може бути виражена експліцитно (*sweet* «солодкий, ніжний»; *bitter* «гіркий»; *astringent* «в'язкий»; *tart, pungent, strong* «різкий, сильний»; *good to drink* «приємний», *rich in sugar* «багатий на цукор»; *tastes like raspberry* «нагадує смаком малину») або імпліцитно – наприклад, через вказівку на застосування тої чи тої рослини в кулінарії як приправи.

Розгляньмо дефініції декількох фітонімів з цієї групи.

Dill «кріп» *Anethum graveolens, fam. Umbelliferae, an annual whose seeds are used as a carminative and also as a flavoring in pickles, etc.* [NW, с. 266] «кріп запашний, родина зонтичних, однорічник, насіння якого використовується як вітрогінний засіб, а також як приправа до маринадів, тощо» – компонент «смак» присутній ім-

пліцитно (через вказівку на використання в кулінарії).

Rosemary «розмарин» *an evergreen shrub grown esp. in Mediterranean area. The pungent leaves are used as a culinary herb and in making perfume, soap etc.* [NW, с. 865] «вічнозелений кущ, який росте, зокрема, у середземноморському кліматі. Пряні листки використовуються як кулінарна приправа, в парфумерії, виробництві мила, тощо» – експлікуються такі ознаки, як «смак»/«запах», доступні спостерігачеві безпосередньо через органи чуттів.

Sorrel «щавель» *a genus of plants with sour juice, of which 150 species are known in temperate regions. Some have rhizomes. They have whorled inflorescences with small inconspicuous flowers* [NW, с. 947] «рід рослин з кислим соком. У помірному поясі відомо 150 видів, деякі з них мають кореневища. Суцвіття – волоть, складається з маленьких непоказних квіток» – експлікується семантична ознака «смак» як релевантна для господарської діяльності людини. Оскільки квіти щавлю не мають естетичної цінності, це підкреслено семою «непоказний».

Цікавою з погляду диференціації сем на позитивні та негативні [5, с. 49] є дефініція фітоніма *sesame* «кунжут, сезам» *a herbaceous tropical and subtropical plant with small flat seeds, used as food and yielding a bland, pale yellow oil used in salads, margarine and soap and as a laxative* [NW, с. 911] «трав'яниста тропічна та субтропічна рослина з дрібним пласким насінням, яку вживають у їжу і з якої добувають світло-жовту олію без смаку і запаху, яку використовують в салатах, маргаринах, у виробництві мила, та як прогонний засіб». У цьому випадку ознака «без смаку і запаху» виступає як негативна інклюзивна сема, тобто вона заперечує наявність окремих конкретних ознак об'єкта і виконує в структурі значення диференційну функцію.

Маркери ознаки «смак» можна з великою мірою умовності поділити на «позитивні» (приємні для людини) і «негативні» (неприємні), але навіть такий умовний поділ буде дуже не об'єктивним, тому що сприйняття смаків і запахів, як і естетичні критерії, дуже індивідуальне. Тому ми не можемо погодитися з твердженням Й. А. Стерніна про те, що поділ сем на позитивні та негативні відображає реальний поділ ознак на позитивні та негативні [5, с. 49]. «Негативність» у цьому випадку означатиме лише відсутність ознаки, майже «нульову» ознаку (як, наприклад, відсутність чітко вираженого смаку кунжутної олії, на що вказує прикметник *bland*).

Подібне спостерігається і в групі дефініцій за ознакою «вплив на тактильні відчуття» (у нашій вибірці є 106 таких дефініцій, близько 11%),

і в тих, де основною ознакою виступає запах (99 дефініцій, близько 10%).

Вплив на тактильні відчуття експлікується за допомогою таких ознак, як *prickly* «колючий», *thorny, spiked* «вкритий шипами», *pointed* «загострений»; *tough* «твердий»; *stiff* «жорсткий»; *leathery* «шкірястий»; *rough, roughish* «шорсткий, шершавий»; *coarse* «грубий»; *fragile, brittle* «крихкий, ламкий»; *stinging* «жалкий»; *irritant* «такий, що викликає подразнення»; *smooth* «гладенький»; *soft* «м'який»; *downy* «пухнастий»; *hairy* «шерстистий, волохатий»; *silky* «шовковистий»; *ribbed* «ребристий», *viscous, sticky* «липкий» і т. д.

Наприклад: *guava* «гуава» *Psidium guajava, fam. Myrtaceae, a small tropical tree. Its gritty pearlike fruit is used to make a dessert marmalade or guava jelly, or eaten fresh* [NW, с. 427] «родина миртових, невелике тропічне дерево. Його твердий грушоподібний плід використовують для приготування десертів (мармеладу або желе), або їдять сирим».

Негативна емпірична сема експлікується тоді, коли певної очікуваної в даного представника рослинного царства ознаки не спостерігається. Розгляньмо, для прикладу, дефініції фітонімів *dead nettle* «глуха кропива» *a genus of nettles without the irritant property of the stinging nettle* [NW, с. 246] «рід кропиви без подразнюючої властивості жалкої кропиви»; *sow thistle* «осот городній» *a genus of tall grasses with copious latex. They are like thistles without prickles* [NW, с. 950] «рід високорослих трав з великою кількістю молочного соку, схожих на будяк без колючок».

Ознака «запах» представлена в дефініціях фітонімів не настільки широко, як «смак» чи навіть «тактильні відчуття», хоча об'єктивно ця властивість присутня практично в усіх рослинах. Семантична ознака «запах» має два семних конкретизатори, «приємний» / «неприємний», які вербалізуються в дефініціях наступним чином: *aroma* «аромат», *scent* «(приємний) запах», *aromatic* «ароматний», *fragrant* «запашний», *perfumed* «пахучий», *sweet* «солодкий, ніжний», *fetid* «огидний», *disagreeable* «неприємний, прикрий», *pungent* «різкий», *odor* «(неприємний) запах», *evil-smelling* «з огидним запахом».

Номінації запахів у дефініціях можуть конкретизуватися в тих випадках, якщо запах настільки виразний, що ця ознака складає сутність певної рослини, наприклад: *goosefoot* «лобода» *a plant of family Chenopodiaceae, esp. a member of genus Chenopodium, smelling strongly of bad fish* [NW, с. 411–412] «рослина родини маревих, особливо роду мар, з дуже сильним запахом тухлої риби».

Прикладом негативної семи (введення відсутньої ознаки) може бути компонент *scentless*, що міститься в дефініції фітоніма *dog violet* «фіалка собача» *a wild, scentless Old World violet* [NW, с. 277] «дикоросла фіалка Старого Світу без запаху».

Очевидно, що наявність негативної семи в дефініції фітоніма виконує інформативну роль і має конкретне смислове навантаження, сигналізуючи про те, що зазвичай об'єктам цього класу певна риса властива. Тому негативна сема виконує диференціальну функцію, виділяючи означуване поняття з більшого класу подібних до нього об'єктів. Пор. приклади, наведені Й. А. Стерніним: «планер – *безмоторный* летательный аппарат тяжелее воздуха; байдарка – узкая и легкая спортивная лодка *без уключин*; тахта – широкий низкий диван *без спинки*» [5, с. 49]. Це свідчить про те, що в свідомості носіїв мови існує уявлення про певні об'єкти, зазвичай наділені певною властивістю, і інші, які цієї однієї властивості позбавлені. Така дихотомія відображається негативною семою в складі дефініції.

За характером виявлення в лексичному значенні Й. А. Стернін виділяє також експліцитні (безпосередньо представлені у дефініціях) та приховані семи, які містяться в інших семах і можуть бути «виведені» з них [5, с. 48]. Наприклад, у дефініції фітоніма *butterwort* «жирянка» семантична ознака «дотик» прямо не представлена, але сему «липкий» можна вивести з значення лексеми *adhere* «прилипати, приклеюватися», яка міститься у дефініції: *...leaves are covered in glands which secrete a fluid, to which small insects adhere* «листки вкриті залозами, що виділяють рідину, до якої прилипають дрібні комахи» [NW, с. 133].

Аналогічні приклади прихованих сем ми виявили в дефініціях фітонімів «любисток» (семи «різкий смак/запах» можна вивести зі значення фрази *cultivated for use in flavoring and perfumery* «вирощується як спеція і сировина для парфумерної промисловості» [NW, с. 588]), *wintergreen* «грушанка» *an oil, used ... as a flavouring, is distilled* «дає олію, яка використовується ... як спеція» [NW, с. 1128]; у дефініції фітоніма *sugarcane* «цукрова тростина» сему «солодкий» у складі семантичної ознаки «смак» можна вивести з компонента фрази *one of the chief sources of sugar* «одне з основних джерел цукру» [NW, с. 989].

Серед сем у складі дефініцій можна також виокремити постійні та ймовірнісні [5, с. 48]. У проаналізованих дефініціях фітонімів ми виявили цілу низку ймовірнісних сем, які відображають істотні властивості рослин та їх частин: *mostly, mainly, chiefly* «головним чином», *com-*

monly, generally, usually «зазвичай», *frequently* «часто», *traditionally, typically* «як правило», *sometimes* «іноколи», *often* «часто», *most* «більшість», *several* «декілька». Непостійний характер ознаки експлікується також семою «імовірнісність», вираженою модальними конструкціями з дієсловами *can* та *may* «могти», «бути можливим». Яскравим прикладом експлікації ймовірнісних сем «багато» і «зазвичай» у складі значення і протиставлення їх постійній семі «всі» є дефініція фітоніма *campanula* «дзвоник»: *Many are alpine plants, and all have bell-shaped flowers, usually blue or white* «Багато з них є гірськими рослинами, і всі мають квітки у формі дзвоника, зазвичай блакитні або білі» [NW, с. 141].

Класифікація сем за змістом дозволяє також виокремити чіткі та нечіткі семи [5, с. 49]. Зміст чітких семи в складі дефініцій фітонімів позбавлений будь-якого суб'єктивізму: наприклад, у семантичній ознаці «тривалість життя рослини» можна виділити семи *annual* «однорічний» та *perennial* «багаторічний», тощо. Нечітка сема має розмитий зміст, її денотативна сфера може частково перетинатися з денотативною сферою іншої семи з тією ж семантичною ознакою і завжди містить суб'єктивну оцінку.

Наприклад, семи «великий» і «малий» у складі семантичної ознаки «розмір» дуже відносно описують розмір рослини або її частин, оскільки «точкою відліку» служить спостерігач. Пор. дефініції декількох фітонімів, які містять нечітку сему: *sequoia* «секвойя» *a genus of very large North American coniferous trees* «рід дуже великих північноамериканських хвойних дерев» [NW, с. 909]; *durian* «дуріан» *very large oval fruit* «дуже великий овальний плід» [NW, с. 290]; *plum* «слива» *a small tree widely cultivated in temperate regions* «невелике дерево, широко розповсюджене в помірному поясі» [NW, с. 772]; *sorrel* «щавель» *a genus of plants with sour juice ... with small inconspicuous flowers* «рід рослин з кислим соком ... з маленькими непоказними квітками» [NW, с. 947]. Очевидно, що ці семи мають дуже різне наповнення в кожному з конкретних прикладів, і їх зміст залежить від рівня фонових знань носія мови.

Висновки. Аналіз дефініцій фітонімів виявив важливу роль емпіричного компоненту в структурі лексичного значення назв рослин, що, очевидно, зумовлено специфікою ролі рослин у житті людини.

Значне кількісне переважання дефініцій, що експлікують емпіричний компонент значення «зорове сприйняття», об'єктивно відображає як основний спосіб отримання людиною інформа-

ції про рослини, так і «презумпцію компетентності» користувача словника, який, з погляду укладача-лексикографа, апіорі повинен мати необхідний рівень фонових знань для правильної ідентифікації означуваного об'єкта (рослини) навіть за умови неповної дефініції.

Введення до складу дефініції негативної семи, а також імовірнісний характер низки сем і імпліцитна присутність деяких важливих сем у дефініціях свідчать про антропоцентричний підхід лексикографів до укладання словників і орієнтацію на загальну компетенцію користувачів словникової продукції.

У той же час набір семантичних ознак, який обирається для опису семантики слів тематичної групи «рослини», не можна вважати достатнім для повної ідентифікації значення певної лексики. У дефініціях спостерігається непослідовність при виборі наведених ознак, відсутня уніфікованість опису лексичного значення. На нашу думку, це пов'язано з орієнтацією авторів словників на культурну значимість тих чи тих реалій, що приводить до фіксації одних ознак і повного ігнорування інших. Такий підхід ґрунтується на принципі антропоцентризму, зокрема, на вибіркового акцентуванні тих явищ, що мають найбільшу релевантність для певної мовно-культурної спільноти.

Перспективи подальших досліджень ми пов'язуємо з докладним аналізом принципів лексикографічного опису фітонімічної лексики в тлумачних словниках англійської мови, що дозволить виявити основні принципи побудови традиційної дефініції, а також специфіку певних лексикографічних традицій.

ЛІТЕРАТУРА

1. Антропоцентризм в мові і речі. – СПб., 2003. – 335 с.
2. Арбатский Д. И. Толкование значений слов. Семантические определения / Дмитрий Иосифович Арбатский. – Ижевск : Удмуртия, 1977. – 100 с.
3. Дубичинский В. В. Теоретическая и практическая лексикография : [учебное пособие] / В. В. Дубичинский. – Вена ; Харьков, 1998. – 160 с.
4. Попова З. Д., Стернин И. А. Когнитивная лингвистика : монография / Зинаида Даниловна Попова, Иосиф Абрамович Стернин. – М. ; АСТ : Восток – Запад, 2007. – 314 с.
5. Стернин И. А. Избранные работы. Теоретические и прикладные проблемы языкознания / Иосиф Абрамович Стернин ; [научный ред. З. Д. Попова]. – Воронеж : Истоки, 2008. – 596 с.

ЛЕКСИКОГРАФІЧНІ ДЖЕРЕЛА

NW – New Webster's Dictionary and Thesaurus of the English Language. Lexicon Publications, Inc. – Danbury, CT, 1993.

ГРАММАТИЧЕСКИЕ ТИПЫ НОВЫХ РЕАЛИЙ В СТИЛЕ ПРЕССЫ И ПУБЛИЦИСТИКИ НА МАТЕРИАЛЕ НЕМЕЦКОГО ЯЗЫКА

*Стаття присвячена поширеності вживання різноманітних граматичних засобів. Розглядаються особливості деяких анафоричних засобів зв'язку, зміна позиційності каузальних підрядних речень із сполучником *da*, частотність парцеляції другої частини сполучникового паратаксису, уживання анафоричних синтаксичних еліпсисів із прислівником *so*.*

Ключові слова: парцеляція, гіпотаксис, еліпсис, складнопідрядне речення.

*Статья посвящена распространенности употребления разноплановых грамматических средств в текстах прессы. Рассматриваются особенности некоторых анафорических средств связи, изменение позиционности каузальных придаточных с союзом *da*, частотность парцелляции второй части союзного гипотаксиса, употребление анафорических синтаксических эллипсисов с наречием *so*.*

Ключевые слова: парцелляция, гипотаксис, эллипсис, сложноподчиненное предложение.

The article deals with the prevalence of using different grammatical means in Newspaper style. Along with that some peculiarities of anaphoric means of connection, the Position change of causal subordinate clauses, parzelations frequency of the second part of conjunction parataxis, usage of anaphoric syntactical ellipses «so» are researched.

Keywords: parzelation, gipotacsis, ellipsis, complex sentence.

Постановка проблеми. Развитие и обогащение любого языка происходит постоянно. Тексты функционального стиля прессы и публицистики, оперативно отражая актуальнейшие проблемы разнообразных сфер жизни, отличаются распространенностью употребления грамматических явлений «нетрадиционного» характера. Под «нетрадиционностью» мы понимаем двойственный план: 1) употребление таких структур или позиционных особенностей, упоминание о которых либо отсутствует в грамматике, либо подается как «периферийное», нетипичное; 2) межъязыковую «миграцию», связанную со стилевым взаимопроникновением.

Обзор литературы. В немецкой традиционной теории принято выделять функциональный стиль прессы и публицистики, т. к. периодические издания содержат различные жанровые тексты: рекламные материалы, разнообразные анонсирования, аналитические и публицистические статьи, отражающие мнение редакции в целом и индивидуальные мысли авторов. Стиль прессы и публицистики наиболее оперативно пополняется новыми реалиями. Исследуются лексические неологизмы, большую часть которых составляют заимствования из английского языка. Грамматические же структуры как некий устоявшийся каркас не получают детального исследования. Проблематика статьи охватывает анализ разноплановых типичных грамматических явлений, получивших распространенность в стиле прессы и публицистики. В репрезентативных теоретических работах по германистике [1–3] они до сих пор не являлись предметом исследования.

Целью данной статьи и является исследование указанных выше явлений, получивших распространение в различных жанровых текстах стиля прессы и публицистики.

Изложение основного материала. Проблема рассмотрения синхронических «нетрадиционностей» касается следующих грамматических характеристик:

- 1) особенностей распространения и употребления в текстах прессы языковых структур, сопряженных ранее с научным и разговорным стилями;
- 2) позиционных изменений каузальных придаточных предложений с союзами *da* и *weil*;
- 3) распространенности парцелляции второй части союзных сложносочиненных предложений и их позиции в текстах;
- 4) эллиптических индексов косвенной речи с наречием *so*, их позиции и структуры.

В грамматических работах содержится исследование употребления артикля как замены имен существительного, а также форм *deren*, *dessen* в притяжательном значении как типичных для научного стиля анафорических средств связи [1–3]. Указывается также на возможность замены имен собственных формами *die* (Luise), *der* (Mario) в разговорном стиле. [1] Некоторые авторы указывали на «пренебрежительный» оттенок значения [1], который и в разговорном стиле ныне утратил его, сохранив лишь «указательную отсылочность» на лицо, которое имеют в виду коммуниканты.

В результате анализа текстов стиля прессы и публицистики установлено, что употребление артикля как анафорического индекса на преды-

дущее имя существительное, равно как и употребление анафорических *deren*, *dessen* в притяжательном значении, закрепились в публицистических текстах и интервью, например: *Staranwalt Toma Fila, der anfangs auch Anwalt von Stanistic war, bestätigt dessen Kontakte zum US-Geheimdienst. Die seien aber «keine Sensation», sagt der Jurist...* («Der Spiegel», № 11, 09.03.09, S. 105).

Если в данном случае подобное двойное употребление можно объяснить тематикой юриспруденции, что несколько согласуется с научной тематикой приведенного отрезка текста, то в следующих употреблениях имеем дело с нейтральным контекстом:

1. *Am 17. März 1959 floh Dalai Lama Pachtung Indiens, nachdem Tausende seiner Anhänger gegen die chinesische Armee rebelliert hatten. Die schlug den Aufstand blutig nieder* («Der Spiegel», № 5, 26.1.09, S. 63).

2. *So ein Autosalon ist vor allem Schow. Und die beherrscht Zetsche ...* («Der Spiegel», № 50, 08.12.08, S. 111).

Заменяем в примере 2 *die* на *sie*: *So ein Autosalon ist Schow. Und sie beherrscht Zetsche ...*

Несомненно, что при такой замене репрезентация имени существительного личным местоимением *sie* придает повествованию обычный характер как типичный случай репрезентации частного характера. Употребление же артиклевой замены существительного усиливает степень анафорической соотнесенности, что при чтении характеризуется и усилением логического ударения, являясь темой, выражает большую степень сцепления с ремой предыдущего предложения. Приведем примеры на употребление *deren*, *dessen* в притяжательном значении:

1. *So hieß das Gremium, das unser Grundgesetz erarbeitet hat. In dessen Protokollen findet sich der Anfangsverdacht bestätigt* («Der Spiegel», № 7, 11.10.08, S. 54).

2. *Chacons Vorgänger warben deshalb verstärkt Ausländer an, besonders aus Lateinamerika, und erhöhten deren Quote auf zuletzt neun Prozent* («Der Spiegel», № 41, 19.1.09, S. 72).

Для второго примера характерна несколько дистантная позиция *deren*. Кроме того, замена местоимением *sie* могла бы вызвать и запутанную неопределенность соотнесенности местоимения *sie* с существительными *Vorgänger* и *Ausländer*. Следовательно, в данном случае констатируем императивную необходимость употребления *deren* как замену существительного *Ausländer* с пояснением *besonders aus Lateinamerika*. *Deren* как анафорическое средство связи соотносится с сочетанием слов, уточненным наличием оппозиции.

Приведем еще пример, в котором употребление *deren* гарантирует однозначную анафорическую соотнесенность: *Auf der Grünen Woche wird die Deutsche Landwirtschaftsgesellschaft, eine Art Propagandaabteilung der Industrie, einen anderen Ton anschlagen. Deren Präsident wird Produktivitätssteigerung fordern...* («Der Spiegel», № 12, 16.3.09, S. 63). Однозначность анафорической идентификации к подлежащему осложненной структуры достигается и семантикой имени существительного *Präsident*.

Позиция предложений с употреблением *deren* (*dessen*) в притяжательном значении может быть самой различной в текстах, включая первое предложение статьи: *Halali im Revier Spitzenmanager des Münchner Siemens – Konzerns und deren Geschäftspartner müssen künftig auf ein exklusives Privileg verzichten – die Rotwildjagd im firmeneigenen Revier* («Die Zeit», № 23, 28.05.09, S. 37).

Завершая этот раздел статьи, следует подчеркнуть, что обсужденные употребления отличаются также большей официальностью по сравнению с личными и притяжательными местоимениями.

Употребление бессоюзных придаточных условия традиционно связывается с научным стилем, а сопряженность временного и условного значений – с разговорным стилем: *Rufst du mich an, (so) erzähle ich dir was Interessantes.*

Проведенный анализ выявил, что текстам прессы не чуждо употребление бессоюзных условных и без коррелята *so*, которое можно пока назвать лишь тенденцией: *Bekäme der Patient zwei Geräte, sollten etwa 110 Euro fällig werden* («Die Zeit», № 27, 25.06.09, S. 22). *Ginge es nach dem Willen der Regierung, müsste es eigentlich viel mehr Hauseigentümer vom Schlage Kohlers geben (ebenda).*

При этом было замечено, что бессоюзные условные содержат конъюнктив и обладают объективной модальностью с оттенком потенциально возможного условия. Дальнейшие исследования текстов прессы либо подтвердят, либо опровергнут необходимость значения нерального условия для опущения союза *wenn*. Бессоюзная структура условного гипотаксиса представляется для текстов прессы более удобной для читателей.

Изменение позиции каузальных придаточных с союзом *weil*, их параллельное употребление, как в постпозиции, так и в препозиции и изменение коммуникативной направленности в гипотаксисе подробно рассматривались нами в работе [4]. Дальнейшие исследования покажут изменения коммуникативной значимости каузальных придаточных с союзом *weil* в препозиции.

Материал обнаруживает двойное следование каузальных придаточных с *weil* в препозиции с изменением коммуникативной перспективы: ... *Weil aber auch die Kunden Konten räumten, hat ten die Banken noch weniger Kapital. Weil alle Kursen sanken, versuchten Geldinstitute ihre Anlagen zu reduzieren* («Der Spiegel», № 5, 26.1.09, S. 17). Употребление второго придаточного с союзом *weil* в препозиции в начале абзаца регламентирует двойную коммуникативную направленность: анафорическую связь с первым предложением и катафорическую нагрузку всего последующего абзаца.

Кроме того, в интервью [4, с. 43] наблюдается употребление «абсолютизированного» придаточного с союзом *weil*, что свойственно также и рекламным текстам, например:

Entdecke den Opel Insignia.

Das Auto, weil das vorausdenkt.

Исследования дополнялись регистрацией постпозиции каузального придаточного с союзом *da*, что в известной мере противоречит грамматической традиции: *Ihre ständige Betonung der «zwei Gesichter» Merckles ist unerträglich, da Sie offensichtlich der Meinung sind, die Fehler hatten sämtliche Verdienste gemacht* («Der Spiegel», № 30, 23.7.09, S. 8). *Ich soll sie am Sonntagabend um 21 Uhr anrufen, da sie tagsüber unterwegs ist* («Zeit-Magazin», № 23, 28.5.2009, S. 27).

Придаточные с союзом *da*, расположенные после запятой, традиционно соотносятся с именем существительным и всегда выполняют атрибутивную функцию придаточного с темпоральным значением. Получит ли постпозитивное употребление каузальных придаточных с союзом *da* дальнейшее распространение, покажут продолжающиеся исследования.

Третий тезис, заявленный в статье, касается парцелляции второй части сложносочиненных предложений с различными союзами и союзными словами. Намеренный разрыв единой синтаксической структуры сложносочиненных предложений имеет цель не только «абсолютизировать» его вторую часть, но и усилить ее коммуникативную значимость.

Кроме того, если читатель лишь просматривает статью, то, увидев «оторванную» часть сложносочиненного предложения, скорее всего, захочет понять обстоятельства причинной, адверсативной и других связей. По этой причине разрыв структуры сложносочиненных предложений очень часто наблюдается в начале абзаца, обладая высокой степенью двойной коммуникативной нагрузки, выполняя соответственно одновременно анафорически-катафорическую функцию межабзацной связи. Чаще всего встре-

чается парцелляция причины с союзом *denn* в начале абзацев: *Denn gleich nebenan im beschaulichen Zillertal betreibt der Stahlkonzern Thyssen Krupp ein immer noch deutlich größeres Jagdrevier ...* («Der Spiegel», № 4, 09.01.09, S. 15); *Denn dort verschliefen die Bosse lange die Einführung von Online – Angeboten ...* («Deutschland», № 2, April/Mai 2009, S. 64).

Позиционно структурная абсолютизация причинной части сложносочиненного предложения с союзом *denn* имеет распространенность и в середине текстов, при этом линейная протяженность первой части зачастую не является причиной, а подобное употребление связано лишь с желанием авторов выделить каузальную коммуникативную значимость: ... *Ein Irrglaube, wie groß angelegte Studien zeigen. Denn Antibiotika verkürzen nachweislich nicht die Krankheitsdauer bei Atemwegsinfekten ...* («Der Spiegel», № 11, 09.03.09, S. 72).

Следует обратить внимание на парцелляцию с такими союзными словами противительного, следственного, альтернативного и присоединительного значения, как *doch (jedoch), deshalb, aber, und, außerdem, zudem, oder*: *Es war genau der Fall, für den die Beamten trainiert haben. Aber in Berlin klappte nichts. Und auch das stille Entschieden blieb ein bloßer Wunsch...* («Deutschland», № 2, 2009, S. 35).

Даже двойные союзы *zwar ... doch ...* могут употребляться абсолютизировано: *Zwar weist der Deutsche Mieterbund darauf hin, dass es schon heute möglich sei, elf Prozent der Kosten auf die Kaltmiete umzulegen. Doch die Hausbesitzer-Lobby klagt, dies scheitere meist an rechtlichen Unklarheiten ...* («Der Spiegel», № 11, 09.03.09, S. 36).

Рассмотрим подробнее четвертый тезис. Совершим краткий экскурс в историю употребления синтаксического анафорического средства связи с вводным наречием *so* в контексте косвенной речи: в 2000–2003 гг. употреблялись структурные эллипсисы, отсылающие или к конкретному изданию: *so der Spiegel, so die FAZ, so «die Zeit»* и др., или к репрезентации имени собственного путем называния должности или рода занятий *Merkel ..., so die Bundeskanzlerin, Urwi ..., so der Boxer* и др.

В изданиях прессы последних лет наблюдается как значительное позиционное отстояние названных структур от лица, так и иное семантическое наполнение таких анафорических синтаксических эллипсисов, отсылающих к автору соответствующих высказываний. Например, в начале абзаца названо лицо, Verlegersohn Konstantin Never Du-Mont, слова которого будут приведены в конце абзаца: *«Wer weiß schon, was ein Regionalverlag in drei, vier Jahren allein noch*

wert ist», *so der Junior jüngst*) («Der Spiegel», № 50, 08.12.08, S. 72).

Не всегда употребление эллиптических структур с *so* связано с косвенной речью: *Wer der einen Vorgang versteht, so die Hoffnung der Forschere, der wird auch begreifen können ...* («Die Zeit», № 27, 25.06.09, S. 13).

Употребление абстрактного имени существительного *die Hoffnung* в эллиптической структуре и в срединной позиции обладает особой двойной коммуникативной нагрузкой. Абстрактное существительное *Hoffnung* может употребляться в структуре с *so* и без дополнительного пояснения (притяжательного местоимения или атрибута в генитиве): ... *Und irgendwann, so die Hoffnung, würde ihm ein Telefonunternehmen viel Geld bieten, um die Adressen zu kaufen.* («Der Spiegel», 2008).

Принадлежность чувства надежды к определенному лицу раскрывается предыдущим контекстом и последующим местоимением *ihm*. Анафорически-катафорическая связь обнаруживается с удивительной силой с помощью вводно-отсылочного синтаксического эллипсиса с адвербом *so* и абстрактного существительного.

Отстояние подобных структур от высказывающего лица может быть линейно удаленным даже на два абзаца: например, первый абзац начинается с названия лица *Hoffmann*, далее следует линейно протяженное описание его действий с заменой на личное местоимение *er*. Следующий абзац содержит продолжение описаний позиций названного лица с помощью той же репрезентации личным местоимением *er*. Приводим третий по счету абзац:

Das neue Gremium, so seine Befürchtung konnte unberechenbar für ihn werden («Der Spiegel», № 4, 09.01.09, S. 93).

Чтобы читателю выяснить, о чем опасении идет речь, ему необходимо вернуться на два абзаца выше. Употребление дистантно удаленных анафорических средств синтаксического характера с *so* должно вызвать у читателя интерес узнать первопричину опасения конкретного лица, прочитав выше ту часть текста, которая его идентифицирует, но читатель пропустил этот раздел, просто просматривая данную статью.

Приведем еще один пример замыкающей позиции синтаксического эллипсиса с *so*: *Die Jagd sei Teil des weltgrößten Ausrottungsprogramms für eingeschleppte Säugetiere mit dem Ziel, «den Einfluss solcher Arten auf die Biodiversität ungeschehen zu machen», so die Forscher* («Die Zeit», 2008).

Параллельно, но, как показали исследования, реже употребляются полные синтаксические структуры с *so* в различных позициях

предложения: серединой и замыкающей. При этом большой распространенностью отличается глагол речи *urteilen* (вместо *meinen, sagen*), а также глагол *raten*. Например, в срединной позиции: *so rät der Ökonom*, а в завершающей статью позиции: *urteilt die Berliner Bestseller – Autorin Julia Franck*.

Der THW Kiev, so haben es die Zeitungen berichtet, soll seit Jahren Schiedsrichter bei Spielen der Champions League gekauft haben («Der Spiegel», № 30, 23.07.007, S. 53).

Абстрактные имена существительные, производные от глаголов, выражают чувства персонажей в предыдущих высказываниях (части высказываний): *so die Befürchtung, so der Zweifel, so die Hoffnung* и др.

Выводы. Анализ текстов немецкой прессы и публицистики выявил новые тенденции, представляющие интерес для исследователей.

1. Характерное ранее для научного стиля употребление *deren (dessen)* как замены имени существительного получило в текстах прессы широкое распространение и в притяжательном значении, а также усиленную анафорически-катафорическую функцию. Намечалась также тенденция употребления бессоюзных условных предложений без коррелята *so* в глагольном предложении и *so* значением потенциальной возможности, выраженной претеритом конъюнктивом или кондиционалисом I.

2. Расширяется препозитивное употребление каузальных придаточных с союзом *weil* и намечалась тенденция постпозиции придаточного причины с союзом *da*.

3. Языковой нормой становится парцелляция второй части союзного сложносочиненного предложения с союзами *denn, doch, und, aber* и др.

4. Анафорический синтаксический эллипсис с наречием *so* употребляется в различных позициях в предложении и в тексте и получил новое семантическое наполнение за счет употребления абстрактных имен существительных.

ЛИТЕРАТУРА

1. Schendels E. I. Deutsche Grammatik (Morphologie, Syntax, Text) / E. I. Schendels. – М. : Высшая школа, 1979. – 398 S.
2. Helbig G. Deutsche Grammatik / G. Helbig, J. Buscha. – Leipzig, 1971. – 654 S.
3. Der Duden in 12 Bänden. Bd. 4. Grammatik. – Mannheim ; Leipzig ; Wien ; Zurich : Dudenverlag, 1998. – 912 S.
4. Попова С. Н. Грамматические особенности каузальных отношений в функциональном стиле прессы и публицистики немецкого языка / С. Н. Попова // Ученые записки Крымского инженерно-педагогического университета. Выпуск 13. – Симферополь : НИЦ КИПУ, 2008. – С. 42–44.

Раздел 4. ПРОБЛЕМЫ ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЯ В КОНТЕКСТЕ МИРОВОЙ КУЛЬТУРЫ

УДК 141.336:[82–97:82–1/–9]=5/2.145

Абдульвапов Н. Р.

БИОБИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ ОСМАНСКИХ АВТОРОВ КОНЦА XIX – НАЧАЛА XX ВВ. КАК ИСТОЧНИК ПО ИСТОРИИ КРЫМСКОТАТАРСКОЙ РЕЛИГИОЗНО-СУФИЙСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

У статті аналізуються матеріали низки біобібліографічних праць турецьких дослідників кінця XIX – початку XX ст. на предмет відомостей, що стосуються історії кримськотатарської релігійно-суфійської літератури.

Ключові слова: кримські автори, шейх, тарікат, релігійно-суфійська поезія, суфійський трактат.

В статье анализируются материалы ряда библиографических трудов турецких исследователей конца XIX – начала XX вв. на предмет сведений, касающихся истории крымскотатарской религиозно-суфийской литературы.

Ключевые слова: крымские авторы, шейх, тарикат, религиозно-суфийская поэзия, суфийский трактат.

The article focuses on the analysis of a number biobibliographical research of Turkish scholars of the end of XIX – beginning of the XX-th centuries containing data relating to the history of Crimean Tatar religious-sufi literature.

Key words: the Crimean authors, sheik, tarikat, religious-sufi poetry, sufi treatises.

Постановка проблеми. Крымская (крымскотатарская) религиозно-суфийская литература (под последней подразумевается прежде всего поэзия, а также некоторые разновидности религиозно-суфийской прозы) продолжает оставаться малоисследованной областью тюркологии в целом, и литературоведения в частности. Достаточно сказать, что до настоящего времени продолжает отсутствовать серьезное монографическое исследование по данной теме.

Однако изучение вопроса все же имеет свою историю. В этом отношении особого внимания заслуживают турецкие библиографические и историографические исследования, опубликованные в конце XIX – начале XX вв. Речь идет прежде всего о достаточно известных трудах М. Т. Бурсалы и М. Сюрейя, содержащие весьма ценные сведения о литературном процессе в Крыму в период XIV–XIX вв.

Анализ литературы. Труды, исследуемые ниже, долгое время были практически неизвестными в крымскотатарском литературоведении. Лишь в последние годы, будучи опубликованными в Турции в латинской графике, они стали активно использоваться как турецкими, так и крымскотатарскими исследователями. Впрочем, серьезному монографическому исследованию на предмет истории крымскотатарской литературы они не были подвергнуты и поныне. Исключением может служить лишь одна из наших ста-

тей, посвященная личности М. Т. Бурсалы и его произведению «Крымские авторы османского периода» [1]. В контексте непосредственно истории крымскотатарской религиозно-суфийской литературы данные труды не исследовались во все.

Последнее, а именно необходимость проанализировать наиболее важные образцы турецкой био-библиографии начала XX в. на предмет сведений, касающихся крымскотатарской религиозно-суфийской литературы ханского и последующего периодов, стало **целью** данной **статьи**.

Изложение основного материала. Начало изучения крымскотатарской религиозно-суфийской литературы в османском и турецком литературоведении было положено в общем контексте изучения всей средневековой крымскотатарской литературы – в качестве одной из, своего рода, региональных литератур османского ареала. Датируются эти исследования самым началом 1900-х гг., при этом их результаты сразу же становились объектом внимания и крымскотатарских исследователей.

Первой публикацией, в которой крымскотатарской религиозно-суфийской литературе было уделено особое внимание, был труд известного османского библиографа М. Т. Бурсалы (1861–1925) «Крымские авторы османского периода» («İdare-i Osmâniyye Zamanında Yetişen Kırım

Mü'ellifleri»), завершённый в 1916 г. и впервые опубликованный в Стамбуле в 1918–1919 гг. в журнале крымскотатарской диаспоры «Qırım Mestuası» [2]. Чуть позже, в том же 1919 г., материал вышел и отдельным изданием [3].

Публикация представляла собой своего рода региональную выборку из основного, фундаментального библиографического труда «Османские авторы» («Osmanlı Mü'ellifleri»), над которым М. Т. Бурсалы работал в течение всей своей жизни, завершив в 1914 году и опубликовав в трех томах (в 1915, 1920–22, 1924 гг.) в Стамбуле [4]. Этот труд содержал краткие очерки о 1691 авторе периода XIII–XIX вв.

Заметим, что многие материалы этого капитального труда, судя по всему, несколько ранее были опубликованы под названием «Османские деятели духовности и просвещения» («Osmanlı Erbâb-ı Kemâl ve Maârifî») [5, с. 221]. Именно этими материалами воспользовался впоследствии известный крымскотатарский общественный деятель и прозаик А. Ильми при издании в 1909 г. в Стамбуле популярного труда по истории династии крымских ханов «Розовый куст ханов» («Gülbün-i Hânân») Халим Герай султана [6]. А. Ильми поместил в «Приложении» (Lâhika) к труду ряд очерков о средневековых крымских авторах, взятых у Бурсалы, в том числе и представителях религиозно-суфийского направления [5, с. 221–228].

«Крымские авторы» представляют собой труд, содержащий 44 кратких библиографических очерка о 50 крымских и крымского происхождения османских авторах периода конца XIII – конца XIX вв. Все авторы объединены в шесть разделов, сведения по интересующей нас проблематике содержатся в первых четырёх из них.

В главе «Шейхи» («Meşâiḥ»), традиционно открывающей подобного рода османские справочные труды, М. Т. Бурсалы помещает шесть очерков, посвященных восьми крымским шейхам периода XVI–XIX вв.: известному наставнику братства хальветийе «Татарскому шейху» Ибрахиму (ум. 1001/1592-93), его сыну, одно время Кефинскому муфтию, Афифеддину Абдуллах (2 пол. XVI – XVII вв.), халифу известного османского шейха Эдирнели Хасана Сезайи – Мухаммеду Факри (XVIII в.), известному духовному наставнику тариката кадирийе Селиму Баба (ум. 1170/1756-57), шейху братства хальветийе Хайдер-заде Мухаммеду Фейзи (ум. 1055/1645-46), еще одному шейху-хальвети Хамиду Би-нева (ум. 1185/1771-72), шейхам-накшибенди Татар Ахмеду (ум. 1156/1743-44) и Хиджаби Абдульбаки (ум. 1238/1822-23), – с указанием кратких биографических сведений об

авторах, сведений об известных их произведениях, сведений об источниках, оригиналах и списках рукописей, их языке, месте нахождения, изданиях и т. п. [7, с. 9–12].

Давая сведения о творчестве того или иного автора-шейха, Бурсалы акцентирует внимание, прежде всего, на их суфийских трактатах. В общей сложности, у восьми авторов отмечено 21 название произведений самых различных жанров религиозно-суфийской прозы, включая и переводы классических суфийских произведений с арабского и персидского языков на османский.

Из этого наследия ко времени написания труда Бурсалы было опубликовано лишь одно произведение Хамида Би-нева, остальные, в том числе и в виде авторских списков, хранились в различных турецких собраниях или же лишь упоминались в различных библиографических и исторических источниках.

Наличие поэтических произведений отмечено у двух авторов – шейха Афифеддина б. Абдуллах (поэтический псевдоним «Афифи») и автора двух суфийских трактатов шейха Селима Баба. У последнего указано на присутствие стихов в жанре «иляхи» в одном из трактатов, а также, в виде образца творчества, даны два двустишия из другого трактата [7, с. 10–11].

Помимо произведений на суфийские темы, Бурсалы отмечает принадлежность перу крымских шейхов и ряда трактатов по филологии и истории.

В главе «Ученые» («Ulemâ») в пятнадцати очерках упомянуто восемнадцать имен. Из них приведения на суфийские темы указаны у трех авторов: известного ученого-мудерриса Мевляна Сеййид Ахмеда б. Абдуллах (Мевляна-и Кырыми, ум. 879/1474-75), муллы и поэта Хусейина Кефеве (ум. 1010/1601-02), выдающегося османского просветителя крымского происхождения, ученого, поэта и переводчика Ферруха Исмаила (ум. 1256/1840-41). Среди произведений – поэзия, поэтические переводы (с фарси), трактаты по различным отраслям исламских наук (тефсир, хадис) и суфизма (в том числе комментарии), а также филологии [7, с. 13–20].

В главе «Поэты» («Şuarâ») присутствует семь очерков (из пятнадцати), имеющих непосредственное отношение к теме [7, с. 21–31]. Авторов можно разделить на две группы. В первую входят непосредственно поэты-суфии – представители «поэзии текке» («поэзии суфийской обители»): поэт-мевлеви Кефевий Мухаммед Шефик Деде (ум. 1082/1671-72) и гульшени-мевлеви Абдульбаки Бекайи-и Кефеве (ум. 1000/1591-92). Во вторую – представители поэзии дивана, в творчестве которых присутству-

ют религиозно-суфийские мотивы, причем часть из них известна своим членством в том или ином суфийском тарикате. Это член тариката мевлеви, обладатель «Дивана» Фазыл Мухаммед (ум. 1300/1882-83), известный османский государственный деятель, также член братства мевлеви, обладатель «Диванче» Абдуллах Рамиз (ум. 1226/1811, «Диванче» опубл. в Стамбуле в 1263/1846-47 г.), а также три члена правящей династии – известный крымский хан Гази Герай II (ум. 1016/1607-08), историк, обладатель «Дивана» Халим Герай (ум. 1239/1823-24) и его сын Шахбаз (ум. 1252/1836-37).

По каждому автору, помимо кратких био-библиографических данных, присутствуют фрагменты творчества, практически все – достаточно яркие образцы именно религиозно-суфийской лирики.

По данной главе добавим также, что, исходя из присутствия в очерках некоторых дополнительных сведений (образование, род занятий, отдельные произведения того или иного автора), можно с большой долей уверенности предположить весомое наличие суфийских мотивов в творчестве еще целого ряда поэтов, а именно: крымского хана Резми Бахадыр Герая (ум. 1050/1640-41), литератора Мехмеда Нузета (ум. 1304/1886-87), кадиев Шерифа (XVIII в.) и Лутфи (ум. 1110/1698-99), обладателя «Дивана» Эбубекира Рифата (XIX в.).

Интересующих нас авторов находим и в главе «Историки» («Müverrihin») [7, с. 32–35]. Из шести авторов у четырех, помимо непосредственно исторических произведений, отмечены трактаты по различным отраслям религиозных (исламских) наук или же поэтические произведения. Это специалист по фикху и поэт, муфтий Кефе Шериф Муса (XVII в.), автор ряда религиозных трактатов, в том числе широкоизвестного био-библиографического справочника по специалистам фикха, и поэт Махмуд б. Сулейман Кефеви (ум. 997/1588-89), официальный историкограф Османской империи (vak'a-nüvis) и обладатель «Диванче», уроженец Бахчисарая Мустафа Рахми (ум. 1164/1850-51) и еще один автор ряда произведений по различным отраслям религиозных наук Абдульгаффар б. Хасан (XVIII в.). Добавим, что нет никаких оснований не ожидать религиозно-суфийских мотивов в поэтическом творчестве еще одного историка – обладателя «Дивана», секретаря Государственного совета (Диван-ы Хумаюн), бахчисарайца Хасана Веджихи (ум. 1081/1670-71) [7, с. 32–33].

Заключительные две главы труда Бурсалы посвящены авторитетным ученым в областях медицины и точных наук и в нашем контексте интереса не представляют.

Оценивая труд Бурсалы, необходимо отметить, что он является первым системным исследованием в области литературного и научного творчества крымскотатарских средневековых авторов. При этом обращает на себя внимание тот факт, что у Бурсалы упоминаются главным образом те авторы, которые своей биографией так или иначе были связаны со Стамбулом или с другими центрами Османского государства. Причем, в основном, сведения относятся лишь к «турецкому» (османскому) периоду их жизни и деятельности. В этой связи нельзя не отметить, что в настоящее время известны многочисленные факты и крымского периода жизни и деятельности многих из этих авторов.

Труд Бурсалы вызвал живой интерес в Турции – как среди турецких исследователей, так и среди представителей крымскотатарской диаспоры. И те, и другие будут неоднократно обращаться к нему и впоследствии. До последнего времени произведение «Крымские авторы» остается наиболее серьезным изданием, содержащим наибольший перечень имен представителей крымскотатарской литературы соответствующего периода, а также наиболее значимым источником непосредственно по религиозно-суфийской литературе. Весьма ценными являются краткие аннотации произведений, а также фрагменты поэтического творчества отдельных авторов-поэтов.

Не может не обратить внимания весомость суфийской составляющей в биографиях и творчестве авторов, ставших предметом исследования Бурсалы. Из 50 авторов отношение к суфизму отмечено у 18, у 11 из них указаны трактаты по суфийской проблематике (около 30 названий). Наличие соответствующих поэтических произведений отмечено у 12 авторов.

Весьма обширен жанровый состав этого наследия, представленный как образцами оригинальной поэзии, так и переводами классических поэтических произведений (Руми, Шибустери, Саади, Хафиз) и комментариями к ним, а также образцами религиозно-суфийской прозы.

Добавим, что и сам М. Т. Бурсалы не был чужд суфийских идей, будучи членом тариката накшибендийе и посвятив значительную часть своих трудов именно представителям суфизма и суфийской литературы [7, с. 5–6].

В советский период в среде исследователей крымскотатарской литературы труд Бурсалы был, надо полагать, малоизвестен, во всяком случае, ссылок на него мы не встречаем. В 1990 г. «Крымские авторы» были переизданы латиницей в Анкаре [7] и с этого периода активизировались исследования, связанные с данным произведением.

В заключение нельзя не сказать и о том, что в настоящее время объем известной информации практически по всем авторам и, в частности, связанной с суфийской проблематикой, значительно увеличился. Так, говоря о главе «Шейхи», в настоящее время стало известно о поэтическом творчестве еще, по меньшей мере, четырех духовных наставников – Ибрахима б. Акмехмеда, Мехмеда Факри, Хайдер-заде Мехмеда Фейзи, Хаида Би-нева.

В труде по непонятным причинам не указаны многие другие крымские шейхи-авторы, о существовании которых было доподлинно известно. Например, несколько странным кажется отсутствие сына шейха Афифедина (и внука Ибрахима б. Акмехмеда), также шейха-поэта Абдулазиза эфенди (ум. 1691 (?), псевдоним «Иззи»).

В главе «Поэты» присутствует еще два имени, о которых в суфийском ключе не говорится, однако, принимая во внимание имеющиеся на сегодня данные об их приверженности суфизму, можно с большой долей уверенности предположить присутствие суфийских мотивов и в их творчестве. Речь идет о крымских ханах-поэтах Селиме Герае I (ум. 1116/1704) и Менгли Герае II (ум. 1152/1739-40) [8, с. 188].

Из помещенных в главу «Историки», в настоящее время стали известны образцы суфийской лирики у Мустафы Рахми [9, с. 196–198], как о поэте стало известно об Абдулгафаре б. Хасане (псевдоним «Гафури») [10, с. 86].

Наконец, в исследование не вошло имя легендарного крымского поэта, одного из наиболее известных представителей ашыкской поэзии, религиозная лирика которого издавна привлекала пристальное внимание, – Ашык Омера (ум. 1119/1707-08). Тем более что имя ашыка присутствует в «Османских авторах». Объясняется это тем, что библиограф считал его уроженцем Коньи, в «Османских авторах» повторив, судя по всему, долгое время бытовавшее мнение об анатолийском происхождении ашыка [11, с. 253].

Говоря о труде М. Т. Бурсалы, необходимо упомянуть и о, во многом, аналогичном труде еще одного известного османского библиографа Мехмеда Сюрейя (1845–1909) под названием «Реестр османских знаменитостей» («Sicill-i Osmani»), являющимся, по сути, энциклопедией, содержащей краткие библиографические сведения о 17000 османских деятелях культуры, политики, общественной жизни всей предшествующей истории Османского государства. Труд не является исследованием по Крыму, однако, будучи чрезвычайно содержательным справочным пособием, в случае аналогич-

ной М. Т. Бурсалы «выборке» крымских персоналий, был бы весьма важным подспорьем и для исследователей истории Крыма.

Являясь наиболее поздним и исчерпывающим образцом своего жанра, труд был написан и опубликован в четырех томах, в общей сложности на 2420 страницах, в период с 1890-91 по 1899 г. в Стамбуле [12]. Как видим, он был опубликован ранее произведения Бурсалы, однако, как показывают исследования, не был источником для последнего, да и направленность (цель) работы Бурсалы была несколько иной. В сокращенном варианте был переиздан в 1971 г. в Англии, и в латинской графике (перевод на современный турецкий язык) в 1996 в Стамбуле [13].

По сравнению с Бурсалы, в энциклопедию имен Сюрейя включены не только «авторы», но и все известные представители османской общественно-политической жизни, культуры, науки и т. д. практически всего периода существования Империи. Помимо этого, труд не содержит анализа творческой индивидуальности и не включает фрагментов творчества того или иного автора, привлекая интерес, таким образом, лишь краткими библиографическими сведениями.

«Сиджилл-и Османи» содержат сведения, по меньшей мере, о 300 крымцах, в том числе, 27 поэтах, более 20 шейхах и известных богословах и т. д. В контексте нашего исследования интерес вызвали 19 персоналий. Большинство из них присутствуют и у Бурсалы (Бекайи, Ибрахим б. Акмехмед, Афифи, Халим, Фазыл и др.), однако встречаем и целый ряд новых имен. Из них особое внимание привлекли личности четырех поэтов: шейха Абдулазиза (ум. 1694/95 ?) [13, с. 55], автора «широкоизвестных иляхи» шейха Дервиша эфенди (ум. 1735) [13, с. 411], анатолийского кадьяскера и каллиграфа Мехмеда Ляйых (ум. 1746) [13, с. 900], кефинского шейха Фейзи эфенди (ум. 1616) [13, с. 527]. Сразу заметим, что спустя десятилетия после написания труда можно констатировать относительную известность лишь шейха Абдулазиза, остальные трое и сейчас остаются практически неизвестными авторами.

Говоря о труде Сюрейя, необходимо отметить и то обстоятельство, что в этом поистине колоссальном справочном издании можно встретить, помимо собственно крымских авторов, и десятки имен османской элиты, имевшей отношение к Крыму. В том числе и значительное число османских поэтов, историков и ученых-богословов, в разное время посещавших Крым или же годами живших (служивших) здесь.

В контексте нашего исследования изучение их творчества и обстоятельств пребывания в Крыму могло бы помочь более глубоко и в подробностях представить ту духовно-интеллектуальную и художественную среду, которая питала и способствовала развитию литературы Крыма, в том числе и религиозно-суфийской.

Как и труд Бурсалы, справочник Сурейя в СССР для исследователей литературы средневекового Крыма, был, надо полагать, также неизвестен – во всяком случае, он не упоминается ни в одном из известных советских источников по истории крымскотатарской средневековой литературы.

Еще одним исследованием ознакомительно-го характера этого периода является статья Шерафеддина «Тюркские ученые крымского происхождения» («Kırım'dan Yetişen Türk Alimleri»), опубликованная в 1918 г. в Стамбуле в журнале «Yeni Mecmuası» [14].

Статья состоит из вступления и семи очерков о крымских ученых XIV–XVI вв. Во вступлении содержится краткое описание состояния науки и просвещения в Крыму, начиная со времен Золотой Орды. Со ссылкой на «Шакайык-ы Нумание» Ташкёпризаде (XVI в.) исследователь, в частности, приводит содержание интересного диалога, имевшего место между крымским ученым Сейид Ахмедом б. Абдуллах (см. выше) и знаменитым турецким султаном Мехмедом II «Фатихом» о состоянии науки и причинах общественно-политического кризиса в Крыму и Золотой Орде в целом. В беседе фигурируют цифры «600 муфти (религиозных авторитетов) и 300 мусанниф (авторов)», живших в «Крымской стране» (под последней, надо полагать, подразумевается вся Золотая Орда) [15, с. 11–12]. Цифры, пусть даже и, возможно, преувеличенные, достаточно ярко свидетельствуют о значительном интеллектуальном и литературном подъеме, имевшем место в описываемый период на обширных просторах Дешт-и Кипчака.

К слову, в статье Шерафеддина не передано полное содержание вышеуказанной весьма поучительной беседы. Из труда Ташкёпризаде можно узнать об ответе крымского ученого на вопрос Фатиха о причинах кризиса в «Крымской стране». Причина эта, по словам Сейид Ахмеда Кырыми, кроется в неуважительном отношении власти (в разговоре речь идет о некоем министре) к представителям науки, которые суть «душа и сердце общества» и от которых зависит «благосостояние всего государства» [16, с. 101–102]. Ответ ученого ярко свидетельствует об уровне понимания представителями интеллектуальной элиты средневекового Крыма исключительной важности науки и научного творчества для ста-

бильного существования и развития общества и государства.

Здесь же, во вступлении, Шерафеддин приводит имена известных ученых-богословов, юристов (факих) и т. п., живших в Золотой Орде, а также упоминает ряд крымских религиозных авторитетов (Шемседдин Саили, Хызыр, Аляэддин-и Лями, Эбубекир, Музаффереддин, Садеддин, Шерафеддин), с которыми в 1332/33 г. встречался в Крыму известный арабский путешественник Ибн Баттута [15, с. 12].

Далее следуют семь очерков об ученых XIV–XVI вв. Из них трое, а именно Зияэддин б. Садуллах, Неджмеддин Исхак и Бурханеддин Ибрахим, получившие известность в XIV–XV вв. в Египте и не являющиеся османскими, отсутствуют в трудах Бурсалы и Сурейя. В сравнении с предыдущими трудами, очерки более подробны и, в частности, содержат некоторые ценные сведения литературоведческого характера по целому ряду персоналий.

Так, интерес вызывает личность Зияэдина б. Садуллаха (ум. 1378/79, Каир), преподававшего в наиболее известных медресе Каира и удостоившегося почетного звания «шейха шейхов» (шейх-уш-шуйух). Шерафеддин пишет и о поэтических способностях ученого, в частности, приводит два двустишия его авторства на арабском языке [15, с. 13].

В очерке, посвященном «Татарскому шейху» Ибрахиму эфенди (ум. 1592/93) приведен тарих (хронограмма) на смерть шейха, составленный его сыном, также поэтом шейхом Афифедином [15, с. 17].

В связи с Сейид Ахмедом б. Абдуллах, со ссылкой на «Шакайык», присутствует интересное указание о пожертвовании им (вакф) «бесчисленного количества книг» для нужд ученых Стамбула [15, с. 16].

Говоря о ценности исследования Шерафеддина, отметим, что, помимо интересных подробностей и достаточно содержательных очерков, данная статья была одним из первых известных на сегодня опытов освещения интеллектуальной жизни в Крыму в относительно целостном виде и, к тому же, хронологическом порядке. Статья была переиздана в 1995 г. в журнале крымскотатарской диаспоры «Emel» [15].

Для полноты картины по этому периоду можно было бы добавить и некоторые материалы по отдельным персоналиям, в частности, две статьи Али Эмири, опубликованные в «Kırım Mecmuası» в 1918 г. [17; 18] (переизданы в журнале «Emel» в 1995 г. [19; 20]), в которых автор касается личности Мевляна Сейид Ахмеда б. Абдуллах. Здесь присутствует информация, в

частности, о поэтическом творчестве ученого и даны короткие его образцы [19, с. 12–13; 20, с. 26].

Выводы. Оценивая материалы библиографических исследований османских авторов конца XIX – начала XX вв., отметим, что они явились первыми попытками относительно системного освещения научных и литературных процессов, имевших отношения к Крыму в период XIV–XIX вв., при этом в них присутствуют весьма ценные сведения, касающиеся крымской религиозно-суфийской литературы указанного периода. Источниками этих работ служили известные библиографические труды, главным образом, османских авторов. Характерной особенностью исследований является внимание к персоналиям, подолгу жившим и получившим известность за пределами Крыма. Материалы содержат сведения общеисторического характера, целью авторов было дать представление о развитии научного знания, мистицизма (суфизма) и литературы в Крыму, а также познакомить с рядом известных в масштабе всей османской культуры учеными, духовными наставниками, поэтами и литераторами крымского происхождения.

Говоря о литературоведческом аспекте темы, отметим достаточно представительный ряд (более двух десятков имен) авторов различного рода поэтических произведений, а также трактатов по тем или иным аспектам суфийской теории и практики, отмеченных авторами представленных выше трудов. Все это наследие, вошедшее в сокровищницу одного из трех основных направлений средневековой крымскотатарской литературы – религиозно-суфийского – в последние годы стало объектом активного изучения и популяризации, и в настоящее время значительное количество текстов, отмеченных Бурсалы, Сюрейя, Шерафедином и Эмири, уже стало достоянием не только специалистов-литературоведов, но и рядовых читателей.

Не может не обратить на себя внимания время публикаций – 1918 год. Именно в это время в Турции вырос интерес к Крыму и крымским авторам. Это объясняется всплеском общественно-политической активности в самом Крыму, в так называемый «период Курултая» – общенационального съезда крымских татар, объявившего о создании Крымской демократической Республики (декабрь 1917 г.).

ЛИТЕРАТУРА

1. Abdülvahap N. Bursalı Mehmet Tahir (1861–1925) ve kendisinin «Osmanlılar Zamanında Yetişken Kıırım Mü'ellifleri» eseri / Nariman Abdülvahap // Günsel. – 1999. – № 1. – S. 7–10.

2. Bursalı M. T. İdâre-i Osmâniyye Zamanında Yetişen Kıırım Mü'ellifleri / Mehmet Tahir Bursalı // Kıırım Mecmuası. № 16. – İstanbul, 1918. – S. 288–292; № 17. – İstanbul, 1919. – S. 302–309.
3. Bursalı M. T. İdâre-i Osmâniyye Zamanında Yetişen Kıırım Mü'ellifleri / Mehmet Tahir Bursalı. – İstanbul : Matbaa-yı Orhaniyye, 1919.
4. Bursalı M. T. Osmanlı Mü'ellifleri / Mehmet Tahir Bursalı. – C. I–III. – İstanbul, 1915, 1920–22, 1924.
5. Halim Giray Sultan. Gülbün-i Hânân yahud Kıırım Tarihi / Halim Giray Sultan ; haz. : M. Sadi Çögenli, R. Toparlı (Kırımlı Arifzade A. Hilminin nüshasının tıpkıbasımı). – Erzurum, 1990.
6. Halim Giray Sultan. Gülbün-i Hânân yahud Kıırım Tarihi / Halim Giray Sultan ; haz. : Kırımlı Arifzade A. Hilmi. – İstanbul, 1327/1909. – 232 s.
7. Bursalı M. T. Osmanlılar Zamanında Yetişen Kıırım Mü'ellifleri / Mehmet Tahir Bursalı ; haz. : Mehmet Sarı. – Ankara, 1990. – 64 s.
8. Абдульвапов Н. Актуальные проблемы изучения истории суфизма в Крыму / Нариман Абдульвапов // Ученые записки Таврического национального университета. Серия «Филология». – Симферополь, 2005. – Т. 18 (57). – № 3. – С. 179–192.
9. Osmanlı Dönemi Kıırım Edebiyatı / haz. : C. Kurnaz, H. Çeltik. – Ankara, 2000. – 413 s.
10. Сейитяхья Н. Къырым диван эдебиятынынъ муэллифлери ве эсас хусусиетлери: умумий бакъыш / Нариман Сейитяхья // Ылдыз. – 2004. – № 4. – С. 65–105.
11. Köprülü F. Türk Saz Şairleri. II. Aşık Ömer / F. Köprülü. – Ankara, 1962. – S. 253–377.
12. Süreyya M. Sicill-i Osmâni yahud Tezkire-i Meşâhiri-i Osmâniye / Mehmed Süreyya. – C. I–IV. – İstanbul : Matbaa-i Amire, 1890/91–1899.
13. Süreyya M. Sicill-i Osmani. Osmanlı Ünlüleri / Mehmed Süreyya. – C. I–VI / yayına hazırlayan : Nuri Akbayar ; eski yazidan aktaran : Seyit Ali Kahraman. – İstanbul, 1996.
14. Şerafeddin. Kıırımdan Yetişen Türk Alimleri / Şerafeddin // Yeni Mecmua (İstanbul). – 1918. – № 44. – S. 353–355.
15. Şerafeddin. Kıırımdan yetişen türk alimleri / Şerafeddin ; haz. : İsmail Akçay // Emel. – 1994 (Temmuz-Ağustos). – Sayı: 203. – S. 14–15.
16. Mecdi Mehmed Efendi. Hadâiku'ş-Şakâik / Şakâik-ı Numâniye ve Zeyilleri / neşre hazırlayan : A. Özcan. – C. I–V. – İstanbul, 1989. – C. I. – 528+41 s.
17. Emiri A. Kıırım Edebiyatı ve Fâtih Sultân Mehmed Han Hazretleriyle Vükelâ ve Vüzerâ ve Ulemâ ve Şuarâsının Mevlânâ-yı Kıırımı Hazretleriyle Müşâareleri / Ali Emiri // Osmanlı Târih ve Edebiyât Mecmuası (İstanbul). – 1334/1918. – № 3. – S. 49–52.
18. Emiri A. Kıırım / Ali Emiri // Osmanlı Târih ve Edebiyât Mecmuası (İstanbul). – 1334/1918. – № 3. – S. 41–49.
19. Emiri A. Kıırım Edebiyatı ve Fatih Sultan Mehmed Han Hazretleriyle Vükelâ ve Vüzerâ ve Ulemâ ve Şuarâsının Mevlânâ-yı Kıırımı Hazretleriyle Müşâareleri / Ali Emiri ; haz. : I. Akçay // Emel. – 1995 (Kasım-Aralık). – Sayı: 211. – S. 11–14.
20. Emiri A. Kıırım / Ali Emiri ; haz. : I. Akçay // Emel. – 1995 (Eylül-Ekim). – Sayı: 210. – S. 23–28.

ОБРАЗ ЧАЦКОГО В РУССКОЙ КРИТИКЕ

В статье дается анализ разных точек зрения в русской критике на художественный образ Чацкого. Определяются тенденции интерпретации героя с позиций его роли в комедии.

Ключевые слова: комедия, художественный образ, критика, критическая интерпретация.

У статті дається аналіз різних точок зору в російській критиці на художній образ Чацького. Визначаються тенденції інтерпретації героя з позицій його ролі в комедії.

Ключові слова: комедія, художній образ, критика, критична інтерпретація.

The article is devoted to the analyze of different points of view, which are given in Russian criticism on the image of Chatskij. The tendencies of interpretation of hero from positions of his role in a comedy are concerned.

Key words: comedy, image, criticism, critical interpretation.

Постановка проблемы. 20-е годы XIX века ознаменовались выходом первой самобытной русской комедии А. С. Грибоедова «Горе от ума». Произведение всколыхнуло как литературу, так и критику своей новизной и неординарностью. И хотя первая публикация комедии осуществилась лишь в 1825 году, критические мнения о ней начали высказываться значительно раньше. История толкования комедии А. С. Грибоедова свидетельствует о том, что это одно из сложнейших произведений русской литературы, требующее дальнейших изысканий.

Анализ публикаций. В исследованиях литературоведов и критиков вопросам оценки творчества А. С. Грибоедова уделено немало внимания [1–6]. Огромный художественный потенциал комедии, различное отношение в разные исторические периоды к ее персонажам, особенностям языка породило целую библиотеку критических работ. Внимание исследователей привлекали различные аспекты восприятия пьесы [7; 8].

Цель предлагаемой статьи – определить основные приоритеты в трактовке русскими критиками образа Чацкого.

Изложение основного материала. Первое печатное высказывание о комедии вышло сразу же после публикации в «Русской Талии» отрывков пьесы. Это был хвалебный отзыв Н. Полевого на страницах только что создаваемого журнала «Телеграф» в 1825 г. Основное внимание критик уделил трактовке образа Чацкого как основного героя произведения, утверждая, что тот «не идеал, а человек, каким, может быть, чувствовал себя Грибоедов» [1, с. 167]. Н. Полевой считал героя человеком, наделенным огненными страстями, пылким, гордым, стремящимся к высокому, прекрасному, но не достигающему ничего.

Критик Мих. Дмитриев весьма осторожно высказался о пьесе. Автор сознательно опреде-

лил рамки своего выступления: он не хочет говорить о комедии, аргументируя это тем, что ему известен лишь отрывок из нее (единственный, допущенный официальной печатью), однако по этому же отрывку он готов судить о характере главного героя – Чацкого: «г. Грибоедов хотел представить умного и образованного человека, который не нравится обществу необразованных. Если бы комик исполнил сию мысль, то характер Чацкого был бы занимателен, окружающие его – лица смешны, а вся картина забавна и поучительна!» [1, с. 237].

П. А. Вяземский негативен в своих высказываниях о Чацком и его взаимоотношениях с обществом Москвы, называет его то Дон Кихотом, расточающим свои удары на воздух и не имеющим достойного противника, то тем же Репетиловым, «только из другого лагеря», на основании того, что Чацкий, так же, как и Репетилов, лишь говорит, как бы он действовал в тех или иных обстоятельствах или как бы он решил тот или иной вопрос, не совершая при этом ни одного поступка, а «известно, что слова не всегда соответствуют поступкам и действиям человека» [1, с. 239]. Чацкому, с точки зрения критика, не хватает действенности в желании что-либо изменить, а отсюда видятся и все проблемы героя. П. А. Вяземский считает, что Чацкий смешон и жалок именно потому, что влюбился в бездушную и бессовестную особу, которой не нужен порыв влюбленности. Чацкий глуп уже потому, что не осознает тех изменений, которые произошли в Софье.

В статье О. М. Сомова «Мои мысли о замечаниях г. Мих. Дмитриева на комедию «Горе от ума» и о характере Чацкого» мы наблюдаем иной подход к образу Чацкого. Автор воспринимал персонаж как истинно романтического героя: «г. Грибоедов, сколько мог я постигнуть цель его, вовсе не имел намерения выставлять в Чацком лицо идеальное: зрело судя об истории

драматического, он знал, что существа заоблачные, образцы совершенства, нравятся нам как мечты воображения, но не оставляют в нас впечатлений долговременных и не привязывают нас к себе» [1, с. 21]. По мнению критика, Чацкий, безусловно, и сам понимает, что расточает слова впустую, но в силу своего пылкого характера сдержаться просто не в силах, и слова против его воли вырываются наружу. Критики неоднократно указывали, что Чацкий, безусловно, патриот, и именно поэтому он горячо и пылко судит то общество, в котором волей-неволей оказывается. Этой же точки зрения придерживается О. М. Сомов: «Чацкий и прежде, и после путешествия питает пламенную любовь к родине, уважение к народу и только сердится и негодует на грубую закостенелость, жалкие предрассудки и смешную страсть подражания чужеземцам» [1, с. 25].

Общеизвестно мнение А. С. Пушкина, высказанное в письме к А. А. Бестужеву в конце января 1825 г., в котором он отказывает Чацкому в уме, поскольку тот расплывается перед обществом людей, не понимающих его: «В комедии «Горе от ума» кто умное действующее лицо? Ответ: Грибоедов. А знаешь ли, что такое Чацкий? Пылкий, благородный и добрый малый, прошедший несколько времени с очень умным человеком (именно с Грибоедовым) и напитавшийся его мыслями, остротами и сатирическими замечаниями. Все, что говорит он, очень умно. Но кому говорит он все это? Фамусову? Скалозубу? На бале московским бабушкам? Молчалину? Это непростительно. Первый признак умного человека – с первого взгляду знать, с кем имеешь дело, и не метать бисера перед Репетиловым и тому под.» [1, с. 96–97].

Критика 20–30 годов XIX в., отмеченная борьбой сторонников и противников романтического направления в литературе, также не была однозначна в оценке комедии А. С. Грибоедова. Антагонист К. А. Полевого Н. И. Надеждин, который резко отрицал романтизм и выступал за борьбу с ним, пишет: «Из всех лиц комедии Чацкий менее всех имеет положительной истины. Это не столько живой портрет, сколько идеальное создание Грибоедова, выпущенное им на сцену действительной жизни для того, чтобы быть органом собственного образа мыслей и истолкователем смысла комедии. Грибоедов дал ему светлый, возвышенный взгляд, пылкое, благородное чувство, но растворил его душу и язык желчью едкости, не достигающей до байроновской мизантропии и между тем возвышающейся над паркетным цинизмом Репетиловых. Это род Чайльд-Гарольдов гостиных!» [1, с. 65]. Таким образом, Н. И. Надеждин трактует героя как не-

кое «идеальное» лицо, не умеющее себя проявить сколько-нибудь действенно.

Неоднозначен в своих высказываниях об образах комедии А. С. Грибоедова В. Г. Белинский, по-разному относящийся к ней в различные периоды своей жизни. Так, в статье «"Горе от ума". Комедия в 4-х действиях, в стихах. Сочинение А. С. Грибоедова», написанной в 1839 г., критик резко осуждает поведение Чацкого как недопустимое для светского, воспитанного человека. После трехлетней разлуки единственно возможным для себя Чацкий избирает обличение того общества, к которому принадлежит любимая им девушка. Кроме того, герой не может вовремя понять отношения Софьи с Молчалиным, там самым выставляя себя в финале в смешном виде.

Однако при всем этом В. Г. Белинский признает необходимость образа Чацкого как выразителя мыслей и чувств автора: «оттого-то и сам Чацкий какой-то образ без лица, призрак, фантом, что-то небывалое и неестественное. Но как не художественно созданное лицо комедии, а выражение мыслей и чувств самого автора, хотя и некстати, странно и дико вмешавшееся в комедию, сам Чацкий представляется уже с другой точки зрения» [1, с. 241].

Отстаивает право Чацкого на гражданскую позицию Н. И. Огарев, говоря о том, что как живое лицо он вполне может иметь гражданский образ мыслей и высказывать их там, где считает необходимым: «Энтузиазм во все эпохи и у всех народов не любил утаивать своих убеждений, и едва ли нам можно возразить, что Чацкий не принадлежит к тайному обществу и не стоит в рядах энтузиастов; Чацкий чувствует себя самостоятельным врагом порядка вещей своего времени, он высказывает свои убеждения Фамусову, потому что они оскорбляют Фамусова, а ему надо оскорблять Фамусова, – и тогда дело становится не только исторически верным, но и лично для Чацкого естественным» [1, с. 101].

Интересно мнение о комедии Н. А. Добролюбова, который в статье «Предубеждение, или не место красит человека, человек – место» говорит о том, что все лица, изображенные у Грибоедова, тупы и нелепы, поэтому там выведен «в придачу» к ним идеальный герой Чацкий: «Вспомните, как тупы и нелепы все комические лица у Грибоедова и даже Фонвизина. Правда, им в придачу выводились иногда в комедиях и идеальные лица; но выводились именно только в придачу. Они играли роль греческого хора и обязаны были пояснить недогадливым зрителям, что представленные им глупые лица – действительно глупы. Для этой цели, между прочим, у Грибоедова выведен Чацкий» [1, с. 222].

Попытки подвести итоги этим спорам были осуществлены в критическом этюде И. А. Гончарова «Милльон терзаний». Критик утверждает, что главный герой комедии «Горе от ума» положительно умен, и именно благодаря его образу комедия остается комедией, а не превращается в картину нравов: «Но Чацкий не только умнее всех прочих лиц, он положительно умен. Речь его кипит умом, остроумием. У него есть и сердце, и притом он безукоризненно честен. Словом, это человек не только умный, но и развитой, с чувством, как рекомендует его горничная Лиза, «он чувствителен, весел, остер». Только личное его горе произошло не от одного ума, а более от других причин, где ум его играл страдательную роль. <...> Чацкий начинает новый век – и в этом все его значение и весь ум» [1, с. 111]. Следовательно, И. А. Гончаров видит в Чацком деятельного человека, который довольно серьезно готовился к будущей деятельности: учился, читал, ездил за границу, но который не смог служить в обществе, где принято «прислуживать». Все поступки героя так или иначе связаны с его чувствами к Софье, на борьбу с ложью в проступках Софьи уходят его силы, и именно это явилось поводом к тому «милльону терзаний», который выпал на его долю.

Выводы. А. С. Грибоедов, отказавшись от традиционного разделения героев на положительные и отрицательные, создал такой тип героя, который оказался весьма неоднозначным для понимания. Поэтому в русской критике отмечаются разные тенденции в его трактовке, ос-

новными среди которых являются отождествление персонажа с автором и акцентирование внимания на его романтической сущности, неординарности характера и противопоставленности обществу.

ЛИТЕРАТУРА

1. А. С. Грибоедов в русской критике : сборник статей / [сост., вступ. ст. и примеч. А. М. Гордина]. – М. : Гослитиздат, 1958. – 390 с.
2. Белый А. А. Осмеяние смеха. Взгляд на «Горе от ума» через плечо Пушкина [Электронный ресурс] / А. А. Белый. – Режим доступа : <http://www.white.narod.ru>
3. Коровин В. И. А. С. Грибоедов в жизни и творчестве / В. И. Коровин. – М. : Русское слово, 2003. – 64 с.
4. Лебедев А. А. Грибоедов. Факты и гипотезы / А. А. Лебедев. – М. : Институт русской литературы (Пушкинский дом) РАН, 1980. – 304 с.
5. Мещеряков В. П. Жизнь и деяния Александра Грибоедова / В. П. Мещеряков // Грибоедов А. С. Сочинения в стихах / [вступ. ст. В. П. Мещерякова ; сост., подгот. текста и примеч. Д. М. Климовой]. – Л. : Сов. писатель, 1987. – С. 5–50.
6. Нечкина М. В. А. С. Грибоедов и декабристы / М. В. Нечкина. – [изд. 2]. – М. : Художественная литература, 1982. – 658 с.
7. Мещеряков В. П. А. С. Грибоедов. Литературное окружение и восприятие (19 – нач. 20 века) / В. П. Мещеряков. – Л. : Наука, 1983. – 267 с.
8. Фомичев С. А. Автор «Горя от ума» и читатели комедии / С. А. Фомичев // А. С. Грибоедов: Творчество. Биография. Традиции. – Л. : Искусство, 1977. – С. 11–23.

УДК 821.161.1(477.75)«18/19»

Билык М. П.

«ЗЕМЛЯ – ПОДНОЖИЕ МОЁ...»: ОБРАЗ КРЫМСКИХ ГОР И ПЕРЕВАЛОВ В ТВОРЧЕСТВЕ И. А. БУНИНА

Статья посвящено детальному анализу одного из ключевых образов крымского пейзажу у творцах И. Бунина – образу крымских гор и перевалов, який відіграє особливу роль у філософсько-естетичній концепції письменника.

Ключові слова: образ крымських гор і перевалів, символіка вічності, крымський пейзаж.

Статья посвящена детальному анализу одного из ключевых образов крымского пейзажа в произведениях И. Бунина – образу крымских гор и перевалов, играющему особую роль в философско-эстетической концепции писателя.

Ключевые слова: образ крымских гор и перевалов, символика вечности, крымский пейзаж.

The article is dedicated to detailed analysis of one of the key images of Crimean landscapes in the literary works of I. Bunin – the image of the Crimean mountains and pass, which plays the special role in the philosophical-aesthetics conception of the writer.

Key words: the image of the Crimean mountains and pass, the symbolic of the Eternity, Crimean landscapes.

Постановка проблемы. В последние годы проявляется значительный интерес к творчеству писателей и поэтов, живших или бывавших в

Крыму, для которых прекрасная крымская природа долгие годы служила источником творческого вдохновения.

Анализ литературы. Крым, без преувеличения, явился мощным катализатором в процессе формирования творческих принципов и философской переориентации великого русского писателя И. Бунина. А крымская природа, так отличающаяся от природы среднерусской полосы с её «бескрайней и монотонной равниной и редкими деревянными избами, вызывающими в Бунине тоску» [1, с. 23], не только побудила писателя к написанию нескольких поэтических произведений, как об этом пишут в своих монографиях Ю. Мальцев [1] и О. Михайлов [2], но и, по нашему мнению, изменила его мировосприятие. Впервые увидев море, горы и грандиозную панораму восходящего солнца с Байдарского перевала, И. Бунин задумывается о величии природы и месте в ней человека, что в дальнейшем определяет его мироощущение, которое О. Сливницкая очень точно, на наш взгляд, называет «космическим» [3, с. 53].

На протяжении всей своей жизни И. Бунин будет вспоминать удивительные пейзажи Крыма, центральное место в которых занимает Чёрное море, а крымские горы и перевалы становятся не только важнейшей образной составляющей крымского пейзажа, но и приобретают в творчестве мастера универсальный смысл.

Попытка освещения этой образной составляющей крымского пейзажа в творчестве И. Бунина и является **целью** данной **статьи**. Следует отметить, что подобное исследование в творчестве И. Бунина проводится впервые.

Изложение основного материала. Земля в крымских пейзажах И. Бунина занимает значительное место, хотя и уступает морю, которым «залита» большая часть поэтического пространства «крымских» произведений мастера.

Образ крымской земли следует, на наш взгляд, рассматривать с позиции философии природы И. Бунина, согласно которой мир вечен и имеет божественную сущность, а поверхность мира, включающая в себя человека и всё, что создано его руками, изменчива, подвержена умиранию и переходу в другое качество. Поэтому, описывая города, построенные человеком и имеющие тенденцию изменяться и умирать, И. Бунин будет всегда искать черты ушедшего прошлого, сожалея о нём.

И, напротив, сама земля, горы и перевалы у И. Бунина – это не только элементы прекрасного крымского пейзажа, но и то, что имеет божественную сущность, а поэтому вечно и незыблемо. Писатель пишет об этом так:

*Земля – подножие моё.
Её громада поднимает
Меня в иное бытие,
И душу радость обнимает* [4, т. 1, с. 385].

Образ крымской земли у И. Бунина ассоциируется, прежде всего, с горами и перевалами, которые он впервые увидел во время своего первого короткого путешествия по Крыму в 1889 году. Именно тогда при подъёме на Байдарский перевал И. Бунин впервые испытал неизвестное ему ранее пьянящее чувство высоты. С тех пор писатель во время своих путешествий по Крыму, Кавказу, Западной Европе будет подниматься на вершины гор и перевалов, чтобы снова и снова испытать ощущение высоты и сопряжённое с ней чувство опасности.

Образ гор и перевалов в произведениях И. Бунина впервые возникает после первой поездки писателя в Крым:

*У Байдар, на прибрежной скале,
С тихой думой и грустью во взоре
Я сидел и глядел, как во мгле
Утопало туманное море...* [5, с. 268].

С тех пор горы и перевалы прочно и навсегда входят в образную систему И. Бунина.

В крымском творчестве И. Бунина в основном встречаются описания безымянных гор, скал, утёсов и яйл: «...солнце восходит, и горы к лазури зовут...» [4, т. 1, с. 100], «*Мерцает девственная Вега / Над дальним станом Крымских гор*» [4, т. 1, с. 137], «*Склон гор, сады и минарет...*» [4, т. 1, с. 145], «*Но вспыхнул блеск на горизонте, / Тень по горам в леса ушла...*» [4, т. 3, с. 136], «*На поднебесном утёсе, где бури / Свищут в слепящей лазури...*» [4, т. 1, с. 47], «*На диких скалах, среди развалин – / Рать кипарисов...*» [4, т. 1, с. 173], «*Скалистый берег, бешеный прибой...*» [4, т. 1, с. 111], «*Обрыв яйлы. Как руки фурий...*» [4, т. 1, с. 128], «*Пустынная яйла дымится облаками...*» [4, т. 1, с. 71], «*На яйле зазеленели буки...*» [4, т. 1, с. 240]. Но иногда писатель в своих пейзажах рисует конкретные крымские горы: Чатыр-Даг, Ай-Петри и Аю-Даг.

О. Михайлов верно, на наш взгляд, замечает, что в творчестве И. Бунина «философская лирика теснит пейзажную, проникает в неё и преображает» [2, с. 572]. Горы, откуда, по мнению И. Бунина, можно «заглянуть в лицо небес» [4, т. 1, с. 385], уже в первых стихотворениях о Крыме являются не только неотъемлемым элементом пейзажа крымской земли, но и становятся символом вечности. В стихотворении «На поднебесном утёсе, где бури...», написанном во время первого путешествия в Крым, поэт пишет об этом так:

*Пью, как студёную воду,
Горную бурю, свободу,
Вечность, летящую тут* [4, т. 1, с. 47].

Как показал анализ, художественный мир И. Бунина вертикален. В этой связи горы в крымских пейзажах поэта представляют собой

часть вертикали, которая находится между морем, «*могучей утробой природы*» [6, с. 26], расположенной внизу этой вертикали, и божественным небом. Вот почему в крымских горах, на их «*пустынной высоте*», писатель ощущает свою близость с небом, с Богом, с вечностью. Там жизнь человека кажется И. Бунину «*бледным сном*», убегающим в вечность [4, т. 1, с. 144].

Об ощущении одиночества в мире людей и близости к природе, к вечности, которая охватывает человека, стоящего на вершине горы, писал в своих крымских очерках Е. Марков: «Особенное чувство овладевает человеком на большой, открытой и пустынной горе. Кажется, будто приподнят к небу и смотришь на мир не с той тесной земной точки зрения, с которой смотришь обыкновенно. Мир под тобою едва различаемый, совсем не слышный. Его красота и величие широко развёрнуты перед тобой, но тебе не видна мелочь и бедность подробностей. Города, поля, леса, дороги – всё слито в одну картину, ясную, дышащую миром. Отсюда кажется, что земля покоится в безмятежном счастье, эта многогрешная и вечно волнующаяся земля <...> Понятно, что дух, стремившийся к божеству, уходил на горы. Здесь возможно созерцание, молитва. Мир обнимаешь, как что-то вне лежащее» [7, с. 225].

И. Бунин будто вторит Е. Маркову. Героя рассказа «С высоты» охватывает на перевале Ляй-Лю то «особое чувство», о котором пишет Е. Марков: «*Но мёртвое молчанье гор окружало меня. Как всегда в лучшие мгновения моей жизни я был один. И если бы я заплакал горячими слезами страстной скорби, никто бы не увидел моих слёз. И если бы я крикнул – дико и весело, как молодой орёл – от страстной радости жизни, никто не ответил бы мне на этот крик, кроме звонкого и жуткого голоса природы – горного эха*» [4, т. 2, с. 440]. В эти «лучшие мгновения» жизни «поражённый хаотическим величием» панорамы, открывшейся с вершины крымского перевала, герой И. Бунина чувствует ещё острее своё одиночество и незащищённость в этом «величавом храме дикой и пустынной природы». Но вместе с тем он ощущает свою близость к запредельным мирам – к божественному небу: «*Ещё долго глядел я в эти пропасти с высоты, ещё долго душа моя была на высоте*» [4, т. 2, с. 439].

С рассказом «С высоты» перекликается рассказ «В Альпах», герои которого испытывают тот же страх и одиночество среди «горной пустыни»: «*Мы несли в ночь и туманы искру божественной тайны – наши мысли и чувства, нашу братскую близость человека к человеку и нашу*

молодую дружбу, сознание которых так сладостно перед лицом того вечного и враждебного, чем окружает нас мёртвая природа...» [4, т. 2, с. 432].

Следует отметить, что оба перечисленных произведения отнесены писателем к жанру рассказа. Но в обоих рассказах, несомненно, присутствует лирическое начало, что ещё раз подтверждает мысль о влиянии поэзии И. Бунина на его прозу и о зыбкости границы, разделяющей его прозу и поэзию.

Так, в рассказе «С высоты» проза И. Бунина становится ритмичной. Эффект ритма создают синтаксически одинаково построенные предложения: «*И если бы я заплакал горячими слезами страстной скорби, никто бы не увидел моих слёз. И если бы я крикнул – дико и весело, как молодой орёл – от страстной радости жизни, никто не ответил бы мне на этот крик...*» [4, т. 2, с. 440]. Или: «*Ещё долго глядел я в эти пропасти с высоты, ещё долго и душа моя была на высоте*» [4, т. 2, с. 439]. Или ещё: «*Вместо глубоких стремнин и обрывов, вместо далёких прибрежных заливов...*» [4, т. 2, с. 438].

Рассказ изобилует метафорами и олицетворениями: «*В этих безмолвных горных долинах ещё царила красота и тишина первых весенних дней...*» [4, т. 2, с. 439], «*дружный топот копыт под несмолкающий плач колокольчика...*», «*Ветер тянул с севера, но он был ласков, весел...*» [4, т. 2, с. 439].

Кроме того, некоторые образы поэт переносит в прозу из своих стихов. Так, в стихотворении «Сумерки», созданном несколькими годами ранее, прибрежная стена скалы сравнивается с «неугасшим жертвенником титанов» [4, т. 1, с. 95]. В рассказе «С высоты» с жертвенниками сравниваются «зубчатые утёсы над стремнинами» [4, т. 2, с. 438].

При описании величественной природы И. Бунин использует необычные сравнения: «*Здесь ещё только что начинали зеленеть горные скаты, здесь всё отдыхало, только что освободившись от снегов и бурь долгой тёмной зимы, и всё было кротко и задумчиво, как девушка, впервые замечтавшаяся о жизни, о счастье, о будущем*» [4, т. 2, с. 439–440], «*И если бы я крикнул – дико и весело, как молодой орёл – от страстной радости жизни...*» [4, т. 2, с. 440], «*Невольно закрадывалась в душу серая, как утро, скука...*» [4, т. 2, с. 438].

Интересно, что в произведении «Маленький роман», последняя часть которого практически повторяет рассказ «С высоты», художник отказывается от этих смелых сравнений, сокращая его, отсекая то, что, как ему кажется, ненужно. Всё в этом маленьком отрывке подчинено внут-

ренному состоянию героя, для которого тогда *«ничего не нужно было в жизни, кроме этой весны и дум о счастье»* [4, т. 2, с. 298]. Герой уже не испытывает чувство одиночества в «этом мёртвом молчании гор», как в рассказе «С высоты», а, напротив, ощущает себя частицей этого прекрасного мира. Некоторые образы в этом отрывке приобретают новое звучание и окраску. Так, *«безоблачно-прозрачное голубое небо»* [4, т. 2, с. 439] в рассказе «С высоты» меняет свой оттенок в «Маленьком романе», становится ярче, приобретая цвет *«бледно-ясной лазури»* [4, т. 2, с. 298].

Важное место в образной системе И. Бунина занимают перевалы. Это не только безымянные перевалы (стихотворения «Снова я на перевале, в небе...», «В Крымских горах», «Пока я шёл, я был так мал...»), рассказ «Перевал»), но и перевалы, которые имеют конкретное название. Так, в стихотворениях «У Байдар, на прибрежной скале...», «На юге», «В Крымских горах», в отрывке из романа «Жизнь Арсеньева» описывается Байдарский перевал. А в рассказах «С высоты» и «Маленький роман» тот же перевал описан под названием «Ляй-Лю».

Байдарский перевал И. Бунин посетил во время своего первого путешествия в Крым. Позже он ещё несколько раз повторит этот маршрут, поднимется к Байдарским воротам, откуда открывается прекрасная панорама южного Крыма. Сюда он приедет со своей первой женой А. Цакни во время свадебного путешествия в 1898 году. Об этом И. Бунин напишет в своих заметках, которые так и остались неопубликованными при жизни писателя: *«Ночь в гостинице у Байдарских ворот. Ужин. Прогулка за Воротами. Лунная, но неясная ночь, небо как бы в лёгком пару. Мёртвая тишина, далеко, глубоко внизу шум моря, кипит у берегов серебро <...> Одна из самых нежных и страстных ночей в этой маленькой деревенской гостинице у Ворот <...> Бледность и свежесть утра в окно, закрытое только сквозными ставнями»* [5, с. 392]. Воспоминания об этой ночи и о том чувстве, которое испытывал И. Бунин тогда к своей жене, как нам кажется, писатель отразит в рассказах «С высоты» и «Маленький роман». Герой И. Бунина с грустью вспоминает на перевале Ляй-Лю о своей возлюбленной: *«И вся сила моей души, вся печаль и радость – печаль о ней, которую я так мучительно любил тогда, и безотчётная радость молодости – всё ушло к горизонту, туда, где за последними гранями облаков, высоко в небе, синело далёкое, далёкое море»* [4, т. 2, с. 439].

В 1901 году писатель пишет рассказ «Перевал», герой которого ночью бредёт *«по горам к перевалу среди холодного тумана»* [4, т. 2, с. 7].

Ю. Мальцев рассматривает перевал у И. Бунина как символ, обозначающий жизнь человека. Исследователь утверждает, что рассказ «Перевал» представляет собой «развёрнутую метафору в духе символизма: жизнь – трудное восхождение на вершину, спуск и снова непрерывное восхождение до тех пор, пока неизбежный конец не оборвёт его» [1, с. 75]. И. Бунин пишет об этом так: *«Сколько уже было в моей жизни этих трудных и одиноких перевалов! Как ночь надвигались на меня горести, страдания, болезни, измены любимых и горькие обиды дружбы – и наступал час разлуки со всем, с чем сроднился. И скрепивши сердце, опять брал я в руки свой страннический посох. А подъёмы к новому счастью были высоки и трудны, ночь, туман и буря встречали меня на высоте, жуткое одиночество охватывало на перевалах... Но – идём, идём!»* [4, т. 2, с. 9].

Следует отметить, что в первоначальной редакции рассказа «Перевал» были строки, которые И. Бунин потом убрал из всех последующих изданий рассказа: *«Дойдём – хорошо, не дойдём – всё равно»* [4, т. 2, с. 476]. Мы считаем, что безнадёжность, звучащая в первой редакции рассказа, очевидно, была продиктована тем, что во время написания рассказа писатель находился в тяжёлом эмоциональном состоянии, связанном с разрывом с семьёй.

С рассказом «Перевал» перекликается стихотворение «Пока я шёл, я был так мал...», написанное в том же году:

*Пока я шёл, я был так мал!
Я сам себе таким казался,
Когда хребет далёких скал
Со мною рос и возвышался.
Но на предельной их черте
Я перерос их восхождение...*

*Один, в пустынной высоте,
Я чую высших сил томленье* [4, т. 1, с. 385].

Трудный подъём лирического героя И. Бунина на предельную «черту» горы, без сомнения, символичен и обозначает, на наш взгляд, победу над *«горестями, страданиями, болезнями, изменами любимых и горькими обидами дружбы»*, о которых писатель пишет в рассказе «Перевал», победу над самим собой. Только тогда возможно почувствовать *«высших сил томленье»*.

Следует отметить особое мастерство И. Бунина-колориста при описании крымских гор. Эти описания необычайно красочны. Писатель рисует горы в присущей ему импрессионистической манере, широко используя образные сравнения, метафоры, олицетворения и красочные эпитеты.

Особенно изобилуют сравнениями описания горы Чатыр-Даг, которые в крымских пейзажах И. Бунина встречаются чаще, чем описания других гор. Причиной этому является, на наш взгляд, красота, необычное месторасположение и форма этой горы, с вершины которой просматривается весь Крым:

*Но целый день, – куда ни кину
Вдоль по горам смущённый взор, –
Лишь эту белую вершину
Повсюду вижу из-за гор.
Она полнеба заступила,
За облака ушла венцом –
И всё смирилось, всё застыло
Пред этим льдистым мертвецом* [4, т. 1, с. 161].

Становится понятным, почему из восемнадцати «Крымских сонетов» А. Мицкевича И. Бунин отбирает три сонета для перевода, среди которых стихотворение «Чатырдах», близкое по духу самому писателю. В этом сонете в переводе И. Бунина Чатыр-Даг назван «великим», «могучим ханом Яйлы», «минаретом Аллы», «грозным Гавришлом у врат святого рая», «мачтой крымских гор», «бесстрастным драгоманом всемирного творенья» [6, с. 179].

Интересно провести параллель между двумя сравнениями Чатыр-Дага: Чатыр-Даг как «минарет Аллы» и как «Гавриил у врат святого рая». В этих сравнениях прослеживается мусульманская и христианская тема, столь характерная для Крыма, в котором всегда мирно сосуществовали две религии: христианство и ислам.

По своему образному сравнению перевод сонета А. Мицкевича, в котором Чатыр-Даг назван «минаретом Аллы», напоминает стихотворение И. Бунина «В крымских степях». В этом стихотворении поэт использует другое название Чатыр-Дага – «Шатёр-гора» – и называет её «престолом Аллы», тем самым подчёркивая её неземную красоту и божественную сущность:

*Уж сумрак пал, как пепел сизый,
Как дым угасшего костра:
Лишь светится багряной ризой
Престол Аллы – Шатёр-Гора* [8, с. 138].

Чатыр-Даг надолго запомнится И. Бунину. В 1926 году, в эмиграции, он напишет стихотворение «Земной, чужой душе закат!», в котором с грустью вспомнит зимний Крым и «Чатырдах»:

*... Чужой, тяжёлый Чатырдах!
Звезда мелькает золотая
В зелёном небе, в облаках, –
Кому горит она, блистая?
Она горит душе моей,
Она зовёт, – я это знаю
С первоначальных детских дней, –
К иной стране, к родному краю!* [4, т. 1, с. 416].

Стихотворение пронизано тоской по родине. Образ «могучего хана Яйлы» – Чатыр-Дага – возникает в памяти поэта на фоне вечернего зимнего пейзажа. Но сейчас Чатыр-Даг кажется И. Бунину, находящемуся вдали от «родного края», «чужим» и «тяжёлым». Интересно, что во время написания этого стихотворения поэт жил в Грассе в окружении прекрасной природы. Он пишет в своём дневнике: «Лежал, читал, потом посмотрел на Эстерель, на его хребты в солнечной дымке <...> Я так бесконечно счастлив, что Бог дал мне жить среди этой красоты» [4, т. 6, с. 444]. Но, несмотря на то, что И. Бунин мог всё время любоваться красотой Эстереля, он всё-таки вспоминает Крым, Чатырдаг, эту теперь уже «чужую» ему красоту, но к которой так стремится его душа.

Причудливые формы крымских гор вызывают у И. Бунина всевозможные ассоциации. Так, «морщинистый хребет горы» напоминает писателю «кожу бегемота» [4, т. 1, с. 173], а тёмные холмы – «спящих медведей» [4, т. 2, с. 8]. Горы и скалы, вершины которых погружены в туман, похожи на «далёкие миражи» [4, т. 2, с. 438]. И. Бунин сравнивает их с жертвенниками: «...долго, как жертвенники, курились зубчатые утёсы над стремнинами...» [4, т. 2, с. 438]. А «тёмных голых скал прибрежная стена» сравнивается с «неугасимым жертвенником титанов» [4, т. 1, с. 95]. Интересно, что сравнение крымских гор с божествами из греческой мифологии – титанами, сыновьями Урана и Геи (Неба и Земли) – встречается и на страницах «Очерков Крыма» Е. Маркова: «Красивы и дики серые камни, рассыпанные по долине и взморью, и по скатам гор. Точно окаменевшие стада титанов, когда-то обитавших землю» [7, с. 160]. Думается, И. Бунин был наверняка знаком с книгой Е. Маркова и, возможно, сравнение скал с «жертвенниками титанов» не случайно.

Разнообразна и цветовая палитра, в которую И. Бунин окрашивает крымские горы. Цвет гор зависит от солнечного освещения. Вот как писал об этом Е. Марков: «По горам легче узнавать час дня и погоду, чем по морю. Голубые и розовые, дымно-серые и золотистые тона то вспыхивают, то потухают на них. Иногда они густосиним, довольно грозным хребтом загораживают восходящее солнце. Тогда они кажутся ближе и выше. Но в знойный полдень они почти совсем тают и расплываются в горячем тумане; они уходят тогда Бог знает как далеко, и только бледный, перламутровый рисунок их, тонкий и прозрачный, как облачко, воздушную тенью стоит на горизонте...» [7, с. 160].

И. Бунину хорошо освещённые солнцем известняковые крымские горы кажутся белыми:

«белеют стены скал» [4, т. 1, с. 113], «белые утёсы» [4, т. 1, с. 113]. В плохую погоду или при плохом освещении горы серые, а ночью чёрные: «серых скал нагие пики» [4, т. 1, с. 161], «серые каменистые горы» [4, т. 3, с. 453], «чёрная стена горных обрывов» [4, т. 4, с. 192]. Скалы гор, покрытые лесами, зелёные: «только что начинали зеленеть горные скаты» [4, т. 1, с. 439]. В предвечернее время Аю-Даг показался писателю бирюзовым: «...море сиреновой равниной лежало внизу, с трёх сторон обнимая горизонт, муаром струясь в отвесной бездне под мною, возле бирюзовых скал Аю-Дага» [4, т. 9, с. 348]. В лучах заходящего солнца горы кажутся алыми: «алеющий при закате Ай-Петри» [4, т. 2, с. 429]. А Чатыр-Даг во время заката обрамлён «багряной ризой»:

*Уж сумрак пал, как пепел сизый,
Как дым угасшего костра:
Лишь светится багряной ризой
Престол Аллы – Шатёр-Гора* [4, т. 1, с. 138].

Но любимые цвета, которыми И. Бунин раскрашивает горы, – синий, сиреневый, фиолетовый, лиловый: «Меж скал ущелье поднялось / И в синее пятно слилось» [4, т. 1, с. 391], «нежно-чёрные фиолетовые вершины» [4, т. 1, с. 438], «хребты лиловые открылись» [4, т. 1, с. 390], «...но ветер от востока / Уж дал горам лиловые цвета» [4, т. 1, с. 195], «серо-сиреневые горы» [4, т. 3, с. 405]. В этом тоже проявилась импрессионистическая манера И. Бунина, для которой

характерно преобладание оттенков синего и сиреневого цветов.

Итак, многокрасочный Крым помог И. Бунину, прирождённому колористу, не только глубже понять окружающий его мир, но и, по нашему убеждению, найти новые способы и приёмы в его отображении; а крымские горы и перевалы, в изображении которых писатель достигает художественного совершенства, навсегда станут его любимыми художественными образами.

ЛИТЕРАТУРА

1. Мальцев Ю. Иван Бунин / Ю. Мальцев. – М. ; Франкфурт-на-Майне : Посев, 1994. – 442 с.
2. Михайлов О. Н. Строгий талант / О. Н. Михайлов. – М. : Современник, 1976. – 276 с.
3. Сливицкая О. В. «Повышенное чувство жизни»: Мир Ивана Бунина / О. В. Сливицкая. – М. : Российск. гос. гуманит. ун-т, 2004. – 269 с.
4. Бунин И. А. Собрание сочинений : в 6 т. / И. А. Бунин. – М. : Художественная литература, 1967.
5. Литературное наследство. Иван Бунин. – Т. 84. – Кн. 1. – М. : Наука, 1973. – 696 с.
6. Новикова М. А. Символика в художественном тексте. Символика пространства / М. А. Новикова, И. Н. Шама. – Запорожье : СП «Верже», 1996. – 171 с.
7. Марков Е. Л. Очерки Крыма: картины крымской жизни, истории и природы / Евгений Львович Марков. – Симферополь ; М. : Таврия ; Культура, 1994. – 544 с.
8. Мицкевич А. Избранные произведения : в 2-х т. / Адам Мицкевич – Т. 1. – М. : Гос. изд-во худож. лит., 1955. – 431 с.

УДК 821.111

Джапарова Э. К.

КАЛЕНДАРНЫЙ ЦИКЛ В МИФОПОЭТИЧЕСКОМ МИРЕ РОБЕРТА ГРЕЙВСА

У статті пропонується аналіз використання календарного циклу в міфопоетичному світі Роберта Грейвса і виявляються особливості оригінальної міфопоетичної концепції у творчості видатного англійського поета.

Ключові слова: світобачення, сезонний ритуал, інтерпретація, символіка, міфопоетична концепція.

В статье предлагается анализ использования календарного цикла в мифопоэтическом мире Роберта Грейвса и выявляются особенности оригинальной мифопоэтической концепции в творчестве выдающегося английского поэта.

Ключевые слова: мировидение, сезонный ритуал, интерпретация, символика, мифопоэтическая концепция.

The article presents the analysis of the Calendar Cycle use in Robert Graves' Mythopoetic World and reveals the peculiarities of original concept in the creative activity of outstanding English poet.

Key words: world observation, season ritual, interpretation, symbol, mythopoetic concept.

Постановка проблемы. Важное место на современном этапе развития гуманитарной мысли занимают исследования по изучению творческого и литературно-критического наследия представителей XX века. Одним из наименее

изученных в украинском литературоведении является творчество английского писателя, поэта, прозаика и литературоведа, оставившего богатое творческое наследие по теории поэзии, теории мифа и литературной критике Роберта Грейвса

(1895–1985). Особенностью художественных произведений выдающегося писателя является то, что в них разрабатываются многочисленные мифокритические концепции, а мифологические образы фигурируют в самых разных интерпретациях и формах.

Анализ литературы. Литературно-критическое наследие Роберта Грейвса богато и разнообразно. По мнению большинства литературоведов и критиков, именно его поэзия стала поистине шедевром мирового уровня в литературе XX века. Так, английский писатель Грэм Грин на вопрос о том, кого он считает самым значительным западноевропейским писателем XX века, ответил: «Вообще-то я не люблю превосходных степеней в оценках, подозрительно отношусь к обобщениям <...> И тем не менее из своих соотечественников хотелось бы назвать имя поэта Роберта Грейвса» [1, с. 334].

Вклад Роберта Грейвса в развитие английской литературоведческой мысли был объектом анализа многих зарубежных исследователей, среди которых следует отметить Дж. Бирлайна, Р. П. Грейвса, Р. Кенери, Р. Шумакера, Дж. Смедса и др.

А. А. Тахо-Годи, один из российских исследователей, высказывает восхищение широчайшей эрудицией Роберта Грейвса, его глубокими познаниями в области мифологии, истории, археологии, религии, этнографии, которые позволили ему образовать «совершенно особый мир, созданный не только усилиями исследователя, но и талантом одного из крупнейших английских поэтов XX века» [2, с. 577].

В украинском литературоведении творчество Роберта Грейвса рассматривалось в работах А. С. Козлова, который считал, что Роберт Грейвс стал «первым мифокритиком, попытавшимся с помощью нового метода решить ряд кардинальных проблем поэзии», а также предложил оригинальный подход к анализу поэтических произведений [3, с. 22]. Современная украинская исследовательница Т. В. Шадрина отмечает символичность в интерпретации мифов, проявившуюся у Роберта Грейвса в образе Белой Богини [4, с. 156].

Анализ критических работ, посвященных творческому наследию Роберта Грейвса, показывает, что роль мифа в создании уникального мифопоэтического мировидения Р. Грейвса остается нераскрытой. Изучение рецепции мифа, анализ мифопоэтической концепции Р. Грейвса, особенностей использования им мифа, мифологической тематики и образности в произведениях являются актуальными, поскольку предлагают один из возможных подходов к решению проблемы соотношения мифа и литературы, ак-

тивно дискутируемой в современном литературоведении.

Цель данной статьи заключается в раскрытии оригинального мифопоэтического мира Роберта Грейвса на основе анализа его произведений, отражающих временные календарные циклы.

Изложение основного материала. Своеобразие творчества Роберта Грейвса заключается в том, что, изучив сохранившиеся свидетельства о верованиях древних кельтов, он расшифровал их символику и широко использовал в стихах образы, заимствованные из кельтской мифологии. Огромное значение он придавал древним магическим ритуалам, связанным с различными календарными мифами.

В связи с этим Р. Грейвс исследовал древний алфавит друидов и выдвинул гипотезу о том, что каждому из лунных месяцев (состоящих из 28 дней) соответствует определенное дерево и буква. Об этом он пишет в своей фундаментальной работе «Белая Богиня: историческая грамматика поэтической мифологии» (1948): «Я почти сразу же заметил, что согласные в этом алфавите представляют собой календарь магических деревьев всех времён года, и все деревья фигурируют в европейском фольклоре» [5, с. 210].

Посредством мифологизированных временных периодов (месяцев, дней недели, годов) Р. Грейвс строил разные классификационные системы, включающие в себя основные параметры мифопоэтической модели мира. В целом в мифопоэтической системе Р. Грейвса они отождествлялись с определенными событиями в жизни мифологизированных персонажей (в частности Священного Короля – Духа Прибывающего Года, его «таниста» – Духа Убывающего Года и их возлюбленной Тройственной Богини Луны).

Следует отметить, что в поэзии Р. Грейвса стадия развития отношений между Богом Убывающего Года, Богом Прибывающего Года и Тройственной Богиней Луны, будучи отражением календарной темы, обозначается, как правило, временем года. Видимо, по этой причине в поэтических произведениях Р. Грейвса, как и в кельтской мифологии, чаще всего фигурируют два времени года: зима – время правления темных сил и весна – время правления светлых сил. Переход от одного времени года к другому зависит от Великой Богини – Матери-Природы.

Зима в поэзии Р. Грейвса ассоциируется со временем без любви, когда природа впадает в длительную зимнюю спячку, а весна символизирует любовь, пробуждение природы. Образ зимы в поэзии Р. Грейвса часто связывается с образами полной луны, ухающих сов, каркающих ворон, бузины, завывающих ветров, красного неба и оград в снегу.

Стихотворение «To Juan at the Winter Solstice» («Хуану в день зимнего солнцестояния») завершается картиной, ассоциирующейся с зимой и соответственно – смертью короля – Духа Прибывающего Года:

*Much snow is falling, winds roar hollowly,
The owl hoots from the elder [6, с. 141].
Идет сильный снег, ветра глухо рычат,
Сова ухает с бузины.¹*

Известно, что в кельтской мифологии в отражении календарной темы важную роль играли не только времена года, но и месяцы. При этом наиболее важными считались четыре ключевых дня в году, связанные с солнечным циклом и отражавшие рождение, рост, умирание и воскресение сил природы. Такими днями были день весеннего равноденствия, день летнего солнцестояния, день осеннего равноденствия и день зимнего солнцестояния.

В кельтской мифологии эти дни нашли отражение в календарных ритуальных праздниках. «Такими праздниками были Белтейн, приходящийся на самое начало мая; день летнего солнцестояния, знаменующий торжество солнечного света и всякой растительности; Лугнасад, праздник Луга, отмечаемый в день поворота солнечной орбиты; и, наконец, грустный праздник Самхейн, после которого сила солнца быстро идет на убыль, и оно на целых полгода подпадает под власть злых сил зимы и тьмы. В числе этих фаз Солнца наиболее важными, разумеется, являются первая и последняя. Собственно говоря, вокруг них, словно вокруг главной оси, вращается вся кельтская мифология» [7, с. 177]. Именно с этими ключевыми днями в кельтской мифологии связаны месяцы, упоминаемые в поэзии Р. Грейвса. Следует отметить, что в мифопоэтической системе Р. Грейвса добавляется еще один важный день – так называемый «лишний день года», приходящийся, как правило, на 23 декабря (который позже стал ассоциироваться с Рождеством) и знаменующий рождение Бога Прибывающего Года.

Май – праздник Белтейн, знаменующий начало лета. Значимость этого дня в кельтской мифологии велика: в этот день Парталон со своими спутниками открыл Ирландию, прибыв на остров из Потустороннего мира; в тот же день, три века спустя, потомки Парталона вернулись туда, откуда прибыли; в день праздника Белтейн галльские боги, небожители клана Туатха Де Данаан, а вслед за ними и галлы впервые ступили на землю Ирландии [7, с. 444]. В мае (как правило, 1 мая или в первых числах) священный король воскресал и возвращался в

этот мир, приходя с северной земли. В мифопоэтической концепции Р. Грейвса это означало возвращение Бога Прибывающего Года, который начинал свою подготовку к битве за любовь Белой Богини. Май в поэзии Р. Грейвса всегда яркий («bright») зеленый («green hills of May») [6, с. 26], и ассоциируется с расцветом всех сил природы.

В стихотворении Р. Грейвса «The Hills of May» («Холмы мая») лирический герой выступает в образе Ветра, которого Богиня выбрала в качестве своего возлюбленного.

*Walking with a virgin heart
The green hills of May,
Me, the Wind, she took as lover
By her side to play [6, с. 120].
Прогуливаясь с девственным сердцем
По зеленым холмам мая,
Меня, Ветра, она сделала своим возлюбленным,*

Чтобы я играл рядом с ней.

Однако, Великая Богиня – непостоянна и изменчива по своей природе. Она уже думает о другом, о Боге Прибывающего Года. И хотя развязка в отношениях еще не наступила, и Богиня не ушла, она уже не любит своего героя так, как прежде.

Развязка происходит нередко в день летнего солнцестояния и знаменует торжество солнечного света. Отсюда ассоциации с июнем. Стихотворение Р. Грейвса «End of Play» («Конец пьесы») [6, с. 115] актуализирует эту связь между июнем и смертью. В мифологии кельтов день летнего солнцестояния – день, когда светлые силы одерживают победу над силами тьмы. Так, люди племени богини Дану захватили Ирландию, одолев ее прежних обитателей – клан Фир Болг, – символизировавших темные силы [7, с. 444].

В мифопоэтической системе Р. Грейвса июнь часто связывается с днем свадьбы, который приносит не высшее счастье, а горькое разочарование и смерть герою, который просто не в силах жить без любви Великой Богини. При этом герой погибает от рук самой Богини, или же совершает самоубийство ради нее, как в стихотворении Р. Грейвса «The Suicide in the Copse» («Самоубийство в роще») [6, с. 128].

*He had looked so on his wedding day,
And the day after [6, с. 128].
Он выглядел так и в свой свадебный день,
И на следующий день.*

Ноябрь, упоминаемый в стихотворении «White Goddess» («Белая Богиня»), «самый сырой из всех времен года» («November, rawest of seasons»), вызывает ассоциации с Самхейном – праздником, знаменовавшим собой окончание лета. Примечательно, что древние кельты вери-

¹ Здесь и далее перевод наш. – Э. Дж.

ли, что в эту ночь исчезали все привычные преграды между миром смертных и потусторонним миром. «Считалось, что в этот день духи из Потустороннего мира могут свободно навещаться в гости к простым смертным, а люди, в свою очередь, могут побывать в загробном мире», – отмечается в «Энциклопедии кельтской мифологии» [7, с. 592]. В мифопоэтической концепции, разработанной Р. Грейвсом, Самхейн – день, когда из потустороннего мира выходила темная ипостась короля, Бога Убывающего Года, и шла подготовка к кровавой битве за любовь Великой Богини, которая неизменно должна была закончиться гибелью Бога Прибывающего Года. Ноябрь, как поясняет Роберт Грейвс, самый дождливый из всех месяцев: «месяц, когда рев валов и рычание камней на берегах Атлантики наполняет сердца страхом, тогда же ветер уныло свистит в камышах. В Ирландии рев моря предсказывал смерть короля» [5, с. 270].

Решающая битва между Богом Прибывающего Года, символизировавшим силы света, и Богом Убывающего Года, ассоциирующимся с силами тьмы, происходит дважды в год: в конце июня и в конце декабря. Именно в декабре силы тьмы одерживают победу, Бог Прибывающего Года отправляется на Север, где пребывает во власти Великой Богини в ожидании возрождения. Поэтому, декабрь в стихотворении Роберта Грейвса «The Haunted House» («Дом с привидениями») назван «слепым декабрем» («*blind December*»), которому принадлежат все цветы и бабочки («*flowers and butterflies belong*») [6, с. 13]. Другими словами, именно Великая Богиня

управляет всем: и календарным циклом, и любовью, и поэзией, и течением жизни на земле.

Вывод. В результате проведенного исследования было выяснено, что одной из основных черт оригинальной теории мифа, разработанной Р. Грейвсом, является поэтическая интерпретация древних сезонных ритуалов кельтов. Отражение особенностей древнего календарного цикла в художественных текстах Р. Грейвса играет важную роль в понимании замысла автора.

ЛИТЕРАТУРА

1. Грейвс Р. Стихотворения // Собрание сочинений : в 5 т. / Роберт Грейвс ; пер. с англ. Т. Печурко ; [коммент. А. Николаевской]. – М. : ТЕРРА-Книжный клуб, 1998. – Т. 3. – 390 с.
2. Тахо-Годи А. А. Роберт Грейвс – мифолог-поэт / А. А. Тахо-Годи // Грейвс Р. Мифы Древней Греции / Роберт Грейвс ; [пер. с англ. К. П. Лукьяненко ; под ред. и с послесловием А. А. Тахо-Годи]. – М. : Прогресс, 1992. – С. 577–584.
3. Козлов А. С. Литературоведение Англии и США XX века / А. С. Козлов. – М. : Московский лицей, 2004. – 256 с.
4. Шадріна Т. В. Кембриджська школа в літературознавстві Англії : дис. ... канд. філол. наук : спец. 10.01.04 / Т. В. Шадріна ; НАН України, Ін-т літ. ім. Т. Г. Шевченка. – К., 2002. – 210 с.
5. Грейвс Р. Белая Богиня : историческая грамматика поэтической мифологии / Роберт Грейвс ; пер. с англ. Л. И. Володарской. – Екатеринбург : У-Фактория, 2005. – 656 с.
6. Graves R. Poems Selected by Himself / Robert Graves. – Edinburgh : Penguin Books, 1966. – 222 p.
7. Кельтская мифология : энциклопедия / [пер. с англ. : С. Головой, А. Голова]. – М. : Эксмо, 2002. – 640 с.

УДК 81–139:378

Иванова Н. П.

ОППОЗИЦИЯ «ЧЕЛОВЕК – ПРИРОДА» В МЕНТАЛЬНОМ ПРОСТРАНСТВЕ И. С. ТУРГЕНЕВА

У статті розглядається ментальна опозиція «людина – природа» і її експлікація в художньому просторі творів І. С. Тургенева. В ході аналізу робляться висновки про особливості ментального простору автора і його героїв.

Ключові слова: ментальний простір, художній простір, картина навколишнього світу, опозиція «людина – природа», антропоцентризм, космоцентризм.

В статье рассматривается ментальная оппозиция «человек – природа» и ее экспликация в художественном пространстве произведений И. С. Тургенева. В ходе анализа делаются выводы об особенностях ментального пространства автора и его героев.

Ключевые слова: ментальное пространство, художественное пространство, картина окружающего мира, оппозиция «человек – природа», антропоцентризм, космоцентризм.

In the article is considered mental opposition «person – nature» and its explication in art space of the I. S. Turgenev's texts. During the analysis the conclusions about features of mental space of the author and his heroes are made.

Key words: mental space, art space, picture of the environmental world, opposition, opposition «person – nature», anthropocentrism, cosmocentrism.

Постановка проблемы. Исследование процесса экспликации бинарных оппозиций (например, таких, как «человек – природа») посредством описания картин окружающего мира в художественных произведениях является одним из перспективных методов изучения способов реализации ментального пространства автора.

Анализ литературы. Теоретической основой статьи являются работы Г. Б. Курляндской «И. С. Тургенев и Л. Н. Толстой» [1], В. М. Марковича «И. С. Тургенев и русский реалистический роман XIX века» [2], С. Е. Шаталова «Художественный мир И. С. Тургенева» [3]. При решении вопроса о принадлежности творчества писателя к тому или иному литературному направлению особенно интересными и глубокими представляются исследования, результатом которых стало утверждение идеи художественного синтеза разных методов и течений (работы П. Н. Сакулина, В. В. Виноградова, В. М. Марковича, И. Ф. Волкова, А. В. Чудакова). В частности, В. В. Виноградов и В. М. Маркович применительно к романам 30-х годов XIX века использовали термин «символический реализм». По их мнению, этот метод был вызван к жизни переходом от романтизма к реализму, когда писатели начали путь от осмысления индивидуальных проблем личности к вопросам, затрагивающим основы человеческого бытия в целом. О близости художественной системы Тургенева к романтическим или «постромантическим» традициям говорят и другие исследователи, в частности, Г. Б. Курляндская.

Целью статьи является анализ реализации оппозиции «человек – природа» в художественном пространстве произведений И. С. Тургенева. Задачи статьи: 1) интерпретировать картины окружающего мира в произведениях Тургенева как фрагменты ментального пространства автора, отражающие его мировосприятие и систему ценностей; 2) на основе анализа фрагментов авторского ментального пространства сделать вывод об особенностях художественной системы Тургенева.

Изложение основного материала. Повестью, в которой оппозиция «человек – природа» реализована наиболее полно, является «Поездка в Полесье»: «Из недра вековых лесов, с бесмертного лона вод поднимается тот же голос: «Мне нет до тебя дела, – говорит природа человеку, – я царствую, а ты хлопочи о том, как бы не умереть»... Неизменный, мрачный бор угрюмо молчит или воет глухо – и при виде его еще глубже и неотразимее проникает в сердце людское сознание нашей ничтожности. Трудно человеку, существу единого дня, вчера рожденному и уже сегодня обреченному смерти, трудно

ему выносить холодный, безучастно устремленный на него взгляд вечной Изиды; не одни дерзостные надежды и мечтанья смиряются и гаснут в нем, охваченные ледяным дыханием стихии; нет – вся душа его никнет и замирает; он чувствует, что последний из его братьев может исчезнуть с лица земли – и ни одна игла не дрогнет на этих ветвях; он чувствует свое одиночество, свою слабость, свою случайность – и с торопливым, тайным испугом обращается он к мелким заботам и трудам жизни; ему легче в этом мире, им самим созданном, здесь он дома, здесь он смеет еще верить в свое значение и в свою силу» [4, т. 3, с. 191]. Здесь бескрайний лес, как и море, являются символами вечности, противопоставленной кратковременности земной жизни человека.

По мнению В. М. Марковича, «жанровая форма лирико-философской повести позволяла космической правде войти в смысловой строй произведения на правах ощущения повествователя, на правах необходимого ему духовного состояния и тем самым открывала возможность приближения к трагической гармонии. Финальные космические аккорды оказались высшей (хотя и не завершающей) смысловой инстанцией «Поездки в Полесье». В романе «Накануне» ... стилевая тональность ... уже несколько иная: сквозь отрешенно-объективное звучание универсальных откровений едва заметно пробивается призыв субъективного лиризма. И «отсчет» теперь ведется «от человека», который, «просыпаясь, с невольным испугом спрашивает себя: неужели мне уже тридцать... сорок... пятьдесят лет? Как это жизнь так скоро прошла? Как это смерть так близко надвинулась?». Поэтому трагическая логика Целого не может ощущаться как гармоническая. Соседство двух противоположных позиций оборачивается непримиренным противоречием двух «равнозаконных» правд – вселенской и личностной (т. е. опять-таки трагической коллизией). Если она и преодолевается, то не нравственным, религиозным или философским разрешением, а в собственно эстетической форме – внутренним равновесием романной структуры» [2, с. 178].

Есть только одно возражение приведенной точке зрения: представляется, что для Тургенева вселенская и личностная правды не до конца равнозаконны – иначе логика Целого не воспринималась бы как трагическая. Это ближе, скорее, мировосприятию Л. Н. Толстого, ведь у Платона Каратаева перед расстрелом нет никакого трагизма, у разделяющих эту логику героев «Казачков» Ерошки и Оленина тоже. Это еще одно доказательство того, что ментальное пространство Тургенева антропоцентрично. Приве-

денный фрагмент «Поездки в Полесье» это подтверждает: человек идет против космических законов, пытаясь создать собственный «микрокосм».

Анализируемая оппозиция «человек – природа», конфликт вселенской и личностной правды проходит сквозь все творчество Тургенева, в том числе и более позднее. Характерна она и для его романов, например, для романа «Накануне»: «На фоне этого «антиномического» итога, катастрофа, постигшая Елену, вновь получает традиционный для трагического искусства смысл. Она может быть воспринята как возмездие за попытку обрести гармонию в дисгармоническом и даже, может быть, вовсе исключаящем всякую реальную гармонию мира. Говоря иначе, за попытку в одиночку и «для себя» разрешить задачу общемирового значения. Это уже характерное для классических форм ... осмысление ... гибели – как расплаты за превышение пределов человеческой компетенции. Возможные интерпретации как бы накладываются друг на друга: исключительное переходит в универсальное, универсальное вновь приводит к исключительному, и в этой подвижной, парадоксальной диалектике смыслов дерзновенно-героическая попытка взять на себя «слишком много» предстает, в конце концов, частным случаем «безвиной» вины всех и каждого» [2, с. 178].

Выход открывает прямое авторское вмешательство, как бы выносящее читателя на другой уровень постижения истины. Автор снимает противоречия, неразрешимые для сознания героини, открывая за ними противоречия более глубокие и универсальные, лежащие, в сущности, уже «по ту сторону» добра и зла: «Елена не знала, что счастье каждого человека основано на несчастье другого, что даже его выгода и удобство требуют, как статуя – пьедестала, невыгоды и неудобства других» [4, т. 8, с. 156]. Здесь уже отчетливо звучит мысль о том, что Елена виновата без вины или, вернее, – вневличной, всечеловеческой виной. Чуть позже мысль эта предельно расширяется: «Каждый из нас виноват уже тем, что живет, и нет такого великого мыслителя, нет такого благодетеля человечества, который в силу пользы, им приносимой, мог бы надеяться на то, что имеет право жить...» [4, т. 8, с. 164].

Позиция же С. Е. Шаталова несколько расходится с позицией Марковича. Сравнивая художественные системы Тургенева и Достоевского, Шаталов пишет: «Тургенев словно утверждает, что любые столкновения и самые непримиримые враги, погружаясь в реку забвения, поглощаются и смыываются потоком времени, оказываются в конечном счете незначительными

перед равнодушным ликом живущей по своим законам природы. Бунтари и протестанты у Тургенева – в отличие от Достоевского – не осмеливаются покуситься на мироздание: они сознают его неподвластность человеку, и это смягчает их боль, приглушает остроту их страстей или, скорее, придает им известную уравновешенность» [3, с. 227].

Представляется, что трагизм оппозиции «человек – природа» в ментальном пространстве Тургенева существует, и вызван он ее неразрешимостью. Существование этого противоречия часто является одной из причин страданий его героев. В «Отцах и детях» это проявляется несколько иначе, чем в «Накануне», однако не менее остро. Интересно, что Базаров приходит к осознанию этого противоречия лишь после духовного перелома, после своего «одушевления»: «А я думаю: я вот лежу здесь под стогом... Узенькое местечко, которое я занимаю, до того крохотно в сравнении с остальным пространством, где меня нет и где дела до меня нет и часть времени, которую мне удастся прожить, так ничтожна перед вечностью, где меня не было и не будет... А в этом атоме, в этой математической точке кровь обращается, мозг работает, чего-то хочет тоже... Что за безобразие! Что за пустяки!» [4, т. 8, с. 320]. И далее: «Да вот, например, ты сегодня сказал, проходя мимо избы нашего старосты Филиппа, – она такая славная, белая, – вот, сказал ты, Россия тогда достигнет совершенства, когда у последнего мужика будет такое же помещение, и всякий из нас должен этому способствовать... А я и возненавидел этого последнего мужика, Филиппа или Сидора, для которого я должен из кожи лезть и который мне даже спасибо не скажет... да и на что мне его спасибо? Ну, будет он жить в белой избе, а из меня лопух расти будет, ну, а дальше?» [4, т. 8, с. 321]. И никакого ответа на эти вопросы, кроме: «Полно, Евгений...» – у Тургенева нет.

Базаров и раньше видел в природе бездушную силу: «природа не храм, а мастерская, и человек в ней работник» [4, т. 8, с. 236]. «Но сущность прежней формулы состояла в том, что она лишала проблему всякого драматизма. Прежняя формула допускала только утилитарное отношение к природе, исключая любые эмоции по поводу ее бездушия. Теперь давно известная истина причиняет боль: ощущая так остро бездушные природы, Базаров впервые чувствует со всей остротой свою собственную одушевленность. Другими словами, меру своей человечности» [2, с. 195–196].

Свою внезапно обретенную человечность Базаров воспринимает как слабость и падение, по-прежнему противопоставляя себя природе и

ища в ней оправдание уже утраченной им бесчувственности. До осознания непреодолимости оппозиции «человек – природа» ему жилось, безусловно, легче. Однако решает герой это противоречие очень по-базаровски: выходит на прямой поединок так же, как пытается противостоять ключевым бытийным категориям, таким, например, как любовь и смерть. И в этом смысле, благодаря сну Базарова перед дуэлью с Павлом Петровичем, поединок этих людей приобретает метафорическое значение, ведь происходит столкновение двух ментальных пространств в рамках оппозиции «человек – природа»: «Тургенев даже подсказывает, что против Базарова – нечто куда более важное и сильное, чем Кирсанов с пистолетом: «Павел Петрович представлялся ему большим лесом, с которым он все-таки должен был драться». Иными словами, у барьера – сама природа, естество, миропорядок» [5, с. 114].

Ментальное пространство Тургенева вмещает в себя категории, с которыми пытается бороться Базаров, не осознавая их неизбежности. А герой, не вписанный в существующий миропорядок, противостоящий законам природы, покидает этот мир: «... куда более существенна причина смерти Базарова – царапина на пальце. Парадоксальность гибели молодого, цветущего, незаурядного человека от столь ничтожного повода создает масштаб, который заставляет задуматься. Убила Базарова не царапина, а сама природа. Он снова вторгся своим грубым ланцетом (на этот раз буквально) преобразователя в заведенный порядок жизни и смерти – и пал его жертвой. Малость причины здесь только подчеркивает неравенство сил. Это осознает и сам Базаров: «Да, поди попробуй отрицать смерть. Она тебя отрицает, и basta!» Тургенев не потому убил Базарова, что не догадался, как приспособить в российском обществе это новое явление, а потому, что обнаружил тот единственный закон, который хотя бы теоретически не берется опровергать нигилист» [5, с. 114–115]. По остроумному замечанию П. Вайля, базаровская «формула жука» («Это все романтизм, чепуха, гниль, искусство... Пойдем лучше смотреть жука») в процессе постижения окружающего мира и, в частности, при попытке преодолеть оппозицию «человек – природа» оказывается неприменимой.

Иногда вопросы такого же масштаба возникают, когда в ментальном пространстве автора сопрягается природное и человеческое, объясняется одно через другое. Так происходит, к примеру, в повести «Первая любовь»: «И во мне исчезли мои молнии. Я почувствовал усталость и тишину..., но образ Зинаиды продолжал носить-

ся, торжествуя, над моею душой. Только он сам, этот образ, казался успокоенным: как полетевший лебедь – от болотных трав, отделился он от окружавших его других неблагоприятных фигур, и я, засыпая, в последний раз припал к нему с прощальным и доверчивым обожанием...

О, кроткие чувства, мягкие звуки, доброта и утихание тронутой души, тающая радость первых умилений любви, – где вы, где вы?» [4, т. 3, с. 271]. Элегичность приведенного фрагмента еще раз свидетельствует о наличии романтических традиций в повестях Тургенева. Доказывает это и художественное пространство повести «Вешние воды», лирико-философское отступление в которой поразительно напоминает стилистику лермонтовского «матроса, рожденного на палубе разбойничьего брига»: «Он принялся размышлять ... медленно, вяло и злобно. Он размышлял о суете, ненужности, о пошлой фальши всего человеческого. Все возрасты постепенно проходили перед его мысленным взором (ему самому недавно минул 52-й год) – и ни один не находил пощады перед ним. Везде все то же вечное переливание из пустого в порожнее, то же толчение воды, то же наполовину добросовестное, наполовину сознательное самообольщение, – чем бы дитя ни тешилось, лишь бы не плакало, а там вдруг, уж точно как снег на голову, нагрянет старость – и вместе с нею тот постоянно возрастающий, все разъедающий и подтачивающий страх смерти... и бух в бездну! Хорошо еще, если так разыграется жизнь! А то, пожалуй, перед концом пойдут, как ржа по железу, немощи, страдания... Не бурными волнами покрытым, как описывают поэты, представлялось ему жизненное море – нет; он воображал себе это море невозмутимо гладким, неподвижным и прозрачным до самого темного дна; сам он сидит в маленькой, валкой лодке – а там, на этом темном, илистом дне, наподобие громадных рыб, едва виднеются безобразные чудища: все житейские недуга, болезни, горести, безумие, бедность, слепота... Он смотрит – и вот одно из чудищ выделяется из мрака, поднимается выше и выше, становится все явственнее, все отвратительнее. Еще минута – и перевернется подпертая им лодка! Но вот оно опять как будто тускнеет, оно удаляется, опускается на дно – и лежит оно там, чуть-чуть шевеля плесом... Но день урочный придет – и перевернет оно лодку» [4, т. 3, с. 271].

Приведенный фрагмент также является экспликацией оппозиции «человек – природа», где «космическая правда» вновь перечеркивает человеческие надежды, а горести и невзгоды – лишь проявления неумолимого закона. На непреодолимости этой оппозиции сделан акцент и

в уже упоминавшейся «Поездке в Полесье»: «Как только жара «свалила», в лесу стало так быстро холодать и темнеть, что оставаться в нем уже не хотелось. «Ступайте вон, беспокойные живые», – казалось, шептал он нам угрюмо из-за каждой сосны» [4, т. 3, с. 198].

Казалось бы, в «Поездке в Полесье» найден путь к преодолению указанной оппозиции. Появилось солнце, правда, заходящее (об оппозиции «свет – тень» будет сказано далее), и согласие между природой и человеком как будто бы достигнуто: «Все отдыhalo, погруженное в упоительную прохладу; ничего еще не заснуло, но уже все готовилось к целебным усыплениям вечера и ночи. Все, казалось, говорило человеку: «Отдохни, брат наш; дыши легко и не горюй и ты перед близким сном» [4, т. 3, с. 205]. «Ступайте вон», казалось бы, сменилось на «брат наш» и противоречие снимается. Однако это не преодоление оппозиции, а лишь прежнее признание доминирования неумолимых законов природы и бессилие человека перед тем, что на него они тоже распространяются. Возникает своего рода парадокс: человек сознает, что он лишь часть природы, но в ментальном пространстве Тургенева это не снимает оппозицию «человек – природа», а лишь усугубляет ее. Толстовского космоцентризма не возникает. Все, что может человек, – это смириться с этой «космической правдой», но ощущения достижения гармонии и радости, в отличие от Толстого, Тургеневу это смирение не дает: «...мне вдруг показалось, что я понял жизнь природы, понял ее несомненный и явный, хотя для многих еще и таинственный смысл. Тихое и медленное одушевление, неторопливость и сдержанность ощущений и сил, равновесие здоровья в каждом отдельном существе – вот самая ее основа, ее неизменный закон, вот на чем она стоит и держится. Все, что выходит из-под этого уровня – кверху ли, книзу ли, все равно, – выбрасывается ею вон, как негодное. Многие насекомые умирают, как только узнают нарушающие равновесие жизни радости любви; больной зверь забивается в чашу и угасает там один: он как бы чувствует, что уже не имеет права ни видеть всем общего солнца, ни дышать вольным воздухом, он не имеет права жить; а человек, которому от своей ли вины, от вины ли других пришлось худо на свете, должен по крайней мере уметь молчать» [4, т. 3, с. 205–206]. Это фрагмент финальной части «Поездки в Полесье», и сразу после него окончание повести – диалог о Егоре – человеке, по-настоящему близком к природе и принявшем ее законы:

«– Ну, что же ты, Егор! – воскликнул вдруг Кондрат... Чего задумался? Аль о корове все?

– О корове? О какой корове? – повторил я и взглянул на Егора: спокойный и важный, как всегда, он действительно, казалось, задумался и глядел куда-то вдаль, в поля, уже начинавшие темнеть.

– А вы не знаете? – подхватил Кондрат, – у него сегодня ночью последняя корова околела. Не везет ему – что ты будешь делать?..

Егор сел молча на облучок, и мы поехали. «Этот умеет не жаловаться», – подумал я» [4, т. 3, с. 206].

Действительно, отношение к природе является для Тургенева средством характеристики человека. Но и близость к природе накладывает отпечаток на человека. Примером может являться только что упомянутый Егор: «От постоянного ли пребывания в лесу, лицом к лицу с печальной и строгой природой того нелюдимого края, вследствие ли особенного склада и строя души, но только во всех движениях Егора замечалась какая-то скромная важность, именно важность, а не задумчивость – важность статного оленя» [4, т. 3, с. 194–195]. Однако, будучи частью природы, он в полной мере подвержен всем ее законам: «... жена его все хворала, дети умирали; он «забеднял» и никак не мог справиться» [4, т. 3, с. 194].

Итак, анализ оппозиции «человек – природа» в ментальном пространстве Тургенева раскрывает одну из важнейших сторон мировоззрения и эстетических взглядов писателя, а также особенности его художественной системы. Итоги исследования позволяют сделать вывод об антропоцентризме авторского ментального пространства, истоки которого кроются отчасти во влиянии романтического мировосприятия его предшественников. Кроме того, указанная оппозиция служит важным сюжетобразующим элементом, многое объясняющим в характерах героев и композиционных особенностях как повестей, так и романов Тургенева.

ЛИТЕРАТУРА

1. Курляндская Г. Б. И. С. Тургенев и Л. Н. Толстой / Галина Борисовна Курляндская. – Курск, 1986. – 192 с.
2. Маркович В. М. И. С. Тургенев и русский реалистический роман XIX века : монография / Владимир Маркович Маркович. – Л. : Изд-во ЛГУ, 1982. – 208 с.
3. Шаталов С. Е. Художественный мир И. С. Тургенева : монография / Станислав Евгеньевич Шаталов. – М. : Наука, 1979. – 312 с.
4. Тургенев И. С. Полное собрание сочинений и писем. Сочинения в 15-ти томах / И. С. Тургенев. – М. ; Л., 1961–1968.
5. Вайль П. Родная Речь. Уроки Изящной Словесности / П. Вайль, А. Генис. – М., 1991. – 197 с.

«ВЕТАН ХАДИМИ» ГАЗЕТАСЫ (1906–1908): ТАРИХИ ВЕ МУНДЕРИДЖАТЫ*

В статті висвітлена коротка історія кримськотатарської газети «Ветан хадімі», що видавалася в період з 1906 по 1908 роки в місті Карасувбазарі. Зроблено спробу визначення основної мети і завдання даного видання, яке відіграло важливу роль у розвитку демократичних ідей мусульман Криму.

Ключові слова: нація, газета, революція, відродження, просвіта, прогрес.

В статье освещена краткая история крымскотатарской газеты «Ветан хадими», издававшейся в период с 1906 по 1908 годы в г. Карасувбазаре. Сделана попытка обозначения основной цели и задачи данного издания, сыгравшего важную роль в развитии демократических идей мусульман Крыма.

Ключевые слова: нация, газета, революция, возрождение, просвещение, прогресс.

The article tells a brief history of the Crimean Tatar newspaper «Vetan hadimi», published in the period from 1906 to 1908 in the city Karasuvbazare. An attempt to indicate the main aims and objectives of this publication, which played an important role in the development of democratic ideas of the Muslims of the Crimea.

Key words: nation, newspaper, Revolution, renaissance, enlightenment, progress.

Меселенинь эмиети ве актуаллиги. Сонъ заманлары икътисадий ве сиясий вазият баягъы тирилип ильмий араштырмаларгъа озъ тесирини быракъмакътадыр. Чешит миллетлерге менсюп олгъан бир чокъ зиялылар кырымтатар миллий медениетининъ тарихини баягъы джиддий суретте огренмекте ве миллий вариетимизнинъ темели пекитильмеси ичюн онынъ кечмиш ёллары, азбучукъ кыймети олгъан эр бир факт ве адисени ишлеп дюньягъа чыкъармагъа ёл тутмакътадырлар. Эм, акъикъатен, шимдики вазиятимизде энъ муими ве энъ эвеля япыладжакъ шейлерден – сёнеяткъан, сонъ кыгъылчымларынынъ тютюнлери биле корюнмейяткъан энъ дегерли медений менбаларымызны тапып чыкъарып, оларны козьбебегимизни киби кюрумакъ ве заманевий матбаа юзюне чыкъармакътыр.

Иште, бойле сийрек ве кыйметдар менбаларымыздан бири де «Ветан хадими» (1906–1908) газетасынынъ анда-мында тек-тюк сакъланып къалгъан бир къач нухасыдыр. «Тек-тюк» дегенимизнинъ манасыны даа ачыкъ айтаджакъ олсакъ, «Ветан хадими»нинъ бугунде сакъланып къалгъан нухаларындан ялынъыз С.-Петербургда Русие миллий кутюпханесиндеки дёрт ве Къырым архивиндеки беш номеридир ки, эпси олып докъуз номер тешкиль этмектелер. Булардан башкъа, бугунде дюньяда «Ветан хадими»нинъ ич бир ерде, ич бир нухасы корюнмей.

Олгъанлары исе, сонъ дередже ипрангъан, ве базада архивджилернинъ осал чалышмалары себебинден эшилген-тешилген, ве атта базы

номерлери ичинден парчалар кесилип алынгъан алда булунмакъталар.

Мевзу боюнджа ильмий эдебият ёкъ деджесинде. Бугунде ялынъыз Асан Сабри Айвазовнынъ «Илери»де басылгъан «Къырым генчлигининъ ильки газетеси. «Ветан хадими»нинъ 20 сенелиги мунасебетиле» адлы парчасы малюмдир [1, с. 49–53]. Башкъа базы менбаларда ялынъыз къыскъа умумий малюматлар берильмекте.

Шунынъ ичюн **эсас макъсат**, мезкюр газета бус-бутюн гъайып олмагъандже, онынъ сакъланып къалгъан номерлериндеки базы кыйметли парчаларыны олгъаны киби дюньягъа чыкъармакъ ниет эдиндик.

Занымызджа, бойле янашманынъ бугунде эки тарафлы файдасы бардыр. Биринджиде, юз йыл эвель басылгъан газетанынъ материаллары сакъланыр, экинджиден, шу азыр ишленген, яни араб уруфатындан транслитерация олунып, кыйын анылашылгъан сёзлери ачыкълангъан, ве керекли вакъытта тарихий малюматлар иле изаат этильген материалларнен истегенлер файдалана билер.

Эсас малюматнынъ ачыкълануву. «Ветан хадими»нинъ асыл кыймети нешир этильген заманы ве мундериджаты иле багълы олгъанындан гъайры, чокъ джизетлерден басылгъан ерине де багълыдыр. Къарасувлыларнынъ зиялылар топлумы бойле бир газета чыкъармагъа икътитарлы экен, демек Къырымнынъ миллий интеллектуаль кучю ХХ асырнынъ башында Багъчасарай, Ялта, Алушта, Акъмесджит, Кезлеве киби меркезлерден маада, башкъа нокъталарында да кыйнап тургъаны ачыкъ корюне.

* Статья публикуется в авторской орфографии.

Газетаны чыкьарган сиясетчи, язиджи ве мухаррирлер бир тарафта турсун, онъа маддий гыда бергенлер, оны «хава ве сувнен» теминле-генлер де айрыджа бир ахэнк ве ветанперверлик дуйгусынынъ тимсали эдилер. Олар Решит Медиев ве Асан Сабри Айвазовнынъ шахсиетлери этрафында ойле бир кучь эдилер ки, «джемиет-и-хайрие»лер, «усул-и-джедит» ве «рушдие» мектеплерини ачтыкьларындан гъайры, бир де «Халкъ эви» кьурып, бу ерде кьырымтатар генчлери ичюн музыка, театр ве дигер миллий меде-ний нокьталарны чалыштырдылар [2, с. 95–97].

«Ветан хадими»нинъ биринджи номери 1906 сенеси майыс 1-де чыкьты. Газетанынъ реквизитлеринде «мудир-и-месуль» оларакъ А. Решит Медиев, «сахип-имтияз» (хусусий саиби)¹ сыфатында ерли зенгинлерден Сейдамет Челеби Мурат эфенди ве шерикасы (компаниясы) косьтериле. Газетанынъ адреси: «Къарасувбазар, Ильинская сокъагы, агъа-къардаш Ачкиназилернинъ эви» оларакъ бериле.

Белли олгъаны киби, «Ветан хадими» З. О. Роган адында бир матбааджынынъ типографиясында басыла эди. Осман Акъчокъракълынынъ хаберине коре, шу матбаагъа кьырымджа хуруфат (яни арап харфлери) «Ветан хадими»ни чыкьармакъ ичюн тедарик олунган сермаеге алынгъандыр [3].

Газета 4 саифели эди. Афтада 4 кере чыкьып, шиары оларакъ «Хубб-уль-ветан мин-эль-иман», яни «ветан севгиси имандан келир» ибареси алынгъандыр. Эм «Ветан хадими» сиясий, ильмий, эдебий, фенний, тиджарий ве икътисадий миллий газета киби косьтериле.

Биринджи номеринде кенди мухбир ве окъуйыджылары иле не тарзда чалышаджагы бойле анълатыла: «Газетемизин меслегине мувафькь (уйгъун) хэр не мухаррерат (язылар) къабул олунуп дердж идилиюр, лякин идаре макъаляты (макъалелерни) тасхих итмеге (тюзетмеге) мухтардыр. Дердж идильмеен эвракъ (сахифелер) иаде идильмез (кери кондерильмез). Маркасыз мектюплер къабул олунмадыгы киби, имзасыз мектюплер де дердж олунмаз» [4].

Газетанынъ абуне фиятлары ойле келишти-рильген ки, эр бир истекли, зорлукъ чекмеден языла билер эди. Меселя, газетанынъ сенелик абунеси 5 рубле 50 капик оларакъ косьтериле. Ама абунеджи бир кереден сененинъ сонъуна къадар языладжакъ олса, газетанынъ фияты 4 рублеге эндирилле. Алты айлыгы – 3 рубле, учь айлыгы – 1 рубле 75 капик, бир айлыгы – 75 капик ве перакенде (айры-айры) сатылышында бир нусхасы 5 капик эди.

¹ Бу ве дигер ерлерде расткельген къавислердеки иза-атлар бизимкидир – И. К.

Мухаррирлер газетанынъ сыфаты ве тыш корюнишине де айрыджа эмиет бердилер. Ильк девринде калитеси, кейфieti орта дереджели кыгьыт узеринде керекли хуруфат иле басты-рылса да, оларны чокъ хошнут этмедиле. Даа яхшы сыфатта басылмасына арекет эттилер. «Ида-реден» адлы бир парчада окъуйыджыларгъа бе-рильген ваадларында бойле дениле: «Газетемиз хафтада дёрт кере мунтазаман (девалмы) нешир олунаджакътыр. Сымарыш иттигимиз хуруфат (матбаа харфлери) келинджее къадар, газетемиз-и шимдики хуруфатле чыкьармагъа меджбу-рыз. Бу кьусурымызы мухтерем къариинлери-миз (окъуйыджыларымыз) афу идерлер. Къари-бен (якьында), иншаллах, газетемизе гузель бир джисм веририз» [4].

Эбет, газетагъа абунеджи топламакъ ичюн оны эртарлама келиштирмек меджбуриетинде къалган мухаррирлер, эллеринден кельген иш-лерни япып турдылар. Газетанынъ тиражы кен-дисининъ узеринде махсус бельгиленмесе де, Гаспринскийнинъ «Ветан хадими» хусусындаки бир хаберинде 500–600 муштериси олгъаны анъыла [5]. Базы башкъа менбаларда исе, «Ветан хадими»нинъ тиражы вакътынен 2000-ге чыкь-къаны къайд этиле [2, с. 99]. Акъикъатен, газета эр вакъыт муштерисизлик ве, бунынъ нетиджеси оларакъ, маддий зорлукъларда булунгъандыр. Буны бир къач дефалар «Терджиман» газетасы да къайд эткен эди. «Ветан хадими»нинъ стун-ларында бу дурум ашагъыдаки сатырлардан ко-рюнмектедир: «(Бизнен) мектюп иле мухабере (хаберлешме) идеджеклер еди капиклик марка кондерирлерсе, билятэхир (дерхал) джевап ве-риледжектир» [4]. Яни газетадан язылы джевап алмакъ ичюн конверт фиятыны редакциягъа ёл-ламакъ керек эди...

«Ветан хадими» акъикъатсевер, ветанпервер ве радикаль газета эди. Макъсаткярлы генчлер Р. Медиев ве А. С. Айвазовнынъ этрафындаки-лер ве янларында чалышкъанлар да тесадюфен ишке киргенлерден дегиль эдилер. Газета ха-димлери ве якьын этрафында булунганлар-нынъ аман-аман эпси сонъундан 1-джи Къурул-тай ве даа сонъра Къырымтатар Мухтар Джум-хуриети заманында энъ буюк сиясий роль ой-нагъанлардан эдилер. Меселя, «Ветан хади-ми»нде чалышкъан муреттиплерден бири со-нъундан Къырым Иджра Комитетининъ реиси олган Вели Ибраимов эди [6, с. 46].

Макъсаткярлы ве фааль генчлер – дедик. Эбет, ойледи. Олар «Ветан хадими»нде кенди макъсатларыны ачыкъларкен, бойле парча язды-лар: «Ветан-и-мукъаддесимизин эсири ол-дугъымыз сиях булутлы куньден итибарен, мем-лекетимиз капитансыз, дюменсиз бир геми киби, эмвадж къаза (къаза далгъалары) арасында

чалкъаныюр ве афакъи заламандар залам (уфукълары къап-къаранлыкъ) олан бир иман наумиди (умютсизлиги) ичинде долашыюрды. Геми хэр салландыкъча, кендисини я бинъ парча идеджек бир къаяя яхут дияр-и-адяме (ёкъсузлыкъкъа) кондереджек бир мютхиш далгъая те-сдюф идиюрды. Бу саеде гемидеки бичарелерин къысм-ы-азами (буюк бир къысмы) денъизе тюшип богъулыюр, бир къысмы да: «Аман! Бизи тахлис идеджек (къуртараджакъ), сахил-иселямете (ялыгъа сагъ-селямет) чыкъараджакъ кимсе ёкъму?» – дие рахнедар олмуш (зараргъа огърагъан) гемиден феръят ве фигъан идиюрдылар. Теэсюф, бинъ кере теэсюф ки, бу аджи феръядлары, бу юреклерин парчалаян фигъанлары ишиден олмады. Чюнки о заманларда бойле инъильтилери ишидеджек къулакъ, бойле феръядлар иле мютеэссир оладжакъ (тесирленеджек) къальплер ёкъ иди! Асырларджа девам иден шу хал-и-эсиф иштималы (кедерли алгъа огърагъаныны) корип де бичаре инсанларын имдадына къошан (чапкъан) булунмады. Ветанымызда алий макъамлары ишгъаль иденлерден бу халы коренлер олду исе де, онлар да пармакълары арасындан бакъып эхъмиет вирмедилер.

Хатта шу эмвадж-мютхише, къоркъунчлы далгъалар арасында богъулмакъта оланлара какъахалар идуп кулиюр, зевкъланыюрлар.

Девр-и-инхитатымыз (ашагъы энме девримиз), инкъыраз ве махв (ёкъ) олмакъ вакътымыз демек олан шу ахвал-и-алемден джарихедар (яралы) оланларын тедавий идеджек бир табиби-хазыкъ (уста эким), иман наумиди (умютсизлик) ичинде богъулмакъта олан хэйтимизи (къабилемизни) тахлис идеджек (къуртараджакъ) махир бир капитан эсхаб-ы-кехф (юкъуда олгъанлар) киби, хал-и-мазалетте (ашагъылангъан алда), гъафлет уйкъусында ятан джемаатымызы икъаз идеджек (уяндыраджакъ мюэссир (тесирли) сесли бир мюнадий (мюэззин), зулематта (къаранлыкъта) къалан миллетимизи нур-и-марифете (бильги нуруна) исал идуп (кетирип) дарейнде рефах (эки дюньяда раатлыгъы) ве саадети мевджуп тарикълери (керекли ёлларыны) косътереджек бир рехбер-и-хакъикый лязим иди ки, Ветанымыз секинеси (раатлыгъы), кесб-и-афиед идерек (селяметлигини буларакъ) иде-и-хаят (эвельки яшайышыны) иде бильсин!

Кендисиле ифтихар иттигимиз, факъат хэнуз хакъикъат ве махитини (аслыны) анълаямдыгъымыз дейн-и-мюбейин (бордж бильдирген) ислям табийинден хич бир шей эсиргемеен (аджымагъан) фейяз (берекет берген) къудрет хазретлери бойле буюк бир лятифи (гузелликни) де эсиргемеди. Иптида Кавказ дагълары арасындан Хасан бек Зардаби (Меликов) дженапларынынъ «Экинчи» («Сеятель») нам газетасы зухур итти.

Этраф-ы-эрбаа (дёрт тарафкъа) сачтыгъы маариф тухумларындан, арасы чокъ кечмеден «Терджиман» мейдана кельди. Йигирми дёрт сене къадар бир мюддет хэп: Мектеп! Маариф! Мектеп! Маариф! нида итти. Усул-иджедитнинъ интишарына (таркъалмасына), джемиет-и-хайриелерин догъмасына буюк хызмет эйледиди. Кечен сенедде онъа рафикъ (аркъадаш) олмакъ узъре Бакуда «Хаят», «Иршат» («Догъру ёл»), Къазанда «Къазан мухбири» мейдана кельмиш иди. Бу сенедде мефтуну олдугъымыз хюрриет кунешининъ шевкъи корюнмесиле Петербургда «Нур», «Ульфат» («Достлукъ»), Оренбургда «Вакъыт», Къазанда «Азат», «Эль-дин ве эль-эдеп», «Йылдыз» ве даха пек чокъ газетлер, журналлар, фенний-эдебий джериделер (неширлер) зухур итти ве къарибэн (якъында) бир къач газете даха зухур идеджеги миллий джериделеримиз нешир итмектедир. Вакътыле «Экинчи»нинъ септиги маариф тухумларындан хэр ерде, хатта намы ишидильмемиш къасабаларда биле бирер тухум тюшерек, тедриджен (яваш-яваш) инсанлары тенвир итмеге (айдынлатмагъа) башламыштыр.

Иште, бугунъ эждат-ы-азиммизин (улу неслимизнинъ) икинджи пайтахтлары (меркезлери) олан Къарасув киби исми унутылмыш, хаяты сёнмуш, харабе-зар (виране) халында булунан бир шехирде де «Ветан хадими» дюнья келип кендисини миллете такъдим идиюр! «Ветан хадими» миллий газетелеримизин йэк-дигерине (бири бирине) рекъабет идерджесине тексир (эксерти) иттиги ве Русиенинъ энъ зияде инкъиляп эйледиги бир заманда тулу иттиги (догъгъаны) киби, догъдугъы ер де «джисми вар исми ёкъ» кёхне (эски) бир къасабадыр.

Бунунъчюн табийдир ки, газетемиз ильм ве маариф базарында межлис-и-ильмие ве махафил-и-сиясиедде (сиясий топлантыларда) чарчабукъ бир мевкъи (ерни) ишгъаль идеме. Факъат миллетимизде уянан ильм ве маариф дуйгъусы саесинде «Ветан хадими» де кендисине джевлан итмеге (юрюмеге) бир мейдан булур умидиндейиз.

Затен «Ветан хадими»нинъ догъмасындан макъсат – миллетимизин чёллерде, койлерде, чифтчилик, зираатчылыкъ, багъчеджилик, амеллик (ишчи оларакъ) ве саир иле тайиш иден (кечинген) сыныфына хызмет итмек, эхвал ве маишетлерининъ (яшайышларынынъ) исляхине (яхшылашмасына), араларында маарифин тамим (умумий олмасына) ве интишарына (таркъалмасына) аликъадр эльхал (буюк гъайретнен бугунъ) чалышмакътыр. Бинаэн алейх (бундан долайы), ветанымызын кесб-умранына (сеадетине) мусульманларын теракъкъиесине (илерлемесине) мекятиб-и-миллиеимизин (миллий мектепле-

римизнинъ) тезйид (арттырылмасына) ве исляхине (эйилешмесине) миллетимизин хукъукъыны мюдафаасына (къорчаланмасына) огърашаджакътыр.

Хэйет-и-ислямиемиз (ислям къурулы) меянында (арасында) алий постлары ишгъаль иденлерден, улема (илим саиплери) ве амиримизден (илери кельгенлерден) сырасы кельдикче бахс идиледжектир (сэйленеджектир).

Язаджагъымыз ахвал, къариине (окъуйдыжыларгъа) арз идеджегимиз вукъуат (вакъиалар) не къадар алим (элемли, кедерли) ве не дередже хазин (гъамлы) олса да, олдугъы киби беян идиледжектир. Янгъыны – иллюминация, къыямы (беяны) – дюгюн, хыянети – керамет (лютф, керем), къаргъайы – бюль-бюль, виранейи – гюлистан дие тефсир итмееджегиз (анълатмайджакъмыз). Догъруйы – догъру, эгрие – эгри демек «Ветан хадими»нинъ борджу оладжагъы киби, алем-и-ислямиетте джереян иден (акъып кечкен) ахвал ве вакъайиди (вакъиаларны) заман ве меяаннынъ мюсаидесине коре, аджы-аджы тенкъит итмек меслегимиз мукътезаятындандыр (талапларындандыр). Мамафих (бойлеликле), «миллете хызмет» намы алтында керек эйи, керексе фена олан хавадислери (адиселерни) агъаларын хатири, софуларын такъвалыгъы (Аллахтан къоркъусы) урьметине ялан-янълыш арз идильмееджектир.

«Ветан хадими»нинъ къулладжакъ тили – умумий лисан-и-эдебийдир. Языладжакъ шейлер де мумкюн мертебе лисаны (тили) хэр кесин анъладыгъы бир дереджеде, шиве бозулмамакъ шартыле, саделештирге гъайрет идеджегиз. Шуну да арз иделим ки, «Ветан хадими» Ветанымызын теракъкъисине чалышаджагъы киби, миллет ве миллетимизин фаидесине гузель макъалелер язан эрбаб-ы-къалеме де сахифелери даима ачыкъ булунаджакътыр. Чалышмакъ – бизден, хызмет – миллеттен, тевфикъ (ярдым) – Аллахтан» [7].

«Ветан хадими» озь сиясий ве ичтимаий ишини кенишлетмек макъсадынен Къырымнынъ бир сыра кошелеринде мухбир нокъталарыны тешкиль этип, оларгъа газета сатмакъ ве абунеджи топламакъ киби вазифелер де бергендир. Анълашылгъанына коре, «Ветан хадими»нинъ векиллери оларакъ Ялтада – Джафер Эфенди Адаманов, Багъчасарайда – Али Эфенди Тарпи, Козьлеведе – Хафуз Шемьи Эфенди, Кефеде – китапчы Пургайло дженаплары тайин этильген эдилер.

«Ветан хадими»нинъ биринджи номерини огрениркен, бир сыра меракълы ве эмиетли парчаларгъа огъраймыз. Газетанынъ мухаррирлери (биринджи рус инкъилябы деврини башындан кечиргени алда) озь фикир ве дуйгъуларыны

ачыкътан анълатмагъа тырышалар. Кечмиште чар зулумы нетиджесинде Къырым не алгъа кельгенини косътерип, Ветаннынъ месут, бахтлы келеджегине насыл ишлер япмакъ, биринджелиде ве сонъра насыл меселелерни чезмек кереклигини «Ветан хызмет» серлевхалы парчасында бу шекильде ачыкълайлар: «Газетемизе «Ветан хадими» намыны веререк, бойнумыза Ветан хызмети киби агъыр вазифе алдыкъ. Бугунъ майыс 1-ден итибарен бу вазифемизин иджрасына тешеббюс идиюрыз. Эгер Дженаб-ы-ваджи-уль-вюджут (Аллах) андында ишимиз муваффакъ келир исе, бойнумыза алдыгъымыз хызмете къалем быракъмыноп джехд (гъайрет) идеджегиз.

Ветан хызмети буюктир ве эсадыр (хайырлыдыр). Русиенинъ шимдики халында хызметимиз не оладжагъыны текмилен сэйлемек иркен (эрте) олдугъындан, газетемизин хаятына да бельки хавфлыдыр. Лякин бу хусуста бир шей сэйлемейип ише башламакъ лыйыкъсыз олур зан идериз. Бойле олдукъта, дие билириз ки, бизим эввеля хызметимиз – Ильминский ве Победоносцев хилелери (айнеджиликлери) иле бедбахт (бахтсыз) олып къалан идаре-и-руханиямизи шери-шерифин (шериятын) косътердиги тарикъле (ёлу иле) исляхтан (реформадан) сонъра бизим диний ишлеримизден хюкюметин темизтемизе эль чекмеси талабы!

Икинджи, факъыр ве фукъаре къалан къырымтатар къардашларымызын хал ве маишетлерини ислях ичюн тазе бир ёл арамакътыр.

Къырымда ики юз бинъ джан мюсюльман эхалиси хэсап олуныур. Бу ики юз бинъ джан эхалининъ 25–30 бинъи шехэрлидир, дёрт я беш бинъи «дворян» ве «духовный»дыр. Къалан 160 бинъден зияде эхали джемиси койлю «поселян»дыр. Бу 160 бинъден зияде джан сабанджылыгъа багълы олдугъындан, йиеджеги, ичеджеги ве джеми маишети къара ердендир. Къырымда сабанджылыкъ иле мешгъуль гъайры миллет де чокътур. Лякин бу миллетлерин арасында мюсюльман сабанджысындан даха хор, мюсюльман сабанджысындан даха факъыр бириси ёкътур. Бунунъ себеби – мюсюльман сабанджы эхалисинден ярыдан зиядесининъ топу бирер сажень топрагъы вардыр. О да эгер помещиклер разылыкъ косътерип иселер, дар-уль-фенадан (дюньядан) дар-уль-бекаея (ахиретке) хиджретте вериледжектир!

Бир вакъытта Къырым койлю мюсюльманлары къутлу (бахтлы) ве зенгин идилер. Ол вакъыт сабанджылар элинде кереги микъдарда топракъ да вар иди. Бу насыл олду да, бу ерли топракълы сабанджылар бир юз сене ичинде топракъсыз ве хор, факъыр къалдылар? Бу суалин джевабыны ялынъыз Къырым Русиее таби

олдугъы куньден бугунедек Русиеде девам иден къанунлар ве бу къанунлары иджра иден мемурлар ве мухакемеханелер (судлар) вере билирлер... Лякин шурасыны да сёйлемек керек ки, шу къанунларын ичерсинде «Екатерина Великая»нынъ Къырым эхалисине даир чыкъардыгъы ве мемурлар джебинден чыкъмайып къалан бир «Манифест»и вардыр ки, юкъарыда яд идилен (аньылгъан) хор ве факъыр къалан къардашларымызын хал ве маишетлери ислях талабында, мезкюр «Манифест»ин шу джумлеси иле рехберленеджегиз: «Неправильно взятое настоящему владельцу возвратить!» Манасы: хакъсыз алынган сахибине керикъайтарылып верильсин!

Бу ики хызмет «Ветан хадими» намыле котердигимиз байрагъын ики сатырыдыр. Байрагъымызын учюнджи сатыры мектеп ве медресе исляхыдыр. Дёртюнджи ве бешинджи сатырлары – бунлары да сёйлериз...

Юкъарыда дедигимиз киби, шимди агъзы ачыкъ тутмакъ бугунь тулу иден (догъгъан) «Ветан хадими»нинъ хаятына бельки хавфлыдыр ве лякин бизим хаялий байракъ котерип газете стунлары толдурдыгъымыз иле битмез. Вар къуввет иле талап да лязимдир. Лякин Русие низамлары ве хюкюмети шимдики формада идаре идер исе, талап иле де иш битмез. Ойле олдукъта, баш хызмет, баш талап – Русие хюкюмети идареси исляхыдыр. Бизим андымыз да идаре-имешруте-и-авамие (авам халкънынъ конституцион идареси) талаплары узьре Русиеде идаре-имешруте тикильмейиндже, не бир миллет ве не бир къавм Русиеде рахатлыкъ ве ихтиярлыкъ (сербестлик) буламаз!» [8].

«Ветан хадими» озь вакътында тасиль меселесини де кескин суретте котерген эди. Мектеплерде окъув эснасында мейдангъа чыкъкъан проблемлери бутюн инджеликлернен айдынлатып, Къырымдаки миллий тасильнинъ сыфат дедеджесини юксельтмеге огърашты. О девирде булунгъан аджы аллар бугуньде де миллий тасилимизде корюнуп тургъанындан, А. С. Айвазовнынъ «Мектеплерин исляхи ве ичтима-и муаллимин» адлы парчасыны бир ибрет сыфатында толусынен беремиз:

«Усул-и-джедиде ве межатибин (мектеплернинъ) исляхи фикр-и-мукъаддеси иттидаий ватанымыз олан Къырымдан зухур идерек, харик-уль-аде (адеттен тыш) дениледжек бир суретте Русиенинъ хэр тарафына интишар идуп (дагъылып) бугуньки куньде мюсюман булунан шехирлерде пек чокъ усул-и-джедиде мектеплери мейдана кельмиштир. Факъат Ветанымызын бу нимети иле кендимиз халя мютенаим (варлыкълъы) оламадыгъымыза не дедедже теэссюф итсек, ери вардыр. Мухтерем «Терджи-

ман»нынъ 25 сене къадар къулакъларымыз ичинде мектеп ве маариф хакъкъында иттиги нидалары, окъудыгъы хутбелери, сёйледиги насихатлары заманнынъ бухранына (къарышыкълыгъына), межаннынъ узакълъыгъына, къышын баридатына (сувугъына), язын хараретине эхмиет вермиюп, огъуне чекилен истихкамлары (къувветлери) тар-мар идерек, дагъ ве къаялары, чёлъ ве дерьялары ашаракъ, он бинъ вёрст месафелик шехирлерде, къасабаларда, койлерде акс ве тесир иттиги мунтазам (низамлы) ве мюкеммель дар-уль-тедрислер (дерсханелер) мейдана кельдиги халда, бизим Къырымда усул-и-джедиденинъ хэнуз (аля даха) лязими киби интишар идемедиги ве «усул-и-джедиде» намындаки мектеплеринде ляйыгъыле ислях (реформа) олунамадыгъы шаян-ы-теэссюф (чокъ языкъ) дегильмидир?

Къырымда бинъе къарип (якъын) межатиби-и-ислямие мевджут икен, бунлардан онда бири, бельки йигирмиде бири анджакъ усул-и-джедиде тахвиль идильмемиштир (чеврильмегендир).

Бунлар меянында (арасында) ялынъыз намы «усул-и-джедиде» оланлар да аз дегильдир. Эгер «усул-и-джедиде» намы вердигимиз межатиби (мектеплери) бир хэйт-и-мюмейиз (имтихан комиссиясы) тефтиши идеджек олур исе, ветанымызда анджакъ он мектеп къалыр. Бунларын да усул-и-тедрислери, тертип ве низамлары, дерс программалары бир-бирине мухалиф (терс) о дедеджеде зыттыр ки, бирисинде тедрис идилен дерсин, дигеринде исми биле ишидилмиюр. Икинджи-исинде къулланылан усул-и-тедристен учюнджи мектебин хабери ёкътыр. Месея, бир мектебин икинджи сынфыны икмаль иден (битирген) бир шакирд, дигер бир мектебе кидерсе, я дёртюнджи сыныфта кечеджек яхут биринджи сыныфта къаладжакътыр. Учюнджи сыныфта хич киремез. Чюнки хэр мектеп мюстакъиль (озь башына), хэр мектебин программасы, усул-и-тедрисиеси де башкъадыр. Бу себептен «усул-и-джедиде» намы вердигимиз мектеплерде беи-он сенеден берли хич бир эсер-и-терахкъъи (илери бир шей) косьтермемишлердир. Мектеплеримизин хэр биринде бирер усул программа олмамысында не къадар зарары олдукъы мейдандадыр. Муаллим эфендилеримизин хэр бири: «Меним усул-и-тедрисийем (дерс усулым) фаиделидир, меним танзим иттигим (тизгеним) программа догърудыр!» – давамыле йёк-дигерининъ (бири-бирининъ) хасм-ы-джаны (душманы) олуйырлар.

Затен арамызда бу дава-и-шахсие бунсуз да джанымыза кечмиштир. Бу мектеп ве тедрис давамы да чыкъынджа, артыкъ хафиз-Аллах

(Аллах сакъласын)! Хэр муаллим бир-бирини земм идер (айыплар), йэк-дигери хакъкъында итале-и-лисанда (ошеклерде) булуныр, бирисининъ малюматыны отеки чекемез, бирисининъ къусурыны учюнджиси ютамаз. Бири дигерине селям вермез, дигери де оны тан (сёгер) ве текфир (куфюр) идер. Сенелер, айлар дава-и-шахсие иле кечер гидер.

Хэле «муаллим» унван-джелили (буюк унваны) алтындаки эвлия боджеклер де иддия (давагъа) кирер исе, артыкъ аман!!! Бунлар енъи эвляд-ы-ветаннынъ (ветан балаларынынъ) къаныны ичен филлюксерлер (филлюксералар, юзюм къуртлары), дамларларыны чюрютен микроблар, шавле-и-зекаларыны (зехин, фикир кескинлигининъ нурларыны) сёндюрен хашерат хакъикъатта усул-и-джедиденинъ душманы икен, «мектеплеримиз эльден чыкъмасын, маашымыз кесильмесин» ниет-и-фаидесиле (файда ниети иле) «биз мектеплери усул-и-джедидее тахвиль итдик (чевирдик)» – дие джемаатын козюне перде чекиюрлар. Халбу ки, хюкм-ю-тахтында инълеен мектепте усул-и-джедиденинъ асрий (земаневий) къокъусы биле ёкътыр. Усул-и-джедиденинъ не олдугъыны бильмез, окъудыгъы китабы анъламаз, ики сатыр догъру язы язмакътан да аджиздир. Алты сене къадар бир мюддет эвляд-и-ветан «мектеп» намы вердигимиз «къулюбе» (эвчик) девам идер, хич бир шей бильмедиклери халда дуа ве сена иле мектептен къалыр, ялынъыз теджвитсиз (къосътергичсиз) олмакъ шартыле ялан-янълыш «Ясин-Шерифи» окъумакъ огренир. Шимди бу киби муаллимлерин окъуттыгъы ве окъутаджакълары чоджукълардан не беклее билеиз?! Бу «муаллим» унваныны гъасп иден (зорнен алгъан) мазарр (зарарлы) микроблар учъ-беиш сене зарфында заваллы шакирданнынъ фитретлериндеки истидат ве зекаларыны да ийер битирир.

Иште мектеплеримизин халы, иште муаллим эфендилеримизин хызмети! Малюмат сахиби олан муаллим эфендилер йэк-дигерини (бири бирини) чекемемек маразыле кенди вуджутларыны йиюр, миллети джахиль быракъиюр, эвлия къыяфети алтында бойну тыраш олан зарарлы «боджеклер» талобенинъ вуджудыны чюрюдиюр.

Шимди къабахат кимдедир? Муаллимлердеми, джемаат ве миллеттеми? Асыл къабахат мекяттип (мектептер) ве медресин (медреселерининъ) эмур (иш) незаретини дерахде иден (беджерген) идаре-и-руханиедир. Мектеп ве медреселери, джами ве текиелери ислях итмек, эмур ве идаресини козетмек биринджи вазифеси иди. Ах, языкълар олсун ки, идаре-и-рухание аксине амель итти (япты). Къанады алтына ал-

дыгъы мектеп ве медреселер йыкъылды. Эвкъаф (вакъуфлар) юмуды, джами ве текиелер де агъланыладжакъ бир хала кельди. Мадам ки, идаре-и-рухание вазифесини ифа итмедиди (япмады) ве итмиюр, о халда биз де денъизде рузгяр беклеен ялынъызлы геми киби беклеелимми? Хайыр, хайыр! Беклее-беклее гъайры джанымыз янды! Артыкъ келинъиз эль бирлигиле мектеплерин исляхине бир чаре араялым! Эгер мектеплерин къаффеси (эписи) бир программа тахтына (алтына) алынмаз, усул-и-теорис хэсинде бир олмаса, не муаллимлер арасындан адавет (душманлыкъ) ве нефакъ (анълашмазлыкъ) къалкъар, ве не де мекяттибимиз теракъкъи идер.

Мектеплери ислях ве низаме чекеджек, хэсини бир программа тахтында (алтында) булундыраджакъ ялынъыз джемиет-и-ильмие яхут бир хэит-и-мюмейизедир (имтихан комиссиясыдыр). Татиль заманларында мектеп муаллимлери муайен (тайин этильген) бир ерде иджтима итмели (топланмалы), мектеплери исляхине даир мюбахасе (дискуссия) ве мюназара (къонушмалар) идуп, кенди араларындан ве муаллимлерин гъайрысындан азалар интихап идерек (сайлап) бир джемиет-и-ильмие тешикиль эйлемели. Бу джемиет-и-ильмиеден бир хэит-и-мюмейизе интихап идерек, дерс назыры, мюфеттиш (тефтиш этиджи) ве саире сайлайып, хэр волосттаки мектеплери бир адамын назаретине вермели. Интихап идиледжек (сечиледжек) мюфеттиш, назыр эфендилер мутлакъа муаллимлерин гъайрысындан олмалыдыр. Хэр мектебе бир мудир, бир мюфеттиш сайламакъ мумкюндир. Хуляса – мектебин маддий джихэтини мудире, маневий джихэтини де хэит-и-мюмейизе (имтихан комиссиясына) тежди идильмели (юкленмели). Мектебин программасы, усул-и-тедриеси хэит-и-мюмейизе тарафындан танзим идильмелидир (тизильмелидир).

Бу бабда языладжакъ мадделер нек чокъ исе де, биз шимдилик бу къадар иле иктифа идер (кифаатленир) ве муаллим эфендилеримизин бу хусустаки рейлерини (фикирлерини) беклериз. Огюмиздеки язда, татиль заманында, июнь ахырларында Къарасувда бир иджтима-и-муаллимин (оджалар топлантысыны) ялмакъ умидиндейиз. Бу макъсат-хайири иштирак идеджек муаллимлер, шимдиден хабер вермелери лязимдир. «Ветан хадими» идаресине язмалы бильдирмели. Бу муаллимлер иджтимаине муаллим олмаянлар да иштирак иде билерлер. Ялта мюсюльманлары арасында бу гузель фикир чокътан берли сёйленсе де, маатэссюф (языкъ ки) мейдана кельмедиди. Иншаллах, бу иджтимамыза онлар да иштирак идерлер. Иджтима-и-

муаллимин бутюн Къырым ичюндир. Хэр ерден адамлар кельмели. Факъат хич зан итмем ки, бу эмур-и-хайирден (хайырлы иштен) къачан адам булунсын. Шурасыны да арз идеямы ки, юкъарыдан бери серд иде кельдигимиз (къысым-къысым аңлаткъанымыз) макъсады мейдана кетирмек ичюн хич бир мюшкюлят чекильмез умидиндейим.

Йигирми беш сене мукъаддем миллетимизин не халда олдугъы хэтинъизе малюмдир. Ялынъыз бир «Терджиман» иле нелер мейдана кельди ве не фикирлер догъды! Йигирми сене мукъаддем маариф, газете, мектеп недир, исляхат насыл шейдир? – диен кимсе ёкъ икен, бугунь юзлерле маарифперверлер, мухаррирлер, эдиплеримиз вардыр. Беш-он сене эввель Къырым адамы?, ярымадамы? – не олдугъыны бильмеенлер, бугунь Африка ве Америкадан бахс (субхет) идиюр. Миллетимизде теракъкъи фикри уянды. Бу фикри изхар итмели (мейдангъа чыкъармалы), тешеббюс идеджегимиз эмур-и-хайирде бир мюшкюляте огърар исек, буюклеримиз хэр заман халь итмеге хазырдырлар. Иджтима (топланты) заманыны келеджек номерлеримизде тайин идериз...» [9].

Нетидже оларакъ шуны къайд этмели ки, юкъарыда мисаль оларакъ кетирилген бир къач

парчалардан корюнгени киби, «Ветан хадими» газетасы миллий медениет ве тарихимизнинь буюк бир маневий ядиркярлыгъыдыр. Онынь ве онъа бенъзер дигер эски матбуатымызнынь саифелерини «джанландырмакъ» эмиетли ве ше-рефли хызметтир.

КЪУЛЛАНЫЛГЪАН ЭДЕБИЯТ

1. Айвазов А. С. Къырым генчлигининь ильки газетеси. «Ветан хадими»нинь 20 сенелиги мунасебетиле // Илери. – 1926. – № 1. – С. 49–53.
2. Kırımlı N. Kırım tatarlarında milliy kimlik ve milliy hareketler: 1905–1916. – Ankara : Türk tarih kurumu basımevi. – 1996. – 296 s.
3. Акъчокъракълы О. Къырымда татар матбааджылыгъы // Илери. – 1927. – № 4. – С. 22–23.
4. Ветан хадими. – 1906. – № 1. – Майыс 1.
5. Гаспринский И. «Ветан хадими» // Терджиман. – 1906. – № 126. – Ноябрь 6.
6. Алядин Ш. Бизим ифтихарымыз // Йылдыз. – 1987. – № 5. – С. 43–50.
7. Хэйет тахририе. Меслек ве мурадымыз // Ветан хадими. – 1906. – № 1. – Майыс 1. – С. 1.
8. Ветане хызмет // Ветан хадими. – 1906. – № 1. – Майыс 1. – С. 1.
9. Айвазов А. С. Мектеплерин исляхи ве иджтима-и муаллимин // Ветан хадими. – 1906. – № 1. – Майыс 1. – С. 2–3.

УДК 821.161.1 : Д 82-31

Романов Ю. А.

ОТРАЖЕНИЕ «ПОДПОЛЬНОГО» ЭСТЕТИЗМА В ПОЭМЕ «ВЕЛИКИЙ ИНКВИЗИТОР» ИЗ РОМАНА Ф. М. ДОСТОЕВСКОГО «БРАТЯ КАРАМАЗОВЫ»

У даній статті досліджено реалізацію «підпільного» мотиву (зокрема «підпільного» естетизму) в образі Івана Карамазова за матеріалами його поеми «Великий інквізитор».

Ключові слова: «підпільний» мотив, образ, ідеал, самокаяття, естетизм.

В данной статье исследуется реализация «подпольного» мотива (в особенности «подпольного» эстетизма) в образе Ивана Карамазова на материале его поэмы «Великий инквизитор».

Ключевые слова: «подпольный» мотив, образ, идеал, самокань, эстетизм.

This article concentrates upon realization of the «underground» motive (especially the «underground» aestheticism) in the character of Ivan Karamazov on the body of his poem «The Grand Inquisitor».

Key words: «underground» motive, character, ideal, self-torture, aestheticism.

Постановка проблемы. Поэма «Великий инквизитор» приковывает к себе внимание критиков, философов, литературоведов уже более 130-ти лет. Трудными многими исследователями творчества Ф. М. Достоевского представлено осмысление проблематики поэмы в самом широком контексте [1; 2].

Анализ публикаций. В. Розанов считал главы «Pro и contra» и «Великий инквизитор» «центральными» не только по отношению к ро-

ману «Братья Карамазовы», но и «по отношению ко всему длинному ряду произведений Достоевского, который можно рассматривать как предварительные, неясные и неполные вариации мучительной темы», когда «Бог принимает исповедь от твари своей за все тысячелетия ее страданий, смрада, греха и могучих и напрасных усилий превозмочь это» [3, с. 73]. Н. Бердяев отмечал: «Вершины своего сознания Достоевский достигает в «Легенде о Великом Инкви-

зитор». Тут завершаются его антропологические откровения, и проблема человека ставится в новом религиозном свете» [4, с. 229]. В относительно недавно вышедшем, но уже достаточно известном сборнике трудов под редакцией Т. А. Касаткиной, отражающем «современное состояние изучения» романа «Братья Карамазовы», в приведенной библиографии, включающей перечень исследований по данному роману за последние 40 лет, проблематику поэмы «Великий инквизитор» затрагивают более четырех десятков работ [5, с. 797–827]. В самом сборнике также опубликованы труды современных исследователей, продолжающие раскрывать спектр проблем, развернутых в поэме: например, в исследовании П. Фокина делается попытка определения места поэмы «Великий инквизитор» в идейной структуре романа «Братья Карамазовы» [6]; работа С. Бочарова посвящена анализу «странного сближения молодого пушкинского стихотворения с последней идейной конструкцией Достоевского» как «одного из прямых отражений Пушкина в Достоевском» [7]; проблемы «метафизики противостояния» в романе «Братья Карамазовы» исследуются Л. Сараскиной [8].

Как указано в комментариях к роману в 30-томном собрании сочинений Ф. М. Достоевского, возникновение у писателя одного из важных мотивов, получивших развитие в главе V пятой книги второй части романа «Великий инквизитор», относится к 1840-м годам (см. иронические реплики Мурина в адрес Катерины о «волюшке» и «слабом человеке» в повести «Хозяйка»), а образ Ивана «генетически связан с Раскольниковым, Ипполитом Терентьевым и Ставрогинным» [9, т. 15, с. 402, 416]. По нашему мнению, в этом же ряду можно поместить и образ человека из «подполья» (героя-рассказчика повести «Записки из подполья»), в характере которого наиболее полно воплощен «подпольный» тип сознания и поведения (на связь идейной проблематики «Записок из подполья» и поэмы «Великий инквизитор» указывали еще В. Розанов [10] и Н. Бердяев: «Идейная диалектика о человеке и его судьбе начинается в «Записках из подполья», будет дальше раскрываться через все романы Достоевского и найдет свое завершение в «Легенде о Великом Инквизиторе» [11, с. 48]).

Цель настоящего исследования – проследить реализацию «подпольного» мотива (в особенности, «подпольного» эстетизма) в образе Ивана Карамазова на материале его поэмы «Великий инквизитор».

Изложение основного материала. Как показывают исследования [12; 13], «подпольный» мотив в повести «Записки из подполья» (да и в

творчестве Достоевского в целом) выражен следующим образом:

- человека из «подполья» отличает трагическое восприятие жизни, обостренное внимание к негативным, уродливым ее сторонам. Такое видение мира ставит его «из ряда вон», обида на жизнь делает его ранимым аутсайдером, трагическим одиночкой;

- противостоит трагедии бытия в сознании «подпольного» героя «прекрасное и высокое», в духовное бегство к которому и устремляется герой повести. С высоты «прекрасного и высокого» «непосредственные люди и деятели» оказываются презренно низки; в человеке из «подполья» рождается стремление изменить их жизнь в соответствии с собственным эстетическим идеалом, подчиняя всех своей воле («подпольный» герой мнит себя «Наполеоном», «деспотом в душе»);

- в жизни действительной человек из «подполья» осознает собственное несоответствие идеалу и потому предает себя жестокой самоказни, которая носит эстетический характер: в собственном унижении для героя заключается «сок ... странного наслаждения», «наслаждения от ... сознания своего унижения» [9, т. 5, с. 105, 102];

- подверженный страсти добровольного самоуничтожения, герой оказывается выброшенным из «компании человеческой» и испытывает нравственное отчуждение от духовного бытия Божьего мира; происходит глубинное неприятие и провозглашается проклятие его, что приводит к разложению всех человеческих качеств и постепенной гибели героя в духовной изоляции – «подполье».

Проецируя данную «подпольную» матрицу на характер Ивана, нетрудно заметить совпадения, позволяющие говорить о выраженности в нем «подпольных» черт:

- как и «подпольного» героя, Ивана отличает трагическое восприятие мира, обостренное внимание к его уродливым сторонам, о чем свидетельствует собранная им «коллекция» «некоторых фактиков»: о турках, со сладострастием мучивших и убивавших детей; о казни Ришара; о мужике, с остервенением бьющем клячку по плачущим «кротким глазам»; о том, как «образованный господин и его дама» секли «собственную дочку»; о «девчоночке маленькой, пятилетней», запертой «в холод, в мороз» возненавидевшими ее родителями «в подлом месте»; о маленьком мальчике, «всего восьми лет», затравленным стаей генеральских борзых на глазах у матери;

- если «подпольный» человек противопоставляет несовершенному миру свой морально-

нравственный идеал «прекрасного и высокого» в образе «героя», над всеми торжествуя и прощая всех [9, т. 5, с. 132–133], то Иван Карамазов прямо осуществляет «притязание гордыни сатанинской», – «быть самому Богом, быть выше Бога» [14, с. 68], обращаясь к Богу на равных, обвиняя Бога в страдании невинных детей, Божьего мира не принимая и «билет» на вход в гармонию возвращая;

• причиной самоказни Ивана, как и у человека из «подполья», выступает несоответствие героя своему идеалу (в частности, примером этого могут служить отношения Ивана со Смердяковым, которые очень напоминают нравственные мучения «подпольного» героя со своим слугой Аполлоном). Заключая в себе непомерное тщеславие, гордыню, Человекобожие, Иван в то же время признает, что он – «клоп» – в состоянии мыслить только «земным», «эвклидовским» умом и что «правда ... не от мира сего» ему «непонятна» [9, т. 14, с. 222]. В осознании этого – доходящая до наслаждения самоказнь и эстетизация ее. Иван понимает, что существующий порядок вещей в его же собственной трактовке – лишь только «эвклидовская дичь» и жить по ней не сможет «согласиться» [9, т. 14, с. 222], точно также как не мог согласиться герой «Записок из подполья» с непрерывно обижавшими его «законами природы» – «каменной стеной» [9, т. 5, с. 105]. Потому-то в поэме «Великий инквизитор» Иван нравственно и приравнивает себя к инквизитору, который, оставаясь «со страданиями неотомщенными» [9, т. 14, с. 223], смог побороть свободу и «сделал так для того, чтобы сделать людей счастливыми» [9, т. 14, с. 229]. (На связь инквизитора с «подпольем» указывает его собственное признание о том, что люди, «промучившись тысячу лет со своей башней» (Вавилонской), «принесут свою свободу к ногам нашим» [9, т. 14, с. 230–231] и «отыщут нас» *«под землей, в катакомбах»* (курсив мой – Ю. Р.) [9, т. 14, с. 230]). Эстетизация самоказни достигает наивысшего накала, когда инквизитор открыто объявляет о том, что взяв в руки меч кесаря и отвергнув Христа, они пошли за Антихристом [9, т. 14, с. 235], и «все будут счастливы», но только «управляющие ими» и «хранящие тайну» будут «несчастливы» [14, с. 236]. Алеша камня на камне не оставляет от Ивановой эстетики, говоря, что за нею стоит «самое простое желание» власти и благ «без ... возвышенной грусти», а также о том, что инквизитор «не верует в Бога», в чем и «весь его секрет» [9, т. 14, с. 237–238];

• говоря о том, что «спокойствие и даже смерть человеку дороже свободного выбора в познании добра и зла» [9, т. 14, с. 232] (в «За-

писках из подполья» герой, после того, как «оскорбил ... окончательно» Лизу, тоже говорит, что «"спокойствия" желал, остаться один в подполье желал» [9, т. 5, с. 175–176]) и о том, что «надо идти по указанию умного духа, страшного духа смерти и разрушения», «вести людей уже сознательно к смерти и разрушению», Иван фактически констатирует «подпольность» своей духовной жизни. Алеша, безмерно сожалея об Ивановом неверии, «с чрезвычайною скорбью» горюет об «аде» («подполье» – Ю. Р.) в его «груди и в голове» [9, т. 14, с. 239].

Выводы. Сказанное выше позволяет сделать вывод о том, что в характере Ивана отражен полный спектр составляющих «подпольного» духодвижения: трагическое восприятие Божьего мира, бунт против него; противопоставление ему идеалов «прекрасного и высокого», т. е. Человекобожие; острое осознание собственного несоответствия возвышенному идеалу и потому – жестокая самоказнь; наконец, глубокое духовное отчуждение, «самоограждение» («спешу оградить себя», – как говорит Иван [9, т. 14, с. 223]) и следование «уже сознательно к смерти и разрушению».

Следует отметить также функциональную близость «Записок из подполья» и поэмы «Великий инквизитор»: обе были задуманы как высказывание «богохульства» [9, т. 15, с. 481]. И если ответ на «богохульство» в «Записках из подполья» уничтожили «свиньи цензора» [9, т. 5, с. 375], то ответом на поэму Ивана послужила следующая – шестая книга «Братьев Карамазовых» – «Русский инок» [9, т. 15, с. 482].

Сам Ф. М. Достоевский поочередно называл каждую из этих книг – «Pro и Contra», вмещающую поэму «Великий инквизитор», и «Русский инок» – «кульминационной» и относил к несомненным творческим удачам, по праву гордился ими (по свидетельству А. Г. Достоевской, ее муж «особенно ценил в «Карамазовых» Велико-го инквизитора, смерть Зосимы...») [9, т. 15, с. 487]). Таким образом, была изображена не только одна, по выражению Достоевского, «подпольная нигилистическая», но и «опровержение богохульства» [9, т. 15, с. 481].

Перспективы дальнейших исследований по данной проблематике связаны с изучением как мотивной структуры романа «Братья Карамазовы», так и творчества Ф. М. Достоевского в целом.

ЛИТЕРАТУРА

1. О великом инквизиторе. Достоевский и последующие. – М. : Молодая гвардия, 1991. – 272 с.
2. О Достоевском: Творчество Достоевского в русской мысли 1881–1931 годов / [сост. В. М. Борисов, А. Б. Рогинский]. – М. : Книга, 1990. – 432 с.

3. Розанов В. В. О Достоевском (Отрывок из биографии, приложенной к собранию сочинений Ф. М. Достоевского, изд. «Нивы») / В. В. Розанов // О Достоевском: Творчество Достоевского в русской мысли 1881–1931 годов / [сост. В. М. Борисов, А. Б. Рогинский]. – М. : Книга, 1990. – С. 64–73.
4. Бердяев Н. А. Откровение о человеке в творчестве Достоевского / Н. А. Бердяев // О Достоевском: Творчество Достоевского в русской мысли 1881–1931 годов / [сост. В. М. Борисов, А. Б. Рогинский]. – М. : Книга, 1990. – С. 215–233.
5. Роман Ф. М. Достоевского «Братья Карамазовы»: современное состояние изучения / под ред. Т. А. Касаткиной. – М. : Наука, 2007. – 835 с.
6. Фокин П. Е. Поэма Ивана Карамазова «Великий Инквизитор» в идейной структуре романа Ф. М. Достоевского «Братья Карамазовы» / П. Е. Фокин // Роман Ф. М. Достоевского «Братья Карамазовы»: современное состояние изучения / под ред. Т. А. Касаткиной. – М. : Наука, 2007. – С. 115–136.
7. Бочаров С. Г. Пустынный сеятель и великий инквизитор / С. Г. Бочаров // Роман Ф. М. Достоевского «Братья Карамазовы»: современное состояние изучения / под ред. Т. А. Касаткиной. – М. : Наука, 2007. – С. 70–97.
8. Сараскина Л. И. Метафизика противостояния в «Братьях Карамазовых» / Л. И. Сараскина // Роман Ф. М. Достоевского «Братья Карамазовы»: современное состояние изучения / под ред. Т. А. Касаткиной. – М. : Наука, 2007. – С. 523–564.
9. Достоевский Ф. М. Полное собрание сочинений : в 30-ти т. / Фёдор Михайлович Достоевский – Л. : Наука, 1972–1990.
10. Розанов В. В. Легенда о Великом инквизиторе Ф. М. Достоевского. Опыт критического комментария // Розанов В. В. Несовместимые контрасты жителя / [сост., вступ. статья В. В. Ерофеева; коммент. О. Дарка]. – М. : Искусство, 1990. – С. 37–224.
11. Бердяев Н. А. Миросозерцание Достоевского / Н. А. Бердяев // Н. Бердяев о русской философии / [сост., вступ. ст. и примеч. Б. В. Емельянова, А. И. Новикова]. – Свердловск : Изд-во Уральского ун-та, 1991. – Ч. 1. – С. 26–148.
12. Романов Ю. А. Комментарии к повести Ф. М. Достоевского «Записки из подполья» : учебно-методическое пособие для студентов гуманитарного профиля / Ю. А. Романов. – Харьков : НТУ «ХПИ», 2002. – 56 с.
13. Романов Ю. О. Феномен «підпілля» в поезії Ф. М. Достоевського: архетипічне та типологічне : автореф. дис. на здобуття наук. ступ. канд. філол. наук / Ю. О. Романов. – Сімферополь, 2003. – 20 с.
14. Лосский Н. О природе сатанинской / Н. Лосский // Ф. М. Достоевский. Статьи и материалы / под ред. А. С. Долинина. – СПб. : Мысль, 1922. – С. 67–92.

УДК 82.0

Рустемова Л. А.

КРЫМСКИЕ МОТИВЫ В ТВОРЧЕСТВЕ В. И. ДАЛЯ

У статті розглянуто корпус творів В. І. Даля, що свідчить про своєрідне рішення кримської теми у творчості письменника.

Ключові слова: *традиційно-романтичний, художній, творча індивідуальність.*

В статье рассмотрен корпус произведений В. И. Даля, свидетельствующий о своеобразном решении крымской темы в творчестве писателя.

Ключевые слова: *традиционно-романтический, художественность, творческая индивидуальность.*

The article considers a number of works V. Dal and shows the original solution of Crimean theme in the writer's works.

Key words: *traditionally romantic, artistry, creative individuality.*

Постановка проблемы. Крымская тема имеет глубокие корни в русской литературе. По словам В. Г. Белинского, подобно Кавказу, Тавриде суждено было стать «колыбелью наших поэтических талантов, вдохновителем и пестуном их музы, поэтической их родиной» [1, с. 692]. Более чем за два столетия с момента присоединения Крыма к России в решении крымской темы в русской литературе сложилась определенная система зависимостей, связывающая произведения разных авторов и имеющая свой круг понятий, образов, мотивов.

Упоминание о Тавриде встречаем уже в XVIII веке, в частности у А. П. Сумарокова. То-

гда складывается архетип Крыма: Крым – новая земля, «...рай на земле», «истинное сокровище России». Романтические иллюзии о прекрасной жизни на лоне природы, «земле обетованной», мире вольном, цветущем, надежно удаленном от холодного официального Петербурга, связал с Крымом в начале XIX века К. Батюшков.

Как пишет М. Эпштейн, в пору становления русской классической литературы «попытка... изменить ее географические ориентиры», противопоставить Петербургу Тавриду, Юг, Черноморье – явление значительное» [2, с. 166].

В поэтических шедеврах А. С. Пушкина Крым воспевадается как место, где открываются

изначальные глубинные эллинско-романские корни европейской цивилизации, как земля, освященная античными мифами и преданиями. Вместе с тем в XIX веке складывается и другая, реалистическая тенденция в изображении Тавриды, где традиционно-романтическая тема Юга значительно переосмысливается. В этом плане особый интерес представляет творчество В. И. Даля.

Анализ литературы. Изучение творчества В. Даля началось уже при жизни писателя статьями В. Г. Белинского, Н. В. Гоголя и И. С. Тургенева. Современное далеведение включает в себя ряд серьезных монографий, научных сборников, отдельных публикаций [3–6]. В месте с тем в художественном наследии В. И. Даля, по справедливому замечанию известного ученого Ю. П. Фесенко, еще много лакун и пробелов, представляющих богатый материал для исследователей [7]. Одна из них – В. И. Даль и Крым.

Цель данной статьи – рассмотреть произведения В. И. Даля, в которых прозвучали крымские мотивы.

Изложение основного материала. Как известно, современник и друг А. С. Пушкина, самобытный писатель и выдающийся ученый-лексикограф автор знаменитого «Толкового словаря живого великорусского языка» по роду своей службы был связан с Крымом. В 1819 году, после окончания Петербургского Морского кадетского корпуса, его направляют на военную службу в Черноморский флот, главная верфь которого находилась в городе Николаеве. В послужном списке Даля есть запись: «В службу вступил гардемарин 1816 года июля 10-го. Произведен унтер-офицером 1819 года февраля 25-го. По окончании полного курса науки произведен мичманом 1819 года марта 3-го» [8, с. 61].

В течение четырех лет Даль крейсировал на фрегате «Флора» в составе Черноморского флота. Однако военная карьера оказалась недолгой. В 1823 году он был отдан под суд и разжалован в матросы за сочинение эпиграммы на главнокомандующего Черноморским флотом вице-адмирала А. С. Грейга. И хотя Даль был вскоре оправдан, произведен в офицеры и отозван служить в Балтику, с морской карьерой пришлось распрощаться [4, с. 17]. В период службы в Черноморском флоте Даль был в Крыму, два месяца провел в Севастополе, что нашло отражение в его творчестве.

Особое место в рамках заявленной темы занимает повесть «Мичман Поцелуев». Произведение было создано в 30-е годы и воспроизводит факты биографии самого писателя, о чем свидетельствует автор очерка о Дале, его младший

друг и современник П. И. Мельников (Андрей Печерский): «Владимир Иванович не раз говорил, что, описывая похождения Поцелуева, он разумел себя, молоденького мичмана, ехавшего в марте 1819 года из Петербурга в Николаев» [9, с. VI].

Герой повести Смарагд Петрович Поцелуев, молодой человек, «с хорошими способностями, с доброю, детскою душой» [10, т. 2, с. 381]. «Получил от матери, немки, благонравное воспитание, мечтательное воображение, курчавый волос, белое лицо и голубые глаза; от отца, русского, беззаботный нрав, неглупую голову, довольно широкие плечи и крепкое здоровье. На тринадцатом году поступил в морской корпус, пробыл там пять лет, и теперь с эполетами, шитым воротником и саблею на черном лаковом ремне через плечо, увидел свет» [10, т. 2, с. 382]. Но беззаботная жизнь в Николаеве, куда он попадает после корпуса, скоро закончилась. Нелепая размолвка и недоразумения, возникшие в отношениях между мичманом и бароном Адель фон Адельсбургом, от которых пострадала репутация молодой дамы, заставили Поцелуева искать временной командировки, чтобы покинуть город. Как только она представилась, юный мичман «с радостным сердцем поспешил на почтовых в Севастополь, чтобы при первом открытии судоходства занять должное местечко на фрегате «Россиянка» и отправиться на нем в Сухум-Кале, крепостцу нашу на абхазском восточном берегу Черного моря» [10, т. 2, с. 409]. Через Херсон и Перекоп по ровной гладкой, однообразной дороге в конце января он попадает в Симферополь, а оттуда уже в Севастополь.

Что собой представлял Севастополь, где в то время находилась главная база Черноморского флота, можно судить по описанию И. М. Муравьева-Апостола, в 1820 году посетившего Тавриду: «Я уже третий день здесь и ничего еще не успел увидеть, хотя на все смотрю, люблюсь и налюбоваться не могу. Живал я в Лиссабоне над рекою; живал в Неаполе на Къяс; восхищался берегами Таба, заливом Неапольским... и после этого еще прельщаюсь живописными бухтами Севастопольскими... Хотя Севастополь несравненно менее столицы Португалии, но и он также расположен амфитеатром на горе; и освещенные в нем дома представляют издали картину прекраснейшую» [11, с. 55–59].

Главным командиром Черноморского флота и портов в период пребывания в Крыму Муравьева-Апостола и героя В. Даля был вице-адмирал А. С. Грейг, много сделавший для развития флота и расширения Севастополя как главной базы. Здесь проходили службу многие талантливые офицеры, будущие герои русско-турецкой вой-

ны 1828–1829 годов: капитан-лейтенант Г. А. Папахристо, лейтенант А. И. Казарский, мичман Е. П. Зайцевский. Городское население было немногочисленным. «В Севастополе 25 тысяч человек и все почти есть военная команда, число граждан купечества и мещанства, включительно и отставных дворян и разночинцев не более 500 человек» [11, с. 90].

Предметом внимания героя повести В. Даля стал прежде всего сам город, его внешний вид и расположение. Поцелуев «...был приятно изумлен: городок лежит довольно живописно, на склоне горы, упирающейся в зеленое море; кровля висит, уступами, над кровлей, а прихотливое воображение расписывает за горой этой – горы и долины, водопады, кизилоры рощи, величественный Чатыр-даг и южный берег Крыма со всеми чарами и прелестями его» [10, т. 2, с. 409]. Однако более глубокое знакомство с Севастополем, его бытом глубоко разочаровывает Смарагда Петровича: «...городок был завален мичманами и для них, кроме избранных, в гостиных лишнего места не было; женатые моряки, как люди большею частью без достатка, жили очень скромно, уединенно; у портовых был уже свой знакомый круг, а шаловливой холостежи столько, что семейные люди здесь разборчивы и осторожны. Жизнь первых поневоле была скучная, одинокая и если не распутная, то, по крайности, беспутная...» [10, т. 2, с. 412].

В повести подлежит пересмотру и довольно скептически переосмыслению сама идея о возможности приобщения России через Тавриду к европейской культуре, поскольку далекие представители античной цивилизации, некогда пустившей глубокие корни в Крыму, выродились в торгашей и плутов. С иронией и сарказмом представлена в повести фигура двоюродного брата командира фрегата «Россиянка» (кстати, своими неумелыми действиями погубившего корабль), грека по национальности, ведущего «родословную от архонта древней Греции, славного Еврипида» [10, т. 2, с. 411]. Все вместе взятое заставляет героя повести с горечью и грустью осознать, «в какую землю он заехал...».

Подобное восприятие и художественное осмысление Крыма, намеченное в повести «Мичман Поцелуев», бесспорно, свидетельствовало о творческой индивидуальности В. Даля, не разделявшего романтических иллюзий своих современников. Писатель-реалист, имя которого прочно связано с традициями натуральной школы, воссоздавая Крым, стремится к предельной точности и правдоподобию, не прибегая к усложненным литературным ухищрениям и не перенасыщая свой текст, в отличие от романтиков, бурными эмоциями или философскими рассуж-

дениями. Как правило, там, где речь идет о Тавриде, писатель дает точную географическую или историческую справку. Так в рассказе «Савелий Граб» автор сообщает, что помещик «одной из новороссийских, полукраинских губерний наших» Сергей Сергеевич Бабачек «пристроил в черноморский флот – как во время оно водилось – гардемаринами двух своих сыновей: чтобы избавиться от шума и драки их и уберечь гусей, утят и индюшек от метких их самострелов» [10, т. 2, с. 207]. «Там они носили уже виц-мундиры с кортиками и бегали иногда, в изорванных сапогах, на Попову балку – стрелять из камышовых и деревянных пушек и гонять на бойнях собак, или ходили за мост – выдирать из крутого побережья гнезды шуров. Но это все равно для нас; благо оба они пристроены, ... об них у нас, предупреждаю читателя, более не будет и речи» [10, т. 2, с. 209]. Далее, действительно, речь идет о вполне обыденных, житейских вещах.

В повести «Бедовик» главный герой, Евсей Стахеевич Лиров, житель провинциального мифического города Малинова, преследуемый неудачами, собирается ехать в столицу в надежде получить место на службе. Скромный чиновник, честный, трудолюбивый, критически мыслящий, из разряда чудаков и с репутацией «бедовика», в дороге переживает ряд приключений. Его старый приятель, оказавшийся непорядочным человеком, отказывается везти Лирова в Москву, обкрадывает его и оставляет одного на станции Черные Грязи. Без денег, страдая и мучаясь, он вдруг получает приглашение от проезжающего, «одного из благородных, доблестных по сердцу бояр наших» [12, с. 64], ехать с ним в его дилижансе. «Вельможа дорогою познакомился с Лировым поближе, спознался с ним и, узнав нужды, виды и желания его, обещал ему в самых скромных выражениях свою помощь...» [12, с. 65]. Но на следующей станции Лиров по рассеянности уселся в другой экипаж, следующий в Москву. В нем ехали знакомые ему еще по жизни в Малинове госпожа Голубцова Мария Ивановна со своими дочерьми, одна из которых очень нравилась герою повести. Уже выйдя из экипажа, Лиров сообразил, с кем в дороге свела его судьба. Он принимает решение следовать за семейством Голубцовых в Москву, но от вновь встреченного старого друга узнает, что госпожа Голубцова с детьми уехала в Крым. «Да помилуй, братец, она только что приехала из Петербурга, может быть вчера, не прежде!» – удивляется Евсей Стахеевич. – «Ну да, знаю, и прямо проехала в Крым. Чему же тут дивиться? Да коли не веришь и коли обстоятельство это для тебя важной относительности, так спроси поди вот у моего камер-юнкера, с которым я поехал по пу-

ти; он знает ее и знает, что она уехала в Крым» [12, с. 77]. Крым в данном случае то, что лежит за пределами привычно очерченного жизненного круга, а потому недоступного и недостигаемого для героя. Лиров принимает решение вернуться в родной город Малинов и в Клину вновь встречается с семейством Голубцовых, которые тоже направляются в родное гнездо. Повесть имеет благополучный конец. Все встает на свои места. Герой получает место с хорошим жалованьем и женится на любимой девушке. Счастье вполне возможно и вне Крыма.

В рассказе «Хмель, сон и явь» один из господских крестьян «взял себе в голову, что не хочет служить у господина, хочет на волю, ... что ему надо быть мещанином» [12, с. 211]. Бог весть из каких бестолковых источников почерпнул сведения, что на Черном море можно приписаться, собрался и ушел. «С этого первого похода на Черное море привели моего молодца, перехватив его где-то на перепутье, с выбритой наполовину головой; но как он твердо вознамерился достигнуть во что бы то ни стало обетованной земли своей, то он вслед за тем попытался и другой и третий, и в десятый раз» [12, с. 212]. Возвратился он с деньгами, заплатил помещику за волю 300 рублей, которые неизвестно, каким образом у него очутились. Прозвали его в селе Черноморцем. Поселился он в Саратовской губернии, купил избу. По ходу сюжета выясняется, что он грабитель и убийца. В целях наживы намеревался убить остановившегося у него на ночлег крестьянина Степана Жена Черноморца отчаянно отговаривала мужа: «Родной ты мой, полно, покинь; не тронь его, господь с ним, мало ль ты уж на душу свою греха принял! Ну, за что ты его погубишь? Побойся бога, хоть раз, не тронь его...» [12, с. 213]. Вывод напрашивается сам собой – «земля обетованная» человека до добра не довела.

В 1851 году были изданы «Матросские досуги» В. Даля, получившие всенародную известность. Рассказы и научно-популярные очерки, составившие сборник, адресованы детям. Это определило характер и слог повествования: простой, безыскусственный, образный и увлекательный. Большая часть произведений «Матросских досугов» посвящена истории русского флота, его созданию, описанию морских походов и сражений, героическим подвигам, мужеству и патриотизму российских моряков. Вполне естественно, что в них есть упоминания о Крыме, Черном море, однако эти описания лишены ложного пафоса и романтизации, скупо даны только указание времени и места действия.

Так, в рассказе «Песня» читаем: «Лейтенантский денщик сидел в Севастополе, за воро-

тами, рядом с соседом своим, греком из мелочной лавки» [10, т. 6, с. 208]. Грек «затянул свою заунывную песню», как оказалось «за свюя утешества», и плакал. Денщик почему-то не понял, в чем горечь песни: «одна птица сидела, ну и полетела далеко-далеко, через горы, через море, через лес, через туман... далеко летит, и опять ещё дальше...» [10, т. 6, с. 206].

Точная констатация фактов приведена в рассказе «Бриг Меркурий», где автор сообщает о таланте и подвиге командира, капитан-лейтенанта Александра Ивановича Казарского, в турецкую войну 1819 года. Скончался «в 1833 году, 36 лет от роду, в Николаеве. Офицеры Черноморского флота поставили ему памятник в Севастополе, на мысе, при самом входе в порт» [10, т. 6, с. 220].

Выводы. Произведения В. И. Даля дают основание говорить о новой странице в освещении Крыма. Писатель-реалист ломает привычные стереотипы. Для него Таврида далеко не «рай на земле», а место географически и исторически точно очерченное, лишённое идеализации.

Более того, мотивы Крыма в повестях Даля служат автору для постановки и решения вопросов социального, морально-этического плана. Погоня за богатством в землю обетованную «до добра не доводит», но счастье вполне доступно и возможно, если человек остается верен своим нравственным принципам. Подобное восприятие и художественное осмысление Крыма свидетельствует о творческой индивидуальности Владимира Даля и общей реалистической направленности русской классической литературы.

ЛИТЕРАТУРА

1. Белинский В. Г. Собрание сочинений : в 3-х т. / В. Г. Белинский. – М. : ОГИЗ Государственное издательство художественной литературы, 1948. – Т. 1. – 797 с.
2. Эпштейн М. Н. Природа, мир, тайник вселенной / М. Н. Эпштейн. – М. : Высшая школа, 1990. – 303 с.
3. Фесенко Ю. П. Проза В. И. Даля. Творческая эволюция / Ю. П. Фесенко. – Луганск ; СПб : Альма-матер, 1999. – 262 с.
4. Седов А. В. Преданный друг А. С. Пушкина / А. В. Седов. – Арзамас, 2000. – 223 с.
5. Далевский сборник : [сост. по итогам Шестых междунар. Дал. чтений] / М-во образования и науки Украины [и др.] ; редкол. : В. С. Курило (гл. ред.) [и др.]. – Луганск : Альма-матер, 2001. – 228 с.
6. В. И. Даль – писатель и этнограф : сборник научных трудов, посвященных 200-летию В. И. Даля. – Торжок : Всероссийский историко-этнографический музей, 2003. – 196 с.
7. Фесенко Ю. П. Некоторые проблемы современного далеведения / Ю. П. Фесенко // В. И. Даль – писатель и этнограф : сборник научных трудов, посвященных 200-летию В. И. Даля. – Торжок : Все-

российский историко-этнографический музей, 2003. – С. 12–26.

8. Локотош Б. Н. Вл. Даль и Украина // Шестые Да-левские чтения, посвященные 200-летию со дня рождения В. И. Даля. Доклады и материалы / под ред. Ю. П. Фесенко. – Луганск : Альма-матер, 2001. – С. 198–203.
9. Мельников П. И. (Андрей Печерский). Критико-биографический очерк / П. И. Мельников // Полное собрание сочинений Владимира Даля (Казака Луганского) : в 10 т. Первое посмертное полное

издание. – Т. I. – СПб. ; М. : Изд. тов-ва М. О. Вольф, 1897. – С. I–XCI.

10. Полное собрание сочинений Владимира Даля (Казака Луганского) : в 10 т. Первое посмертное полное издание. – СПб. ; М. : Изд. тов-ва М. О. Вольф, 1897–1898.
11. Муравьев-Апостол И. М. Путешествия по Тавриде в 1820 году / И. М. Муравьев-Апостол. – СПб., 1823.
12. Даль В. Избранные произведения. – М. : Правда, 1983. – 448 с.

УДК 821.512.145

Селимова Л. Ш.

ЗЕМАНЕВИЙ КЪЫРЫМТАТАР ШИИРИЕТИНДЕ ВАРИСЛИК МЕСЕЛЕСИ

У статті розглядається спадкоємність художніх і тематичних традицій у творчості кримськотатарських поетів періоду початку та кінця ХХ століття. У віршоворчість ці два періоди виділяються розворотом соціально-політичних проблем. Кримськотатарська поезія цих періодів відрізняється показом реальному житті і прагненням народу до ідеалів.

Ключові слова: кримськотатарська поезія, наступність, художні традиції.

В статье рассматривается преемственность художественных и тематических традиций в творчестве крымскотатарских поэтов периода начала и конца ХХ века. В стихотворчестве эти два периода выделяются разворотом социально-политических проблем. Крымскотатарская поэзия этих периодов отличается показом реальной жизни и стремлением народа к идеалам.

Ключевые слова: крымскотатарская поэзия, преемственность, художественные традиции.

The article deals with the continuity of artistic and thematic traditions in the creation of the Crimean Tatar poets period beginning and end of the twentieth century. In stihotvorchestve these two periods are distinguished reversal of socio-political problems. Crimean Tatar poetry of different periods showing real life and aspirations of the people to the ideals.

Key words: Crimean Tatar poetry, continuity, artistic traditions.

Проблеманынь къоюлувы. Къырымтатар эдебиятында назм жанры, назмнынь тувгъан эдебиятымызда тарихий девамиети, земаневий эдебиятымызынь ичерисинде тарихий ве ичтимай мевзу иле проблемлернинь акси ишбу язымызда араштырыладжакътыр. Земаневий къырымтатар эдебиятында ичтимай-сиясий тарихымызынь акс олунув дереджедеси ачыкълана. Шириетимизде айны яки бенъзер меселелернинь ишлетильмеси – халкъымызда бедий мевзуларнынь девамиетининь ве бедий варисликнинь косътергичидир. Айны бир гъаевий-бедий фикирнинь фаркълы тарзларда ифаде этилюви айры девирлерде иджат эткен шаирлеримиз арасындаки бавыны кучьлендирмекте. Бу шаирлерде шаирлер даима миллетнинь уютлери, къайгъыларыны ифаде этмек иле тарихий процесслернинь къаршысына чыкъалар [1, с. 26].

Бу мевзуда язылгъан **ильмий ишлернинь ве эдебиятыннь** чокълугъы эм де къырымтатар эдебияты тарихына, эм де назмиеттеки мевзу варислиги меселесине муим менбалар къазан-

дырмакъта. Земаневий, генч алимлерден Ш. Юнуснынь ильмий инджелемелери толусынен шириетимизде тарихий процесслерининь акси мевзусына аиттир. Алимнинь тертип эткени дерслик ве монографиялары («Назмиетимиз ве несирджилигимиз тарихындан» [1], «Крымскотатарская поэзия 20-х годов ХХ века» [2]), ильмий макъалелеринде [3; 4] бедий варисликнинь эр джеэтине токъунмакъта. Ш. Юнус ХХ асырнынь башындаки шириетимизни инджелер экенде миллий азатлыкъ, къырымтатарнынь хорлугъы, миллий уянув, уют берген миллий ыслахат ве миллий дуньябакъышкъа дикъкъат айырмакъта. Бутюн бу унсурларнынь къырымтатар шириетинде къулланылувы себеплерини косътермектедир. Миллий дуйгъунен толу олгъан лирик шекиллернинь айнынь асырнынь сонъунда, ватан-Къырымда текрар йырланмасы – тувгъан эдебиятымыз ичерисинде миллий, гъаевий варисликни косътермектедир.

Ю. Къандым ве М. Мирошныченко тарафындан неширге азырлангъан 2 джылтыкъ къырымтатар эдебияты антологиялары («Къа-

рылгъачлар дуасы» I, II [5; 6]) ве айрыджа «Кунештен бир парча» [7] адлы китаплары тувгъан назмиетимизни чешитли девирлери акъкъында муим малюматлар такъдим эте. Бу китаплардан «гъурбет», «асретлик», «ватан», «сюргюнлюк», «авдет», «ана-топракъ» киби мевзуларнынъ фаркълы девирлерде къырымтатар шириетинде не дереджеде ишлетилгенини коре билемиз.

Къырымтатар назмиети, назмиетте миллий варислик мевзусында йылларджа ильмий тедкъикълер япкъан проф. И. Керимовнынъ ильмий макъалелери дикъкъаткъа лайыкътыр. Алимнинъ классик шаирлеримиз акъкъындаки тедкъикълери [8; 9] шириетте миллий гъаелернинъ къуullanувыны ачыкълай. Белли эдебиятшнаслар Н. Сеитягъевнинъ [10], К. Къонъуратлы ве Ш. Селимовнынъ [11] XX асыр башындаки шириетимиз узерине япкъан къайдлары иле шиирде мевзу, шекиль ве услубиет инджеликлерини ифаделей. Земаневий къырымтатар несири акъкъындаки тедкъикълери иле белли олгъан алиме Ф. Сеферова исе XX асыр боюнджа шириетимизде ишленильген «асретлик», «ватан», «сюргюнлюк» киби мевзуларнынъ несирде насыл ишлетилгенини озь ильмий ишлеринде такъдим этмекте [12], алимлеримизнинъ ильмий макъалелери ве монографиялары дикъкъат чекмекте.

Чет мемлекетлерде яшап озь ильмий аятыны къырымтатар эдебияты тарихына багъышлагъан алимлерден Исмаиль Хикмет Эртайлян, Шюкрю Эльчин, Ахмет Биджан Эрджилясун, Явуз Акпынар, Мехмет Метин Караорс, Мелек Озъетгин, Зухаль Юксель озь тедкъикълеринде къырымтатар эдебиятынынъ девирлери боюнджа назм тюрлери иле шекиллерининъ инкишафыны айдынлаталар. Айрыджа Тюркие Джумхуриетинде Бекир Чобан-заде, Мемет Ниязи, Эшреф Шемби-заде, Юнус Къандым ве Шакир Селим киби шаирлеримизнинъ назмына багъышлангъан намзетлик (кандидат) ишлери язылмакътадыр.

Къырымда исе алий окъув юртларынынъ мезунлары оладжакъ талелер тарафындан XX асырнынъ шириети ве шаирлери мевзуларында эр йыл онларджа битирюв ильмий ишлери язылып, къорчаланмакътадыр. Яш тедкъикъатчылар хусусан XX асырда къырымтатар шириетинде «Ватан», «Къырым», «асретлик», «гъурбет», «сюргюнлик», «авдет», «тикленюв» киби мевзуларны ильмий джеэттен инджелеп, эдебият тарихымызнынъ бошлукъ саифелерини толдурмагъа тырышалар.

Шуны да къайд этмели ки, къырымтатар эдебиятынынъ тарихы, онынъ инкишаф ёллары эвельден систематик суретте огренильмедиле, тедкъикъ этильмедиле. Бунъа рагъмен, эбет бу

саада айры бир чокъ иш япылды. Бу меселеге Осман Акъчокъракълы, Амди Гирайбай, Абдулла Лятиф-заде, Бекир Чобан-заде, Агатангел Крымский, Алим Фетислямов киби бир сыра эдиплеримиз, эдебиятшынасларымыз ве тедкъикъатчыларымыз озьлерининъ мунасиб исселерини къоштылар.

Эдебиятымызнынъ тарихыны огренювге Садреддин Нузхет Эргун, Исмаил Хикмет Эртайлян, Фуад Копрюлюзаде, Шюкрю Эльчин, Бурсалы Мехмет Тахир киби бир чокъ тюрк алими ве тедкъикъатчысы да озь исселерини къошты [13].

Земаневий девирде бизде эдебиятымызнынъ чешит девирлери эсасы огрениле деп айта билемиз. Бу саада белли бир къазанчлар эльде эткен профессорлар Рефикъ Музафаров, Исмаил Керимов, Адиле Эмирова, илим намзетлери Шевкет Юнусов, Тимур Усеинов, Нариман Сеитягъев, Фера Сеферова, теджрибелли тедкъикъатчыларымыз Кемал Усеинов, Нариман Абдульвапов ве даа бир сыра яш алимлернинъ алып баргъан араштырма ишлерини анъмакъ лязим.

Макъаленинъ макъсады – XX асырнынъ башында ве сонъунда иджат эткен шаирлерининъ арасындаки варислик бавыны теспит этмек.

Эсас малюматнынъ ачыкъланувы. XX асыр – гурьделеген сиясий янъылыкъларгъа зенгин бир девирдир. Анъылгъан асырнынъ башында иджат эткен шаирлеримиз керчектен де истидатлы экенлер, земаневий шаирлер оларгъа такълит этип, оларнынъ усталыкъларыны огренгенлер. Амма меракълысы шу ки, текрарлангъан бир чокъ мевзу ве гъаелер эки девир ичюн де пек актуальдир. Дерсинъ, Ш. Селим, Ю. Къандым айны мевзулар, гъаелер иле Б. Чобанзаденинъ, Ш. Бекторенинъ сёзлерини, муим фикрлерини иджадий суретте девам этмектелер. Буларны эм серлева, эм мевзулар, эм гъаелер севиесинде коръмек мумкюн.

Реаль яшайышта юзь берген аллар озь аксини бедий эдебиятта тапа биле. Бу табий бир алдыр, чюнки иджат эткен языджы джемиетни раатсызлагъан меселелерни, актуаль мевзу ве гъаелерни эсерлери вастасынен алемге еткизмеге тырыша. Демек, бойле эсерлерден белли бир девирде керчектен де яшалгъан дуйгъулар акъкъында малюмат алмакъ мумкюн.

Месея, XX асырнынъ йигирминджи ве докъсанынджы сенелериндеки ичтимай-сиясий вазиятлер бири-биринен сесленгенлери себебинден, эдебиятта да айны мевзулар, айны серлеваларгъа сыкъ-сыкъ расткелинир.

Эдебий эсерни эльге алгъанда башта бир козьге онынъ серлеवासы илише. О, дерсинъ, бир сыр, бир тылсым. Догъру келиштирилген сер-

лева эсернинъ «сырыны ачар», макъсат этильген эсас мевзу ве гъае белли дереджеде озь аксини мында тапар.

Иште, серлева севиесиндеки бенъзерликлерге назар тикер экенмиз, айны бир серлеваларны Бекир Чобан-заде, Шевкъий Бекторе, Мемет Нузет, Амди Гирайбай, Эшреф Шемьи-заде, Юнус Къандым, Шакир Селим, Риза Фазыл киби шаирлеримизде корьмек мумкюндир.

Конкрет мисаллерге мураджаат этеджек олсакъ, шуларны эслермиз: Бекир Чобан-заденинъ «Булутлар, булутлар!» шиирининъ серлевасы Риза Фазылнынъ «Булутлар, булутлар!» шииринде айны текрарлана ве шиир шу шекильни ала:

*Уфукътан уфукъкъа ёл туткъан булутлар,
Сиз къайдан келесиз, сиз къайда кетесиз?
Гузеллер назындан озюни унуткъан
Севданынъ къальбидай эфкъарлы отесиз.
Булутлар, булутлар
Ватангъа барынъыз!
Севгилим андадыр
Гонълюни алынъыз!*

«Булутлар, булутлар!» [14, с. 113].

Мисаль кетирилген сатырларнынъ тек серлевалары дегиль де, мундериджеси де сесленип келе. Эки шаир де ватан асретлигини чекип, «кечиджи» булутларгъа мураджаат этелер, экиси де аналарынынъ, Ватанда булунгъан севгилилерининъ къадрини ойлайлар.

Эки шиирнинъ де лирик къараманларынынъ табияты ве архитектоникасыны эсапкъа алсакъ, дерсинъ, Риза Фазыл Бекир Чобан-задеге темиз такълид эте. Лякин, дигер тарафтан бакъсанъ, докъсанынджы сенелернинъ (XX асыр) башындаки вазиятни акс эттирген, яни сюргюнлик даа девам эткенини косътерген замандашымыз, санки, Бекир Чобан-заденинъ чеккен дуйгъуларыны озю де ис эткенини бильдирмек истей. Бунынъле эки девирнинъ фаджиясы арасындаки багъны косътермеге тырыша.

Девирлернинъ чешитлигине бакъмадан, проблемалар айныдыр. «Татарлыкънынъ» хорлугъы ве бунынъ нетиджелери тюрлю девирлерде иджат эткен языджыларымызны раатсызлай. Ш. Бекторе ве Р. Фазылнынъ иджатларында бу мевзугъа «Татарлыкъным» серлевалы шиирлеринде токъуныла:

*Татарлыкъным, тувгъан джерим,
Балалыкътан сюемен.
Олар ичюн коп вакъытлар
Джылай-джана куемен...
Татар болсанъ тилинъ къайда?
Озь къорантанъ, илинъ къайда?
Осьтюрип де къокъляялмай
Къопарылгъан гулюнъ къайда?*

«Татарлыкъным» [15, с. 21].

Риза Фазылда исе:

*Эй, мусульман умметине менсюп тюркий
миллетим
Тарихынъа баш урмайсынъ – бу энъ фена
иллетинъ
Берильгенсинъ бу дюньянынъ къазанчына,
малына,
Неге наиль олдынъ бойле, бакъ миллетинъ
алына!*

«Татарлыкъным» [14, с. 32].

Кене де эки фаркълы девирнинъ проблемалары бири-бирини анъдыргъаны себебинден шиирлернинъ серлеваларыны да башкъа-башкъа япмагъа аджет бельки ёкътырдыр. Языджылар «татарлыкънынъ» маджералары акъкъында язалар, бу алны къайгъырлар, халкъкъа мураджаатта булунып, бойле аджыныкълы вазиятнинъ себеplerини бильмек, проблеманы чезмек истейлер. Бунынъ даа бир мисалини Бекир Чобан-заде ве Ю. Къандымнынъ айны серлевалы «Кузь» шиирлеринде коремиз. Б. Чобан-задеде:

*Кене корюне кузьнинъ солгъун бети...
Кене конълюмде асретнинъ къарт мунъ-
лары,*

*Кене къапалгъан, думанлы тавларнынъ чети...
Кене дувулдай джелънинъ о чёллю чынъ-
лары...*

«Кузь» [16, с. 90].

Юнус Къандымда:

*Ал къыналы сачларыны джайдырып,
Бакъа яшлы козьлериме алтын кузь.
Къалбге алем элемни сыгъдырып,
Аджый сюкют излеримни талгъын кузь.*

«Кузь» [17, с. 93].

Бир серлева алтында язылгъан бу эки парчада эки языджынынъ бу мевзугъа мунасебетлери айны олгъаныны косътере. Эки языджы да бу мевсимни асретликнен, элемнен багълай, лякин табият тасвирине кельгенде шаирлеримиз къарамакъаршы бакъышларыны джанландырув усулы иле ифаделейлер: Б. Чобан-заде шииринде «кузьнинъ солгъун бети»ни тасвирлей, кузь онъа асрет дуйгъусыны кетиргенини, кедерли ойлар себеби олгъаныны ифаделей. Ю. Къандымда исе «Ал къыналы сачларыны джайдырып» сатыры иле мевсимнинъ парлакъ табиятыны ясай. Лякин шиирнинъ лирик къараманы бу табияттан джошкъунлыкъ сезмей, элемге дала, джан сыкъыджы дуйгъулары кузьнинъ табиятына да кече, парлакъ «ал къыналы сачлы» кузь «талгъын кузь»ге чевириле.

Улу Къырым Ханлыкънынъ пайтахты олгъан Багъчасарай миллетимизнинъ анъында тылсымлы ве энъ гузель бир шеэр киби джанлана. Лякин тарихий мекаянымызнынъ земаневий вазиятини корьген шаирлеримизнинъ къальплери яна, бу къайгъыны олар сатырларгъа төкелер:

*Багъчасарай деселер козь торлана,
Гонълум джоша, мугъайып къальбим
джылай,*

*Ичке акъа козьяшлар, джан хорлана,
Багъчасарай, йыкъылдынь ничюн булай?
«Багъчасарай» [18, с. 71].*

*...Кимлер эди бу джапларда къой джай-
ратып,
Топ-Къаянынъ талдасында къавал чалгъан?
Аллы-пуллы феслерине гуллер такъып,
Гугюминен чеимелерден сувлар алгъан?...
«Багъчасарай» [19, с. 14].*

Багъчасарай, улу пайтахтымыз, бойле аджныкълы алда олса, Ватанымызнынъ дигер диярлары акъкъында айтмагъа тюшеми?! «Татарнынъ къбеси» олгъан Багъчасарайнынъ вазиятени косьтерип, шаирлер бутюн къырымтатар халкъынынъ феякетини сатыр асты ачыкъламагъа ынтылдылар. А. Гирайбайнынъ «йыкъылгъан Бахчасарай» XX асырнынъ башында «йыкъылгъан» девлетчилигимизнинъ ремзидир. Ш. Селим исе тарихкъа далып, пайтахтымыз ерли сакинлерининъ сымасыны ярата. «(Олар) Кимлер эди?» суалини къойып, сюрдюнюк не-тиджесинде Багъчасарайындан марум къалгъан ватандашларыны тасвирлей.

Бойледже, бир мевзуда язылгъан бу эки шиир иле XX асырнынъ башында иджат эткен А. Гирайбай ве мезкюр асырнынъ сонъунда шиирлерини яраткъан Ш. Селим миллетимизнинъ аджныкълы тарихыны Багъчасарай мисалинде косьтере бильдилер.

Шиирлернинъ архитектоникасына козь ташласакъ, эки шиир де бир шекильде, он бир ве он эки эджалы дёртлю зенгин къафиеде язылгъанлар. Бу шекиль назмиетимизде классик шекиль оларакъ къайд этильген ве диван эдебиятында сыкъ къулланылгъандыр.

Шириетимизнинъ тарихына далар экенмиз, XX асырнынъ башларында иджаткярларымыз, хусусан А. Гирайбай да, тюркий классик къафие шекиллеринден бираз четленип, базы эсерлеринде о девирнинъ янъылыгъы олгъан Маяковскийнинъ «мердивен» шекилини сынап бакъкъанлар. Лякин бу шекиль, вакъыт кечтикче, корьгенимиз киби, озь ифадесини назмиетимизде буламады.

Шириетте варислик меселеси акъкъында шуларны айта билемиз. Белли ки, эдебиятта эбедий мевзулар даиреси бар. Бойле мевзулар бир сыра языджыларнынъ эсерлеринде текрараланып, бир анынъ асыл эте. Шаирлеримиз де эбедий мевзуларгъа мураджаат этип, эсерлерини хусусий чизгилернен сюслейлер.

Эр бир халкъ озюнинъ келеджегини къайгъыра ве оны яш несильнен багълай. Эсли башлылар аятларында юзь берген хаталарны

эсапкъа алып, генчликни бундан сакъламакъ ичюн оларны огютлер, насиатлар иле тербиелейлер. Бойле ал бизим миллий адетлеримизге де хас олгъан. Эдебиятымызнынъ классиклери, миллий арекетнинъ фааль иштиракчилери озь иджатларында бу мевзугъа муим бир ер айыргъанлар. Айны бойле гъает тесирли ве эеджанлы насиатлар А. Гирайбайнынъ «Джашлыкъкъа» ве Ш. Селимнинъ «Мераба, генчлик!» шиирлеринде мевджут.

*Джанъы дюнья, джанъы кунь, халкъ да
джанъы,
Ярыкъланды къартайгъан шаркънынъ
танъы,
Джаш джуреклер бизлерге «айдынъыз»,
дей,
«Юкъладынынъыз, янълыш кунь сайдынъыз»,
дей...
...Мына бизим борджумыз иште джашлар,
Бугунь энди чалышмай эски башлар,
Джанъылыкъкъа татарны тартмакъ керек,
Арамызда джигитлер артмакъ керек.*

«Джашлыкъкъа» [18, с. 30–31].

Бу шиирде котерильген мевзу ве гъаенинъ эмиетини еткизмек ичюн, А. Гирайбай аджайип фельсефий сатырларны ярата, «Ярыкъланды къартайгъан шаркънынъ танъы», дей.

Окъуйджынынъ козью огюнде Шаркънынъ шанлы тарихыны хатырлатып, юкъуда булунгъан юреклерни гъурурлыкъкъа толдурмагъа истей.

Бу мевзуну Ш. Селим девам эте:

*...Бугунь сиз бир къан тёкюльмез джебе-
десиз, эвлятлар,
Бильги олса, шан букюльмез джебедесиз,
эвлятлар!
Тек бильгинен душманларнынъ ташын-
тахтын йыкъарсыз,
Тек бильгинен бу Ватангъа саип олып
чыкъарсыз!...
«Мераба, генчлик!» [19, с. 38].*

Бу эки шиир башкъа-башкъа девирлерде язылгъан, лякин шаирлернинъ лирик къараманларынынъ табияты, дерсинъ айны инсаннынъ тюшонджелери. Демек, лирик къараманларнынъ табиятлары бу девирлерде денъишмеген. А. Гирайбай яшлыкъны уянтмакъ ичюн «къашкъыр кесиле», янъылыкъкъа чагъыра. Ш. Селим де бу ынтылуvgъа, янъы курешнинъ янъы усулларыны анылата, сиямыз не экенини бильдире.

Аят – курештир фикери шиирлернинъ озеге олып, генчлик бу курешке узвий багълы олмакъ кереклиги, бу курештеки сия исе бильги экени шиирнинъ эсас гъасидир. XX асырнынъ башында девлетчилигимизни къургъан Челебиджиханлар да бу сияны къуллангъан.

Шакир Селимде исе шу сатырлар мевджут:
*...Кечмиш баба-деделерден сиз кьалдынъыз,
эвлятлар,
Номанларнынъ байрагъыны сиз алдынъыз,
эвлятлар!...*

«Мераба, генчлик!» [19, с. 38].

Бу сёзлери иле бу теджрибени земаневий генчлигимизге де огретмек истей, парлакъ келеджекке уютлери оларгъа багълай.

Ватанперверлик дуйгъусы ве ана топракъ мевзусында язылгъан эсерлер шииретимизнинъ буюк кысымыны тешкиль этелер. Ватан ашкъы мевзусында язылгъан шиирлерни талиль этер экенмиз, башта бир ватанперверлик анъламынынъ манасы узеринде токъталмалымыз.

Ватанперверлик сёзю юнан тилинден алынгъан «партиэс» – ватан, «патриотес» – ватандаш сёзлеринден мейдангъа кельди. Ватанны севмек, онъа садкъь олмакъ, озь арекетлернен ватаннынъ менфаатыны кьорчаламакъ – иште бунъа ватанперверлик дерлер. Ватанперверлик дуйгъусынынъ тарихий негизини та къадимий девирде тувгъан топракъкъа, ана тилине, меде ниетке севги киби анълагъанлар [20, с. 121].

Бойле аджайип топракъта догъгъан ве яшагъан шаирлеримиз, Къырымнынъ табиат дюльберлигини ве зенгинликлерни озь эсерлеринде юксек бедий усталыкънен тасвир эткендирлер:

*Эй, Къырым! Сен бир кесек алтындайсынъ,
Эр бир ерден дюльберсинъ, эм де байсынъ.
Къучагъынъны ачасынъ эр кельгенге,
Сен эр кезге кьардашсынъ, тувгъандайсынъ.*

Мемет Нузет, «Къырымгъа» [21, с. 38].

Ватан дюльберлигинен хошланув гъаеси иле язылгъан шиирлер азиз топракъкъа севги, садкъылыкъ киби дуйгъуларны ашламакъ ичюн хызмет эткен эсерлердир. Табиат зенгинлигини, ана юртнынъ текрарланмаз озьгюнликлерини окъуйджыгъа еткизмек ичюн иджаткярлар озь шиирлеринде мубалыгъа («Сен бир кесек алтын дайсынъ»), джанландырув («Къучагъынъны ачасынъ эр кельгенге»), кыяславлар («Топракъ-анадыр») киби тасвирий васталарны кенъ къуланалар.

Ана топракъ мевзусы къырымтатар языджылары ичюн эр анги тарихий девирде гъает актуаль бир мевзудыр. Бу шиирлерде котерильген эсас гъае ХХ асырнынъ башында ве сонъунда насыл денъишмелерге огърагъаныны ве бу денъишмелернинъ себеплери неде олгъаныны кыясий талиль ярдымынен огрене билирмиз.

Белли олгъаны киби, 1783 с. Русие Къырымны запт эткенинден сонъра, къырымтатар эмекдар койлюлерининъ вазиети гъает агъырлаша. Оларнынъ элинде олгъан топракъ Русиенинъ азаплайдыжы сиясетининъ нетиджесинде

тюрлю ёлларнен тутулып алына, бинълернен къырымтатар койлюлери ана топрагъындан къувула. Бойле этип иджрет башлана. Аджиз вазиетке кьаршы башта бир, о девирде иджат эткен языджылар котерилелер.

Мисаль оларакъ, У. Ш. Тохтаргъазы бир сыра шиирлеринде топракънынъ сатылмасына, быракъылып кетильмесине озь наразылыгъыны бильдирип, бойле яза:

*Топракъ анадыр,
Инсан баладыр,
Оксюз баланынъ,
Алы фенадыр.
Буну унутма!
Топрагъы сатма!
Бир эвинъ олсун!
Хариджде ятма!*

«Топракъ ве эв» [22, с. 40].

Кучлю кыяславларны къулланып, шаир юзь берген вазиетнинъ фаджиасыны, кьоркунчлы нетиджелерини косьтере, халкъны бу фе лякеттен сакъынмасына чагъыра. Лякин иджрет девам эте, семетдешлеримиз топракъларыны ташлап кетелер...

ХХ асырнынъ сонъунда исе топракъ меселесине асыл башкъа янашыла. Бу меселе 1944 сенесининъ сюргюнлигинен де багълы. Алтмыш йылдан сонъ чокъ бекленильген авдет башлана, миллетимиз озь юртуна къайта башлады. Лякин Къырымда оны кимсе беклемей, Ана-Ватан кельмешеклернинъ элинде:

*...Къайтып кельдик. Лякин кене
Арабамыз батакъта,
Бир козьяштан кьуртулгъандже
Дигеринде гъаркъ ола...*

«Къайтып кельдик, амма...» [17, с. 57].

Бунъа даа ишсизлик, чаресизлик киби ичтимай белялар келип къошула. Атта:

*...Яшамагъа эв сорасанъ: «Ёкътыр!» –
дейлер.*

*«Озюмизде эвге мухтадж чокътыр», –
дейлер.*

*Эв кьурмакъчюн ер сорасанъ, ред этелер,
«Не келесиз?!» деп де, акъыл огретелер...*

«Самозахват» [14, с. 35].

Корьгенимиз киби, топракъ меселеси бутюнлей денъишти: ХХ асырнынъ башында бебедава берильген топракъларгъа халкъымыз айны бу асырнынъ сонъунда мухтадж олды, шимдики кунюмизгедже мухтаджмыз. У. Ш. Тохтаргъазыларнынъ тенбиелерини бош лаф сандыкъ, лякин нетиджелерини аля бугунгедже дуямыз [1].

Къадимий девирлерден Къырым деген тылсымлы мекянынъ саиби олмакъ ичюн чокъ миллетлер арасында башлагъан тартышмалар бу кунге къадар девам этмектелер. Лякин Къы-

рымнын тамыр халкы, садык халкы олган кырымтатарлар ватанларыны кьорчаламактан усанмайлар:

*Кельмешекнин эр бир сойы
Алайым деп тырышкан.
Кентлер-койлер борукъсыган,
Тютюнлерден къарышкан...
...Къырым! Сени къуртарымыз,
Сонь макъсаткъа етермиз,
Я да сендай тапталыр да
Олюп-сёнип кетермиз.*

«Къырым дженнет дегиль, достлар» [19, с. 36].

Объектив себеплерден толайы азиз топрагындан марум къалган халкъымызнын ватанга севгиси о къадар къавий ве кучлю ки, артык ватансыз омюрни къабул этмек истемейлер. Къурумаган козяшларнын себеплери, эльбетте, белли. Азиз топрагынын саиби олып, акъ-укъуклардан марум къалган, «дженнет кошеси» олган Къырымны кельмешеклер джеэннемге чевиргенини корьген халкънын юреги сызлай, парчалана. Бир чарелер тапмакнын ёлларыны къыдыра.

Юкъарыда язылганларга бир **нетидже** оларакъ къайд эте билемиз ки, ХХ асыр Къырым халкы ичюн онын сиясий ве медений аятында эм аджныкълы, эм къуванчлы вакъиаларга зенгин олды. Бу асыр девамында юзь берген ичтимаий-сиясий адисе-вакъиалар озь аксини сонь девир эдебиятта тапкан. Буны даа зияде бугуньки лирикамызда корьмек мумкюн. Мисаль ичюн Шакир Селимнин «Яраланган тюркюлер»инде (1995 с.), я да «Ватанга къайтув» (1996 с.) ширинде, Риза Фазылнын «Самозавхват» ширинде ве иляхре коребилемиз.

Бу девирде иджат эткен яызджылар кенди истидатлары, арекетченликлери, миллетсеверликлеринен миллетимизнин инкишафына, тарихымызда силинмеген из къалдыраджакътырлар. Оларнын эдебий махсулы тюрлю мевзуларга аит олсун, башта бир актуаль меселелерни котерелер.

Бойледже, ХХ асырнын йигирминджи ве докъсанынджи сенелердеки эдебиятнын биз косьтере бильген сесленювлери, девирлернин ичтимаий-сиясий вазиети фаркълы олганына бакъмадан, чешитлигине бакъмадан, проблемалар ве котерильген мевзулар айны олганыны исбатлайлар. Дерсинь, бу анылган мевзулар энди эдебиятымызда бир аныанени тешкиль этип, келеджекте де шаирлеримизни раатсызлайджакътыр. Бизлер исе ишбу меселелернин не дереджеде кямиль ифаде этильгенини козетирмиз. Бу мевзуларны, меселелерни бир бутюнлик оларакъ къабул этмек ве кечмиштеки уйгунсызлыкларга къайтмамакъ ичюн чалышмакъ, огренмек, фикир юрьсетмек керектир.

КУЛЛАНЫЛГЪАН ЭДЕБИЯТ

1. Юнус Ш. Назмиетимиз ве несирджилегимиз тарихындан (1920-нджи сенелер) / Шевкет Юнус. – Акъмесджит : Тезис, 2008. – 176 с.
2. Юнусов Ш. Э. Крымскотатарская поэзия 20-х годов ХХ века. Традиционное мировоззрение и меняющийся мир / Шевкет Эльвисович Юнусов. – Симферополь : ДОЛЯ, 2004. – 168 с.
3. Юнусов Ш. Бекир Чобан-заденин шириети / Шевкет Юнусов // Йылдыз. – 1994. – № 6. – С. 156–166.
4. Юнусов Ш. Орта асырлар кырымтатар шириети ве кечит девир / Шевкет Юнусов // Йылдыз. – 1995. – № 3. – С. 115–120.
5. Къарылгачлар дуасы. Къырымтатар несирининь антологиясы. ХХ–ХХІ асырлар. Биринджи китап / тертип этиджилер Мыкола Мирошныченко, Юнус Къандым. – К. : Этнос, 2005. – 600 с.
6. Къарылгачлар дуасы. Къырымтатар несирининь антологиясы. ХХ–ХХІ асырлар. Экинджи китап / тертип этиджилер Мыкола Мирошныченко, Юнус Къандым. – К. : Этнос, 2006. – 896 с.
7. Кунештен бир парча. Къырымтатар шириети антологиясы. ХІІІ–ХХ асырлар / тертип этиджилер Мыкола Мирошныченко, Юнус Къандым. – К. : Этнос, 2003. – 786 с.
8. Керимов И. Халкънын азатлыгы огърунда буюк хызмет / Исмаил Керимов // Йылдыз. – 1983. – № 5. – С. 98–101.
9. Керим И. А. Ватанперверлик гъаесиле. Умер Ипчининь иджадына даир эски ве янъы кайдлар / Исмаил Асан-огълы Керим // Йылдыз. – 1997. – № 6. – С. 63–69.
10. Сеитягъев Н. 20-нджи асыр шириетимизнинь базы аз билинген левхалары / Нариман Сеитягъев // Йылдыз. – 2002. – № 6. – С. 34–36.
11. Къоньуратлы К. Эдебиятымызнын ирмакъ башлары / Кемал Къоньуратлы, Шакир Селимов // Йылдыз. – 1992. – № 4. – С. 73–84.
12. Сеферова Ф. А. Этические идеалы крымскотатарской прозы 60–80 гг. ХХ века : монография / Фера Асановна Сеферова. – Симферополь : ДОЛЯ, 2009. – 208 с.
13. Türkiye Tışındaki Türk Edebiyatları Antolojisi. – 13 cilt. Kirim Turk-Tatar Edebiyatı. – Ankara, 1999. – 600 s.
14. Фазыл Р. Татарлыгым / Риза Фазыл. – Симферополь : ДОЛЯ, 2002. – 176 с.
15. Бекторе Ш. Татарлыгым : шиирлер / Шевкъий Бекторе. – Симферополь : ДОЛЯ, 2003. – 44 с.
16. Чобан-заде Б. Меним языларым... / Бекир Чобанзаде. – Акъмесджит : Тарпан, 2009. – 256 с.
17. Къандым Ю. Умют йипи. Шиирлер ве дестанлар / Юнус Къандым. – Симферополь : ДОЛЯ, 2001. – 272 с.
18. Гирайбай А. Шиирлер / Амди Гирайбай. – Симферополь : Таврия, 1997. – 144 с.
19. Селим Ш. Тюшондже. Шиирлер, терджимелер / Шакир Селим. – Симферополь : Таврия, 1997. – 224 с.
20. Большой энциклопедический словарь : в 2 т. / гл. редактор А. М. Прохоров. – Т. 2. – М. : Советская энциклопедия, 1991. – 770 с.

21. Нузет М. Къырымнынъ чѣль аятындан : сайлама эсерлер джыйынтыгы / Мемет Нузет. – Симферополь : ДОЛЯ, 2003. – 240 с.

22. Тохтаргъазы У. Ш. Топракъ ве эв / Усеин Шамиль Тохтаргъазы // Совет эдебияты. – 1940. – № 8. – С. 40.

УДК 821.161

Таймазова Л. Л.

ПОЭТИЧЕСКОЕ СВОЕОБРАЗИЕ ПЕЙЗАЖА В МЕМУАРАХ М. ВОЛОШИНА

Мемуарна література завдяки своїй багатоаспектності може бути як джерелом пізнання історії, документом, так і своєрідним художнім твором. У статті розглядаються оригінальні внутрішні властивості творів мемуаристики, що дозволяють віднести їх до явищ словесного мистецтва.

Ключові слова: спогади, тропи, імпресіонізм, пам'ять.

Мемуарная литература в силу своего разнообразия может служить и как источник для познания истории, документ, и как своеобразное художественное произведение. В статье рассматриваются специфические внутренние свойства произведений мемуаристики, позволяющие отнести их к явлениям словесного искусства.

Ключевые слова: воспоминание, тропы, импрессионизм, память.

Memoir literature in its kind of variety can serve as source for history cognition, a document and like original literary work. Specific inner features of memoirs allowing to bring them to the word art phenomena are researched in the article.

Key words: recollection, tropes, impressionism, memory.

Постановка проблеми. В літературному творчестві різних епох існує особий тип тексту, в основі якого лежить мистецтво пам'яті. Його жанрова специфіка складається з незвичайної широти: автобіографія, путеві замітки, листи, щоденники, літературні портрети, історичні хроніки. Такі тексти називають мемуарними.

Питається відтворити минуле, відоме на основі власного життєвого досвіду, мемуарист сприймає його як необхідну складову частину людського буття. Відношення до нього, з чим перетинається власне життя, нагріте особливим почуттям особистої причастності до історії. В цьому випадку немає потреби «вообразити минуле», реставрувати його з збережених матеріальних фрагментів, як це відбувається в разі історичного оповіщення. Живе знання епохи впливає на переконливість мемуаристики, її «вещність», «наглядність».

Як бачимо, автор мемуарного тексту – це не тільки реальна особистість, події з життя якої лежать в основі мемуарного сюжету, але й та інстанція, яка має неограничену свободу, вбудовуючись в товщу речей і надаючи їм сенс, а також одушевляючи зсередини правила мови.

Аналіз публікацій авторів, досліджуваних наслідки М. А. Волошина, свідчать, що особливості його творчості докладно висвітлені

в роботах В. П. Купченко, С. М. Пинаєва, Н. А. Кобзева, І. Кур'янової і др. Однак мемуаристика поета, зокрема його путеві замітки, мало вивчені.

Ціль статті – досліджувати мемуаристику М. Волошина як єдинство документального і художнього бачення світу, визначити поетичні особливості його стилю.

Изложение основного материала. Академик Д. С. Лихачев отметил, что «литература – это не только искусство слова, это искусство преодоления слова, приобретения словом особой “легкости” от того, в какие сочетания входят слова. Над всеми смыслами отдельных слов в тексте, над текстом витает еще некий сверхсмысл, который и превращает текст из простой знаковой системы в систему художественную. Сочетания слов – а только они рождают в тексте ассоциации – выявляют в слове необходимые оттенки смысла, создают эмоциональность текста. Подобно тому, как в танце преодолевается тяжесть человеческого тела, в живописи преодолевается однозначность цвета благодаря сочетаниям цветов, в поэзии преодолеваются обычные словарные значения слова. Слово в сочетаниях приобретает такие оттенки, которых не найдешь в самых лучших словарях» [1, с. 50].

Будучи художником слова, М. Волошин також не міг не розмішляти про слово, він обречений на це своїм призначенням; як і інші поети – і великі, і малі – він не зміг минувати цю

вечной темы искусства. Трудно назвать другую силу, которая могла бы соперничать с силой слова. Потому-то, наверное, так много произведений в литературе, темой которых является слово художника как таковое, слово само по себе, слово как тайный смысл, а не только как инструмент искусства.

Вот что вкладывает в это понятие Волошин: «В слове – волевой элемент. Слово есть чистое выражение воли – эссенция воли. Оно замещает действительность, переводит в другую область... Слово мало способно зафиксировать прошлое, поэтому такая борьба со словом в описаниях. Описание – это почетная победа слова, но не его стихия... Слово выражает желание. Слово – это будущее, а не прошлое. Всякое желание исполняется, если оно не выражено в слове. Чтобы предотвратить его исполнение – его надо сказать» [2, с. 206–207].

Признанное свойство Волошина-поэта – его чуткость к звуковому оформлению, звуковой связанности слов. Ведь он думает не субстанциями, а атрибутами, не предметами, а их свойствами. «Я ищу в стихе равновесия. Если я употребляю в одном стихе редкое слово, то я стараюсь употребить равноценное на другом конце строфы» [2, с. 202].

Максимилиан Волошин является художником тонко развитой наблюдательности, мастером точного и четкого словесного рисунка, необычайно выразительного по своей живописности. Своими учителями он считал виртуозов стихотворной пластики (в противовес «музыкальному», верленовскому направлению) Т. Готье, Ж.-М. Эредиа и других французских поэтов-«парнасцев» [3].

Живопись словом была характерна для литературы эпохи, охватывающей последние десятилетия XIX и первые десятилетия XX века. Эту художественную эпоху отличает та существенная особенность, которую, по мнению В. Днепрова, можно назвать «повышенной впечатлительностью»: «...Восприятия человека стали интенсивнее, острее и заняли новое, более важное место в структуре личности. Этот факт, его громадные масштабы, его несомненность имеют принципиальное значение. Оказывается, не только разум, не только чувство, но и восприимчивость меняется вместе с историей. В частности, эпоха повышенной впечатлительности направляла фантазию художников в сторону живописности» [4, с. 354].

Волошин – непревзойденный мастер пейзажа. Картины природы в его произведениях отличаются конкретностью. Автор описывает природу не как бесстрастный наблюдатель; он четко и ясно выражает свое отношение к ней:

«На зеленом склоне горы, которая немного ниже обрывалась в глубокую узкую расселину, на дне которой ревел поток, приютилось пять черных деревянных домиков. Они все как-то присели к земле, широко расставив свои деревянные крыши, укрепленные камнями, торчавшими на них как бородавки. Одно крыло было выставлено дальше другого. У всех у них был такой напряженно-испуганный вид, точно они ожидали, что их сейчас кто-нибудь съездит по шее... Это был Рофен, крошечная испуганная деревушка, затерянная высоко-высоко в горах под самыми снегами» [5, с. 47]. Поразительно тонко замечен контраст между хрупким человеческим присутствием («*приютилось пять черных деревянных домиков*», «*напряженно-испуганный вид*») и пугающей величием природы («*ревел поток*», «*высоко-высоко в горах под самыми снегами*»). Чем острее Волошин воспринимает мир в индивидуальной неповторимости переходящих явлений, тем трепетнее и тревожнее становится его любовь к жизни.

Такая обостренная изобразительность видения мира Максимилиана Волошина сродни с изобразительностью великих живописцев-импрессионистов. Их влияние на творчество поэта несомненно. Как известно, импрессионистское искусство приобрело всемирное значение потому, что оно было вызвано потребностями самой жизни. Б. Асафьев так объясняет происхождение импрессионизма: «Импрессионистичной стала жизнь. Ускоренные темпы переживаний, интенсивность “симфоний света”, быстрота обмена сведениями и сообщениями, усложненность взаимоотношений обострили и “убыстрили” зрение, слух и лежащее в основе их осознание. То, что глаз Веласкеса, степенный и мерный, еще не схватывал, а Греко, лишь угадывая, воплощал “мистически”, перед чем трепетал в ужасе глаз Гойи и что мы определяем понятием нервность, – все это научилось образно-кинетично воплощать импрессионистское искусство» [6, с. 75].

Именно импрессионисты научились видеть объективный мир субъективно и подвинули благодаря этому вперед мировое искусство. Они перестали отключать наблюдателя от художественно воспроизводимой объективности и тем самым в неслыханной степени приблизили природу к человеку. Художник отразил в себе действительный предмет, но, с другой стороны, и предмет всем своим обликом возвестил о присутствии художнику «впечатлительности». Душа художника как бы вживалась в лежащую перед ней реальность, субъективное срасталось с объективным, и чувство великого их единства и «сопричастия воплощалось в картине – прони-

занное светом, мерцающее красками, насквозь прекрасное вещество как бы изнутри очеловечивалось» [4, с. 356].

Стремление к ясности выражения, к художественной простоте – один из важнейших аспектов художественного освоения М. Волошиным действительности; в какой-то мере это изначальный признак здорового эстетического чувства. Волошин «рисует» природу простыми и точными мазками, но как яркие и сочны эти краски: «За широкой овальной поляной, заросшей мягкой, ярко-зеленой альпийской травой, поднималась крутая стена. Когда кончился этот подъем, снова была поляна, и только изредка мелькали вдали угольные черные вершины, испещренные белыми ледяными инкрустациями. Деревья становились все реже и наконец с одним подъемом сразу исчезли. Тогда начали между камней показываться зеленовато-бурые заросли, кое-где прорезанные кровавым подтеком, – альпийские розы. Почва становилась сырее. Уже кое-где в ложбинках совсем близко виднелись сугробы уцелевшего снега» [5, с. 58].

Визуальное восприятие художника улавливает во всем неповторимость, даже сказочность. Волошин сумел довести свои описания до необычайной простоты, лишенной всякой нарочитости, несдержанности, назойливости, они были всегда кратки и имели характер *а ргос* (кстати). Волошин использовал цветовые сочетания очень лаконично, но достаточно для того, чтобы создать ощущения полноты реального бытия и зависимости от нее глубины человеческого восприятия мира: «Ослепительно белый город, под ослепительно жгучим солнцем, на берегу ослепительно синего моря» [5, с. 62].

В некоторых заметках М. Волошин описывает картины природы, которые открываются ему во время прогулки, по ходу движения. В этих случаях автор органически включает в пейзаж самого себя, движущегося, наблюдающего: «Полчаса спустя я шел с мешком за плечами по сырой горной тропинке по направлению к белевшим вдали Альпам Тироля. Солнце только что проглянуло, и на густой зелени леса сияли капли дождя. От всего только что виденного в душе оставался какой-то мутный, неприятный осадок и глубокое отвращение к этому жалкому, исковерканному остатку «прекрасного средневековья», лишенному своей первобытной свежести и религиозной наивности ради удовлетворения нахально-праздного любопытства скучающей толпы европейских туристов...» [5, с. 28]. Оценочные определения – *мутный, неприятный осадок; глубокое отвращение; жалкий, исковерканный остаток «прекрасного средневековья»; нахально-праздное любопытство скучающей*

толпы – подчеркивают реальность пейзажного этюда и в то же время связывают картину природы с картиной душевного состояния автора, настроенного явно публицистически.

Способность М. Волошина помещать себя внутрь картины, словно оттеняя и разнообразя пейзаж присутствием фигуры человека, объясняется общим характером его видения природы. Его пейзажи помогают раскрыть внутренний облик писателя-мемуариста, свидетельствуют о его наблюдательности, способности к восприятию прекрасного. Они представляют собой бегло нарисованные несколькими выразительными штрихами картины природы: «Вечерет! В долине дремлют тополя, окутанные вечерним сумраком... Из-за стены свешиваются густые ветви винограда, пахнет тем неуловимым тонким запахом винограда, который можно заметить только при первом впечатлении и который незаметен потом» [5, с. 51].

Существуют утверждения, что реальный пейзаж эстетически менее совершенен, чем пейзаж, изображенный художником, поскольку поэт и живописец в пейзаже отбирают, отображают, отделяют существенное от несущественного, отсекают случайное и в то же время усиливают типичное, характерное даже в тех случаях, когда пишут чуждую классической гармонии картину как бы «врасплох» захваченной, «неприбранной» природы. Но как бы ни были пейзажи верны своим оригиналам и даже более совершенны, чем сами оригиналы, – художнику все равно не под силу угнаться за бесконечно разнообразной, безграничной и всеобъемлющей жизнью природы. Однако воссозданный им мир станет тем богаче, живее и прекраснее, чем ярче и живописней будет сила словесного изображения.

Отметим, что пейзажи Волошина – реалистические, так как он точно изображает реальную природу в свойственных для ее объектов формах, размерах, взаиморасположении, цвете, особенностях поверхностей природного материала, то есть так, как рисует художник на живописном полотне. Живописность изображения в путевых заметках автор поддерживает при помощи тропов; наиболее эффективным из них становится *метафора*, которая помогает автору предельно сблизить душу человека и природу: «солнечное сплетение города», «прививка литературной славы», «нервные узлы города», «гасли крики, страсти, огни, глаза, звуки, движение», «саван праха». Метафора в них многолика и многомерна, штриховая и развернутая, зрительная и эмоциональная, чувствующая и страдающая. Такой метафорический ряд, как, например, «величаво-грустно клубилась корона сосны», «наступившиеся крыши», «паутина скре-

циваючихся арок и колонн», «вулканическая работа мозга», «усталое равнодушие стальных глаз» очень точно фиксирует душевное состояние как процесс, как действие самого чувства. Часты у Волошина и метафорические эпитеты: «унылые и торжественные заливы», «царственность великой исторической реки», «жемчужные отливы плодов», «мускулистые разлазные можжевелики», «девственный снег», «тучная почва». Они позволяют автору раствориться в природе, слиться с ней и, таким образом, еще сильнее выразить свои чувства и настроения.

Как видим, истинный мастер одинаково заражает силой мысли и неповторимой силой художественного восприятия, глубиной видения, умением пластически выразить и мысль, и чувство, и весь окружающий мир природы, и разнообразный мир вещей.

Выводы. В различные исторические периоды мемуарная литература служит разным целям и, следовательно, осуществляет различные социальные и литературные функции.

В мемуаристике М. Волошина наблюдается тенденция неуклонного сближения мемуаров с художественной литературой, все более прочно-

го «врастания» ее в литературную систему. Наиболее четко это проявляется в его путевых заметках. Волошин-мемуарист оперирует не только материалом, фактами, но и картинами природы как образами, являющимися звеном между документальным и художественным видением мира.

ЛИТЕРАТУРА

1. Лихачев. Д. С. Письма о добром и прекрасном / Дмитрий Сергеевич Лихачев. – М. : Детская литература, 1988. – 237 с.
2. Волошин М. Автобиографическая проза. Дневники / Максимилиан Волошин. – М. : Книга, 1991. – 416 с.
3. Курьянова И. Творчество М. Волошина как пример импрессионизма / И. Курьянова // Культура народов Причерноморья. – 1998. – № 3. – С. 175–179.
4. Днепров В. Д. Идеи времени и формы времени / Владимир Давыдович Днепров. – Л. : Сов. писатель, Ленингр. отд-ние, 1980. – 600 с.
5. Волошин М. Путник по вселенным / Максимилиан Волошин. – М. : Сов. Россия, 1990. – 384 с.
6. Асафьев Б. В. Русская живопись. Мысли и думы / Борис Владимирович Асафьев. – М. ; Л. : Искусство, 1966. – 243 с.

УДК 82–3.091

Юферева О. В.

ОСНОВНІ ПІДХОДИ ДО ВИВЧЕННЯ КАТЕГОРІЙ «МЕТАЖАНР» У СУЧАСНОМУ ЛІТЕРАТУРОЗНАВСТВІ

Поняття «метажанр» у сучасному вітчизняному і закордонному літературознавстві набуває актуальності. Воно відображає напрямки розвитку літератури, що пов'язані з процесами внутрішньо-літературного синтезу. Саме визначенню його особливостей у співвідношенні із проблемою жанрової конвергенції присвячуються відомі літературознавчі праці, на яких зосереджено увагу у цій статті.

Ключові слова: метажанр, синтез, жанр, синтетичний жанр, еволюція.

Понятие «метажанр» в современном отечественном и зарубежном литературоведении становится актуальным. Оно отображает направления развития литературы, которые связаны с процессами внутрিলитературного синтеза. Определению его особенностей во взаимодействии с проблемами жанровой конвергенции посвящены известные литературоведческие работы, на которых сосредоточено внимание в этой статье.

Ключевые слова: метажанр, синтез, жанр, синтетический жанр, эволюция.

The notion «metagenre» becomes topical in modern national and international literary criticism. It reflects the trends in the development of literature, which deals the processes in the synthesis within literature. Special attention is paid to the determination of its peculiarities in the correlation with the problem of genre convergence studied in many literature works.

Key words: metagenre, synthesis, genre, synthetic genre, evolution.

Постановка проблеми. До вивчення процесів жанрово-родового синтезу, появи нової художньої цілісності, закономірностей її формування – важливих завдань сучасної літературознавчої науки – долучається і проблема метажа-

ну, в осмисленні якої спостерігається чимало суперечностей. Плідною тенденцією наукових розвідок з цього питання можна вважати виразний зсув від скептичного ставлення до більш уважного і вдумливого. Публікації авторитетних

вчених, зокрема Т. В. Бовсунівської, О. А. Галича, О. В. Зирянова, Ю. В. Шатіна, переконують у тому, що відкривається новий етап у дослідженні категорії метажанру, ознаменований, передусім, усвідомленням її особливого значення для відтворення цілісної картини динаміки складних жанрових утворень.

Виходячи з цих положень, ми ставимо за мету висвітлити існуючі напрями аналізу метажанру, а також окреслити його зв'язок із сучасними науковими уявленнями щодо жанрового розвитку літератури.

Виклад основного матеріалу. Охарактеризувати метажанр одним визначенням важко, що пов'язано в першу чергу із проблемою класифікацій об'єктів, ним позначуваних. Відразу ж впадає в око, що в різних розробках метажанру відображені спроби характеристики перехідних жанрових явищ, аналізу напрямків і типологізації жанрових взаємодій. Особливу увагу до метажанру було приділено в роботах, присвячених мемуарам, у дисертації О. Л. Кирилової [1], філософській ліриці, в працях Р. С. Співак [2; 3], інтермедіальним утворенням, у монографії О. Я. Бурліної [4].

Не зважаючи на «традиційне» у літературознавстві розмивання чіткості термінологічних меж, що дозволяє використовувати термін у різних контекстах, семантичні межі метажанру відносно стійкі й стабільні. «Деякі концептуальні ознаки, що інтуїтивно вловлюються» [4, с. 38], характерні для ряду жанрів, підштовхували дослідників до продовження пошуків у цьому напрямку. І сьогодні обговорення метажанру значно активізувалося. В одній із вітчизняних монографій енергійне заперечення продуктивності поняття «метажанр», узятє в трактуванні Р. С. Співак, демонструє безкомпромісність наукової позиції: «Ця категорія, з'явившись у літературознавчому вжитку десь з кінця 1970-х – початку 1980-х років, була і залишається дуже спірною, концептуально не розробленою, неадаптованою до системи літературознавчих категорій і не апробованою в практиці аналітичної роботи з художнім емпіричним матеріалом» [5, с. 278]. Проте, критика, яка лунає на адресу цього явища, також свідчить про наукову зацікавленість.

Метажанр – відносно нове явище у філологічній науці, і, напевно, тому ще не відображене більшістю термінологічних словників і енциклопедій. Подане в «Літературознавчому словнику-довіднику» (1997) визначення спирається тільки на концепцію Р. С. Співак [6, с. 453], хоча вже в цей час існують відмінні позиції Н. Л. Лейдермана, О. Я. Бурліної. Основним, закладеним у самому слові значенням метажанру, є ро-

зширення охоплюваних явищ, «укрупнення» меж цілісності, здійснюване в декількох напрямках: понаджанрової єдності (О. В. Мирошникова), жанрово-родового синтезу (Р. С. Співак, Н. Л. Лейдерман, О. В. Зирянов), художніх сфер (О. Я. Бурліна). Разом із тим, у кожній із названих концепцій на перший план висувається більш важливе значення – результат взаємодії форм, що призводить до утворення нової єдності.

Термінологічною альтернативою метажанру іноді виступає термін «генералізація», пристосований до сфери жанрових тенденцій. У такому випадку під генералізацією розуміється «свого роду процес «кристалізації», коли загальний принцип притягує до себе, підкоряє, певним чином структурує часткові явища, становлячи їх спільний «знаменник». Жанрова генералізація в цьому випадку означає процес об'єднання, стягування жанрів (нерідко стосовного різних видів і родів мистецтва) для реалізації нежанрового (звичай проблемно-тематичного) загального принципу» [7, с. 146].

Цей термін, звичайно, пояснює деякі жанрові явища й за багатьма параметрами наближається до метажанру, котрий все-таки, на наш погляд, має перевагу у вивченні синтетичних тенденцій. Термін «метажанр» описує не стільки аспект злиття, скільки причини й особливості прояву «іншого» у новій єдності. Слід додати, що генералізація викликає паралель з поняттям жанрової асоціації. Вивчення метажанру й асоціації актуалізує різні співвідношення жанру із цими категоріями. Дослідники метажанрових утворень апелюють до різних сторін синтезу: особливостей співвідношення елементів у складі цілого синтетичного твору, характеру протікання процесу, специфіки взаємодії в родо-жанровій системі. У розгляді жанрової асоціації встановлюється спільність певного структурного принципу для ряду відокремлених жанрових компонентів, відзначаються розбіжності в його реалізації. Тобто аналіз явищ жанрової інтеграції здійснюється за допомогою різних епістемологічних принципів: у дослідженні метажанру – у напрямку від об'єднуючого центру до множинності, асоціації – від множинності до центру. Об'єднання жанрів за принципом асоціації характеризується послабленим рівнем внутрішньожанрової єдності. Асоціація – це, насамперед, багатожанровий конгломерат, що, як зазначає О. В. Пономарьова, з превеликою силою піддається типологізації, й установити єдиний критерій для цього не вдається [8].

Виходячи із зазначеного, можна зауважити, що в асоціації жанрові утворення не прагнуть до повного синтезу. Межа між ними повинна бути відчутна. У метажанрі дослідники виділяють

інші процеси, у яких синтез виступає основою зародження цілісного художнього світу. Нарешті, виокремлюються утворення, що зберігають автономність складених елементів, є структурно і конструкційно відкритими [9], наслідують відношення подібні до принципу підпорядкованості давньої літератури жанрів-«васалів» і жанрів-«сюзеренів», іменуються ансамблем. На цьому тлі категорія «метажанр» набуває самобутніх рис. Вона постає завдяки якісно відмінним процесам, у яких синтез виступає основою зародження цілісного художнього світу.

Одна із репрезентативних концепцій метажанру розроблена в роботах О. В. Мирошникової, у яких явища інтеграції, монтажності, синтезу в комплексі циклічних тенденцій набули всебічного розгляду. Літературознавець описує типи поетичних об'єднань, виділяючи великі ліричні форми, макроструктури й метажанри: «До третього розряду можна віднести більш місткі утворення, що мають статус самостійної поліграфічної структури, здатні поєднувати у своєму складі твори першого й другого типів, причому власне жанрами в точному значенні вони не є, скоріше, варто визначити їхній статус як метажанровий (віршована збірка, том зібрань творів, лірична книга, альманах, поетичний альбом, номер журналу, що складається переважно з віршів)» [10, с. 17]. О. В. Мирошникова робить ще одне важливе уточнення, яке має стосунок до жанрових властивостей поняття: «Жанровий клас» ліричної книги поділяється на два типи за специфікою архітектонічного вирішення: книга-композиція (циклів-відділів) і книга-цикл. Побутуванням цих різновидів, що обговорюється у роботі, пояснюється суперечливість дослідницьких визначень. Для книги, що становить складну композицію глав, розділів, циклізованих лейтмотивів, тобто ієрархію рубрик-фрагментів, більш адекватним є визначення «метажанр», і навпаки, книгу-цикл природно вважати жанром (жанровим утворенням)» [10, с. 28]. Книга-щоденник належить у цій концепції до метажанру, поряд із віршованим подорожнім щоденником, а цикл подорожей – до макроструктури. Іншими словами, у метажанрі, на думку філолога, простежується складноскладеність структури, відчутність елементів у макроструктурі нейтралізується.

Націленість на аналіз циклічних утворень різних рівнів, пильна увага до структурних змін у таких творах не приховали від О. В. Мирошникової особливостей значеннєвого перетворення елементів у складі нової єдності. Справедливо стверджуючи тезу про не механічне їх з'єднання, а «концеповане органічне злиття» у метажанрі, обґрунтовується цей процес пануван-

ням принципу підрядних відносин окремих віршів єдиному жанровому задуму всієї структури [10, с. 22].

Аналізуючи різні «масштаби» вивчення жанру, ступені теоретичного абстрагування, Н. Л. Лейдерман покликається на ідеї Ю. М. Тинянова про так звані «молодші» і «старші» жанри, висловлених у статті «Ода как ораторский жанр». Учений вважає, що старший жанр як сукупність певних загальних конструктивних принципів, властивих ряду родинних жанрів, доречно «для термінологічної чіткості» називати метажанром у дусі досліджень М. М. Бахтіна й Г. М. Поспелова. Таким чином, осмислення метажанру й визначення його детермінантних ознак у цій роботі виходить із двох чинників, по-перше, характеристики великого типу змістовно-формальної єдності, тобто метажанру [11, с. 137], і, по-друге, відповідності цієї єдності історії художньої культури [11, с. 138]. Н. Л. Лейдерман висловлював точку зору, відповідно до якої «діахронна система жанрів, що складається протягом періоду на основі внутрішньо- і міжжанрових відносин, має обмежений діапазон дозволених можливостей» [11, с. 211]. Осмислення розвитку жанрів у їхній системі дозволяє побачити головний пізнавально-ціннісний принцип, зібраний, сконцентрований у провідному жанрі. Властивий йому структурний принцип «побудови світообразу» в конкретній історико-літературній системі «набуває значення метажанрового принципу, що поширюється спочатку на конструктивно найбільш близькі, а потім і на все більш віддалені жанри» [11, с. 213].

Розкриття особливостей епічного синтезу літературознавець здійснює на основі виявлення співвідношення інтеграції жанрів, вираженого в кількісному способі або циклізації, і метажанрового конструктивного принципу. Родо-жанровий синтез у концепції вченого набуває діалектичного осмислення у світлі взаємодії наступності й зміни літературних епох. У певний історико-літературний період рух художньої свідомості відбувається від аналізу до синтезу або від окремих відносин людини до пошуків цілісності «життєвих зв'язків» [11, с. 211]. Динаміка синтезу визначена як послідовне відцентрове поширення єдиного початку (у цьому випадку романного світообразу), його глибинне засвоєння іншими жанрами, що призводить до появи не тільки нових єдностей, але й відновлення всієї жанрової системи.

Типологічне значення поняття «метажанр» запропоновано в монографії О. В. Зирянова, присвяченій процесам жанрової еволюції. Оригінальні жанрово-родові типи, виокремлені на основі дотримання принципу логічної єдності,

чим і є метажанр, на думку дослідника [12, с. 38], набули особливої популярності в літературознавстві завдяки можливості подолання меж традиційної диференціації. У роботі зазначено, що метажанровими категоріями оперують не тільки у вузькожанровому аспекті. Поряд із дослідженнями, що розглядають метажанр як «провідний» жанр, є напрямок його розробок, в основу якого покладений принцип «цілісного духовного самовизначення», естетичної настанови твору. Залучена концепція відомого вченого В. І. Тюпи щодо художніх модусів ідилічного, елегійного, сатиричного тощо унаочнює метажанрові прояви, які сприяють створенню перехресної класифікації, що, на думку О. В. Зирянова, є пріоритетним завданням теорії літератури. Науковець пояснює це тим, що художній модус – «це не тільки світовідчуття у формі естетичного пафосу, але ще й хронотоп (або певна картина світу), і система цінностей (яка, за М. М. Бахтіним, завжди є принципово хронотопічною), тобто його варто розглядати не інакше як жанрову домінанту» [12, с. 46].

Найбільш запитаною, а також обговорюваною концепцією є поняття метажанру, розроблене Р. С. Співак в дослідженні філософської лірики. Метажанр у цій концепції характеризується стійкою інваріантністю конкретних способів художнього моделювання світу, об'єднаних загальним предметом художнього зображення [3, с. 54]. Особливість категорії закладена у міжродовій природі об'єднання, що дозволяє створити «різновиди структури високого рівня абстрагування, типологічно спільного для великого кола творів різних історичних епох, що виражає іманентні особливості художньої творчості, породженої глибинними рисами людської свідомості» [3, с. 65].

Як відомо, дослідниця виділяє філософський, феноменальний і типологічний метажанри, кожний із яких має особливості сюжетоутворюючих позицій, суб'єктної структури, просторово-часової організації. Наприклад, сюжет у феноменологічному і типологічному метажанрах має акцидентний характер, а у філософському – субстанціональний, «що зображає дійсність крізь призму загального» [3, с. 54]. У міру розвитку думки, «загальність» переростає із сюжетного параметра в принцип художнього мислення, що організовує ключові моменти структури філософської лірики, прози й драми. Диференціація творів, які співвідносяться на основі приналежності до загального-типового-конкретного способу освоєння дійсності, й утворює запропоновану Р. С. Співак метажанрову класифікацію.

Важливо зазначити, що тут підкреслюється проникність меж метажанрів і можливість існу-

вання змішаних форм. Разом із тим, у цій типології залишається незрозумілим, що саме є предметом художнього зображення у феноменальному й типологічному метажанрах. Філософський у цьому плані розкритий максимально чітко і детально. Наголошено, що параметр структури зумовлений характером зображення дійсності крізь призму субстанціонального, загального. Предмет зображення у феноменальному метажанрі пояснюється розпливчато – «саме явище як таке, описане усебічно» [3, с. 55]. А типологічний знову визначається через інші ознаки: «типологічний метажанр як предмет зображення обирає особливе. Явище характеризується в його причетності до якоїсь обмеженої спільності (моральної, соціальної, ідеологічної) і в зіставленні зі спільністю іншою, чужою» [3, с. 55]. До того ж, у теоретичних побудовах чітко проглядається синтезуючий принцип, що полягає у формуванні єдності пізнання світу, «породженої глибинними рисами художньої творчості» [3, с. 65], що визначається й знаходить конкретні репрезентації в ході історичного розвитку художньої форми. Не випадково автор згаданої праці натякає на можливість виявлення ознак виділених метажанрів у широкому культурному контексті.

Проводячи паралель у вивченні філософської лірики в контексті метажанру в українському літературознавстві, цікаво навести думку літературознавця Б. С. Тихолоза. У його статті, присвяченій цій проблематиці, говориться: «Філософська лірика – це суб'єктивований образний вислів філософської рефлексії про буття людини й світу, злитого з ліричним переживанням і втіленого в поетичній формі» [13, с. 78]. Поряд із критикою тез Р. С. Співак, а також Е. С. Соловей про філософську лірику як самостійний жанр, Б. С. Тихолоз постійно акцентує увагу на дифузійній природі цього різновиду творів і доходить висновку, що філософську лірику доцільно визначати саме як метажанровий різновид ліричного роду, який співвідноситься не з традиційними ліричними жанрами, а з творами аналогічної спрямованості – філософським романом, повістю, новелою [13, с. 77]. Подібну думку висловлює авторитетний український літературознавець О. А. Галич. Наголошуючи на доцільності поглибленого дослідження поняття «метажанр», філолог пропонує визначення цього явища: «На наш погляд, метажанр – це таке синтетичне міжродове й суміжне утворення, що має ознаки всіх трьох родів, а також дотичних до них жанрів науки чи мистецтва, об'єднаних певною ознакою» [14, с. 27]. Слушною видається також думка дослідника про те, що метажанр «не відмінняє існуючу родо-жанрову класифіка-

цію, а увиразнює її» [14, с. 27]. Отже, і вивчення жанрової еволюції з цього ракурсу отримує особливу актуальність.

Аналіз метажанрових різновидів, запропонованих Р. С. Співак, продовжує український літературознавець Т. С. Волкова, у докторській дисертації якої уточнюється й конкретизується метажанрова ієрархія в ліриці. Метажанр розглядається як категорія, що «відображає узагальнені жанрові риси ліричних творів і в змісті (предметі), і в їхніх формах» [15, с. 32]. Філософський метажанр включає філософську лірику, феноменологічний – медитативну й сугестивну, типологічний – публіцистичну й сатиричну [15, с. 14]. Характеристика метажанру в цьому дослідженні звужує його розуміння як міжродового утворення, що спирається на тип мислення в побудові конкретного художнього цілого, і сконцентрована навколо взаємодії суб'єктних процесів у ліриці.

У деяких дослідженнях цієї проблеми останнім часом робиться спроба реалізувати комплексний підхід, що поєднує різні способи вивчення метажанру. Під таким поглядом метажанр тлумачиться і як понаджанрова єдність, і як міжродове об'єднання. Наприклад, у дисертаційному дослідженні О. С. Кудрявцевої «Жанри и метажанры сатиры (на материале 16-й полосы «Литературной газеты»)» відстоюється точка зору, відповідно до якої сатиричний метажанр має «графічну єдність, багатоскладність, активізує процеси закріплення нових жанрових форм і розмивання меж у традиційних жанрах» [16, с. 12]. Крім того, аналізований матеріал, як метажанр, має «типову суб'єктну форму», «хронотоп метажанру», відрізняється посиленням тенденції до жанрової дифузії [16, с. 7].

На сучасному етапі метажанр активно вивчається на матеріалі драматургії. У цьому випадку дослідники прагнуть виробити підхід до комедії, наприклад, і як до жанру, і як до метажанру: «Будучи жанром драматичного роду, комедія одночасно виступає як метажанр, «жанрова матриця» комічних форм, концентруючи в собі ознаки комічних жанрів. Але ця універсальна модель (метакомедія) не зустрічається в чистому вигляді, вона знаходить «конкретну» жанрову специфіку в сатиричній, гумористичній або іронічній комедії» [17, с. 7]. Можна зробити висновок, що метажанр проявляє свою сутність, що ґрунтується на структурно-семантичному «ущільненні» ознак художнього освоєння певного жанру, саме у взаємодії, у постійному спілкуванні з різними жанровими формами. Більш послідовно ця думка виражена в іншій роботі з вивчення еволюції драматургічних жанрів: «Статус метажанрів багато в чому пояснює не

тільки процеси мелодраматизації (90-ті), водевілізації (50-ті рр.) і водевілізації (1870–90-ті рр.) драматургії XIX століття, але й активне життя традицій мелодрами й водевілю після фактичної смерті чистих варіантів цих жанрів» [18, с. 7]. «Тривалість» метажанру, його впливова й динамічна природа показана термінами жанрів, у яких позначена їхня незавершеність, перебування в процесі становлення в рамках розвитку жанрової системи.

Обговорюючи проблеми типології літературних творів у контексті вільного жанроутворення, поняття «метажанр» уводить О. Я. Бурліна, автор монографії «Культура и жанр. Методологические проблемы жанрообразования и жанрового синтеза». Характер універсалізації в цій теорії виводить метажанр на рівень мистецтвознавчої категорії. У фокусі уваги дослідника опиняється аспект інваріантної моделі, властивої ряду жанрів, яка інтерпретується в міждисциплінарному ключі: «Ознаками метажанру для эстетика, що прагне за допомогою цього поняття вловити загальнокультурний міждисциплінарний контекст певного твору мистецтва, будуть не конкретні видові ознаки, які характеризують літературні, музичні або театральні жанри, а деякі інші. Вони лежать на метарівні загальних моральних концепцій...» [4, с. 43–44]. Термін «концепція», який наполегливо використовується автором, відображає прагнення до узагальнення, вироблення «абстрактного, універсального принципу», що лежить в основі типів художнього мислення: «концептуальна позиція» [4, с. 52] (просторово-часові вирішення), «концептуальне відношення» [4, с. 16] (певний погляд на світ), концепція особистості («системоутворювальний предикат, що визначає всі процеси жанроутворення») [4, с. 59], нарешті, метажанр як «тип завершення, що виражає певну конкретно-історичну концепцію» [4, с. 45]. О. Я. Бурліна зауважує, що в умовах зняття жанрових перегородок визначити стабільні структурні ознаки жанру складніше, ніж інваріантну модель світу [4, с. 38]. Саме її розвитком і перетворенням зумовлюється жанровий синтез, а також принцип жанрового моделювання, який дослідниця називає «жанровий колаж». Співвіднесення жанру й метажанру у згаданій роботі ґрунтується на відповідності родо-видових ознак, які спираються на предметні й метапредметні рівні типології, що прагне «до аналізу універсальних ознак, властивих усім мистецтвам» [4, с. 13]. У рамках диференціації жанру й метажанру, стверджуючи, що вузьковидові ознаки жанру не завжди є естетично універсальними, а метажанр не можна розглядати в одному ряді з жанрами того або іншого мистецтва, О. Я. Бурліна пропонує аналі-

зувати його з позиції конкретних критеріїв, зокрема, ціннісної орієнтації, просторово-часових вирішень, ролі художника.

Точку зору О. Я. Бурліної поділяє Ю. С. Підлубнова, яка вважає, що, крім позародової спрямованості, метажанр відрізняє прагнення вийти за рамки літературного простору в іншу, більш широку систему координат [19]. Не дотримуючись строго будь-якої певної з існуючих типологій метажанру, вона уточнює: «Так наприклад, мабуть, «філософський метажанр» у ліриці – явище не просто літературне, але здійснюване на межі літератури й філософії; «мемуарний метажанр» – на межі літератури, есеїстики й життєтворчості; «соцреалістичний метажанр» – також явище не тільки літературне, але й таке, що поєднує літературу з іншими видами соцреалістичного мистецтва: музикою, живописом, скульптурою, кіно, – а також, що немаловажно, ідеологією й міфологією комунізму (вивчаючи соцреалістичний метажанр, необхідно вивчати всі сфери переломлення соцреалістичної естетики)» [20]. Симптоматично, що й у цій роботі вивчення метажанру орієнтоване на з'єднання різних методологічних підходів, і до категорії метажанру включаються також і наджанрові об'єднання – збірки й книги віршів. Таким чином, метажанр набуває значення перехідного, складно-складеного, синтетичного утворення.

Слід підкреслити, що загальною ознакою або навіть передумовою утворення метажанру практично однотайно визнається синтез на різних рівнях твору. Термін «синтетичний» є «супутником» міркувань про метажанр. Методологічною основою більшості робіт, присвячених метажанровим утворенням, є уявлення про «синтетичну» природу жанру, його прагнення до об'єднання множинності. Фактор укрупнення змістовно-формальної структури, необхідного для появи метажанру, мислиться дослідниками як результат злиття декількох жанрів. Наприклад, у концепції О. В. Зирянова ми натрапляємо на суміжні поняття: синтетичності жанру й синтезу жанрів у метажанрі. Учений, позначаючи вектори жанроутворювальних процесів, виділяє шляхи трансформації традиційних жанрів, що пролягають через метажанрову спільність або впливи якогось жанру, а також трансформації «за рахунок актуалізації в жанровій структурі одного твору «пам'яті» (архаїчних ознак) різних жанрів» [12, с. 82]. Метажанрова спрямованість ліричної поезії «на часткове освоєння матеріалу й способів його осмислення, характерних для малих прозаїчних жанрів» [12, с. 320] передбачає утворення синтетичних жанрів, в основі яких – міжродовий і жанровий синтез. До таких належать лірична новела, ліричний роман. Але

фундаментом для міркувань у цьому напрямі виступає інтеграційна природа жанру, що не покривається формальними технологіями, а прямо задіяна у створенні художньої реальності [12, с. 43].

Докладно про синтетичні жанри говорить і О. Я. Бурліна, яка відзначає, що синтез різних жанрів необхідний для «більш ємного втілення дійсності» [4, с. 23], що узгоджується із твердженнями про глибинні соціальні впливи в самому матеріалі мистецтва. Вихідні положення дослідниці близькі до думки О. В. Зирянова: вона також вважає, що нова ситуація жанроутворення своїм існуванням зобов'язана жанру як плинному, синтетичному утворенню [4, с. 37]. У результаті синтезуючих процесів постає синтетичний жанр, або, як уточнюється, колажний [4, с. 24]. По суті, аналіз жанру синтетичного походження в цій книзі проходить через з'ясування особливостей і закономірностей жанрового колажу в різних видах мистецтва. Тут важливо підкреслити, що колажність – це спосіб художнього моделювання, який обумовлює якість художнього синтезу, здійснюваний, за О. Я. Бурліною, на основі принципової «незліянності», що призводить до дискретної рівності окремих жанрових шматків [4, с. 129]. Висновки автора базуються на поширеному тріступінчастому уявленні про жанровий синтез: евристичній компіляції, продуктивному синтезі й раціоналізації жанру. Ілюстрацією жанрового синтезу стає література «спогадів», у яких «жанрові ухили... існують досить автономно, сплавлені водночас у новий тип цілісності» [4, с. 128]. Дослідниця акцентує увагу на тому, що жанровий синтез будуватиметься на переосмисленні первинних жанрових підстав, а підґрунтям його в новітню епоху є прагнення до філософського узагальнення гуманістичних проблем.

Обережне ставлення до категорії метажанру застосує безумовні її переваги як методологічного підходу до аналізу жанрових змін, які охоплюють жанрову систему певного періоду літератури й забезпечують її розвиток. Ця категорія проливає світло на багато аспектів жанрового становлення, зв'язуючи їх із комплексом світоглядних трансформацій, родових зсувів, стильових тенденцій. Покладені в її основу теорії синтезу, зокрема діалектика єдності й елементів, специфіка організації жанрової цілісності, забезпечують досить міцний методологічний фундамент, що дає змогу охопити й пояснити широкий спектр художніх явищ, простежити системний взаємозв'язок між ними й виявити закономірності їхнього формування.

Незважаючи на розбіжності в трактуванні метажанру, його ознаки діагностуються досить

точно. У найзагальнішому розумінні метажанр – це насамперед тенденція, прагнення змістовно-формальної єдності поширити свій вплив і збагатитися за допомогою взаємного проникнення жанрів. У його основі – імпліцитна концептуальна спільність ряду жанрів, що сприяє проникності зовнішніх родо-жанрових меж і виникненню єдиного структурного принципу оформлення певного значеннєвого інваріанта або, в розумінні Н. Л. Лейдермана, пізнавально-ціннісного принципу. Дослідники по-різному пояснюють причини й способи утворення подібного роду єдностей. Їхні висновки ґрунтуються на розумінні характеру синтезу в літературній еволюції, від чого, у свою чергу, залежить виділення вихідного елемента, покладеного в основу метажанру, і процесу його формування. Однією із регулярно згадуваних інваріантних ознак метажанру є пограничність: міжродова (Р. С. Співак), міждисциплінарна (О. Я. Бурліна), міжжанровородова (О. В. Зирянов).

Метажанровий інваріант як певний значеннєвий моноліт, що постав завдяки з'єднанню множинності, вказує не тільки на кількісний приріст, а, насамперед, на «підвищення ємності» [11, с. 207] жанру. Але в одних наукових концепціях частини відіграють роль і відчутні в житті цієї єдності, в інших – розчинені. Зрозуміло, що й синтетичний жанр, якщо такий термін входить в апарат дослідника, розуміється неоднозначно. Тим часом науковці не залишають спроб виявити взаємозв'язок між цими проявами. Адже історична дійсність жанрового розвитку переконуює в тому, що чіткого відмежування між першим і другим процесом немає. Вони скоріше є відбиттям діалектичного співвідношення взаємодії й синтезу. Важливо підкреслити, що й у тому, і в іншому випадку виявлено загальний значеннєвий компонент, глибинний загальний принцип художньої свідомості, що формується в певну епоху, підштовхує до зближення й зумовлює перетворення на нову цілісність різнорідних елементів.

Звичайно, до метажанру не можна зараховувати будь-які результати тенденцій жанрового зближення. Тут необхідно вводити розумні обмеження й говорити про те, що метажанр утворюється проявом сталості синтетичних тенденцій, яка дає змогу зафіксувати спільність і закономірність диференціації та з'єднання. Метажанровий імпульс, який призводить до розширення меж художньої форми, не виробляється одним конкретним жанром, як і не утворюється шляхом нагромадження одиничних випадків міжжанрової взаємодії. В основі формування метажанру закладений принцип, що охоплює комплекс жанрів, укорінює єдність напрямку

їхніх перетворень. З огляду на пізнавальну функцію цього принципу він кореспондує в першу чергу з жанрозумовлювальним рівнем цих жанрів, поширюючись із часом і на формуючі фактори. У цьому контексті можна говорити про метажанрову спільність як про «спосіб конструювання образу світопереживання» [21, с. 40], що забезпечує цілісність складного утворення.

Іноді в літературознавстві можна натрапити на формулювання «синтетичний метажанр». Воно викликає питання: чи не дублюються в ньому ознаки, що відрізняють аналізовану жанрову форму. Як уже стало зрозумілим, поняття синтетичного жанру й метажанру співвідносні за багатьма параметрами. Формування метажанру, як і синтетичного жанру, належить до знаменних процесів сучасної жанрової системи й пов'язане з ускладненням її динаміки. Вони є невід'ємною частиною інноваційних тенденцій жанроутворення. Таким чином, найважливішим критерієм диференціації таких явищ стає їхня динамічна природа, пов'язана зі змінами літератури. У ході розвитку жанрів, перебудови їхньої системи вони є взаємоперехідними. Синтетичний жанр може стати наслідком метажанрового напрямку, але може й сам перетворитися на метажанр. У такому випадку, як виходить із досліджень цього процесу, синтетичне утворення набуває високого ступеня внутрішньої єдності і як складна структура характеризується не співіснуванням взаємодіючих сторін, а існуванням у єдності.

Отже, поняття «метажанр» досі залишається невизначеною і мінливою дефініцією. Як ми зазначали, серед причин обережного ставлення до категорії є недостатньо чітке розмежування міжродових і міжжанрових процесів. Разом із тим, метажанр сьогодні набуває ознак теоретичного інструменту, що дозволяє змодельовати динаміку взаємодій різних художніх форм.

Осягнення присутніх ознак конкретних історико-літературних метажанрів, зокрема подорожі, автобіографії, сатири або пасторалі, а також встановлення особливостей їхнього розвитку – наступні кроки в уточненні визначення метажанру.

ЛІТЕРАТУРА

1. Кириллова Е. Л. Мемуаристика как метажанр и ее жанровые модификации : (на материале мемуарной прозы русского зарубежья первой волны) : автореферат дис. на соискание ученой степ. канд. филол. наук : спец. 10.01.08 «Теория литературы. Текстология» / Е. Л. Кириллова. – Владивосток, 2004. – 26 с.
2. Спивак Р. С. Русская философская лирика. Проблемы типологии жанров / Р. С. Спивак. – Красноярск : Изд-во Красноярского ун-та, 1985. – 139 с.

3. Спивак Р. С. Русская философская лирика. 1910-е гг. И. Бунин. А. Блок. В. Маяковский : учебное пособие / Р. С. Спивак. – [2-е изд.]. – М. : Флинта : Наука, 2005. – 408 с.
4. Бурлина Е. Я. Культура и жанр. Методологические проблемы жанрообразования и жанр синтеза / Е. Я. Бурлина. – Саратов : Изд-во Саратовского ун-та, 1987. – 168 с.
5. Козлик І. В. Теоретичне вивчення філософської лірики і актуальні проблеми сучасного літературознавства : монографія / І. В. Козлик. – Івано-Франківськ : Поліскан; Гостинець, 2007. – 591 с.
6. Літературознавчий словник-довідник / [Р. Т. Гром'як, Ю. І. Ковалів, В. І. Теремко]. – К. : ВЦ «Академія», 1997. – 752 с.
7. Луков Вл. А. Жанры и жанровые генерализации / Вл. А. Луков // Знание. Понимание. Умение. – 2006. – № 1. – С. 141–148.
8. Пономарева Е. В. Феномен заголовочно-финального комплекса в русской новеллистике 1920-х гг. [Электронный ресурс] / Е. В. Пономарева // Феномен заглавия : материалы конференции. РГГУ, 2005. – Режим доступа : <http://science.rggu.ru/article.html?id=51177>.
9. Силантьев И. В. Ансамбли текстов в словесной культуре Нового Времени [Электронный ресурс] / И. В. Силантьев // Дискурс. – 1996. – № 1. – Режим доступа : http://www.nsu.ru/education/virtual/discourse1_9.htm.
10. Мирошникова О. В. Лирическая книга: Архитектоника и поэтика (на материале поэзии последней трети XIX в.) : учебное пособие / О. В. Мирошникова. – Омск : Изд-во ОмГУ, 2002. – 140 с.
11. Лейдерман Н. Л. Движение времени и законы жанра / Н. Л. Лейдерман. – Свердловск : Средне-Уральское книжное изд-во, 1982. – 253 с.
12. Зырянов О. В. Эволюция жанрового сознания русской лирики: феноменологический аспект / О. В. Зырянов. – Екатеринбург : Изд-во Уральск. ун-та, 2003. – 548 с.
13. Тихолоз Б. Філософська лірика як поезія рефлексії / Б. Тихолоз // Визвольний шлях. – № 1. – С. 65–81.
14. Галич О. А. Метажанр в системі вчення про роди та жанри / О. А. Галич // Вісник Луганського університету ім. Т. Г. Шевченка : Філологічні науки. – 2009. – № 18 (181). – С. 25–28.
15. Волкова Т. С. Проблема метажанру в ліриці : автореферат дис. на здобуття наук. ступ. докт. філол. наук : спец. 10.01.08 «Теорія літератури» / Т. С. Волкова. – Харків, 2001. – 19 с.
16. Кудрявцева О. С. Жанры и метажанры сатиры (на материале 16-й полосы «Литературной газеты») : автореферат дис. на соискание ученой степ. канд. филол. наук : спец. 10.01.06 «Теория литературы» / О. С. Кудрявцева. – Самара, 2005. – 18 с.
17. Кириллина М. А. Эволюция жанра комедии в якутской драматургии : автореферат дис. на соискание ученой степ. канд. филол. наук : спец. 10.01.02 «Литература народов Российской Федерации» / М. А. Кириллина. – Якутск, 2008. – 20 с.
18. Шахматова Т. С. Традиции водевиля и мелодрамы в русской драматургии XX – начала XXI вв. : автореферат дис. на соискание ученой степ. канд. филол. наук : спец. 10.01.01 «Русская литература» / Т. С. Шахматова. – Казань, 2009. – 20 с.
19. Подлубнова Ю. Жанр и метажанр: к проблеме разграничения понятий [Электронный ресурс] / Ю. Подлубнова // Материалы конф. «Литературные жанры: теоретические подходы в прошлом и настоящем. VII Пospelовские чтения». МГУ им. Ломоносова, 22–23 декабря 2005 г. – Режим доступа : <http://www.netslova.ru/podlubnova/meta.htm>.
20. Подлубнова Ю. О метажанрах, мегажанрах и других жанровых образованиях [Электронный ресурс] / Ю. Подлубнова // Междунар. научно-теоретическая интернет-конф. «Герменевтика литературного жанра». Ставропольский гос. ун-т, 3–7 октября 2006 г. – Режим доступа : <http://conf.stavsu.ru/conf.asp?ReportId=518>.
21. Ермоленко С. И. Лирика М. Ю. Лермонтова: жанровые процессы / Светлана Ивановна Ермоленко. – Екатеринбург : Изд-во Уральск. гос. пед. ун-та, 1996. – 420 с.

НАШИ АВТОРЫ

Абдульвапов Нариман Ремзиевич – преподаватель кафедры крымскотатарской и турецкой литературы Республиканского высшего учебного заведения «Крымский инженерно-педагогический университет», г. Симферополь

Абрамова Елена Юрьевна – кандидат филологических наук, старший преподаватель кафедры русской филологии Республиканского высшего учебного заведения «Крымский инженерно-педагогический университет», г. Симферополь

Аджимамбетова Гульнара Шаибовна – кандидат филологических наук, преподаватель кафедры крымскотатарского и турецкого языкознания Республиканского высшего учебного заведения «Крымский инженерно-педагогический университет», г. Симферополь

Адонина Лариса Валерьевна – кандидат филологических наук, старший преподаватель кафедры русского языка и зарубежной литературы Севастопольского городского гуманитарного университета, г. Севастополь

Бессонова Людмила Ефимовна – кандидат филологических наук, доцент, заведующая кафедрой русского, славянского и общего языкознания Таврического национального университета им. В. И. Вернадского, г. Симферополь

Билык Марина Павловна – кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка Крымского медицинского государственного университета им. С. И. Георгиевского, г. Симферополь

Велиева Эльмаз Аблязизовна – аспирант кафедры крымскотатарского и турецкого языкознания Республиканского высшего учебного заведения «Крымский инженерно-педагогический университет», г. Симферополь

Гажала Анна Андреевна – студентка 4 курса специальности «Перевод (русский)» факультета славянской филологии и журналистики Таврического национального университета им. В. И. Вернадского, г. Симферополь

Ганиева Эмине Сулеймановна – кандидат филологических наук, доцент, заведующая кафедрой крымскотатарского и турецкого языкознания Республиканского высшего учебного заведения «Крымский инженерно-педагогический университет», г. Симферополь

Джапарова Эдие Керимовна – кандидат филологических наук, заведующая кафедрой английского языка Республиканского высшего учебного заведения «Крымский инженерно-педагогический университет», г. Симферополь

Драганова Галина Васильевна – кандидат филологических наук, доцент, заведующая кафедрой немецкой филологии Республиканского высшего учебного заведения «Крымский инженерно-педагогический университет», г. Симферополь

Евтихова Ирина Митрофановна – кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры немецкой филологии Республиканского высшего учебного заведения «Крымский инженерно-педагогический университет», г. Симферополь

Жуйкова Маргарита Васильевна – доктор филологических наук, профессор кафедры прикладной лингвистики Волынского национального университета им. Леси Украинки, г. Луцк

Иванова Наталья Павловна – кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры методики преподавания филологических дисциплин Таврического национального университета им. В. И. Вернадского, г. Симферополь

Ильина Юлия Вячеславовна – студентка IV курса специальности «Немецкий язык и литература» историко-филологического факультета Республиканского высшего учебного заведения «Крымский инженерно-педагогический университет», г. Симферополь

Калугина Татьяна Васильевна – кандидат филологических наук, старший преподаватель кафедры русской филологии Республиканского высшего учебного заведения «Крымский инженерно-педагогический университет», г. Симферополь

Керимов Исмаил Асанович – доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой крымскотатарской и турецкой литературы Республиканского высшего учебного заведения «Крымский инженерно-педагогический университет», г. Симферополь

Кораблина Зорина Юрьевна – старший преподаватель кафедры прикладной лингвистики Волынского национального университета им. Леси Украинки, г. Луцк

Попова Светлана Николаевна – кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры немецкой филологии Республиканского высшего учебного заведения «Крымский инженерно-педагогический университет», г. Симферополь

Романов Юрий Александрович – кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры гуманитарных наук факультета международного образования Национального технического университета «Харьковский политехнический институт», г. Харьков

Рустемов Олег Диляверович – преподаватель кафедры русской филологии Республиканского высшего учебного заведения «Крымский инженерно-педагогический университет», г. Симферополь

Рустемова Людмила Абрамовна – кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры русской филологии Республиканского высшего учебного заведения «Крымский инженерно-педагогический университет», г. Симферополь

Сегал Наталья Александровна – преподаватель кафедры русского, славянского и общего языкознания Таврического национального университета им. В. И. Вернадского, г. Симферополь

Селимова Ленира Шакировна – кандидат филологических наук, преподаватель кафедры крымскотатарской и турецкой литературы Республиканского высшего учебного заведения «Крымский инженерно-педагогический университет», г. Симферополь

Таймазова Ление Ленмаровна – кандидат филологических наук, старший преподаватель кафедры русской филологии Республиканского высшего учебного заведения «Крымский инженерно-педагогический университет», г. Симферополь

Федонюк Валентина Евгеньевна – кандидат филологических наук, научный сотрудник отдела западно- и южнославянских языков Института языковедения им. А. А. Потебни НАН Украины, г. Киев

Хаджиоглова Елена Георгиевна – аспирантка кафедры прикладной лингвистики Волынского национального университета им. Леси Украинки, г. Симферополь

Шепель Юрий Александрович – доктор филологических наук, профессор кафедры перевода Днепродзержинского государственного технического университета, г. Днепродзержинск

Юферева Елена Владимировна – кандидат филологических наук, доцент кафедры теории и практики перевода Классического частного университета, докторант кафедры зарубежной литературы Днепропетровского национального университета им. О. Гончара, г. Запорожье

НАУКОВЕ ВИДАННЯ

ВЧЕНІ ЗАПИСКИ КРИМСЬКОГО ІНЖЕНЕРНО-
ПЕДАГОГІЧНОГО УНІВЕРСИТЕТУ

Випуск 21

Філологічні науки

(Мовою оригіналу)

Головний редактор Якубов Ф. Я.
Заступник головного редактору Кропотова Н. В.
Відповідальний за випуск Фазилова А. Р.
Коректура та верстка Сейтаблаєва Е. А.

Підписано до друку 20.08.2010 р. Формат 60×84¹/₈.
Папір офсетний. Гарнітура Times New Roman.
Умовних друк. арк. 14,8. Об'єм 17,25 друк. арк.
Тираж 100 прим.

Підготовлено до друку та віддруковано
у редакційно-видавничому відділі Науково-інформаційного центру
Республіканського вищого навчального закладу «Кримський інженерно-педагогічний університет»
95015, м. Сімферополь, вул. Севастопольська, пров. Учительський, 8